

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2025

№ 98

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Багирова Е.П., Марандина Е.Л. Состав и структура собирательных имен существительных в русских говорах юга Тюменской области	5
Дементьев В.В. Речежанровые пометы	30
Демешкина Т.А., Зюзькова Н.А. Медиапространство Интернета как новый формат существования диалектной лексики	46
Дронова Л.П. Русинское поле и его «неполевые» родственники (в связи с проблемой исторического места «карпатских языков»)	61
Жакупова А.Д., Омарова Н.Г. Коммуникативные ценности «уважение» и «прямолинейность» в поликультурной среде Казахстана: социолингвистический аспект	75
Magirovskaya O.V., Yanchenko Ya.M. Culturally marked lexical units as indicators of hip-hop subculture values	107
Нешкес О.В. Средства прагматического фокусирования в испанском дипломатическом дискурсе XVIII–XIX вв.	122
Тармаева В.И., Нарчук В.С. Особенности структуры и реализации коммуникативной толерантности (на примере комментариев на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам)	141

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Маматов Г.М., Матвеев И.В. Специфика пространственной структуры в прозе А.П. Чехова второй половины 1880-х гг.	159
Мароши В.В. Ермак как герой поэзии и историософии Велимира Хлебникова	180
Назарова Р.Ш. Исследование баланса между правдой и вымыслом в исторической прозе: анализ трилогии Хилари Мантел	197
Седельникова О.В., Андрианова И.С., Головачева Е.А. А.Н. Майков «Программа картин и рассказов по русской истории» (<i>Подготовка текста, вступительная статья и комментарии</i>)	210
Суханова С.Ю., Негрей М.В. Рецепция оды Горация (Carm. I 1) в цикле С.А. Завьялова «Эпиграфы»	235
Шейпак С.А. От постколониального романа к деколониальному: обретенное время или уроки «школы заложников»	246
Якимова М. Типология просодических структур белорусских переводов русской классической поэзии	265

CONTENTS

LINGUISTICS

Bagirova E.P., Marandina E.L. The composition and structure of collective nouns in the Russian dialects of the south of the Tyumen region	5
Dementyev V.V. Speech-genre labels	30
Demeshkina T.A., Zyuzkova N.A. The internet media space as a new form of dialect vocabulary	46
Dronova L.P. The Rusyn <i>pole</i> "field" and its "non-field" relatives (in association with the problem of the historical place of the "Carpathian languages")	61
Zhakupova A.D., Omarova N.G. Communicative values of respect and straightforwardness in the multicultural environment of Kazakhstan: A sociolinguistic perspective	75
Magirovskaya O.V., Yanchenko Ya.M. Culturally marked lexical units as indicators of hip-hop subculture values	107
Neshkes O.V. Means of pragmatic focusing in Spanish diplomatic discourse of the 18th–19th centuries	122
Tarmaeva V.I., Narchuk V.S. Structural and implementation features of communicative tolerance (based on the comments on social media pages dedicated to mixed martial arts)	141

LITERATURE STUDIES

Mamatov G.M., Matveev I.V. The specificity of spatial structure in Anton Chekhov's prose of the second half of the 1880s	159
Maroshi V.V. Yermak as a Hero in Velimir Khlebnikov's poetry and philosophy of history	180
Nazarova R.Sh. Exploring the balance of truth and fiction in historical prose: A study of Hilary Mantel's trilogy	197
Sedelnikova O.V., Andrianova I.S., Golovacheva E.A. Apollon Maykov. <i>Program of Pictures and Stories from Russian History</i> (Preparation of the text, introductory article and commentary)	210
Sukhanova S.Yu., Negrey M.V. Reception of Horace's ode (Carm. I 1) in Sergei Zavyalov's cycle <i>Epigraphs</i>	235
Sheypak S.A. From postcolonial to decolonial novel: Time regained or lessons learned from the "Hostage School"	246
Yakimova M. A typology of prosodic structures of Belarusian translations of Russian classical poetry	265

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 811.161.1, 282.2 (571.120) + 811.161.1, 373.4

doi: 10.17223/19986645/98/1

Состав и структура собирательных имен существительных в русских говорах юга Тюменской области

Елена Петровна Багирова¹, Елена Леонидовна Марандина²

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ bagirovaelena@mail.ru

² elipihina@yandex.ru

Аннотация. На материале говоров юга Тюменской области предпринимается описание общего состава и структуры собирательных субстантивов. Авторы устанавливают способы выражения собирательности, выявляют инвентарь словообразовательных морфем, формирующих значение нерасчлененной совокупности предметов, выделяют основные лексико-словообразовательные группы собирательных слов и уточняют их производящую базу, определяют условия контекстуальной реализации аnumerальной семантики диалектных слов.

Ключевые слова: русская диалектология, тюменские говоры, имена существительные, категория собирательности, морфемы со значением собирательности, семантико-словообразовательная группа

Для цитирования: Багирова Е.П., Марандина Е.Л. Состав и структура собирательных имен существительных в русских говорах юга Тюменской области // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 5–29. doi: 10.17223/19986645/98/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/98/1

The composition and structure of collective nouns in the Russian dialects of the south of the Tyumen region

Elena P. Bagirova¹, Elena L. Marandina²

^{1,2} Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

¹ bagirovaelena@mail.ru

² elipihina@yandex.ru

Abstract. A description of the general composition and structure of collective substances is based on the material of the Tyumen dialects. The object of the analysis is lexical units (over 300) selected by continuous sampling from the *Dictionary of Russian Old-fashioned Dialects of the South of the Tyumen Region* and the personal archives of the authors. These are singularia tantum nouns with suffixes of collective semantics (redkolesje), nominations with syncretic suffixes combining the meaning of collectivity with other types of meanings (lesina), suffixless formations (mal, chern), nouns in

plural form with the meaning of collectivity (ozhimki, ditehi) and non-derivative collective substantives realizing the meaning of an undifferentiated plurality lexically (runo, orda) and contextually (zver, ryba). The research is based on a lexicographic and contextual description of the materials of the work. During the interpretation of the material it was found that in Tyumen dialects the meaning of collectivity is translated by the resources of the morphemic structure of words containing roots with a subject (bereznyak), a characteristic (bogatjo) and a procedural meaning (padina). The generating bases from which collective nouns are formed can be correlated both with the all-Russian word (materje, prutnyak) and with the regional word characteristic of the North Russian localization (lopatina, sarynyata). The frequent and productive ways of forming collective nouns include suffixation (chlopyata, kedrach). A smaller number of examples are presented by the substantives formed by the prefix (izgrebi), inflection (greb, chud), prefix-inflection (obled) and prefix-suffix (obmyalje, sryadje) in ways. The cases of substantiation (tkatskoje) and addition with suffixation (melkorosnik) are single. Suffixless, plural and contextually fixed collective substantives are rare and unproductive ways of forming collective nouns. The suffix is the most productive derivational formant expressing the meaning of collectivity. The following inventory of suffixes is in demand in Tyumen dialects: -nik- (17% of the total number of nominations), -j- (17%), -in- (13%) and suffixes -at- / -yat- (brodyazhata), -ach- (melkach,), -k- (zelenka), -shchin- (sgonshchina) and -stv- (mnogolydstvo). All-Russian affixes in Tyumen dialects can convey a wider range of meanings (the suffix -nik-, for example, is used to denote a collection of plants, a collection of people of the same age, objects defining the terrain and objects representing the treated parts of the tree), characterized by formal and semantic variation (obmyalje – ommyalje – ommyalja), have special synonymous relationships (kedrovnik – kedrach), additional expressive and stylistic differences (skotina – skotineshka – skotinyaka), and compatibility (for example, at the base of a dialect word we can observe two or more morphemes representing the meaning of collectivity (mend-ach → mend-ach-in-a, mend-ach-nik). The results of comparing the dialect material with the all-Russian linguistic facts show that the Russian old-time dialects of the south of the Tyumen region have a developed and very rich inventory of tools that form the grammatical, lexical and syntactic (contextual) meaning of collectivity.

Keywords: Russian dialectology, Tyumen dialects, nouns, category of collectivity, morphemes with the meaning of collectivity, semantic and word-formation group

For citation: Bagirova, E.P. & Marandina, E.L. (2025) The composition and structure of collective nouns in the Russian dialects of the south of the Tyumen region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/1

Вводные замечания

Собирательность как универсальная языковая категория активно изучается на обширном материале говоров разных диалектных зон России [1] и на базе отдельных говоров, в том числе новосибирских [2], вологодских [3, 4], ярославских [5], тюменских [6]. При всём многообразии исследований собирательных имён существительных на данный момент отсутствует исчерпывающее описание морфемной структуры этого класса слов на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области (говоры вто-

ричного образования, сохранившие материнские черты северовеликорусских или средневеликорусских говоров, перенесенных в XVI–XVIII вв. из европейской части России первыми поселенцами Сибири [7. Т. 1. С. 5]).

Актуальность работы определяется необходимостью своевременного изучения территориально маркированных языковых единиц, поскольку «на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно» [8. С. 44]. В связи с этим важно «собрать все то, что еще живо в народной памяти и сохраняется в русской народной речи» и тем самым способствовать возрождению интереса «к изучению диалектов, повысить их ценность как памятника нашей культуры и истории» [8. С. 44]. Кроме того, именно говоры располагают богатым материалом, позволяющим наблюдать живые словообразовательные процессы в национальном языке, всесторонне исследовать деривационные отношения, описать словообразовательные модели и определить закономерности функционирования собирательных существительных в условиях современной территориально ограниченной языковой ситуации.

Практическая значимость избранного аспекта исследования заключается в 1) выявлении закономерностей морфемного устройства русских говоров, которые, в отличие от кодифицированного языка, представляют сложную систему сосуществующих вариантов; 2) установлении инвентаря морфем, а также специфики их сочетаемости в структуре основ собирательных существительных; 3) обнаружении инноваций (специфичного использования продуктивных моделей), возможных в результате активного взаимодействия системы диалекта с литературным языком.

Объектом исследования в данной работе являются собирательные имена существительные, зафиксированные на территории функционирования тюменских говоров, предметом – их морфемная и словообразовательная структура.

Цель настоящей работы – описание способов выражения собирательности в субстантивах, зафиксированных в русских старожильческих говорах юга Тюменской области.

К анализу привлекаются существительные анумеральной семантики, реализующие значение нерасчлененной множественности с помощью специфических словообразовательных морфем со значением собирательности, а также лексемы, выражающие это значение семантикой корня либо контекстуально. В сферу нашего исследования вовлечено около 300 единиц, объединяющих 1) существительные *singularia tantum* с суффиксами собирательной семантики (*ремѣ*, *сорвачѣ*, *редколесье*); 2) номинации с синкретичными суффиксами, совмещающими значение собирательности с другими типами значений (*дровяник*, *лесина*); 3) безаффиксные образования (*маль*, *чернь*); 4) существительные в плюральной форме со значением собирательности (*городки*, *ожимки*, *дитѣхи*) и 5) неизменяемые собирательные субстантивы, реализующие значение нерасчлененной множественности лексически (*руно*, *орда*, *гнус*) и контекстуально (*зверь*, *рыба*).

Источником фактического материала послужили «Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области» под редакцией С. М. Беляковой [7] и лексикографически обработанные неопубликованные полевые записи устной речи диалектоносителей в её естественном бытовании, собранные авторами в период с 1995 по 2017 г. (далее – ЛОНЗ).

Собирательные имена существительные в русской грамматической традиции

Обзор научной литературы по теме исследования показал, что в среде русских грамматистов сформировалось несколько трактовок понятия *собирательность*. В частности, в работах лингвистов находят отражение следующие подходы к пониманию собирательности:

1. Собирательность – лексико-грамматический разряд имен существительных, при квалификации которых учитываются следующие критерии:

а) семантический критерий, позволяющий отнести к собирательным существительным слова, обозначающие совокупную (нерасчлененную) множественность однородных предметов или лиц; собирательность, таким образом, строится на семантической оппозиции «один предмет – класс, совокупность однородных предметов» [9. С. 473];

б) грамматический критерий (отсутствие морфологической корреляции по категории числа), позволяющий отнести к собирательным существительным номинации, обозначающие неделимое множество, которое не поддается счету; подобные слова не имеют формы множественного числа и не сочетаются с количественными числительными (правда, многие из них могут определяться количественными наречиями *много*, *мало* и сочетаться с дробными числительными: *вся родня*, *часть молодежи*, *мало зелени*, *одна четвертая студенчества*, *куча листвы*). А.А. Реформатский отмечает, что подобные субстантивы представляют «по форме единственное», а «по значению множественное» число, им всегда соответствует считаемое существительное, имеющее формы обоих чисел: *зверь* (один предмет – форма единственного числа) – *звери* (два и более предметов – форма множественного числа) – *зверьё* (много предметов – форма единственного числа); по словам А.А. Реформатского, трехчленные количественные отношения наглядно представляют семантико-грамматическую сущность собирательности – «в собирательном множественность передается в форме единственного числа грамматически» [10. С. 394]. Особняком стоят существительные *singularia* и *pluralia tantum*, грамматические формы которых не передают количественных отношений, однако способны обозначать совокупность чего-либо. По мнению А.А. Камыниной, подобные слова выражают собирательность лексической семантикой (*мебель*, *хлам*, *деньги*, *дрова*, *джунгли*); при этом форма множественного числа оказывается менее «приспособленной» для воплощения идеи собирательности, поэтому центром поля собирательных существительных считаются слова *singularia tantum* [11. С. 39];

в) словообразовательный критерий, позволяющий квалифицировать собирательные существительные как производные номинации со специфическим аффиксом (*зверьё, человечество, листва, ребята, осинник, липняк, молодёжь*), в том числе нулевым (*ветошь, дичь, зелень, мелочь*), и реже непроизводные (*ботва, мусор, сор*). По Л.Л. Буланину, Н.М. Шанскому, А.Н. Тихонову, значение собирательности последних является компонентом их лексической семантики [12. С. 39; 13. С. 100].

2. Собирательным существительным считается любой субстантив, способный передавать смысл ‘множественность, мыслимая как целое’, даже субстантив, обладающий полной числовой парадигмой и не имеющий специальных словообразовательных примет (*стадо, стая, артель, полк, оркестр*). Подобное (широкое) понимание собирательности обнаруживается в работах А.Х. Востокова, А.А. Шахматова, А.Н. Гвоздева, Л.М. Навозовой, Д.И. Руденко и др. [14–18].

3. Собирательными существительными могут считаться слова, демонстрирующие контекстуальную собирательность. Таково, например, слово *белка* в предложении «*Много белки в лесу*» или слово *комар* в предложении «*Комар налетел*». Отнесение к собирательным словам (помимо сингулярных имён с морфемным показателем собирательности) номинаций, имеющих коррелятивные формы чисел, обосновывается в работах И.Э. Еселевич [19, 20], которая на широком круге примеров убеждает в том, что в значении собирательного слова со временем размываются грамматические признаки, в связи с чем релевантными для определения собирательных имен становятся исключительно семантические критерии. Поэтому собирательное существительное, по мнению исследователя, в первую очередь должно содержать указание на множественность объектов, их целостный характер, на качественную однородность этих объектов и на неопределенность их количества [19. С. 13–20]. Л.Л. Буланин и А.Н. Тихонов также упоминают о существительных, собирательное значение которых обусловлено лишь контекстом, без грамматического выражения, например, *Эта книга рассчитана на широкого читателя* [12. С. 39; 13. С. 100].

Авторы настоящего исследования придерживаются трактовки термина, согласно которой к разряду собирательных относятся субстантивы, обозначающие совокупность однородных предметов как неделимое целое, которое нельзя определить количественным числительным; значение собирательности при этом проявляется в области лексической и грамматической семантики и на уровне морфемной структуры (*молодежь, пехота, листва, зверье*). Аналогичный (комплексный) подход фиксируется в классических и современных работах, посвященных категории собирательности в русском языке [3, 9, 21–24].

Способы выражения значения собирательности в русских говорах Тюменской области

В тюменских говорах обнаружены две группы существительных с собирательным значением: а) дериваты от исчисляемых существительных, значение собирательности которых выражается средствами словообразования,

и б) имена существительные, у которых значение собирательности не обнаруживается формально, а выражается семантически или контекстуально.

Основным средством передачи значения нерасчленённой множественности в говорах являются морфемные показатели. Наиболее продуктивным деривационным формантом, выражающим значение собирательности, является суффикс **-ник-**. Собирательные существительные с данной морфемой представлены в нашей картотеке следующими лексико-словообразовательными группами (термин трактуем как группу производных имен существительных одного словообразовательного типа, объединённых на основе интегральной семы):

– совокупность травянистых растений и их частей: **бобóвник** ‘стебли бобов’ (*Бобы-те обóбрали, одíн бобóвник остáлса* [7. Т. 1. С. 59]), **картóвник** ‘ботва картофеля’ (*Картóвник-от свíньни истоптáли* [7. Т. 1. С. 302]), **моркóвник** ‘ботва моркови’ (*Маркóвник дурíт, а маркóви нéту – однé хвосты́* [7. Т. 1. С. 388]), **пáдальник** ‘колосья, оставленные в поле и проросшие весной’ (*Бывáт, кождá нечíсто уберёш, на бóдушишой гóт проростáёт пáдальник* [7. Т. 2. С. 120]) и др.;

– совокупность плодово-ягодных растений и их частей: **землянíжник** ‘кусты земляники’ (*Бедá, скóль вножы́но земленíжнику-ту, а ягот нéту* [7. Т. 1. С. 279]), **жидовíнник** ‘ягоды боярышника’ (*Йсь скýсна, хрушкá ягода, жыдовíнник, боярка-та* [7. Т. 1. С. 231]), **смородя́жник** ‘листья черной смородины’ (*Душы́цу собираю́ и смородя́жник* [ЛОНЗ]), **чернíжник** ‘разросшиеся кусты черники; заросли черники’ (*Вón какí здíзь борá, и чернíжнику полно́* [7. Т. 2. С. 366]), **сморóдинник** ‘кусты дикорастущей смородины’ (*Вьóн растёт обы́чно ф сморóдинниках, вокрúк стволá обовьёца* [ЛОНЗ]), **ягодник** ‘совокупность каких-либо ягод’ (*На котóром мéсте ягодник растёт, земленíга, тóд земленíжник* [ЛОНЗ]) и др.;

– место произрастания совокупного множества плодово-ягодных растений: **глубнíжник** ‘место с кустами клубники’ (*У нас в лесу́ вно́го глубнíжничкоф, глубнíги вножы́но на íх* [7. Т. 1. С. 158]), **морóшешник** ‘болотистое место, где растет морошка’ (*А самá ягода на морóшошниках бывáт* [ЛОНЗ]), **голубíжник** ‘место в лесу, где растет голубика’ (*Гдé-ка голубíжник, тамó и голубíга растёт* [7. Т. 1. С. 168]), **землянíжник, землянíчник** ‘место, где растет земляника’ (*Зáвтра на землянíчник пойду́* [7. Т. 1. С. 279]), **клю́квенник** ‘место на моховом болоте, где растет клюква’ (*Кругóм болóта, дáк и клю́квенничкоф полно́, на фсё́ зíму насобира́м клю́квы-то* [7. Т. 1. С. 310]) и др.;

– совокупность деревьев: **дровя́нник** ‘нестройной лес, идущий на дрова’ (*Дровя́ник – лес непригóдный для стрóительства* [7. Т. 1. С. 211]), **жсрдóвник, оглóбельник** ‘тонкий молодой лес’ (*Тóнкий молодóй лес – жсрдóвник, óн побóльшэ́ в объёме оглóбельника* [7. Т. 1. С. 229]); **Оглóбельник еши́ó мéньшэ́ жсрдóвника** [7. Т. 2. С. 82]), **кокóрник** ‘кривые, суковатые деревья, вывороченные с корнем’ (*У лени́вова хозя́ина зимóй и кокóрник згорíт* [7. Т. 1. С. 313]), **колóдник** ‘бурелом’ (*Ну-ко походí-ко по колóднику – нóги отвáлятса* [7. Т. 1. С. 315]), **сосéнник** ‘сосняк’ (*Лéс-то хорóш, у нас фсé́*

сосённик [7. Т. 2. С. 280]), *талóвник* ‘заросли тальника, небольшой кустарниковой ивы’ (*Вот по бéрегу и расьтёт талóвник* [ЛОНЗ]) и др.;

– совокупность предметов, представляющих обработанные части дерева: *сушн́ик* ‘сухие дрова в лесу, сухостой’ (*Сушнику́, сушнику́ в лесу, почё хóть ево́ не ч́истят* [7. Т. 2. С. 297]), *сырн́ик* ‘сырые дрова’ (*Дак т́ак сырникóм и топ́или* [7. Т. 2. С. 299]), *подов́инник* ‘толстые дрова, которыми топили овин’ (*Котóро толсту́шишо дéрево и некаќ не колётса, даг брос́али под ов́ин – подов́инникам топ́или* [7. Т. 2. С. 160]), *подстроп́ильник* ‘подстропильные брёвна’ (*Напослед́е ф сруб́е идёт потстроп́ильник, за емя́ уш строп́ила пойд́ут* [7. Т. 2. С. 164]) и др.;

– совокупность объектов, определяющих рельеф местности: *кочка́рник* ‘болотистое место с кочками’ (*Кочка́рником то́пали, по сырóму м́есту с кóчками, покá до клю́квы-то дошли́* [7. Т. 1. С. 327]), *глазóвник* ‘заболоченное место с кочками’ (*Непросых́аюшишо м́есто с кóчками – глазóвник* [7. Т. 1. С. 157]), *глызóвник* ‘место на болоте, покрытое кочками’ (*Сакáли по глызóвнику, дак фсé подóшвы оборвалá, ход́ила по клю́кву-ту* [7. Т. 1. С. 160]) и др.;

– совокупность людей одного возраста: *молод́яжник* ‘подростки, «незрелая» молодёжь’ (*Молод́яжник ф клуп́ собрал́ися* [7. Т. 1. С. 384]). Параллельно со словом *молод́яжник* в говорах употребляются общерусские слова *молод́ежь* и *молод́ежка* (ср.: *Молод́еш танцэ́вать в Медв́едево ход́ила* [7. Т. 1. С. 384]; *Молод́ешку-ту на покóс нáдо посы́лать* [7. Т. 1. С. 384]), между которыми обнаруживается семантическая дистанция: в речевой практике диалектоносителей номинации *молод́яжник* и *молод́ежка* используются по отношению к подросткам 12–16 лет, а лексема *мóлодежь* – к людям старшего возраста (с 16 до 35 лет) и др.

Таким образом, в данной группе фиксируются производные, образованные по словообразовательным моделям «основа существительного + суффикс -ник-» (*кóбра* → *кóбр-ник*, *ягода* → *ягод-ник*), «основа существительного с наращением + суффикс -ник-» (*жердь* → *жерд-óв-ник*, *ива* → *ив-óв-ник*), «основа существительного с чередованием + суффикс -ник-» (*чернига* → *черн́иж-ник*, *глубнига* → *глубниж-ник*, *земляника* → *землянич-ник*), «основа прилагательного + суффикс -ник-» (*сырой* → *сыр-н́ик*), «основа прилагательного с чередованием + суффикс -ник-» (*сухой* → *суш-н́ик*), «приставка под- + основа существительного + суффикс -ник» (*овин* → *под-ов́ин-ник*, *строп́ила* → *под-строп́иль-ник*). К данной группе собирательных субстантивов примыкает сложное существительное с подчинительным отношением основ, содержащее осложненное суффиксом существительное (опорный компонент), которому предшествует уточняющая, конкретизирующая основа прилагательного *мелкорóсник* (*мелкий* + *рост* → *мелк-о-рóс-ник*).

Группа номинаций интересна тем, что в ней обнаруживается значительное количество вариативных форм собирательных существительных с тождественной семантикой. Так, например, значение ‘заросли черёмухи’ может быть реализовано лексемами *черемóжник*, *черемóшник*, *черемш́анник*, *черёмошник*, *черемш́ина* [7. Т. 2. С. 364]; значение ‘лес, богатый грибами,

грибное место' репрезентируется в словах *гри́бник*, *гри́бница*, *грибо́вница* [7. Т. 1. С. 178]; значение 'поваленные в лесу деревья, бурелом' – в словах *валёжник*, *валежняк* [7. Т. 1. С. 87]; 'маленький или редкий лес' – *редни́к* и *редня́к* [7. Т. 2. С. 230]; 'кедровый лес' – *кедро́вник* и *кедра́ч* [7. Т. 1. С. 305]. Фонетическая вариативность (различное произношение звуков и их сочетаний в одном и том же слове) приведенных номинаций может быть обусловлена факторами, связанными с механизмами артикуляции (темп речи, степень коартикуляции, просодические особенности высказывания, фразово-интонационные условия реализации слов в речи и т.д.), условиями коммуникации (спонтанная или подготовленная речь, монологическая или диалогическая и т.д.) и социолингвистическими факторами (ситуация общения, пол или возраст респондентов, круг их общения и т.д.). Сосуществование в говоре словообразовательных синонимов (*гри́бник* – *гри́бница* – *грибо́вница*; *кедро́вник* – *кедра́ч*; *черёмошник* – *черемшби́на*) и вариантов (*валёжник* – *валежняк*, *редни́к* – *редня́к*), как нам кажется, возможностью вовлечения в словопроизводство синонимичных по отношению к форманту -ник- суффиксов (нередко обладающих смысловой дифференциацией), позволяющих создать альтернативные словообразовательные модели, более удачные для репрезентации значения. Кроме того, отдельные собирательные субстантивы, имеющие вариативные суффиксы, реализуют в говорах полисемичные отношения, осложняющие коммуникацию. Так, в паре *мендачи́на* ← *мендач* производящее существительное является многозначным (Менда́ч – 1. Молодой сосновый лес. *Менда́ч – это лес с маленькими сосёнками* [7. Т. 1. С. 379]; 2. Нестроевой лес, деревья с некачественной древесиной. *Округо́м у нас менда́ч, мендо́вой лес, скороспéлой, скорé гниёт, бо́ле в ём боло́ни* [7. Т. 1. С. 379]), иные отношения между мотивирующим и мотивированным словом наблюдаем в паре *гриб* → *гри́бник*, где первое однозначно ('низшее растение, лишенное хлорофилла, размножающееся главным образом спорами' [25. Т. 1. С. 347]), а производное становится многозначным (*Гри́бник*. 1. Грибной лес. *У нас в гри́бниках-то красны́, бёлы грибо́ы, синя́фки, волни́нки беру́т* [7. Т. 1. С. 178]; 2. Пирог с грибами. *Фи́цера гри́бник испекла́, фку́сный получи́лся, хоте́те?* [7. Т. 1. С. 178]; 3. Грибной дождь. *Гри́бник пошо́л ф про́шлом году́, и грибо́ы бы́ли хоро́шые* [7. Т. 1. С. 178]).

Зафиксированы в данной группе и синонимы с общим суффиксом, но разной производящей базой. Разнокорневые собирательные существительные, характеризующиеся денотативной общностью, могут быть средством уточнения характеристики поименованного множества объектов. Так, номинации *иво́вник* (*ивовый* → *иво́вник* 'заросли ивы' [7. Т. 1. С. 288]), *пру́тник* (*прут* → *пру́тник* 'молодые заросли ивы' [7. Т. 2. С. 208]), *мелкоро́сник* (*мелкий* + *рост* → *мелкоро́сник* 'молодые, небольшие по величине заросли ивы' [7. Т. 1. С. 379]), имея общую сему ('заросли ивы'), различаются дифференциальными.

Весьма внушительна в тюменских говорах группа существительных древнего словообразовательного типа с суффиксом -j-, практически утраченных современным литературным языком. Указанные субстантивы представлены несколькими семантическими группами:

– совокупность древесных, кустарниковых, травянистых растений и их частей (листья, ветви, плоды, кора, семена и т.д.): **вишенье** ‘совокупность вишневых деревьев’ (*Фсё нарушыли в этом саду, там ы вишэнье было, и смородина* [ЛОНЗ]), **сыролесье** ‘лес, растущий на сыром месте’ (*Сыролесье нехто не трогат, когда строится, на сухим месыте выбирад для рупки лесот* [7. Т. 2. С. 299]), **колодьё** ‘упавшие деревья; короткие толстые брёвна с изгнившей серединой, оставшиеся в лесу после заготовки’ (*Ф колодливом месте одно колодьё лежыд гниёт* [7. Т. 1. С. 315]), **кустья** ‘кусты’ (*Не проберёсья через ёте кустья, мелкова берёзнику, кустарнику полно* [ЛОНЗ]), **бадожьё** ‘прутья, палки’ (*Сколь ётова бадажья навалёно* [ЛОНЗ]), **долготьё** ‘длинные бревна, жерди, идущие на дрова или тес’ (*Долготьё пият, дак на дрова идёт* [7. Т. 1. С. 202]), **прутьё** ‘ивовые прутья’ (*В наводнёньё лошадёнок прутьём кормили* [ЛОНЗ]), **свежьё** ‘свежие овощи’ (*Мы топёрь со свежьём, поспёло фсё в огороде* [7. Т. 2. С. 255]), **сольё** ‘зерно’ (*Пойдёт на склат, возьмёт сольё* [7. Т. 2. С. 279]), **жатьё** ‘злаковые растения (пшеница, рожь и др.), готовые к уборке, жатве’ (*Как летом жатьё поспёт, хлёп как поспёт, серпой жали ходили* [7. Т. 2. С. 227]) и др.;

– совокупность вещей, хозяйственной утвари, предметов домашнего обихода: **кружьовья** ‘кружки; половые коврики круглой формы’ (*Она влюбёвинку вяжот кружьовья-те* [ЛОНЗ]), **матерьё** ‘материал’ (*Какó матерья купила баско* [ЛОНЗ]) и др.;

– совокупность материалов для строительства или изготовления предметов быта: **драньё** ‘дранка, тонкая деревянная планка для покрытия крыш’ (*Ковда дак и драньём кроют вместо тёса* [7. Т. 1. С. 210]), **жальё** ‘длинные узкие дощечки или прутья, из которых делаются рыболовные устройства, перегородки в узком месте реки’ (*Запор ладяд жальё.* [7. Т. 1. С. 225]), **вязья** ‘прутья для скрепления жердей, кольев’ (*Вязья надо привести* [7. Т. 1. С. 152]) и др.;

– совокупность различных отходов, остатков: **черёпья** ‘осколки от разбитого керамического изделия’ (*Кругом черёпья таскались* [7. Т. 2. С. 365]), **отрёпья** ‘обрезки, остатки ткани’ (*Платья шыли. Отрёпья куды девать?* [7. Т. 2. С. 110]), разноморфемные дериваты **обмяльё / оммельё / подмяльё** ‘отходы после обработки льна на мялке’ (*Мнёш когда, дак тожо костига-та лётит, оммяльё-то* [7. Т. 2. С. 74]; *Лён мнут на мялке, а оммельё отхóдит* [7. Т. 2. С. 74]; *Подмяльё – остáтки, отхóды ото льна* [7. Т. 2. С. 158]), **скопья** ‘большое количество чего-либо; то, что скопилось’ (*Молоко здаю ф казну, нёту скопья молока* [7. Т. 2. С. 267]), **одёньё** ‘остатки сена после складывания в копны’ (*Ковда не хватат сёна, дак и одёньё соберёш фсё* [7. Т. 2. С. 85]) и др.;

– совокупность предметов одежды, её деталей: **гарусьё** ‘расшитая гарусом одежда’ (*На полянке горит от народа – гарусьё тако* [7. Т. 1. С. 155]), **старьё** ‘старые, подержанные вещи’ (*Фсё старьё она из дому выфуркнула* [ЛОНЗ]), **ремья** ‘старая рваная, изношенная одежда’ (*Накóпилось у их ремья-та, фсякой рваной одёжы* [7. Т. 2. С. 233]), **срядьё** ‘одежда, верхнее

платье' (*Срядья не было, ф куфайках ходили* [7. Т. 2. С. 285]), **бисерьё** 'бисер' (*Ране бурмуэ-от носили рошиытой бисерьём* [7. Т. 1. С. 57]) и др.

Среди одушевлённых собирательных существительных рассматриваемой словообразовательной модели представлены:

– дериваты, маркирующие объединения людей по интересам, социальной роли, занятию и т.п.: **сорвачьё** 'непослушные дети, озорники' (*Дётушки-те сорвачьё растут – уёму никóво у их нёту* [7. Т. 2. С. 280]), **богачьё** 'богатые люди' (*Дерёвня у нас – одно богачьё* [7. Т. 1. С. 60]), **варначьё** 'озорники' (*Привыкли варначьё под óкнам хайлать* [ЛОНЗ]), **старичья** 'старые люди' (*Субóта, дак у нас старичья, дёдушко да баба Дуся, в баню иду́т* [ЛОНЗ]) и др.;

– дериваты, называющие насекомых: **мошкарьё** (*Нóньче мошкарьё заедёт* [7. Т. 1. С. 393]), **тараканьё** (*Тараканьё-то унесто́жылось* [ЛОНЗ]), **комарьё** (*Почё росхабарил óкна, комарьё-то налетит.* [ЛОНЗ]), **клопьяё** (*Раньшэ заедали клопьяё* [ЛОНЗ]) и др.

В описываемой группе субстантивов продуктивной является модель «основа мотивирующего слова + суффикс -j-» (*старьё, клопьяё*). Спорадически наблюдаются случаи распространения основы суффиксом -ов- / -ев- + суффикс -j- (*свежевьё* 'свежие овощи' [ЛОНЗ], *гороховьё* 'стебли гороха' [ЛОНЗ]). Кроме того, в данной группе фиксируются единичные дериваты префиксально-суффиксального образования (*обмяльё, оммельё* (фонетический вариант слова *обмялье* с диссимиляцией на стыке приставки и корня), *подмяльё, охвостьё* 'мякина') и сложное существительное с указанным суффиксом *сыролесье* ← сырой лес + -j-.

По нашим наблюдениям, в данной группе номинаций обнаруживаются слова трех типов: 1) отсубстантивные дериваты от исчисляемых существительных любого рода (тряпка → *тряпьё*, колода → *колодьё*, галька → *гальё*, кол → *кольё*, полено → *поленьё*), 2) отадъективные (старый → *старьё*, свежий → *свежьё*) и 3) отverbальные (обмять → *обмяльё / оммельё*, скопить → *скопьяё*). Образованные формы соотносительны с формами множественного числа и отличаются от них семантикой совокупности (*прут – прутья – прутьё, черепок – черепки – черепья*), однако имеются образования и от анумеральных субстантивов: *гарус – гарусьё, хлам – хламьяё*. Основы, от которых образованы собирательные существительные, могут соотноситься как с общерусским словом (*бисерьяё, матерьяё*), так и с региональным (*рямьяё* ← *ремки* 'ветхая, старая одежда, тряпьё'; *варначьяё* ← *варнак* 'хулиган, озорник').

Собирательные номинации указанного типа согласуются в говорах со сказуемым либо формально-грамматически, либо по смыслу, поскольку, представляя собой существительное в форме единственного числа, фактически означают множество предметов или объектов: *Варначьяё розбили стеклó-то, мечьям играли дак* [ЛОНЗ]; *Матерьяё-то како веселинькоё, светам игра́т* [ЛОНЗ]. Судя по имеющемуся материалу, неодушевленные существительные чаще всего согласуются формально-грамматически (сказуемое принимает такую же грамматическую форму, как и подлежащее), а

одушевленные – по смыслу (сказуемое принимает форму множественного числа).

Значительным количеством иллюстраций представлена группа субстантивов, собирательное значение которых реализуется с помощью аффикса **-ин-**:

– совокупность предметов одежды: **рядина** ‘нарядная одежда’ (*В рядинах ходили по праздникам* [7. Т. 2. С. 246]), **дурбятина** ‘одежда из холщовой ткани’ (*Дурбятини им нашьют, вот они и носятся всё лето* [7. Т. 1. С. 214]), **холицевина** ‘одежда из домотканой материи’ (*Ране всё холицовину носили* [7. Т. 2. С. 347]) и др. В данной тематической группе обнаружены разные типы синонимов – абсолютные, семантические и семантико-стилистические. Так, от слова **лопоть**, весьма распространенного в русских старожильческих говорах Тюменской области, образовано значительное количество дериватов со сходным собирательным значением и вариантными суффиксами, реализующими эмоционально-экспрессивный компонент в семантической структуре слова: **лопати́на** ‘верхняя одежда; тряпьё’ [7. Т. 1. С. 361], **лопати́нка** и **лопати́ночка** ‘тёплая верхняя одежда’ [7. Т. 1. С. 361], **лопати́шка** и **лопати́нка** ‘старая одежда’ [7. Т. 1. С. 360], устойчивое сочетание **верховая лопоть** ‘верхняя одежда’ [7. Т. 1. С. 100].

Значение ‘одежда из домотканого холста’ представлено в говорах Тюменской области разнокорневыми словами с вариантными аффиксами **холицевина**, **дурбятина**, **портянина**, **холстянина**, **холицовка**. В данном случае можем говорить о денотативной синонимии (абсолютной, поскольку все члены ряда имеют тождественный смысл), источником которой стали единицы общерусского языка (**холицовка**, **холицевина**, **холстянина** ← холст) и тюменских говоров (**портянина** ← **порт** ‘домотканое льняное полотно’); производящую базу суффиксального (как нам представляется) производного **дурбятина** установить не удалось;

– общие названия обуви представлены в говоре двумя номинациями с указанным суффиксом – **обувина** и **обуина** (‘название обуви вообще’ [7. Т. 2. С. 78]). С этим же значением функционируют в тюменских говорах лексемы с другими аффиксами – **обува**, **обуй**, **обужа**, **обутка**, **обучошка**. В последней единице синонимического ряда происходит наращение семантики: за счёт суффикса субъективной оценки появляется коннотативный пейоративный компонент значения (*Ляпти мы не носили здесь, какую-нибудь обучошку старенькую* [7. Т. 2. С. 80]);

– совокупность деревьев, травянистых растений и их частей: **мендачина** ‘нестройной лес, деревья с некачественной древесиной’ (*Боле болони – мендачина уш* [7. Т. 2. С. 379]), **лесина** ‘лес как строительный материал’ (*Вот не помню скоко за лесину плотили* [7. Т. 2. С. 352]), **гороховина** ‘стебли гороха’ (*Гороховина во кака больша* [7. Т. 1. С. 174]), **кошенина** ‘скошенная, но еще не высохшая трава’ (*Надо кошанину грести* [7. Т. 1. С. 328]), **черемшина**, **феремшина** ‘заросли черемухи’ (*У нас растёт и черемшина почти у кажнова* [7. Т. 2. С. 364]; *Феремшина у нас росла, яголки на ней фкусны росли* [7. Т. 2. С. 337]) и др. Производные слова данной семантико-словооб-

разовательной группы в большинстве своем моносеманты. Исключение составляют производные субстантивы *болóтина* (*болóтина* ← болото) и *лесíна* (*лесíна* ← лес). Так, например, слово *болóтина* только в первом и третьем значениях имеет сему 'собирательность', во втором и четвертом значениях оно выступает как вариант с тождественным (или весьма близким) производящему слову значением: **Болóтина**. 1. Трава, растущая на болоте. *Болóтина жóстка* [7. Т. 1. С. 63]. 2. Непроточная, застоявшаяся вода. *Болóтина – водá дурнá* [7. Т. 1. С. 63]). 3. Лес, растущий на болоте. *Но болóтину-то никак не пройтí* [7. Т. 1. С. 63]. 4. Топкое место, болото. *Вýдасья болóтина – ёздят в опхóт* [ЛОНЗ]. Дериват *лесíна* в говорах может функционировать с единично-увеличительным (*Упáла лесíна тóлта* [ЛОНЗ]) и собирательным значением (*Когдá лесíну-то на дóm возíли* [7. Т. 1. С. 352]). В описываемой группе системными единицами лексического уровня являются не только полисеманты. Примером системных отношений служит однозначное слово *дурнíна*, которое вступает в вариативные отношения со словом *дурнíца* и синонимические – со словами *дурмéтина*, *дурбéнь*, *сор*, *бурьяк*, репрезентирующими в говорах значение 'любая сорная трава' [7. Т. 1. С. 214];

– совокупность представителей животного мира: *гнусíн* 'большое количество комаров' (*Гнусíна ётово хватáет* [7. Т. 1. С. 162]), *животíна* 'общее название домашних животных и птицы' (*Из жывотíны у нáс тóлько курóчки* [ЛОНЗ]), *скотенíна* 'домашний скот' [7. Т. 2. С. 267] (в этом же значении в говорах используются слова *скотинёшка* и *скотиньяка* [7. Т. 2. С. 267]) и др. К указанному ряду номинаций примыкают дериваты с семантикой собирательности, осложненные суффиксом со значением ласкательности, – *гуся́тинка* ← *гуся́тина* 'общее название для домашней водоплавающей птицы' [ЛОНЗ]), *порося́тинка* ← *порося́тина* 'общее название домашних свиней' (*Кóзы у кáждава почтí ёсь, гуся́тинка ёсь, порося́тинка ёсь* [ЛОНЗ]). Считаем возможным в рамках данной семантико-словообразовательной группы выделить образования, функционирующие в говорах в собирательном значении 'трупы животных, мертвечина': *па́длина* (*На па́длину-ту медвёть идёт* [7. Т. 2. С. 121]), *падíна* (*В гóлот ы падíну ёли* [7. Т. 2. С. 121]), *пропáстина* (*Нéчем бýло кормítь, вóт за ёту пропáстьтину и дрались* [7. Т. 2. С. 204]) и *пропастíна* (*Для пропастíны спесыáльно мéсто отведёно у нáс* [7. Т. 2. С. 204]);

– совокупность лиц: *дружíна* 'свадебные чины, входящие в свадебный поезд жениха' (*На конé воронóm я свезу свою́ дружьíну* [7. Т. 1. С. 211]), *малузгóтина* 'маленькие дети' (*Малузгóтина-то фсё бéгат* [7. Т. 1. С. 369]) и др.;

– совокупность пищевых продуктов: *аржанíна* 'любые хлебные изделия из ржаной муки' (*Ковó боле – аржанíну ёли* [7. Т. 1. С. 27]), *пряснíна* 'кулинарные изделия из песочного или бисквитного теста' (*Фáхли, арéшки – дак ёто усё пряснíна* [7. Т. 2. С. 210]), *солонíна*, *солени́на* 'засоленные овощи' (*Заготóвили г зимé рáзной солени́ны – огурсóф и помедóр* [7. Т. 2. С. 278]; *Для опетíту солонíну поедят* [7. Т. 2. С. 278]).

Продуктивными при образовании собирательных субстантивов с суффиксом -ин- являются следующие словообразовательные модели: «основа производящего слова + суффикс» (*лесина, лопотина, болотина, гнусин* и др.), «основа производящего слова + суффикс + суффикс» (*поросятина, гусятина, солонина, скотенина, портянина* и др.), «приставка + корень + суффикс» (*обуина* и др.). Отмеченные модели могут сопровождаться усечением производящей основы (*животина* ← животное) и чередованиями разного рода на морфемных швах (например, к/ч: *всячинá* ‘всякие вещи’ ← всякий). По частеречной принадлежности дериватов выделяем отсубстантивные слова (*гусятина* ← гусь, *гороховина* ← горох, *обуина* ← обувь и др.), отадеквативные (*аржанина* ← ржаной, *пряснина* ← пресный (я/е), *дурнина* ← дурной и др.) и отвербальные (*солонина* ← солить, *падина* ← падать (в значении ‘умирать’), *пропастина* ← пропасть, *кошенина* ← косить (с/ш) и др.).

Меньшим количеством примеров представлены дериваты со следующими суффиксами:

– субстантивы с суффиксом -н(я): суффикс способствует реализации собирательного значения а) ‘группа людей’ (*ребятня, челедня* ‘дети’: *Фсё бабы, да ребятня* [ЛОНЗ]; *А сейчяз бездэльничят ребетня, по деревне ша-таца* [ЛОНЗ]); б) ‘совокупность растений’ (*гречня* ‘гречиха’: *Рóш сйели, пшанису, коноплэ, гречня была* [7. Т. 1. С. 178]);

– субстантивы с суффиксом -ств-: суффикс передает значение собирательности в словах, обозначающих совокупность лиц (*многолюдство* ‘большое количество людей’, *старчество* ‘старики’, *родство* ‘родня, родственники’: *А счяс у нас многолюдство* [7. Т. 1. С. 382]; *А щяс нас, старчество, старикóф, собирают* [ЛОНЗ]) и совокупности предметов (*жительство* ‘совокупность жилых построек’: *Шылко горéло жытельство* [7. Т. 1. С. 232]);

– субстантивы с суффиксом -от-: суффикс со значением нерасчлененного множества объектов фиксируем в таких территориально ограниченных словах, как *школотá* ‘школьники’, *чернотá* ‘общее название представителей коренных народов Кавказа или Средней Азии’, *свиномá* ‘общее название домашних свиней’, *глухотá* ‘приданое невесты’, *мухотá* ‘мухи’, *страмотá* ‘мелкий мусор’. В этом же ряду отметим устойчивое сочетание слов с собирательным значением *всякая всякотá* ‘смесь разнородных вещей, набор чего-либо’ (*У меня здéсь фсякой фсякоты насóжэно* [7. Т. 1. С. 137]);

– субстантивы с суффиксом -ат-: суффикс обнаруживается в номинациях, обозначающих совокупности детей – *бродяжáта, хлопенáта, сарынáта, колганяáта* (*А дэти-то чё, каг бродяжáта ходят* [7. Т. 1. С. 73]; *Скóль у ёй сарынáт!* [7. Т. 2. С. 252]; *Куды мý такie хлопенáта?* [7. Т. 2. С. 344]; *Колганяáта вы мой!* [ЛОНЗ]). В тюменских говорах при обозначении совокупности детей как синонимичные используются лексемы *дитёшка, робетишка*, которые мыслятся как собирательные лишь в определенном контексте: *Шшяз дитёшка нахáльна, дай да дай* [7. Т. 1. С. 197]; *Робетишка зимой с катушки катáются* [7. Т. 1. С. 304];

– субстантивы с суффиксом **-к-**: суффикс регулярно употребляется при образовании существительных со значением средства осуществления действия, названного мотивирующим словом (ср. *наки́дка* ‘вид рыболовной сети’ ← *наки́дывать*; *скру́тка* ‘скрученная нарезанная полосками ткань, предназначенная для вязания’ ← *скру́тить*), однако в исследуемых говорах также фиксируются номинации, в которых суффикс **-к-** передает значение собирательности: *зелёнка* ‘трава, которую сеют для сельскохозяйственных нужд’, *наве́йка* ‘очищенное от мякины и сора, провеянное зерно’, *шерстя́нка* ‘изделия из шерсти’ (*Зелёнка для молодёва скота высева́тца* [7. Т. 1. С. 279]; *Отсарту́руют после провие́нья, дак наве́йка* [7. Т. 2. С. 20]; *Шерстя́нка фся́ка была́, пла́тье чёрно, бе́ло, зелёно* [7. Т. 2. С. 390]). С данным суффиксом и приставкой **о-** в говоре образуются имена существительные, обозначающие остатки или отбросы какого-либо вещества, получаемые в результате какого-либо процесса: *ожы́мки* ‘остатки семян масличных растений, получаемые после отжима из них масла’ (*Ожы́мки с молоко́м и ёли* [7. Т. 1. С. 89]), *ожы́нки* ‘остатки стеблей злаков после жатвы’ (*В войну́-то ожы́нки и те́ собира́ли* [7. Т. 1. С. 89]);

– субстантивы с суффиксом **-ищ-**: суффикс может передавать значение ‘множественность, мыслимая как целое’, а также побочные созначения – размерно-оценочное (увеличительность) и эмоционально-оценочное (пренебрежительность): *орды́ща* ‘большое скопление людей, толпа’ (*Орды́щиша, семьи́щиша у нас* [7. Т. 2. С. 100]), *руны́ще* ‘большое количество детей раннего возраста’ (*Руны́щишо у их – ма́л ма́ла ме́не* [7. Т. 2. С. 244]). Данные модификаты примечательны еще и тем, что исходное слово, от которого образовано производное, изначально обозначало конкретный предмет внешнего мира, представляющий собой множество объектов определенного рода (*орда варваров, руно рыбы* и т.д.);

– субстантивы с суффиксом **-ащй-**: суффикс, имеющий общерусское значение ‘процессуальность или результат действия’, реализует в говорах собирательное значение в слове *механиза́ция* ‘совокупность сельскохозяйственной техники’ (*Тепе́рь фсе́ механиза́ция делат, та́к ле́кче* [7. Т. 1. С. 381]);

– субстантивы с суффиксом **-ар(ь)**: суффикс реализует собирательное значение в производных субстантивах, называющих совокупность насекомых (*мошкáрь* ‘мошкара’) и растений (*пихта́рь* ‘пихтовый лес’): *Мошкáрь заеда́ет, на ву́лицу не хажу́* [7. Т. 1. С. 393]; *Пода́ле-то в лесу́ фсе́ пихта́рь* [7. Т. 2. С. 144];

– субстантивы с суффиксом **-к-**: суффикс встретился лишь в двух отглагольных образованиях – *рва́нка* ‘старая, износившаяся одежда’ ← *рваный* ← *рвать* (*Нитки де́сятый но́мер бра́ли да рва́нку – че́ изно́ситца* [7. Т. 2. С. 229]), *па́данка* ‘упавшие с кедра шишки’ ← *паданый* ← *падать* (*Ковда́ ви́тер заду́ёт, шы́шка ва́литца, ёто па́данка* [7. Т. 2. С. 120]);

– субстантивы с суффиксом **-ач-**: суффикс наравне с конкретно-предметным значением (*рога́ч* ‘ухват’, *волна́ч* ‘гриб волнушка’), значением лица по преобладающему признаку (*сева́ч* ‘сеятель’, *сорва́ч* ‘озорник’) способен передавать собирательное значение ‘совокупность однородных растений’:

пихта́ч ‘пихтовый лес’ (Пожáр-от товдá бýл, дак пихта́ч горéл [7. Т. 2. С. 144]), *кедрáч* ‘лес, состоящий из кедровых деревьев’ (*Кедра́ч-от бере́кчи на́до и ра́ньшэ вре́мя не шышка́рничать* [7. Т. 1. С. 305]), *мелка́ч* ‘мелколесье’ (*Мелка́ч – это ме́лкий ле́с, или мелколéсье* [7. Т. 1. С. 378]) и др.;

– субстантивы с суффиксом **-щин-**: суффикс участвует в образовании слов с собирательным значением ‘группа предметов или лиц, характеризующаяся признаком, названным мотивирующим словом’: *верховщи́на* ‘общее название деревень, расположенных на горе’ [7. Т. 1. С. 100] (основа существительного *верх* с наращением + суффикс -щин-), *сго́щи́на* ‘приехавшие на данное место со всех концов России’ [7. Т. 2. С. 257] (основа существительного *сгон* + суффикс -щин-), *соро́щи́на* ‘бранные слова и выражения’ [7. Т. 2. С. 280] (основа существительного *сором* ‘брань, ругань’ + суффикс -щин-), *отре́щи́на* ‘одежда из грубой, домотканой материи’ [7. Т. 2. С. 110] (усеченная основа производящего прилагательного *отре́нной* ‘сшитый из волокна самого низкого качества’ + суффикс -щин-), *своеде́льщи́на* ‘что-либо, изготовленное домашним способом, своими руками’ [7. Т. 2. С. 255] (усеченная основа прилагательного *своеде́льный* ‘самодельный’ + суффикс -щин-).

В тюменских говорах значение собирательности могут получать существительные, образованные безаффиксным путем. Таковыми, например, являются производные, мотивированные словами следующих частей речи:

а) именем прилагательным (*ма́ль* ‘маленькие дети’ ← малый, маленький, *ново́* ‘хлеб нового урожая’ ← новый, *чернь* ‘общее название для уроженцев Кавказа’ ← чёрный, *чудь* ‘нерусское население’ ← чудный, *голь* ‘бедные неработающие люди’ ← голый, *рвань* ‘потрепанная, рваная одежда’ ← рваный, *пьянь* ‘пьющие люди’ ← пьяный): *Озорные, ма́ль, сидели за па́ртой* [7. Т. 1. С. 370]; *Пе́рвой урожа́й з зало́гу но́вью зоут* [7. Т. 2. С. 65]; *Че́рнь круго́м наводни́ла* [7. Т. 2. С. 366]; *Округо́м чю́дь живёт* [7. Т. 2. С. 374]; *Шо́ль да го́ль идёт* [ЛОНЗ]; *Отку́леца хоть он пришо́л тако́й голена́стой, одна́ рва́нь на ём* [ЛОНЗ];

б) глаголом (*гребе́* ‘готовое к уборке высохшее сено’ ← грести, гребу, *ломь* ‘место с нагромождением поваленных деревьев’ ← ломать, *побе́дь* ‘падаль как приманка для медведя’ ← поедать ‘есть’, *обледе́* ‘маленькие льдинки на поверхности воды’ ← обледенеть): *Гре́нь ф сто́к скла́дывали* [7. Т. 1. С. 177]; *Проидёш ёту ло́мь, и та́м грыбы́ зачну́тца* [7. Т. 1. С. 359]; *Прима́нка для мидве́дя – по́еть* [7. Т. 2. С. 166]; *Ф коло́тсах настыва́т обле́ть, че́рнаш, а в воде́ как то́нки льди́нки* [7. Т. 2. С. 74];

в) причастием (*напи́лень* ‘напиленные дрова’ ← напиленный): *Бра́т-то поку́да напи́лень увезёт* [7. Т. 2. С. 40];

г) именем существительным (*па́лист* ‘молодая листва’ ← палисток, *ово́ць* ‘огородные растения’ ← овощи, *обье́дь* ‘остатки еды, недоеденные продукты’ ← объедки, *отхо́д* ‘остатки урожая’ ← отходы): *Как на э́той на бе́рёзоньке мно́го па́листу* [7. Т. 2. С. 124]; *У меня́ ово́ць фся́кая растёт* [ЛОНЗ]; *Сви́ньям обье́дь ра́зну броса́ю.* [7. Т. 2. С. 80]; *Роби́ж де́нь, и роби́ши но́чь; даду́т како́во-нибу́ть отхо́ду* [7. Т. 2. С. 113].

При безаффиксном способе образования собирательных субстантивов наблюдаем следующие морфонологические явления: а) чередования звуков производящей основы (ломать → *ломь*), б) усечение основы (палисток → *пáлист*) и в) изменение места ударения (*гресті́* → *грѣбь*).

Безаффиксные номинации, широко представленные в общерусском словаре, в тюменских говорах относятся к редким явлениям (15 ед.). Преобладают в наших материалах имена с собирательным значением лица, мотивированные прилагательным (*чернь*, *чудь*, *голь* и др.). Слова указанной морфемной структуры практически не имеют вариативных форм; лишь единицы из них вступают в синонимические отношения (*маль* – *ребятня* – *челёда* – *челядь* – *сарыньта*; *пбедь* – *падаль* – *пáдлина* – *падíна* – *пропастíна* и др.).

Небольшим количеством примеров представлены в нашей картотеке формы собирательных *pluralia tantum* (14 ед.): *постáухи*, *постóухи* ‘предметы кухонной утвари, стоящие в беспорядке; грязная посуда’, *плóшійнки* ‘дрова для топки печей’ [7. Т. 2. С. 146], *пилѣнки* ‘неколотые дрова’ [7. Т. 2. С. 143], *постилáхи* ‘небольшие коврики ручной работы’ [ЛОНЗ], *толбúтки* ‘кухонная утварь, посуда’ [7. Т. 2. С. 307], *горóдки* ‘неубранная, расставленная в беспорядке посуда’ [ЛОНЗ], *канúны* ‘расставленная в беспорядке посуда’ [ЛОНЗ], *заёмки* ‘деньги, отданные в долг’ [ЛОНЗ], *садúшки*, *садóвки* ‘овощи, предназначенные для выращивания семян’ [7. Т. 2. С. 249], *обнóски*, *опóрки* ‘старая обувь, одежда’ [7. Т. 2. С. 96], *ошúрки* ‘поджаренные кусочки вытопленного сала, шкварки’ [ЛОНЗ]. В данном случае неисчисляемые имена не связаны с количественным противопоставлением денотатов (*один стол* → *десять столов*; ? → *ошúрки*, *опóрки*, *толбúтки*) и обозначают множество неразделяемых элементов, воспринимаемых как целое: *Сáло истóпиши, а ошúрки с картóшкам ёш* [7. Т. 2. С. 119]; *Разостáвила опѣть канúны, не поймѣи, гдѣ-ка чѣ стои́т* [ЛОНЗ]; *Срóду ф кутѣ горóтки у ёй, хóдь бы прикрывáла чѣм* [7. Т. 1. С. 174]; *К емя́ зайдѣи, дак у íх уш фсегдá поря́док: не постаúх, нечѣ* [7. Т. 2. С. 183]; *Заёмки оддáтъ нáдо* [7. Т. 1. С. 252] и др.

Весьма объемную группу образуют единицы, выражающие собирательное значение лексически (без специфических суффиксов): *прирóда* ‘родня’ (*Ой, товдá, штóб жанítса, фсú прирóду переберúт, хтó онѣ и откúда, какó у íх наслѣсво* [7. Т. 2. С. 196]), *мир* ‘народ’ *Вѣть тúт стóлько мíру и нѣкому рабóтать* [ЛОНЗ] и др. Подобные неисчисляемые номинации не сочетаются с количественными числительными и обозначают следующие реалии:

а) качественно однородную (*чередóха*, *челёда*, *челядь*, *сарынь*, *рóща*, *алаки́я*, *сарынь* ‘дети’ и др.) и неоднородную (*урва* ‘толпа’ [7. Т. 2. С. 327], *рóща* ‘люди одного возраста, одного поколения’ [7. Т. 2. С. 242] и др.) совокупность лиц;

б) совокупность объектов животного (*добы́ча* ‘весь улов рыбы’ [7. Т. 1. С. 196]) и растительного мира (*кóнда* ‘совокупность крепких сосен, лес из них’ [7. Т. 1. С. 317], *сор*, *дурбѣнь* ‘любая сорная трава’ [7. Т. 1. С. 214; Т. 2. С. 279], *брунь* / *бронь* ‘колосья, оставшиеся на поле после жатвы’ [7. Т. 1.

С. 74], *забóка* ‘трава, растущая на затопленных весной местах’ [7. Т. 1. С. 238]);

в) совокупность однородных предметов (*мизгá / мезгá* ‘картофельные отходы при изготовлении крахмала’ [7. Т. 1. С. 381], *паргá* ‘отходы от льна, мочала при тканье рогож’ [7. Т. 2. С. 6], *хлам, шарабóра* ‘негодные старые вещи, всё бесполезное, ненужное’ [7. Т. 2. С. 384], *кошель* ‘тряпки, старые вещи’ [7. Т. 1. С. 328], *мануфакту́ра* ‘изделия фабричного производства’ [ЛОНЗ]).

Как видно из приведенных иллюстраций, общая характеристика множеств нередко отражается в метонимических (очень часто ситуативных) собирательных номинациях. Например, названия коллективных совокупностей строятся на базе аналогии, сходства или сравнения с денотатом, наименование которого лежит в основе такого переноса: *ордá* ‘татарское войско’ → *ордá* ‘большое количество детей’; *руно́* ‘диал. куча, стая, косяк’ → *руно́* ‘большое количество детей’; *саранчá* ‘насекомое, перелетающее большими массами’ → *саранчá* ‘большое количество детей’; *табу́н* ‘стадо копытных животных, пасущихся вместе’ → *табу́н* ‘большое количество детей’. Во многих случаях вторичные значения развиваются при переосмыслении конкретного по лексико-грамматическому разряду общерусского субстантива, получившего в новых условиях речи контекстуальное грамматическое значение собирательности: *гад* ‘насекомые’ (*Как поды́мётся́ этот гáт – глаза́ выеда́ют* [7. Т. 1. С. 153]), *мéлочь* ‘группа корнеплодных овощей’ (*Картóшку посади́ли, а мéлочь ёшо не сажáли* [7. Т. 1. С. 379]) и др. Подобные образования характеризуются большим количеством дериватов, находящихся в синонимических отношениях, что позволяет выделить более тонкие, чем в литературном языке, оттенки смыслов, значимые для коммуникации различия и сходства значений пересекающихся собирательных субстантивов: *ордá* – *руно́* – *чéлядь* – *саранчá* – *табу́н* – *роща* и др.

Заключение

1. В тюменских говорах собирательное множество может быть представлено с помощью словообразовательных (*мухотá, молодёжка*) и семантических (*чéлядь, ордá*) производных, а также словосочетаний (*верховáя лóпоть, кондóвой лес, подса́дистой кедрóвник* ‘кедровые деревья с боковыми отростками, сучьями, идущими от самого комля’, *жарóвой кедрóвник* ‘высокие, несуковатые кедровые деревья’), которые объединяются в восемь лексико-семантических групп: 1) совокупности лиц (*сорвачё, ребя́тня, бродяжата, богатьё, шко́лота*); 2) совокупности объектов, определяющих рельеф местности (*кочка́рник, кочка́рное место, глазо́вник*); 3) совокупности животных и насекомых (*мошка́рь, комарё, мухота, скотиня́ка*); 4) совокупности растений (*дурни́ца, сосняг, кедрáч, ивовник, зимóво*); 5) совокупности предметов быта (*коробё, обивня*); 6) совокупности предметов одежды и обуви (*старё, отопка, шерстя́нка, дурбя́тина* ‘холщовая одежда’, *лопа́тина*); 7) совокупности продуктов питания (*аржани́на,*

прянíна, солени́на) и 8) совокупности различных отходов, остатков (*пелёва* ‘шелуха, оставшаяся после просеивания хлеба’, *изгрёби*, *обмя́лье*, *пáчеси* / *пáчесы*, *пáчусник* ‘отходы после обработки льна’, *тори́ца* ‘отходы или отбросы, оставшиеся после обработки’, *потру́ски* ‘отходы, оставшиеся после просеивания муки’, *ме́зга* / *мизга́* ‘картофельные отходы при изготовлении крахмала’ и др.)

2. На территории распространения тюменских говоров значение нерасчлененной множественности предметов транслируется ресурсами морфемной структуры слов, содержащих корни с предметным (*скотинёшка*, *березняк*), признаковым (*дурнина*, *богатъё*) и процессуальным значением (*па́дина*, *рва́нка*, *скопъё*). Имеющийся материал показывает, что в говорах преобладает отсубстантивное и отадьективное производство, отглагольные дериваты им значительно уступают. Производящие основы, от которых образованы собирательные существительные, могут соотноситься как с общерусским словом (*матерьё*, *прутняк*, *паданка*), так и с региональным, характерным для севернорусской локализации, словом (*ремьё*, *лопáтина*, *ма-лузго́тина*, *сары́нята*, *сороми́на*).

3. По нашим наблюдениям, в говорах имеются как одновалентные (сочетающиеся с производящими основами одной части речи) суффиксы (например, суффикс *-аль* (*падаль*), так и многовалентные (сочетающиеся с основами нескольких частей речи). Последние представлены трехбазовыми (т.е. составляющими три словообразовательных типа – отсубстантивный, отадьективный и отглагольный) суффиксами, например, суффиксом *-j-* (*тряпка* → *тряпъё*, *колода* → *колодьё*; *старый* → *старъё*, *свежий* → *свежьё*; *скопить* → *скопъё*) и двухбазовыми, например, суффиксом *-няк*, способным сочетаться с основами имен существительных (*берёза* → *березняк*, *сосна* → *сосняк*) и прилагательных (*молодой* → *молодняк*, *редкий* → *редняк*).

4. К частотным и продуктивным способам образования собирательных существительных относится суффиксация (*бродяжата*, *кедрач*, *мошкарё*). Меньшим количеством примеров представлены субстантивы, образованные безаффиксным (*маль*, *гребь*, *чудь*), префиксально-бессуффиксальным (*обледь*) и префиксально-суффиксальным (*обмя́лье*, *срядьё* ← *рядина* ‘нарядная одежда’, *обноски* ‘поношенная, ветхая одежда’ ← *носить*) способами. Случаи субстантивации (*огорóдноје* ‘овощи’, *мёлкоје* ‘овощи, которые сажают в огороде в небольшом количестве’, *зимовó* / *зимóво* ‘озимые культуры’, *хлёбноје* ‘любая пища, приготовленная из злаков’, *тка́цкоје* ‘об изделиях, выполненных на ткацком станке, тканьём’) и сложения основ с суффиксацией (*сыр-о-лесъё*, *мелк-о-росник*) являются единичными. Кроме того, в тюменских говорах зафиксированы номинации с затемненной морфемной структурой. Речь идет о тех ситуациях, когда не представляется возможным установить производящее слово (*чёкобрю́чки* ‘посуда, кухонная утварь’ (*чёкобр-юч-к-и* / *чёкобрюч-к-и*), *тори́ца* ‘отходы или отбросы, оставшиеся после обработки злаковых’ (*тор-иц-а* / *ториц-а*), *дурбятина* ‘холщовая

одежда' (*дурб-ят-ин-а* / *дурбят-ин-а*) или присутствует множественная мотивация морфемной структуры (слово *подотрѣнки* 'отходы обработки льна, получившиеся в результате трепания льняного волокна' ← *трепать* (*подотрѣп-к-и*) или *подотрѣнки* ← *отрѣпи* 'сырьё, полученное при первичной обработке льна, волокно самого низкого качества' (*под-отрѣп-к-и*) и др.). Сложности в членимости основ могут быть связаны и с фонематическим варьированием лексем, приводящим к затемнению внутренней формы (*пáчеси* – *пáчусник* 'остатки льна после его вычесывания').

Обнаруженные в ходе исследования аффиксальные морфемы собирательных основ относятся к общерусскому морфемному фонду. Выделяем многочисленные локально не ограниченные в употреблении суффиксы (*-от-*, *-ач-*, *-ник-*, *-ств-* и другие), префиксы (*о-*, *от-*, *с-*) и интерфиксы (*сух-о-*стой, *мелк-о-*рос). Наиболее продуктивным деривационным формантом, выражающим значение собирательности, является суффикс. Востребован в тюменских говорах следующий инвентарь суффиксов: **-ник-** (17% от общего числа номинаций), **-j-** (17%) и **-ин-** (13%). Также активность при образовании дериватов проявляют суффиксы **-ат-** / **-ят-** (*сарынята*, *бродяжата*), **-ач-** (*мелкач*, *мендач*), **-к-** (*шерстянка*, *зелѣнка*), **-щин-** (*сгóнщина*, *отрѣпщина*) и **-ств-** (*жительство*, *многолю́дство*, *родство*). Активизация в диалектном словопроизводстве книжного суффикса **-ств-**, обладающего соответствующей функционально-стилевой окраской (ср.: *духовенство*, *офицерство*, *студенчество*, *начальство*), по мнению Т.Н. Поповой, может быть связана с экстралингвистическими факторами: «...развитие общественно-политической жизни, перестройка системы культурных отношений способствуют расширению круга употребления абстрактной лексики в диалектном языке, она начинает входить в активный словарный запас» [26. С. 93]. Единичны в наших материалах примеры с суффиксами **-ик-** (*осиновик* 'дрова из осины') и **-як-** (*скотиня́ка* 'домашний скот'). Таким образом, в тюменских говорах при словопроизводстве используются продуктивные в общенациональном языке суффиксы собирательности, однако в речи диалектоносителей наблюдаются (в некоторых случаях весьма регулярно) дериваты с суффиксами, которые в «Русской грамматике» [21] относятся к нерегулярным (уникальным), например, суффиксы **-ач** (*кедра́ч* ← кедр; *менда́ч* ← менда́ (менда́ / мянда́ 'мелкая сосна с рыхлой древесиной, растущая в низменных местах'), *пихта́ч* ← пихта, *мелкач* 'лес с невысокими деревьями' ← мелкий); **-узг-** / **-юзг-** (*мелюзга́* ← мелкий; *малузга́* / *малузго́тина* ← малый). К частотным средствам собирательности в «Русской грамматике» [21] и в работах В.В. Виноградова [27], З.А. Потихи [28] относятся суффиксы, которые в наших материалах представлены единичными примерами: **-в-** (*мальва́*, *пацанва́*, *детва́* и др.); **-н'** (*обивня*, *пóжня* и др.).

5. Выбор суффиксов в говорах регулируется характером маркируемых предметов, представленных в их совокупности. Так, например, суффикс **-ин-** употребляется, как правило, для обозначения совокупности предметов одежды (*дурбя́тина*, *ряди́на*, *портяни́на* *холстяни́на*, *холщеви́на*, *лопати́на*),

для обозначения совокупной множественности растений и площадей, занятых ими, чаще используется суффикс **-ник-** (*сосённик, черемо́шник, голуби́жник, кедровник*), суффикс **-j-** становится маркером нерасчлененной множественности частей растений (*колодьё, бадожьё, долготьё, прутьё*), а суффиксы **-н(я)** (*ребятня, челедня, шатовня*), **-ат-** / **-ят-** (*бродяжста, хлопнята, сарынята*) и **-ств-** (*старчество*) избираются для передачи семы совокупной собирательности лиц.

6. Общерусские аффиксы в тюменских говорах могут передавать больший спектр значений (суффикс **-ник-**, например, используется не только для обозначения совокупности растений, но и совокупности людей одного возраста, объектов, определяющих рельеф местности и предметов, представляющих обработанные части дерева), характеризоваться формальным и семантическим варьированием (*обмялье – оммялье – оммялья*), иметь особые синонимические связи (*молодьяжник – молодёжка; кедровник – кедряч*), дополнительные экспрессивно-стилистические различия (*обува – обувина – обучошка; скотина – скотинёшка – скотиньяка*) и сочетаемость (например, в основе диалектного слова можем наблюдать две и более морфем, репрезентирующих значение собирательности: *молод-ёжь* → *молод-ёж-к-а, молот-ёж-ник*; *менда* → *менд-ач* → *менд-ач-ин-а, менд-ач-ник*). Отмечена еще одна характерная особенность морфемной структуры региональных субстантивов – семантическая неоднозначность собирательных аффиксов, которая снимается контекстом. Например, аффикс **-ин-**, имеет сложную семантическую структуру, поскольку помимо значения нерасчлененной множественности (*дурни́на, аржанни́на, солени́на*) может совмещать пейоративное значение (*малузбо́тина*) и значения выделенности из множества, единичности и величины (*леси́на*) (ср.: *Когда лесину-то* ('лес как строительный материал') *на до́м вози́ли* [7. Т. 1. С. 352]; *Эку лесину-то* ('срубленное дерево, идущее на постройку') *на ве́рх заташи́л* [7. Т. 1. С. 352]). Аналогичную синкретичность демонстрирует суффикс **-j-**, который помимо совокупности предметов (*свежьё, богатъё, колодьё*) может передавать отрицательно-оценочное (пейоративное) значение (*варначъё, сорвачъё, мошкарьё*). Возможно, существование параллельных производных с иным суффиксальным морфем позволяет носителям говоров преодолеть эту семантическую неоднозначность (*скотени́на – скотинёшка – скотиньяка*).

7. В исследуемых говорах обнаруживаются весьма внушительные синонимические ряды собирательных номинаций, образованных от одной основы и различающихся только выбором суффикса (*обувина – обуина – обува – обутка – обучошка; прутник – прутняк – прутьё*), причем нередко фиксируются ряды, включающие производящую и производные основы (*лопоть – лопати́на – лопоти́на – лопатёшка – лопатёнка; менда́ч – менда́чник – менда́чина*). Наличие рядов однокоренных синонимов, образованных от одной производящей основы, позволяет предположить, что суффиксы словообразовательных синонимов осмысляются диалектоносителями как тождественные и их выбор не всегда определяется семантикой производящей основы.

8. В ограниченном количестве (по сравнению с общерусским языком) представлены в тюменских говорах плюральные формы субстантивов со значением собирательности, реализованные а) формами множественного числа конкретных существительных (*дитёшка, дитёнки, робетёшка, дитёхи* ср.: *Шиáz дитёшка нахальна, да́й да да́й* [7. Т. 1. С. 197]; *Безуёмны робетёшка у сусётки-то, нечё с емя не мógуд зьдёлать* [ЛОНЗ]; *Но дитёхи симпатичные уж больно* [ЛОНЗ]; *Дитёнками звали и щелядью звали* [ЛОНЗ]) и б) существительными *pluralia tantum* (*толбётки, садóвки, обнёски, опóрки, постоухи*).

9. Презентация собирательного значения в говорах возможна (помимо уже указанных способов) посредством конкретных существительных с лексическим и контекстуально обусловленным значением совокупности. В первом случае субстантивы не имеют в своей морфемной структуре особых словообразовательных формантов (*саранча́, у́рва, конда́, мизга́*), поэтому значение нерасчлененной множественности выражают семантически (слова называют совокупность однородных объектов, воспринимаемую как единое целое). Во втором случае значение собирательности выражается контекстуально. Сравним, например, варианты собирательного и раздельного представления количества в пределах одного субстантива: *Ры́ба быва́т: карма́сь, окунь, чеба́г да меска́н ишио́* [ЛОНЗ] – *Сёгоды оне́ вно́го ры́бы-то приво́зят, хоро́шой уло́ф-то да́к* [ЛОНЗ]; *Дафко́м-то* (ловушкой) *мо́жно пт́ицу и зве́ря лови́ть* [ЛОНЗ] – *Лутóк – пт́ица водопла́ваюшша* [ЛОНЗ] и *Горноста́ль – то́ зве́рь хи́шной* [7. Т. 1. С. 173]. Здесь, как нам кажется, можно наблюдать речевую обусловленность значений собирательности, проявляющуюся в сосуществовании форм для представления того или иного количества в пределах одной лексемы. Следует отметить, что в разговорной практике диалектоносителей регулярно встречаются случаи употребления конкретных существительных с контекстуально обусловленным значением совокупности: *Мо́й тя́тя носи́л азя́м-от* (азя́м ‘верхняя долгополая одежда крестьян из домотканой материи’), *на ём толсто́ сукно́ изла́жэно, верховá одёжа* [7. Т. 1. С. 24] и *Весь азя́м она́ на лётней ку́хне фикафу́ храни́ла* [7. Т. 1. С. 24] (азя́м ‘любая долгополая верхняя одежда’). *Гу́ню-то постира́ш и дума́ш: усне́т вы́сохнуть, шоб мо́жно ф клуб итьт́и* [7. Т. 1. С. 182] (*гу́ня* ‘платье из холста с рукавами’) – *Э́то уж гу́ня, ве́тха одёжа* [7. Т. 1. С. 182] (*гу́ня* ‘старая, изношенная одежда’). Контекстные факторы в данных контекстах играют решающую роль в определении значения слова, поскольку обеспечивают референтную определенность существительного единственного числа, указывающего на совокупное множество предметов.

Контекстуальную зависимость проявляют и те номинации, которые возникли в результате семантической (неморфологической) деривации. Как правило, это касается метонимической репрезентации совокупной множественности лиц (*руно, ро́ца* и др.), животных (*га́д* и др.) и растений (*ме́лочь* и др.). Во многих случаях семантика подобных номинаций определяется не

только их лексико-семантическим составом (*орда́, табу́н* ‘большое количество детей’), но и контекстуальным окружением: *Сыро в лесу́, болоти́на, так та́м га́дов полно́, га́дин-то* [ЛОНЗ] (*га́д* ‘земноводное или пресмыкающееся животное’ [25. Т. 1. С. 295]); *Упе́дь га́т в огоро́де-то завё́лса, фсё мо́ркофь перетаска́ют ёте крýсы* [7. Т. 1. С. 153] (*га́д* ‘грызуны, опасные для сельского хозяйства’) и *Как поды́ме́ца ётод га́т – глаза́ выеда́ют* [7. Т. 1. С. 153] (*га́д* ‘вредные насекомые’); *Приро́ду-то шы́пко люблю́, краси́во, че́ поде́лаш!* [ЛОНЗ] (*приро́да* ‘окружающий нас материальный мир, все существующее, не созданное деятельностью человека’ [25. Т. 3. С. 437]) и *На́ша приро́да-то не шы́пко бойка́, смире́на* [7. Т. 2. С. 196] (*приро́да* ‘родня’). Приведенные примеры убеждают в том, что контекст не только идентифицирует и актуализирует языковую единицу, но и активизирует определенные ассоциации, влияющие на её толкование.

Таким образом, обнаруженные закономерности дают основание утверждать, что русские старожильческие говоры юга Тюменской области располагают развитым и весьма богатым инвентарем средств, формирующим грамматическое, лексическое и синтаксическое (контекстуальное) значение собирательности. Словарь тюменских говоров объединяет собирательные субстантивы общеупотребительного лексического фонда, используемого всеми диалектоносителями, и потенциальные слова, созданные путем индивидуального подбора морфем. Появление речевых новаций продиктовано такими лингвистическими и экстралингвистическими факторами, как внутренние закономерности существования и развития говора; отсутствие письменной кодификации, приводящей к формированию широкого круга потенциальных возможностей системы диалектного языка; подвижность норм, влияющая на свободу выбора и сочетаемости лексических единиц и морфем в составе нового производного слова; действие законов аналогии и экономии речевых средств; способы осмысления действительности в языковом сознании носителей языка; социальные причины и др.

Примечания

ЛОНЗ – Лексикографически обработанные неопубликованные (рукописные) записи, произведенные авторами с целью изучения русских говоров Тюменской области (личные архивы авторов).

Список источников

1. *Азарх Ю.С.* Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М. : Наука, 2000. 178 с.
2. *Петропавловская Л.В.* Собирательные существительные в русских говорах Новосибирской области // Русская лексика в историческом и синхронном освещении : сб. науч. ст. Новосибирск : Наука, 1985. С. 38–58.
3. *Крылова А.Б.* Региональная специфика структурной организации собирательных имен существительных в современных вологодских говорах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 37–42.

4. Крылова А.Б. Структура диалектных собирательных имён существительных в современных вологодских говорах : дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010. 194 с.
5. Ховрина Т.К. Словообразовательные и семантические особенности собирательных существительных в ярославских говорах // Вестник Костромского государственного университета. Специальный выпуск. 2017. Т. 23. С. 145–148.
6. Багирова Е.П. Варианты наименований детей в русских говорах юга Тюменской области // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 70–75.
7. Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области : В 2 т. / под ред. С.М. Беляковой. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. Т. 1. 400 с.; Т. 2. 516 с.
8. Вендина Т.И. Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестник Костромского государственного университета. Специальный выпуск. 2017. Т. 23. С. 44–49.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая российская энциклопедия, 2000. 688 с.
10. Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики : сб. ст., посвященный 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1960. С. 384–400.
11. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология. М. : Изд-во МГУ, 1999. 240 с.
12. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М. : Просвещение, 1976. 208 с.
13. Современный русский язык : В 3 ч. Ч. 26 Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. М. : Просвещение, 1987. 256 с.
14. Востоков А.Х. Русская грамматика. 10-е изд. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1859. 355 с.
15. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / под ред. С.П. Обнорского. М. : Юрайт, 2017. 235 с. (Серия «Антология мысли»)
16. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1: Фонетика и морфология. М. : URSS, 2022. 472 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»)
17. Навозова Л.М. Словообразовательная форма собирательности и логическое содержание категории собирательности в современном русском языке // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: форма и значение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 143–157.
18. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». Харьков : Основа, 1990. 299 с.
19. Еселевич И.Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань : Изд-во Казанского университета, 1979. 162 с.
20. Еселевич И.Э. Отражение лексико-семантической категории лица в истории собирательных существительных в русском языке // Исследования по семантике : сб. науч. тр. Уфа, 1983. С. 57–62.
21. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 789 с.
22. Высоцкая И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте. Ростов н/Д, 2002. 116 с.
23. Тихонов А.Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М. : Цитадель-трейд, 2002. 464 с.
24. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Мир и образование, 2022. 624 с.
25. Словарь русского языка : В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1. 1985. 696 с.; Т. 3. 1987. 752 с.
26. Попова Т.Н. Когнитивный аспект русского диалектного словообразования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2 (019). С. 88–97.

27. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М. : Русский язык, 2001. 720 с.

28. Потиха З.А. Как сделаны слова в русском языке. Л. : Просвещение, Ленингр. отд-е, 1974. 125 с.

References

1. Azarkh, Yu.S. (2000) *Russkoye imennoye dialektnoye slovoobrazovanie v lingvogeograficheskom aspekte* [Russian Nominal Dialect Word Formation in the Linguistic-Geographic Aspect]. Moscow: Nauka.
2. Petropavlovskaya, L.V. (1985) Sobiratel'nye sushchestvitel'nye v russkikh govorakh Novosibirskoy oblasti [Collective nouns in Russian dialects of the Novosibirsk region]. In: *Russkaya leksika v istoricheskom i sinkhronnom osveshchenii* [Russian Vocabulary in Historical and Synchronic Perspective]. Novosibirsk: Nauka. pp. 38–58.
3. Krylova, A.B. (2008) Regional'naya spetsifika strukturnoy organizatsii sobiratel'nykh imen sushchestvitel'nykh v sovremennykh vologodskikh govorakh [Regional specificity of the structural organization of collective nouns in modern Vologda dialects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*. 2 (8). pp. 37–42.
4. Krylova, A.B. (2010) *Struktura dialektnykh sobiratel'nykh imen sushchestvitel'nykh v sovremennykh vologodskikh govorakh* [Structure of dialectal collective nouns in modern Vologda dialects]. Philology Cand. Diss. Vologda.
5. Khovrina, T.K. (2017) Slovoobrazovatel'nye i semanticheskie osobennosti sobiratel'nykh sushchestvitel'nykh v yaroslavskikh govorakh [Word-formative and semantic features of collective nouns in Yaroslavl dialects]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Spetsial'nyy vypusk*. 23. pp. 145–148.
6. Bagirova, E.P. (2019) Varianty naimenovaniy detey v russkikh govorakh yuga Tyumenskoy oblasti [Variants of names for children in Russian dialects of the south of the Tyumen Region]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (52). pp. 70–75.
7. Belyakova, S.M. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti* [Dictionary of Russian Old-Settler Dialects of the South of the Tyumen Region]. Vols 1–2. Tyumen: Tyumen State University.
8. Venedina, T.I. (2017) Dialektnoye slovo: vchera, segodnya, zavtra [Dialect word: yesterday, today, tomorrow]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Spetsial'nyy vypusk*. 23. pp. 44–49.
9. Yartseva, V.N. (ed.) (2000) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya.
10. Reformatskiy, A.A. (1960) Chislo i grammatika [Number and grammar]. In: *Voprosy grammatiki* [Issues of Grammar]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 384–400.
11. Kamynina, A.A. (1999) *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphology]. Moscow: Moscow State University.
12. Bulanin, L.L. (1976) *Trudnye voprosy morfologii* [Difficult Issues of Morphology]. Moscow: Prosveshchenie.
13. Shanskiy, N.M. & Tikhonov, A.N. (1987) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. Part 26. Moscow: Prosveshchenie.
14. Vostokov, A.Kh. (1859) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. 10th ed. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
15. Shakhmatov, A.A. (2017) *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Sketch of the Modern Russian Literary Language]. Moscow: Yurayt.
16. Gvozdev, A.N. (2022) *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk* [Modern Russian Literary Language]. Part 1. Moscow: URSS.
17. Navozova, L.M. (1985) Slovoobrazovatel'naya forma sobiratel'nosti i logicheskoye sodержanie kategorii sobiratel'nosti v sovremennom russkom yazyke [Word-formative form of collectivity and logical content of the category of collectivity in modern Russian].

- In: *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropskikh yazykakh: forma i znachenie* [Issues of Word Formation in Indo-European Languages: Form and Meaning]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 143–157.
18. Rudenko, D.I. (1990) *Imya v paradigmakh "filosofii yazyka"* [Name in the Paradigms of "Philosophy of Language"]. Kharkiv: Osnova.
 19. Eselevich, I.E. (1979) *Iz istorii kategorii sobiratel'nosti v russkom yazyke* [From the History of the Category of Collectivity in Russian]. Kazan: Kazan State University.
 20. Eselevich, I.E. (1983) *Otazhenie leksiko-semanticheskoy kategorii litsa v istorii sobiratel'nykh sushchestvitel'nykh v russkom yazyke* [Reflection of the lexico-semantic category of person in the history of collective nouns in Russian]. In: *Issledovaniya po semantike* [Studies in Semantics]. Ufa: [s.n.]. pp. 57–62.
 21. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
 22. Vysotskaya, I.A. (2002) *Russkoe sobiratel'noye imya v lingvopragmaticheskom aspekte* [Russian Collective Noun in the Linguopragmatic Aspect]. Rostov-on-Don: [s.n.].
 23. Tikhonov, A.N. (2002) *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphemics. Word Formation. Morphology]. Moscow: Tsitadel'-trejd.
 24. Rozental', D.E. & Tel'enkova, M.A. (2022) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-Handbook of Linguistic Terms]. Moscow: Mir i obrazovanie.
 25. Evgen'yeva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vols. 1, 3. Moscow: Russkiy yazyk.
 26. Popova, T.N. (2009) *Kognitivnyy aspekt russkogo dialektного slovoobrazovaniya* [Cognitive aspect of Russian dialect word formation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2 (019). pp. 88–97.
 27. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
 28. Potikha, Z.A. (1974) *Kak sdelayany slova v russkom yazyke* [How Words Are Made in Russian]. Leningrad: Prosveshchenie, Leningradskoye otdelenie.

Информация об авторах:

Багирова Е.П. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: bagirovaelena@mail.ru

Марандина Е.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: elipihina@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.P. Bagirova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: bagirovaelena@mail.ru

E.L. Marandina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elipihina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.10.2024;
одобрена после рецензирования 29.12.2024; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 16.10.2024;
approved after reviewing 29.12.2024; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья

УДК 811

doi: 10.17223/19986645/98/2

Речежанровые пометы

Вадим Викторович Дементьев¹

¹ *Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, dementevv@yandex.ru*

Аннотация. Речежанровые пометы рассматриваются как прикладная (лексикографическая) и теоретическая проблема речежанровой семантики в связи с психолингвистическими механизмами речепорождения и речевосприятия. Показано, что информация о словах, входящая в базовую коммуникативно-языковую компетенцию носителя языка, содержит речежанровую семантику, т.е. знания о речевых жанрах, с которыми данные слова связаны. В речевом общении, претендующем на успешное протекание, должны встретиться слова, конструкции и речевые фигуры, имеющие в сознании адресанта и адресата речевого высказывания те же речежанровые пометы, что слова, конструкции и речевые фигуры, известные им обоим заранее. Речежанровые пометы обсуждаются в связи с существующими и возможными типами толковых, семантических словарей (разделы «язык», «речь», «речевая деятельность», «общение», «социальные отношения»). Показано, что, поскольку речежанровая семантика касается связей слов (с жанрами, в которых они употребляются), больше всего данной информации находится в словарях, представляющих связи слов: словарях синонимов, словарях ответных реплик, ассоциативных словарях. Отдельное микроисследование посвящено речежанровым пометам в ассоциативных словарях: рассматриваются стимулы, вызвавшие реакции, в которых непосредственно именуется тот или иной жанр. Подчеркивается, что ассоциативный материал не позволяет разграничить собственно речежанровые пометы, т.е. слова, используемые в составе / при протекании тех или иных жанров, и слова, составляющие речежанровую рефлексию, т.е. используемые при описании жанров.

Ключевые слова: речежанровые пометы, речежанровая семантика, психолингвистика, лексикография, ассоциативный словарь

Для цитирования: Дементьев В.В. Речежанровые пометы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 30–45. doi: 10.17223/19986645/98/2

Original article

doi: 10.17223/19986645/98/2

Speech-genre labels

Vadim V. Dementyev¹

¹ *Saratov State University, Saratov, Russian Federation, dementevv@yandex.ru*

Abstract. Speech-genre labels are considered as an applied (lexicographic) and theoretical problem of speech-genre semantics in connection with the psycholinguistic

mechanisms of speech production and speech perception. It is shown that information about words, which is part of the basic communicative-linguistic competence of a native speaker, contains speech-genre semantics, i.e. knowledge of the SG with which these words are associated. In speech communication, which claims to be successful, there must be words, constructions and speech figures that have in the consciousness of the addresser and addressee of the speech utterance the same speech-genre labels as the words, constructions and speech figures known to both of them in advance. Speech-genre labels are discussed in connection with existing and possible types of explanatory, semantic dictionaries (sections "language", "speech", "speech activity", "communication", "social relations"). It is shown that, since speech-genre semantics concerns the connections of words (with the genres in which they are used), most of this information is found in dictionaries that represent word connections: dictionaries of synonyms, dictionaries of response remarks, associative dictionaries. A separate micro-study is devoted to speech-genre labels in associative dictionaries: stimuli that caused reactions in which a particular genre is directly named are considered. It is emphasized that associative material does not allow us to distinguish between speech-genre labels proper, i.e. words used in / during the course of certain genres, and words that make up speech-genre reflection, i.e. used in describing genres.

Keywords: speech-genre labels, speech-genre semantics, psycholinguistics, lexicography, associative dictionary

For citation: Demytyev, V.V. (2025) Speech-genre labels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 30–45 (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/2

Введение: постановка проблемы

Исследование посвящено проблеме речезанровой семантики и имеет два аспекта: прикладной и теоретический.

Прикладной более очевиден: это лексикографическая практика, а также разработка обучающих и исследовательских программ, включая программы для искусственного интеллекта, чат-ботов и т.п.

Теоретический аспект исследования – получение общего знания о соотношении жанров речи и языковых единиц (прежде всего лексических, но не только) в сознании человека, речепорождении и речевосприятии. Гипотеза исследования: информация о словах, входящая в базовую коммуникативно-языковую компетенцию носителя языка, содержит *речезанровую семантику*, т.е. знания о речевых жанрах (РЖ), с которыми данные слова связаны. Среди слов, входящих в лексический раздел языковой компетенции носителя языка («лексикон» по выражению Ю.Н. Караулова), много жанрово нейтральных, или «всежанровых», но много и таких, которые закреплены более или менее жестко за определенными жанрами или группами жанров – от привязки к конкретному жанру до лишь приблизительных ориентиров, предпочтений по принципу «скорее используется в рамках жанра X, чем Y», при этом и роль данной единицы/слова в данном РЖ может быть разной: от ключевой, порождающей до менее значимой, инерционной.

Речезанровые пометы в сознании человека напоминают пометы в словаре (собственно, правильное говорить наоборот, но «пометы в сознании»

гораздо хуже изучены, чем разнообразные словарные пометы, используемые в лексикографии).

Подтверждение гипотезы отчасти решит вопрос и об узнавании / идентификации РЖ в «речевом потоке» и носителями языка, и искусственным интеллектом. В статье 2015 г., обсуждая наиболее сложные и не решенные до конца проблемы теории речевых жанров, автор писал:

«До сих пор не даны ответы на наиболее принципиальные вопросы (например, какие механизмы позволяют носителю языка идентифицировать речевые жанры в тех случаях, когда ни конкретная языковая форма реплик, ни их последовательность не имеют ничего общего с теми, с которыми он уже сталкивался в своей речевой практике, – часто высказываемая исследователями идея “ключевых” слов, опорных реплик или типических интенций не может быть эффективно применена во многих случаях, поскольку известные заранее “ключевые” конструкции и речевые фигуры могут вообще не встретиться во вполне гладко протекающем речевом общении); методика речежанровых исследований по степени формализации несопоставима с традиционными лингвистическими моделями. В результате сегодня среди лингвистов, особенно традиционных, ориентированных на индуктивные исследования, распространено скептическое отношение к ТРЖ» [1. С. 79].

Ближе ли мы сейчас, спустя десять лет, к решению этих важнейших проблем? Полагаем, да: вселяют оптимизм и новые словари (некоторые из них обсуждаются в этой статье), и многочисленные разработки по искусственному интеллекту (большинство – как раз за последние десять лет), и развитие речежанровой теории, которое позволяет если и не дать окончательные ответы, то высказать ряд серьезных и обоснованных предположений о речежанровой семантике и обсудить их более предметно, чем десять лет назад.

Вполне вероятно, что встретившиеся в гладко протекающем речевом общении языковые / речевые единицы, по которым человек идентифицирует жанр (ибо должны же они быть, такое важное задание не может быть отдано «на откуп» чистой интуиции), действительно не встречались ему раньше в составе данного жанра, но имеют в своей содержательной структуре речежанровые пометы, по которым и идентифицируется жанр. Слова, конструкции и речевые фигуры, имеющие в сознании адресанта и адресата речевого высказывания те же речежанровые пометы, что слова, конструкции и речевые фигуры, известные им обоим заранее, – должны встретиться в речевом общении, если оно претендует на успешное протекание.

Именно речежанровые пометы служат главным механизмом «жанровой памяти» (по М.М. Бахтину), который формирует в сознании носителя языка актуальные коммуникативные связи слов, встретившихся в сходных ситуациях речевого общения, произнесенных и услышанных высказываниях:

«Когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, мы далеко не всегда берем их из системы языка, в их нейтральной, словарной форме. Мы берем их обычно из дружных высказываний, и прежде всего из

высказываний, родственных нашему по жанру, то есть по теме, по композиции, по стилю; мы, следовательно, отбираем слова по их жанровой спецификации» [2. С. 191] (разрядка авт. – В.Д.); «<...> слова могут входить в нашу речь из индивидуальных чужих высказываний, сохраняя при этом – в большей или меньшей степени – тона и отзвуки этих индивидуальных высказываний. Слова языка – ничьи, но в то же время мы слышим их только в определенных индивидуальных высказываниях, читаем в определенных индивидуальных произведениях, и здесь слова имеют уже не только типическую, но и более или менее ярко выраженную (в зависимости от жанра) индивидуальную экспрессию, определяемую неповторимым индивидуальным контекстом высказывания» [2. С. 192].

Это напоминает роль в речепорождении и речевосприятии стилистических помет и стилистически окрашенных единиц – лексем, идиом, окказионализмов и т.д. Так же, как в случае со стилистическими пометами, противопоставляются а) нелитературные, сниженные (конфликтные, некооперативные, агрессивные) жанры; б) отмеченные неразговорно (художественно, книжно, официально, научно, политически, дипломатически); в) нейтральные.

Как установлено в современных когнитивно ориентированных исследованиях по стилистике, наличие у слова стилистической пометы, принадлежность его к тому или иному стилю, или *стилистическая окраска* (впрочем, следует признать, что в разных стилистических концепциях эти термины могут пониматься по-разному), означает наличие особой психологической реальности, картины мира, творимой стилем. В современных концепциях «*стиля*» такие пометы задают набор сфер и ситуаций общения, которые данным словом называются или в которых данное слово непосредственно используется (или хотя бы не неуместно) [3–6].

Логичным продолжением такого направления стилистических исследований будет выделение набора конкретных жанров, входящих в тот или иной стиль, или, иными словами, речезанровых помет (например, в составе стилистической пометы «*офиц.-дел.*» у слова в словаре задается набор именованных конкретных жанров официально-делового стиля). Наличие той или иной стилистической пометы и означает предпочтительность / невозможность соответствующих жанров. Понятно, что жанровые и стилистические пометы не совпадают полностью: во-первых, стиль «задаёт» набор жанров не всегда и далеко не всегда достаточно точно; во-вторых, жанровых помет гораздо больше, и они разнообразнее.

Подобным образом должны пониматься *дискурсивные пометы* (в некоторых словарях являющиеся разновидностью помет стилистических): а) отнесение слова к тому или иному дискурсу, например, религиозному, политическому, медицинскому, юридическому, документному и т.п.; б) выделение в составе данного дискурса конкретных жанров, для которых данное слово актуально (например, в составе религиозного дискурса выделяются молитва, притча, проповедь). В некоторых современных словарях, особенно специальных и узкоспециальных, представляющих какой-либо конкретный тип дискурса, прежде всего институциональный, это уже делается (например, в «Словаре терминов российского законодательства» под ред. М.В. Батюшкиной [7]), однако, повторяем, далеко не всегда, не последовательно, и

такие попытки еще не могут претендовать на полноту, тогда как, по нашему мнению, было бы очень полезно (например, в разработках по искусственному интеллекту) ввести такой тип помет во всех или почти всех толковых и(или) тематических словарях и стремиться в этом отношении именно к полноте (при этом не ограничиваться только институциональными типами дискурса, а широко привлекать и неинституциональные).

Конечно, дискурсов больше, чем стилей, а жанров – больше, чем и стилей, и дискурсов, отсюда и речежанровые пометы более многочисленны и разнообразны, чем стилистические (хотя в обоих случаях, по-видимому, нейтральные пометы будут составлять абсолютное большинство).

Как выявить такие пометы? Наиболее очевидное решение – поскольку они существуют в сознании, то психологически. Подобный опыт применительно к стилю и стилистическим пометам слов уже имеется – ср. современные психолингвистические, дискурсивные, когнитивные и т.п. исследования, концепции стиля, широко использующие экспериментальные данные [5, 6, 8, 9]; см. обзор в [3]. Психолингвистическими, когнитивными, ассоциативными и т.п. методами анализируется ментальная реальность стилей. Стиль – один или несколько, в одном понимании или в нескольких разных, стиль в целом или стилистическая окраска отдельных языковых единиц / стилистические пометы в описаниях их – необходим для понимания и порождения текстов, занимает важное место среди психолингвистических механизмов понимания и порождения текстов, т.е. представляет собой одну из основ речевой системности, наряду с речевыми жанрами.

Типы возможных речежанровых помет в словарях

Речежанровая информация в специальных и неспециальных идеографических, семантических словарях (разделы «язык», «речь», «речевая деятельность», «общение», «социальные отношения») обширна и разнообразна, хотя и часто недостаточно упорядоченна с интересующей нас точки зрения.

В то же время в структуре даже вполне традиционных словарных статей содержится довольно много жанрово значимой информации.

Представляет большой интерес пятитомный «Толковый словарь русской разговорной речи» под ред. Л.П. Крысина (2014–2023), задачей которого является «с возможной полнотой отразить в словарной форме семантические, грамматические, сочетательные, стилистические свойства разговорной лексики, а также особенности ее использования в различных ситуациях неформального, заранее не подготовленного спонтанного общения» [10. С. 9] (разрядка наша. – В.Д.). К сожалению, непосредственная задача представить жанровую картину и конкретное жанровое распределение лексики в словаре не ставилась. С другой стороны, в словаре достаточно полно отразилась динамика последних лет: «Расширилась сфера применения РР: наряду с бытовыми, обиходными ситуациями, наиболее типичными для функционирования этой разновидности литературного языка, в круг активного ее использования вовлекаются и некоторые формы публичной коммуникации. Разговорная,

просторечная, жаргонная лексика, синтаксис, характерный для устного дискурса, – обычное явление не только во всех видах бытового общения, но и в публичных сферах, в средствах массовой информации. Это движение “разговорности” в указанные сферы началось, по-видимому, со времени, когда политики перестали говорить по бумажке, когда в электронных средствах массовой информации – на радио и телевидении – стали популярными разного рода устные и при этом не подготовленные заранее интервью, ток-шоу и другие формы свободного общения» [10. С. 10].

Ср. также «**Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика**» Л.М. Васильева [11], в котором выделяется обширная тематическая группа «предикаты речи» (глаголы и именные корреляты), но также не ставится задача представить жанровое распределение лексики.

Один из немногих словарей, где отчасти (не вполне последовательно) данное жанровое распределение представляемой лексики отражается, – упомянутый «**Словарь терминов российского законодательства**» под ред. М.В. Батюшкиной. Ср. две статьи из словаря (речезанровые пометы и речезанрово значимая информация в целом в толкованиях данных терминопонятий выделены нами. – *В.Д.*):

Экологический аудит – независимая, комплексная, документированная оценка соблюдения юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем требований, в том числе нормативов и нормативных документов, федеральных норм и правил, в области охраны окружающей среды, требований международных стандартов и подготовка рекомендаций по улучшению такой деятельности (*ст. 1 Фед. закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»*);

Ящик для сбора благотворительных пожертвований – емкость для сбора благотворительных пожертвований (за исключением безличных денежных средств), право использования которой принадлежит исключительно некоммерческой организации, учредительными документами которой предусмотрено право на осуществление благотворительной деятельности. Ящик для сбора благотворительных пожертвований используется при его перемещении в пространстве (переносной ящик) или без такого перемещения (стационарный ящик). (*ст. 16.1 Фед. закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»*).

Вообще же, поскольку интересующая нас речезанровая семантика касается связей слов (с жанрами, в которых они употребляются, и непосредственно с другими словами, относящимися к этим же жанрам), т.е. по сути диалогических отношений, то больше всего данной информации рассчитываем найти в соответствующих словарях, представляющих связи слов: словарях синонимов, словарях ответных реплик, ассоциативных словарях.

Ср. «**Новый объяснительный словарь синонимов русского языка**» (М.: Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.; под ред. Ю.Д. Апресяна), целый ряд статей которого (около 30) посвящен фактически именам речевых жанров, которые и анализируются с точки зрения их связей, а именно: связей с синонимами,

точнее, синонимичными жанрами (беседа, брань, «брюзжание», ворчание, высмеивание, «дерзость», доказательство, жалоба, извинение, капризничание, молва, мольба, оправдание, осуждение, порицание, похвальба, предсказание, «придирки», просьба, прощение, разрешение, рекомендация, слухи, совет, убеждение, уверение, угроза, укор, упрек, ябедничество и др.) (из-за большого объема статей не приводим целиком – ср., например, очень глубокую статью «РАЗГОВОР 1, БЕСЕДА 1, ДИАЛОГ 1» [12. С. 922–925]).

Другой пример – словарь «**Ответные реплики в русской диалогической речи**» В.Т. Бондаренко [13], в котором анализируются различные типы ответных реплик – интересные, прежде всего, своим разнообразием, при этом, как правило, довольно большой стандартизацией (и идиоматичностью; абсолютное большинство – неоднословные), креативностью (многие в рифму, высокоэкспрессивные) и т.д.: описаны более 900 клишированных единиц – «бытующих в разговорной речи ответных реплик, включая разные социальные и профессиональные сферы диалогического общения» [13. С. 11]. Основу словника составляют устойчивые словесные комплексы (фраземы, паремии, крылатые выражения). Среди ответных реплик преобладают фразеологические образования (фразеореплики), а не слова. Еще важнее для нас то, что кроме непосредственно ответных реплик много внимания уделяется стимулам – тем словам, которые, собственно, порождают такие реакции, а значит, их соответствующим пометам. Главными средствами лексикографической характеристики единиц служат иллюстрации и пометы – стилистические и эмоционально-оценочные (*насмешливое, пренебрежительное, уничижительное, несогласие, неудовольствие, одобрение, презрение, раздражение*). (О речезанровой значимости этого словаря см.: [14].)

Речезанровая информация в ассоциативных словарях

Особый тип речезанровых помет представлен в ассоциативных словарях, особенно о б р а т н ы х : к а к и е стимулы вызвали реакции, в которых непосредственно именуется жанр?

Обнаружив в реакциях на то или иное слово-стимул название того или иного РЖ, можно предположить, что у данного слова-стимула есть соответствующая речезанровая помета: «*входит в жанр X*». Вывод такой, однако, может быть поспешным: так доказывается лишь существование в сознании носителей языка связи между словом и названием жанра (конечно, при условии, что реакция не случайна, что должно подтверждаться большим количеством реакций, поэтому единичные реакции лучше не привлекать). Таким образом, информация эта к о с в е н н а я (как и многие семантические / когнитивные заключения, делаемые на основе ассоциативного материала в целом). Тем не менее, такая связь существует и может указывать на наличие речезанровых помет.

Так, В.Е. Гольдин и О.Н. Дубровская, используя материалы «**Ассоциативного словаря саратовских школьников**», отобрали наиболее частотные реакции и выделили в этой частотной зоне использованные школьниками имена жанров.

Результаты отбора показали, что школьники в качестве реакций дают названия **художественных жанров** (*песня, сказка, анекдот, рассказ, стихи*), имена разновидностей **официальных документов** (*паспорт, диплом, билет*), имена **жанров официально-деловой речи** (*жалоба, доклад, договор, документ*), номинации **учебных жанров письменного характера** (*сочинение, диктант*), имена **коммуникативных действий** и соответствующих им простых **коммуникативных событий** (*вопрос, отказ, просьба, согласие, запрет, приглашение, шутка, прикол*). Как отмечают исследователи, «поскольку круг данных речевых жанров и событий очерчен не произвольно, как это нередко бывает, а на основе результатов ассоциативных экспериментов, то выделился достаточно реальный, на наш взгляд, коммуникативный комплекс, обладающий внутренним единством и относительной целостностью» [15. С. 17].

Опираясь на разработанную в данном исследовании методику, Е.В. Старостина и О.В. Кожара анализируют и отчасти систематизируют реакции с именами РЖ в обратном томе «**Русского ассоциативного словаря**» под ред. Ю.Н. Караулова:

- имена **художественных и близких к ним жанров** – *рассказ (489)* (в скобках указано количество стимулов, вызвавших реакции. – В.Д.), *песня (376), сказка (388), роман (357), анекдот (218), стих (143), стихи (169)*;
- имена **жанров деловой письменности** – *договор (220), приказ (204), доклад (122)*;
- **названия документов** – *билет (571), документ (333), паспорт (263)*;
- имена **коммуникативных действий** и соответствующих им простых **коммуникативных событий**, **имена бытовых жанров** – *вопрос (1 296), разговор (1 228), ответ (1 035), письмо (1 153), ложь (621), встреча (395), вранье (328), сплетни (289), совет (273), предложение (144), спор (128), ссора (120), шутка (120), согласие (101)*;
- имена **риторических жанров** – *слово (684), речь (275)*;
- имена **жанров речи и речевых событий, связанных с учебной** – *ответ (1 035), урок (767), экзамен (677), лекция (151)* [16. С. 174].

Более детальному анализу исследователи подвергают ассоциативные поля *ссора, ответ, совет*:

Так, слово *ссора* было дано в качестве реакции на стимулы 120 раз (по данным РАС). Можно видеть, что наиболее часто (в 46,7% случаев) данную реакцию вызывали стимулы, обозначающие сходные с «ссорой» явления: **раздор** 21, **конфликт** 11, **пересуды** 5, **спор** 5, **ругань** 3, **скандал** 3, **брань** 2. Из этих стимулов доля наименований речевых жанров в свою очередь составляет около 15%. Как простое речевое событие *ссора* также может упоминаться в связи с более сложными коммуникативными событиями, такими как **конфликт** 11, **развод** 4, **скандал** 3, **встреча, драка**. На основе данных ассоциаций допустимо говорить о вхождении *ссоры* в один гипонимический ряд с событиями, в структуре которых не обязателен речевой компонент. По всей видимости речевой компонент не является единственным, что определяет такое событие, как *ссора*. Об этом свидетельствует наличие среди слов-стимулов, вызывающих данную реакцию, как речевых, так и неречевых действий – **драться** 2, **избежать** 2, **издеваться, объяснить, орать, спорить, толкать, уйти**. Среди всех стимулов, в ассоциативном

поле которых представлена реакция *ссора*, третьим по частотности является *повод* (на него реакция была дана 8 раз). Это говорит о том, что слот «причина» действительно представлен в фрейме *ссоры*, а это в свою очередь очень существенно для представления структуры *ссоры* как события. Другие важные слоты «события», такие как темпоральная характеристика (*бесконечная*), фазовость (*возникать, хватит*), участники (*брат, супруги, зять, папа*) также не остаются пустыми за счет наличия данной реакции в ассоциативных полях соответствующих стимулов. Примечательно, что в ассоциативном поле стимула *повод* присутствует также имя первичного речевого жанра – *разговор* (для *разговора 13, к разговору 10, разговор 5*), что, как нам кажется, может прямо указывать на родство первичных РЖ с событиями. Это дает основание предположить, что имена простых речевых событий (*ссора, спор, разговор, беседа*) в разной степени склонны реализовывать определенную модель многозначности в речи, по которой они могут обозначать в некоторых контекстах не только событие, но и речевое произведение или речевой жанр [16. С. 174–176].

В работе [17] рассматриваются ассоциативные поля со стимулами – именами четырех фатических РЖ: *разговор, беседа, болтовня, трёп* (в сравнении ассоциаций у мужчин и женщин) – в основном в прямом ассоциативном словаре; по материалам обратного есть лишь отдельные замечания (реакция *разговор* на стимул *мужской* – на третьем месте; на стимул *женский* – единична).

Понятно, что наборы имен РЖ, представленные в ассоциативных словарях, гораздо обширнее, чем рассматриваемые в этих работах. Много важной информации обнаруживается при анализе ассоциативного содержания слов, обладающих богатой речевжанровой семантикой, например (слова взяты нами из обратных ассоциативных словарей ЕВРАС и СИБАС (<https://ilingran.ru/web/ru/publications/evras>; <http://adictru.nsu.ru>): а) дедуктивно, из более-менее общепринятых типологий РЖ; б) индуктивно: из реальных слов-реакций РАС и АСШС): *анекдот, беседа, блог, болтовня, брань, «брюзжание», влог, ворчание, высмеивание, «дерзость», доказательство, жалоба, извинение, ирония, капризничание, колкость, комплимент, молва, мольба, намёк, оправдание, оскорбление, осуждение, порицание, похвала, похвальба, предсказание, предупреждение, «придирки», приказ, просьба, прощение, разговор, разрешение, рекомендация, слухи, совет, соболезнование, сочувствие, травелог, трёп, убеждение, уверение, уговоры, угроза, укор, ультиматум, упрашивание, упрек, утешение, ухаживание, фанфик, флирт, чат, шутка, ябедничество*.

Вот, например, данные обратного словаря ЕВРАС и СИБАС на слово *беседа*:

Беседа – ЕВРАС (← разговор 69; разговаривать 23; поговорить 20; чай 6; говорить, тема 4; встреча, спор 3; гость, договориться, кухня, продолжать, рассказать, сказать 2; вести, встретить, дети, интересоваться, общительный, объяснить, позвонить, провести, проводить, речь 1; 154 + 24 беседа чай ← вечер); СИБАС (разговор 71; разговаривать 20; поговорить 17; говорить 8; спор 5; вести; встреча; договориться; продолжать; рассказать; сказать; тема 2; глупый; гость; застолье; общительный; повод; послушать; приятный; провести; семья; чай; ярость 1 (146, 23)).

Большую часть этой информации можно считать тривиальной и даже тавтологичной: это название жанра частотно возникает в сознании носителей русского языка как реакция на стимулы *разговор, разговаривать, поговорить*. Менее тривиальными представляются связи со словами, называющими вероятные темы беседы – *дети*, локацию и др. ситуативные характеристики – *кухня, чай, вечер*; наиболее же информативными, которые еще предстоит осмыслить, – оценочные связи *беседы* со словами *глупый, ярость* и под. (напоминаем, это данные обратного словаря, а не прямого, т.е. требование не дать оценку беседе, а выбрать, с чем ассоциируется столь интенсивная оценка, – и выбрана *беседа*).

Совершенно другую, во многом противоположную картину образуют оценочные связи слова **разговор**: *лаконичный, общительный, открытый, веселый, деятельный, жесткий, грубый, мирный, хаотичный, безвредный, безопасный, честный, культурный, лаконичный, подлинный*:

Разговор – ЕВРАС (← беседа 111; речь 42; деловой 35; продолжать, телефон 23; тема 21; важный 20; приятный 19; интересный 18; позвонить 16; краткий 15; вести, короткий, сплетни 13; искренний, кончать 12; понятный 11; послушать 10; договориться, лаконичный, общительный 9; начать 8; длинный, международный, начинать, поговорить 7; голос, открытый, повод, слышать 6; звонить, немногословный, обращаться, связь, слово 5; встреча, громкий, грубый, мирный, спор, спрашивать, честный 4; веселый, деятельный, жесткий, ответить, отвечать, пересуды, политический, рот, совместный, спросить 3; безвредный, безопасный, говорить, гость, друзья, женский, живой, записать, интересоваться, культурный, наш, общий, обычный, особый, остальной, подлинный, подойти, пьяный, сказать, сложный, слушать, спокойный, стыдливый, хаотичный, чужой, шумный 2; быстрый, взгляд, гармоничный, гибкий, глупый, другой, жест, жестокий, зависть, запутывать, застолье, знакомый, изменчивый, конечный, кончиться, крупный, кухня, лживый, медленный, месяц, мнение напористый, настойчивый, национальный, непредсказуемый, общественный, объяснить, оставаться, оставить, передавать, постоянный, правда, просто, простой, разговор, рассказать, решительный, слава, тихий, уверенный, умный, утаивать, шутка 1; 692 + 121; разговор 2-х чел ← беседа; разговора ← тема 16; предмет 13; непонимание, соль 1; 31+4); СИБАС (беседа 101; деловой 36; речь 26; понятный 23; интересный 22; телефон 21; звонить 20; приятный 17; общительный; продолжать 16; тема 15; слышать 14; короткий 13; краткий; поговорить 12; важный; позвонить 10; искренний; начать 9; кончать; спор 8; живой 7; вести; громкий; немногословный; послушать; слово 6; встреча; грубый; договориться; международный; обращаться; обычный; совместный; сплетни 5; голос; жест; культурный; лаконичный; пересуды; честный 4; бедствовать; говорить; длинный; жесткий; записать; конечный; начинать; объяснить; ответ; политический; последний; сказать; слушать 3; детский; жестокий; запутывать; интересоваться; люди; мирный; мнение; молчать; общественный; общий; ответить; отвечать; открытый; подлинный; подойти; понимать; просить; связь; чужой 2; агрессивный; активный; безрассудный; везти; воскресенье; вспоминать; встретить; вы; грязный; губа; дело; другой; друзья; знакомый; культура; кухня; лживый; медленный; надменный; напористый; настойчивый; начало; начальник; наш; небольшой; непонимание; определенный; остальной; пиво; письмо; плохо; политик; помочь; право; предприимчивый; проститутка; простой; разговаривать; свидание; слава; сложный; случай; смысл; совет; современный; сочувствие; спра-

шивать; сторона; странный; твердый; тихий; требовать; тяжелый; умный; шумный; экзамен 1; (652, 129); разговор с человеком беседа 1 (1, 1); разговор, человек деловой 1 (1, 1); разговора тема 10; предмет 3; трава 1 (14, 3)).

Интересна картина, образуемая связями слова *извинение*, которое довольно частотно становится реакцией на *стыд* (не наоборот).

Интересны и показательны также связи *лести* с *неправда*, *хитрость*, *ложь*.

Для слова *совет* представляются значимыми связи со словами, с одной стороны, оценочными: *искренний*, *добрый*, *безвредный*, *безопасный*, *мудрый*, с другой – являющихся именами актантов фрейма: *друг*, *единственный*, *сестра*, *неудачник* (!):

Совет – ЕВРАС (← спросить 27; спрашивать 26; мудрый 25; давать 23; послушать 14; нужный 10; попросить 7; дать, международный 6; искренний 5; безвредный, добрый, мнение, обращаться 3; важный, настойчивый, плохой, помощь, простой, хороший 2; безопасный, влияние, военный, готовый, деятельный, договориться, другой, краткий, лучший, национальный, наш, ничтожный, организация, особый, польза, понимать, правление, практичность, прекрасный, принять, просить, разговор, разный, сестра, следовать, совет, таинственный, умный, член 1; 202 + 49; совет (собрание) ← член; Совет безопасности ← безопасность; совета ← член 11; спрашивать 10; спросить 7; попросить 3; организация, послушать, просить, союзник 1; 35+8); СИБАС (мудрый; спросить 23; давать 16; нужный 15; послушать 13; международный 11; спрашивать 10; дать 8; добрый 7; важный 5; следовать 4; военный; обращаться; политический 3; безвредный; деятельный; женский; искренний; попросить; хороший; член 2; встреча; дорогой; друг; единственный; лучший; мнение; небольшой; независимый; неудачник; общий; определенный; ответ; папа; передать; пересуды; плохой; помощь; просить; религиозный; родители; совет; советский; социальный; товарищ; уверенный; умный 1 (184, 47); совет, сдачи дать 1 (1, 1); совета спросить 18; член 16; спрашивать 13; послушать; просить 2; партия; попросить 1 (53, 7); советам власть; следовать 1 (2, 2)).

Конечно, картина становится гораздо ярче и разнообразнее, если привлекать единичные реакции (например, для слова *угроза* – *гнев*, *зависть*, *лев*, *мафия*, *автомат*, *вор*, *нога*, *орел*; для *шутка* – *шутка*с не очень и т.п.: каждая из этих реакций заслуживает самостоятельного анализа), но, как мы уже говорили, для объективности картины мы этого не делаем.

Объективное ограничение использования ассоциативного материала для наших целей, т.е. для выявления жанровых помет слов, связано с тем, что ассоциативный материал не позволяет разграничить (или позволяет лишь косвенно) собственно речевые пометы, т.е. слова, используемые в составе / при протекании тех или иных жанров, и слова, составляющие речевую рефлексивную, т.е. используемые при описании жанров. К рефлексивному материалу, по-видимому, относятся и полутерминологические характеристики – устойчивые сочетания в номинациях (*разговор по душам*, *разговор на общие темы*, *мужской разговор*, *пустой разговор*).

Заключение

Итак, как будут выглядеть словари / словарные статьи, включающие информацию о речешанровых пометах слов или посвященные ей целиком? В первых, подобные словари уже существуют – ср. неоднократно упоминавшийся словарь под ред. М.В. Батюшкиной, в котором собраны слова / термины, не только относящиеся к законодательному дискурсу, но и отчасти упорядоченные по конкретным типам документов данного типа дискурса, т.е. жанрам.

Хотя именно в ассоциативных словарях содержится особенно много речешанровой информации, парадоксальным образом наш призыв модернизировать словари, включать речешанровые пометы, систематизировать их, стремиться в этом отношении к полноте – не касается ассоциативных словарей: в них эта информация о речешанровых связях слов (если она у слов действительно есть) уже представлена достаточно полно и объективно (при этом, как было сказано, ассоциативный материал не позволяет разграничить речешанровые пометы и речешанровую рефлексивность). Но именно эту информацию из ассоциативных словарей нужно привлекать к модернизации более традиционных – толковых и семантических словарей. Эта работа уже активно велась и ведется, например, коллективами под рук. Л.П. Крысина, велась под рук. Ю.Д. Апресяна, И.А. Стернина: составление не только собственно словарных статей, но и «портретов слов», включая принципиально комплексную информацию о словах из разных источников, в том числе ассоциативных. Речешанровые пометы играют важную роль в составлении «портретов слов».

Вторая прикладная нелексикографическая часть выделяется здесь скорее гипотетически: введение такой информации в прикладные программы распознавания и порождения текста и интернет-поисковики. Проблеме чат-бот коммуникации, созданию эффективных программ такой коммуникации посвящено уже довольно много лингвистических работ, несмотря на то, что проблема эта новая; важное место в разработке данных программ занимает коммуникативная разметка словаря, коммуникативные (часто фактически речешанровые) пометы у слов [18–28].

Целый ряд реакций если и не дает прямого ответа о заполнении поля речешанровых помет, то наводит на глубокие размышления о речешанровой реальности слов и других языковых единиц в сознании.

Список источников

1. Дементьев В.В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч. : В 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5: Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
3. Боронин А.А. Понятие стиль в психолингвистическом освещении // Вопросы психолингвистики. 2010. № 11. С. 59–64.

4. Джусупов Н.М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 65–76.
5. Culpeper J. A Cognitive Stylistic Approach to Characterisation // Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis. Amsterdam : John Benjamins, 2002. P. 251–278.
6. Hamilton C. Stylistics or Cognitive Stylistics? // Bulletin de la Société de Stylistique Anglaise. 2006. № 28. P. 55–65.
7. Словарь терминов российского законодательства / авт.-сост. М.В. Батюшкина. М. : Флинта, 2021. 568 с.
8. Лузина Л.Г. Распределение информации в тексте: когнитивный и прагматистический аспекты. М. : ИНИОН РАН, 1996. 139 с.
9. Молчанова Г.Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 3. С. 60–71.
10. Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. Л.П. Крысина. Вып. 1. М. : Языки славянской культуры, 2014. 776 с.
11. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа : Гилем, 2005. 200 с.
12. Новый объяснительный словарь синонимов 2004 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. Москва ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.
13. Бондаренко В.Т. Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. 339 с.
14. Киреева Е.З. О возможностях словаря «Ответные реплики в русской диалогической речи» В.Т. Бондаренко // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 317–321. doi: 10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324.
15. Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 5–17.
16. Старостина Е.В., Кожара О.В. Вербальные ассоциации как дополнительный источник материала при комплексном исследовании речевых жанров // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 172–178. doi: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-172-178
17. Степанова Н.Б. Имена речевых жанров и их ассоциативные поля // Русский язык сегодня. Вып. 6: Речевые жанры современного общения : сб. докл. / отв. ред. А.В. Занадворова. М. : Флинта : Наука, 2015. 384 с.
18. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы. М. : Проспект, 2021. 176 с.
19. Дубровский Д.И. Актуальные проблемы интерсубъективности // Естественный и искусственный интеллект / под ред. Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского. М. : Канон+, 2011. С. 129–148.
20. Карасик В.И. Диалог с искусственным интеллектом: функциональные характеристики и нормы поведения // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 3. С. 34–45. doi: 10.29025/2079-6021-2024-3-34-45.
21. Киселева С.В., Смирнова А.А. Когнитивный аспект чат-бот коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 139–146.
22. Киселева С.В., Смирнова А.А., Трофимова Н.А. «Чат-бот коммуникация» как объект лингвистического исследования в системе цифровых коммуникаций // Дискурс. 2022. Т. 8, № 3. С. 128–146.
23. Сотой М. дю. Нейросеть разумная: как искусственный интеллект осваивает человеческие навыки, творит, думает и учится / пер. с англ. М. : Колibri : Азбука-Аттикус, 2024. 381 с.
24. Финн В.К. Искусственный интеллект: методология, применения, философия. М. : URSS; КРАСАНД, 2011. 477 с.

25. Шереметьева С.О., Бабина О.И., Зиновьева А.Ю., Неручева Е.Д. К вопросу о разработке информационно-насыщенных чат-ботов в гуманитарной сфере коммуникации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 19, № 4. С. 65–71.
26. Lindgren S. Critical theory of AI. Cambridge ; Hoboken, N.J. : Polity, 2024. 209 p.
27. McShane M., Nirenburg S. Linguistics for the age of AI. 2021. 448 p.
28. Pang B., Lee L. Opinion mining and sentiment analysis. Foundations and Trends in Information Retrieval 2008. № 2 (1–2). P. 1–135.

References

1. Dement'yev, V.V. (2015) Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoy rechi [Theory of speech genres and current processes of modern speech]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 78–107.
2. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 159–206.
3. Borodin, A.A. (2010) Ponyatie stil' v psikhologo-lingvisticheskom osveshchenii [The concept of style in psycholinguistic perspective]. *Voprosy psikhologii-lingvistiki*. 11. pp. 59–64.
4. Dzhusupov, N.M. (2011) Kognitivnaya stilistika: sovremennoye sostoyaniye i aktual'nye voprosy issledovaniya [Cognitive stylistics: current state and relevant research issues]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 65–76.
5. Culpeper, J. (2002) A cognitive stylistic approach to characterisation. In: *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam: John Benjamins. pp. 251–278.
6. Hamilton, C. (2006) Stylistics or Cognitive Stylistics? *Bulletin de la Société de Stylistique Anglaise*. 28. pp. 55–65.
7. Batyushkina, M.V. (ed.) (2021) *Slovar' terminov rossiyskogo zakonodatel'stva* [Dictionary of Terms of Russian Legislation]. Moscow: FLINTA.
8. Luzina, L.G. (1996) *Raspredelenie informatsii v tekste: kognitivnyy i pragmastilisticheskiy aspekty* [Distribution of Information in the Text: Cognitive and Pragmastylistic Aspects]. Moscow: INION RAN.
9. Molchanova, G.G. (2001) Kognitivnaya stilistika i stilisticheskaya tipologiya [Cognitive stylistics and stylistic typology]. *Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 60–71.
10. Krysin, L.P. (ed.) (2014) *Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy rechi* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Vasil'yev, L.M. (2005) *Sistemnyy semanticheskiy slovar' russkogo yazyka. Predikatnaya leksika* [Systemic Semantic Dictionary of the Russian Language. Predicate Lexicon]. Ufa: Gilem.
12. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2004) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
13. Bondarenko, V.T. (2013) *Otvetye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi: slovar'* [Responsive Replicas in Russian Dialogic Speech: Dictionary]. Tula: Tula State Pedagogical University.
14. Kireyeva, E.Z. (2020) O vozmozhnostyakh slovarya "Otvetye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi" V.T. Bondarenko [Responsive Replicas in Russian Dialogic Speech. On the Possibilities of V.T. Bondarenko's Dictionary]. *Zhany rechi*. 4 (28). pp. 317–321. [Online] Available from: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324> (Accessed: 22.12.2025).
15. Goldin, V.E. & Dubrovskaya, O.N. (2002) Zhanrovaya organizatsiya rechi v aspekte sotsial'nykh vzaimodeystviy [Genre organization of speech in the aspect of social interactions]. In: *Zhany rechi* [Speech Genres]. Vol. 3. Saratov: Izdatel'stvo GosUNTs "Kолledzh". pp. 5–17.

16. Starostina, E.V. & Kozhara, O.V. (2018) Verbal'nye assotsiatsii kak dopolnitel'nyy istochnik materiala pri kompleksnom issledovanii rechevykh zhanrov [Verbal associations as an additional source of material in the comprehensive study of speech genres]. *Zhanny rechii*. 3 (19). pp. 172–178. doi: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-172-178
17. Stepanova, N.B. (2015) Imena rechevykh zhanrov i ikh assotsiativnye polya [Names of Speech Genres and Their Associative Fields]. In: Znadvorova, A.V. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [Russian Language Today]. Vol. 6. Moscow: Flinta: Nauka.
18. Bakhteyev, D.V. (2021) *Iskusstvennyy intellekt: etiko-pravovye osnovy* [Artificial Intelligence: Ethical and Legal Foundations]. Moscow: Prospekt.
19. Dubrovskiy, D.I. (2011) Aktual'nye problemy intersub'yektivnosti [Current problems of intersubjectivity]. In: Dubrovskiy, D.I. & Lektorskogiy, V.A. *Estestvennyy i iskusstvennyy intellekt* [Natural and Artificial Intelligence]. Moscow: Kanon+. pp. 129–148.
20. Karasik, V.I. (2024) Dialog s iskusstvennym intellektom: funktsional'nye kharakteristiki i normy povedeniya [Dialogue with artificial intelligence: functional characteristics and behavior norms]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 3. pp. 34–45. [Online] Available from: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-3-34-45> (Accessed: 22.12.2025).
21. Kiseleva, S.V. & Smirnova, A.A. (2022) Kognitivnyy aspekt chat-bot kommunikatsii [Cognitive aspect of chat-bot communication]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2 (49). pp. 139–146.
22. Kiseleva, S.V., Smirnova, A.A. & Trofimova, N.A. (2022) "Chat-bot kommunikatsiya" kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya v sisteme tsifrovyykh kommunikatsiy ["Chat-Bot Communication" as an object of linguistic research in the system of digital communications]. *Diskurs*. 3 (8). pp. 128–146.
23. du Sautoy, M. (2024) *Neyroset' razumnaya: kak iskusstvennyy intellekt osvvaivayet chelovecheskie navyki, tvorit, dumayet i uchitsya* [The Creativity Code: How AI is Learning to Write, Paint and Think]. Translated from English. Moscow KoLibri: Azbuka-Attikus.
24. Finn, V.K. (2011) *Iskusstvennyy intellekt: metodologiya, primeneniya, filosofiya* [Artificial Intelligence: Methodology, Applications, Philosophy]. Moscow: URSS; KRASAND.
25. Sheremeteva, S.O. et al. (2022) K voprosu o razrabotke informatsionno-nasyshchennykh chat-botov v gumanitarnoy sfere kommunikatsiy [On the development of information-rich chat-bots in the humanitarian sphere of communication]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 4 (19). pp. 65–71.
26. Lindgren, S. (2024) *Critical theory of AI*. Cambridge; Hoboken, N.J.: Polity.
27. McShane, M. & Nirenburg, S. (2021) *Linguistics for the Age of AI*. Cambridge, MA: MIT Press.
28. Pang, B. & Lee, L. (2008) Opinion mining and sentiment analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2 (1–2). pp. 1–135.

Информация об авторе:

Дементьев В.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: demen-tevvv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Dementyev, Dr. Sci. (Philology), professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: dementevvv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.03.2025;
одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 22.03.2025;
approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья

УДК 81'27

doi: 10.17223/19986645/98/3

Медиапространство Интернета как новый формат существования диалектной лексики

Татьяна Алексеевна Демешкина¹, Наталья Антоновна Зюзькова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *demeta@rambler.ru*

² *zyuzkovanatalya@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается проблематика адаптации элементов традиционного дискурса к цифровому формату общения. Анализируются интернет-комментарии, извлеченные из региональных сообществ социальной сети «ВКонтакте», включающие собственно диалектные лексемы. Выявляются функции диалектных единиц, определяются трансформационные процессы, происходящие в их лексической семантике. Описывается роль Интернета как канала распространения и популяризации диалекта, являющегося формой культуры и коммуникации.

Ключевые слова: интернет-комментарий, диалект, формат, социальные сети, проекты

Благодарности: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект FSWM-2025-0016 «Текст в цифровом обществе: константы и трансформации».

Для цитирования: Демешкина Т.А., Зюзькова Н.А. Медиапространство Интернета как новый формат существования диалектной лексики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 46–60. doi: 10.17223/19986645/98/3

Original article

doi: 10.17223/19986645/98/3

The internet media space as a new form of dialect vocabulary

Tatiana A. Demeshkina¹, Natalya A. Zyuzkova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *demeta@rambler.ru*

² *zyuzkovanatalya@gmail.com*

Abstract. The aim of the article is to identify the transformational processes occurring in the sphere of dialect vocabulary as it "enters" the Internet, as well as to determine its role in shaping the digital space. The object of analysis is internet comments extracted from the social network VKontakte. The material consists of over 1,000 internet

comments containing dialect words labeled "dialect proper" in the *Vershininsky Dictionary*. The comments were extracted from VKontakte by searching within 23 regional communities of the cities of Irkutsk, Novosibirsk, Omsk, and Tomsk. The study employs the method of scientific description, component analysis, and discourse analysis. The novelty of the article is determined by its focus on the problem of dialect word functioning within internet communities, whose comments reflect the current state of oral and written communication, and capture diverse processes taking place in the Russian language. Two main questions are considered: What does dialect contribute to discursive practices functioning on the Internet, and what role does the Internet play in the fate of Russian dialects? It is revealed that the role of vocabulary in shaping the poly-functionality of internet space lies in its potential ability to serve as a means of expressing various functions. The following functions of dialect vocabulary have been identified: nominative, identifying, characterizing, addressing, stylistic, volitional, invective, and emotional-expressive. The formation of polysemanticity in the communicative space of the Internet has been established, driven by the emergence of new meanings and shades of meaning in dialect lexemes not recorded in dialect communication. It is determined that the activation of users' metalinguistic consciousness in social networks manifests in attempts to comprehend facts of their native language through correlating a word's phonetic form with its lexical meaning or by appealing to other social network users. A list of internet projects dedicated to dialect is outlined. The existence of such resources is evidence of love for one's native language and an attempt to comprehend it, demonstrating users' desire to preserve the memory of the past and to understand themselves and others as language personalities. The Internet, as a variety of new media, records changes occurring in contemporary Russian and reflects trends in its development. Local words are found both in discussions within specialized communities and in various popular science podcasts. The functioning of dialect units in resources of different types, genres, and formats contributes to their actualization, attracting the attention of both professional linguistic community representatives and non-specialists to folk speech. The emergence of fundamentally new formats, uncharacteristic of dialect words, reflects trends in modern science and society as a whole—to talk about complex things in a simple and accessible language.

Keywords: internet comment, dialect, format, social networks, projects

Acknowledgments: The results were obtained as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project FSWM-2025-0016.

For citation: Demeshkina, T.A. & Zyuzkova, N.A. (2025) The internet media space as a new form of dialect vocabulary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 46–60. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/3

«Тектонические сдвиги», происходящие в современном коммуникативном пространстве, неизбежно привели к появлению новых форматов общения, к которым относится общение в сети Интернет. Интернет выступает своеобразным «плавильным котлом», и в нем трансформируются традиционные способы человеческого взаимодействия, возникают новые дискурсивные и жанровые образования, требующие научной рефлексии.

Этим фактором обусловлена актуальность данной статьи, цель которой состоит в том, чтобы, с одной стороны, определить трансформационные процессы, происходящие в сфере диалектной лексики при «попадании» в

Интернет, с другой стороны, выявить ее роль в формировании цифрового пространства. Данная проблематика является новой для лингвистических исследований, которые представлены в основном немногочисленными статьями, посвященными диалектным и региональным элементам, функционирующим в социальных сетях, блогах, форумах.

Сеть Интернет в различных своих форматах (социальные сети, блоги, форумы, отдельные сайты и т.д.) и ее язык все чаще становятся сферами функционирования региональных и диалектных единиц. Употребление диалектных лексем в интернет-пространстве анализируется с различных точек зрения. Так, на материале интернет-блогов уточняется ареал распространения, семантики и стилистического статуса регионально маркированных единиц [1]; на примере русскоязычного сегмента Интернета (Рунета) определяются тематика и типы дискурсов, в которых употребляются диалектные слова [2–6]; рассматриваются отдельные публичные сообщества и посты диалектоносителей как лингвистический источник для изучения тех или иных говоров [7, 8]; анализируются площадки и интернет-жанры, в которых встречаются диалекты [6, 9, 10]; определяется выраженность интернет-диалектов субъектов Российской Федерации [11], разрабатывается методика классификации диалектной принадлежности письменного высказывания [12]. В аспекте лингвоперсонологии проведен анализ вербально-семантического уровня сетевой языковой личности Н.А. Попова, носителя архангельских говоров. Автором рассматриваются посты, размещенные на персональной странице диалектоносителя и делается вывод о том, что «активность носителей диалекта в социальных сетях дает возможность исследователям изучать ранее недоступную нам форму письменной диалектной речи, видеть, как диалектоноситель рефлексировал над своей речью, какие слова он считает местными, устаревшими и т.д.» [8. С. 20].

На материале диалектов других языков предложена классификация диалектизмов в зависимости от их употребления и формы написания в китайскоязычной интернет-коммуникации [13]; рассмотрено функционирование китайских диалектов в интернет-среде [14]; осуществлена функциональная типология непрофессиональных диалектных словарей, размещенных в словацком Интернете [15, 16]. С использованием социолингвистического эксперимента разработана методика для определения лингвистического и социокультурного статуса венского городского диалекта в социальной сети Facebook¹ [17].

Краткий обзор работ, посвященных фактам существования диалектных элементов в интернет-коммуникации, показывает, что они весьма немногочисленны. При этом некоторые авторы опираются на широкий массив данных, обращаясь к поисковым системам и статистической информации, другие же фокусируют свое внимание на конкретных группах в социальных сетях или персональных страницах.

¹ Организация Meta Platforms Inc. (социальная сеть Facebook) признана экстремистской, её деятельность на территории РФ запрещена по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022.

Объектом нашего анализа являются интернет-комментарии, извлеченные из социальной сети «ВКонтакте». Интернет-комментарий рассматривается нами как вторичный речевой жанр, сформировавшийся на основе жанра комментария, но являющийся самостоятельным. Комментарий выступает как диалогичный жанр, имеющий свои признаки, функции и постоянные структурные элементы. Основными функциями жанра являются самопрезентация, установление контакта и оценка. Интернет-комментарий может функционировать не только в текстовом формате, но и содержать другие компоненты: эмодзи, аудио- и видеозаписи, изображения и т.д., быть креолизованным [18. С. 13].

Материалом для анализа послужили более 1 000 высказываний (текстовых интернет-комментариев), содержащих диалектные слова, зафиксированные в «Вершининском словаре» (далее – ВС) [19] с пометой «собственно диалектное». Комментарии извлечены из социальной сети «ВКонтакте» путем их поиска в 23 региональных сообществах Иркутска, Новосибирска, Омска, Томска («Иркутск город грехов», «ЧЁРНЫЙ СПИСОК / СФЕРА КРАСОТЫ Новосибирск», «Омск Live», «Я из Томска» и др.). Обращение к социальной сети «ВКонтакте» для изучения функционирования диалектной лексики связано с высокой популярностью ресурса: количество его пользователей составляет более 100 млн человек в месяц по данным на 2024 г. [18. С. 4]. Преимущества социальной сети как формата общения и как источника материала заключаются в том, что она отражает актуальные разговорные практики и предоставляет исследователю возможность учитывать темпоральный, локальный и количественный параметры фиксации лексемы.

По мнению В.А. Степанова, сообщества обладают признаками СМИ как социального института, являются одной из разновидностей СМИ [20. С. 87]. Кроме того, массовые социальные сети по типу «ВКонтакте» образовали собственную медиасреду: так, по мере роста аудитории и ее массовизации институционально оформились средства массовой информации – сообщества, которыми выступают группы и паблики. С одной стороны, они обладают всеми атрибутами массмедиа, с другой – технологические особенности платформы определяют их своеобразие [20. С. 89].

Основными критериями отбора 23 сообществ для последующего анализа явились следующие: высокое число подписчиков (от 20 тыс.), комментаторская активность, тематическое разнообразие.

В работе используется метод научного описания, компонентный анализ, метод дискурс-анализа.

Новизна статьи обусловлена обращением к проблеме функционирования диалектных слов в интернет-сообществах, комментарии в которых отражают современное состояние устно-письменной коммуникации и фиксируют разнообразные процессы, протекающие в русском языке и речи, и в конечном счете формируют социокультурные ландшафты. Подчеркнем еще раз, что, с нашей точки зрения, коммуникативное пространство, формирующееся в Интернете, представляет собой уникальный феномен и является

средой, в которой происходит активное смешение стилей и жанров общения, результатом чего является актуализация лексики разной системной принадлежности.

Жанровый формат интернет-комментария открывает возможность массовой коммуникации для рядовых носителей языка, что предоставляет в распоряжение исследователей репрезентативный материал для изучения закономерностей бытового общения, выявления метаязыкового сознания пользователей сети, рефлексирующих по поводу тех или иных диалектных единиц.

Проблема взаимоотношений диалекта и сети Интернет в рамках данной статьи может быть сформулирована следующим образом: что дает диалект (как форма коммуникации) дискурсивным практикам, функционирующим в сети Интернет? И какую роль играет Интернет (как канал связи и формат представления диалекта) в судьбе русских говоров?

Ответ на первый вопрос предполагает обращение к функциональной активности диалектных единиц и к их семантической специфике. Анализ высказываний и диалектных лексем, зафиксированных в социальной сети «ВКонтакте», дал следующие результаты:

1. Роль лексики в формировании полифункциональности интернет-пространства заключается в ее потенциальной способности быть средством выражения различных функций. В нашем материале зафиксированы следующие функции диалектной лексики: номинативная, идентифицирующая, характеризующая, адресации, стилистическая, волюнтаривная, инвективная, эмоционально-экспрессивная [5]. Проиллюстрируем каждую из них:

Номинативная функция: *а зачем их разнимать? Им вполне нравится силами меряться, о помощи никто не просит. Пусть дальше **возюкаются**¹ (комментарий к посту о драке водителя автобуса и пассажира). В ВС *возюкаться* – «*возиться, играть*» [19. Т. 1. С. 214]].*

Идентифицирующая функция: *Оооо ништяк. Я первый отличная погодка Андрейка **засоня** ха ха* (в некоторых сообществах подписчики вступают в своеобразную игру, победителем в которой является тот, кто первый оставит комментарий под новой публикацией. «Андрейка» в данном случае – подписчик, который не успел опубликовать комментарий первым). В ВС *засоня* – «*сонливый, вялый, ленивый человек*» [19. Т. 2. С. 284].

Характеризующая функция: *о чем вы? Это какая нибудь **тётка брошенка** или как вариант с муженьком размазней* (в ветке комментариев, авторы которых вступают в словесную перепалку, переходя на взаимные оскорбления и одновременно реализуя инвективную функцию). В ВС *брошенка* – «*женщина, оставленная мужем*» [19. Т. 1. С. 126].

Функция адресации: *Подъедешь **погутарить** или нет?* (комментарий в ветке, участники которой вступили в виртуальный конфликт). В ВС *погутарить* – «*поговорить, побеседовать*» [19. Т. 5. С. 149].

¹ Здесь и далее во всех приведенных примерах интернет-комментариев авторские орфография и пунктуация сохранены.

Стилистическая функция: *не гоже боярам по свечным да сосновым разъезжать, вдруг ноженьки взморают да повозка обрызжет. Холопушка всю жизнь в грязюке проклятущей **вошкается**, так его государь еще пуще закапывает, а тут с зимушки песочек осталси так и нека невидаль мешат оно* (комментарий к посту, содержащему фотографии, отражающие состояние тротуара в одном из районов г. Томска). В ВС *вошкаться* – «долго, продолжительно заниматься чем-л.» [19. Т. 1. С. 233].

Волеизъявительная функция: *Пацан летом зарабатывает себе на хотелки, чё вы **доколупались**?* (комментарий к посту с новостью о том, что ребенок с помощью лома и кувалды извлекает тротуарные кирпичи на месте ремонта). В ВС *доколупаться* – «найти ответ, понять что-л. в результате настоячивых поисков» [19. Т. 2. С. 141].

Инвективная функция: *Какое позорищеeee!!!! Пьянь деревенская....* (комментарий содержит также оценочный, эмоционально-экспрессивный компоненты). В ВС *пьянь* – «пьяные люди» [19. Т. 5. С. 496].

Эмоционально-экспрессивная: *Читаю и фигуваю) ведь 90% комментаторов ели эту **бурдомагу**. Так что за неочемные наезды? Дебилы Бл@тм* (комментарий к посту о покупке творожного продукта в магазине «Абрикос»). В ВС *бурдомага* – «питьё или жидкая пища, содержащая какую-л. смесь» [19. Т. 1. С. 136].

Сниженная тональность общения пользователей социальных сетей обуславливает актуализацию лексики преимущественно с негативной эмоционально-экспрессивной окраской. Существование большого количества такой лексики и ее широкий ареал распространения заставляют предположить, что в ряде случаев мы наблюдаем процесс перехода собственно диалектных лексем в статус просторечных. На наш взгляд, подобными единицами стоит считать слова *профилонить* (в ВС – *пробездельничать*) [19. Т. 5. С. 464], *пьянь*, *мантулить* (*работать тяжело, много, долго, без желания*) [19. Т. 3. С. 273], *лупануть* (*сильно ударить*) [19. Т. 3. С. 253]), в ВС зафиксированные как собственно диалектные, но бытующие в сети Интернет за пределами сибирского региона.

2. Формирование полисемантической коммуникативного пространства сети Интернет за счет появления новых значений и оттенков значений у диалектных лексем, не зафиксированных в диалектной коммуникации. Так, например, слово *брошенка*, характеризующее в диалекте женщину, оставленную мужем, в комментариях оказывается многозначным и называет животное, выброшенное хозяином на улицу; детей, оставленных родителями / родителем без присмотра на время или брошенных детей вообще; автомобиль, угнанный и впоследствии брошенный угонщиком или же оставленный хозяином на долгое время без присмотра и др. Контекст, в котором слово именуется брошенный автомобиль, может выглядеть следующим образом: *Как то с участковым и председателем дома нашли несколько хозяев машин- **брошенок** во дворе, один хозяин видимо за угнанной машиной из другого города аж приехал.* В следующем контексте реализуется значение

“брошенный ребенок”: *Сейчас ещё и дети такие якобы "голодающие брошенки" стали появляться.*

Одним из факторов, способствующих развитию полисемии, является прозрачная внутренняя форма мотивированного слова, имеющего общерусский лексический мотиватор (например, *бросить*).

Другим важным фактором является тематическая маркированность лексемы, а также тематика общения в том или ином сообществе. Так, в сообществах автомобилистов активно используется лексема *пьянь*; в сообществах, затрагивающих проблемы межличностных отношений, – контексты со словами *брошенка*, *шалоболка* (*о легкомысленной женщине, девушке*) [19. Т. 7. С. 304], *страмовка* (*бессовестная женщина*) [19. Т. 6. С. 404], *разведённый* (*незаконнорожденный ребенок*) [19. Т. 6. С. 29], *женешок* (*ласк. к жених*) [19. Т. 2. С. 197]; в группах, тематика которых связана с информированием подписчиков о важных событиях в жизни города, в том числе связанных с деятельностью органов местного самоуправления, встречаются единицы *заворотаться* (*систематически, длительно заниматься воровством, хищением*) [19. Т. 2. С. 231], *знуть* (*плакать, жалуюсь на кого-, что-л.*) [19. Т. 2. С. 34].

3. Активизация метаязыкового сознания пользователей социальных сетей, что проявляется в попытке осмысления фактов родного языка с помощью соотнесенности звуковой оболочки слова и его лексическим значением или путем обращения к другим пользователям социальной сети. В качестве иллюстрации приведем пример диалога пользователей в комментариях под постом, содержащем слово *беспелуха* (*неумелая женщина*) [19. Т. 1. С. 81]. Автор публикует на своей персональной странице пост со стихотворением, в котором используется данная диалектная единица. В свою очередь, друг автора решает уточнить значение незнакомого слова: «*А кто такая беспелуха? □*» и получает следующий ответ: «*представляешь меня так мама называла в детстве 😊😊😊 Это типа не в тему какая – то такая ,не очень*». Несмотря на то, что толкование, предложенное автором, не совпадает со значением в ВС и выглядит недостаточно точным, в подобных контекстах содержатся ценные свидетельства метаязыковой рефлексии над диалектным словом.

Некоторые комментарии содержат примеры словоупотреблений, которые свидетельствуют о расширении лексического значения того или иного слова по сравнению с его диалектным функционированием. Это высказывания со словами *доколупаться*, *лунануть*, *мантулить*, *профилонить*, *пьянь*, *страмовка*, *шалоболка*. Так, в ВС лексема *доколупаться* имеет значение «*найти ответ, понять что-л. в результате настойчивых поисков*» [19. Т. 2. С. 141]. «ВКонтакте» слово используется в значении «*досаждать кому-то своими действиями или словами*»: *вы то до самокатов доколупаетесь, то до мотоциклов. город инноваций, опять дно пробивает. шахтёры уже с верху машут.*

Таким образом, завершая ответ на первый, поставленный нами вопрос о том, что дает лексика Интернету, можно констатировать, что диалектная

лексика участвует в формировании семантического, функционального и когнитивного компонента пространства сети Интернет.

Перейдем к ответу на второй, обозначенный в начале статьи, вопрос: какую роль играет Интернет (как канал связи) в судьбе русских говоров?

Первое (весьма поверхностное) обращение к интернет-ресурсам показывает, что диалектная лексика встречается в разных типах текста (учебный, художественный, научный, профессиональный и т.д.), размещенных в Интернете [3, 4]. Ее назначение может быть разным, но несомненным является тот факт, что тексты разной функциональной принадлежности служат каналом для популяризации и распространения народной речевой культуры.

Несмотря на то, что наше внимание сосредоточено на интернет-комментариях с целью определить степень «диалектности» среди пользователей – носителей литературного языка, важно отметить тот факт, что в сети Интернет значительное место занимают проекты в социальных сетях, на тематических сайтах, форумы и подкасты, посвященные диалекту как элементу традиционной культуры и как особой форме коммуникации.

В создании подобного рода проектов участвуют профессиональные лексикографы и диалектологи и непрофессиональные любители народной речи.

К числу **профессиональных проектов** относятся проекты, созданные на базе Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. Это тематическая группа «ВКонтакте» «Из жизни сибирской крестьянки»¹ и Telegram-канал «Бабушка на связи: истории сибирской деревни»². Ресурсы содержат посты научно-популярного характера о жизни сибирских крестьян, их обычаях и обрядах, кулинарные рецепты, записанные в диалектологических экспедициях. К этим ресурсам примыкают страница в Instagram³ и сообщество «ВКонтакте» «Сибирская деревня»⁴, где представлены рассказы томских диалектологов об экспедициях, сибирской речи и истории сел и деревень, быте и культуре старожилов.

Отметим также создание интерактивного словаря «Языки русских городов» (в настоящее время проект закрыт), исследования компании «Яндекс»: «Местные слова в поисковых запросах» [21], «Как говорится: местные слова в разных регионах России» [22] (проект выполнен совместно с лингвистами из Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН).

Исследователи-лингвисты ведут **популяризаторскую деятельность**, активно используя возможности сети Интернет и размещая в ней лекции, статьи, подкасты, интервью и т.д. К таким ресурсам относятся:

¹ URL: https://vk.com/slovo_sibiry

² URL: t.me/slovo_sibiry

³ Организация Meta Platforms Inc. (социальная сеть Instagram) признана экстремистской, её деятельность на территории РФ запрещена по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022.

⁴ URL: https://vk.com/siberian_village

А) Проект «Arzamas»: подкаст «Русский язык от “гой еси” до “лол кек”», содержащий лекции по следующим лингвистическим темам: «Сколько в России диалектов и когда они все вымрут?», «Кто такой затеяна? Почему Воронеж для диалектологов – это юг? И почему в подкасте так мало сказано о говорах за Уралом? Разбираем ваши аудиозаписи в финале сезона» и т.д.

Б) Проект «Postnauka»: публичные лекции и интервью лингвистов, опубликованные в открытом доступе (лекции В.И. Беликова, И.И. Исаева, А.А. Кибрика, В.А. Плунгяна, А.А. Лопухиной). Примеры рассматриваемых тем: «Соотношение понятий язык и диалект», «Человек, владеющий диалектом, воспринимается как необразованный», «Русский диалектный консонантизм» и др.

В) Лекторий «Полит.ру»: лекции российских и зарубежных ученых: лекция И.И. Исаева «Живы ли русские диалекты?», статьи по лингвистике и этнологии.

Г) Подкаст «Розенталь и Гильденстерн» от студии «Техника речи», в котором представлены отдельные выпуски, посвященные говорам: «Обсуждаем с Леонидом Парфеновым: почему говор – это нормально, чем рэперы круче дикторов Всесоюзного радио и почему с русским языком все окей», «“В оканье нет ничего стыдного и смешного”. Эпизод в защиту говоров (и о том, откуда они появились)», «Разбираем с Чумой Вечеринкой ее речь: ищем говор, цепляемся к произношению, восхищаемся фразой “войсом али текстом” и пытаемся увидеть во всем этом логику».

Д) Научно-популярный лингвистический подкаст «Глагольная группа» в социальной сети «ВКонтакте» и Telegram, ведущие которого – лингвисты Института языкознания РАН И.И. Исаев и Д.И. Коломацкий, записывают выпуски на темы: «Как записать голос в поле», «Русские говоры. Куошка в окошке. «И?орь, к чему это твоё “г”?» и др. [6. С. 47–49].

Любовь к народной речи у рядовых носителей языка, не являющихся специалистами в области русского языка, проявляется в создании **тематических сообществ и групп** во «ВКонтакте», образованных жителями отдельных регионов и предназначенных для обмена информацией о родном крае, его истории, местных жителях, а иногда и об особенностях языка и речи. Создатели таких сообществ обычно не являются лингвистами, но иногда предпринимают попытки составления собственных словарей, включающих лексические единицы, зафиксированные ими в конкретном регионе. Это группы «Вологодская глубинка – любовь моя»¹, «*=**=**= Няшабож - село мое родное! *=**=**=»², «Родная Онега»³, «Деревня Калино»⁴ и др. Подобные ресурсы могут являться средой для размещения диалектной лексики: так, в разделе обсуждений подобных групп нередко публикуются диалектные элементы, на основе которых позже могут формироваться любительские словари как один из примеров наивной лингвистики и лексикографии

¹ URL: <https://vk.com/club52920159>

² URL: <https://vk.com/club8602237>

³ URL: <https://vk.com/public63103429>

⁴ URL: <https://vk.com/kalino29>

[6. С. 48]. Под наивной лексикографией понимается «составление рядовыми носителями языка (не филологами) словарей и жанрово примыкающих к ним текстов (вплоть до энциклопедий)» [23. С. 75].

Цель создания подобных словарей – стремление сохранить и записать «незабытую лексику далекого прошлого» [24. С. 35]. Среди этих словарей – диалектный рукописный словарь-викторина Л.Н. Ухаревой, словарь уральских слов и выражений П.А. и В.А. Поповых, словарь-энциклопедия говора г. Бакал Челябинской области Б.П. Плаксина, словарь М.С. Устиновой и др. Их подробный анализ представлен в работах И.А. Букринской, О.Е. Кармаковой [25], Е.Л. Березович, Е.Д. Бондаренко [26].

Другим примером является «Устьянский народный словарь», результат труда местных краеведов, пишущих о своем проекте следующее: «Мы не лингвисты и не претендуем ни на полноту, ни на абсолютную аутентичность собрания. Нам хочется ухватить за хвост безвозвратно уходящее, пока это хоть отчасти возможно, и зафиксировать на бумаге... актуальный отпечаток того, что вчера было иным, а завтра изменится вновь»¹. Состав словника словаря формировался, в том числе, на основе нескольких веток обсуждений², представленных в тематической группе «Устьянский словарь»³, созданной в социальной сети «ВКонтакте» [6. С. 44]. Среди слов, осознаваемых участниками группы как диалектные: *влататы – убежать; скалина – береста; сулема – ерунда, что-то непонятное* и др.⁴

В социальной сети «ВКонтакте» также представлены тематические сообщества, одной из целей которых является фиксация и сбор «местных» слов и выражений, диалектных единиц. Так, предметом анализа в статье Л.Ю. Зориной [7] стала ветка обсуждений «Сидим, поокаем... (вологодский говор и словечки:)»⁵ в сообществе «Вологодская область ВКонтакте»⁶. Нами были найдены и другие группы, имеющие схожую цель – «Диалекты»⁷, «Вологодская глубинка – любовь моя»⁸, «Язык мой – друг мой»⁹, «Диалекты Красноуфимска»¹⁰. Обсуждение в подобных группах может выстраиваться следующим образом (рис. 1):

¹ URL: https://vk.com/club1741267?w=wall-1741267_458%2Fall

² URL: <https://vk.com/board1741267>

³ URL: <https://vk.com/club1741267>

⁴ URL: https://vk.com/topic-1741267_2283748?offset=20

⁵ URL: https://vk.com/topic-987037_21958670

⁶ URL: <https://vk.com/vologdaregion>

⁷ URL: <https://vk.com/dialekty>

⁸ URL: <https://vk.com/club52920159>

⁹ URL: <https://vk.com/pskovyazik>

¹⁰ URL: <https://vk.com/club218716633>

Почитала документ с диалектами... Мне вспомнилось одно выражение, которое я услышала впервые. Это был 2004 - 2005 год. "Чичи продрала" (Глаза открыла)

Ответить

♡ 5

9 фев 2014 в 2:24

да я тоже вспомнила. Потки,поточки - птицы; павжна - еда; чили - цыплята.

Ответить

♡ 4

9 фев 2014 в 13:00

а мне всё слышалось: "паужна", от слова ужинать

Ответить

♡ 11

9 фев 2014 в 18:17

нет сегодня мама мне сказала.

Ответить

9 фев 2014 в 19:13

пешечник-большой стакан.скалуши-очистки картофельные.становина исподка-нижняя рубашка обычно одевалась под платье нашими бабушками.тпрука-корова.тпруся-телёнок.курпага-лужа.тороватиться трёкать-разговаривать беседа.намедни-недавно.лонись -прошлый год.пополье-подпол в доме.плат-полотенце.

Ответить

♡ 3

Рис. 1. Ветка обсуждения диалектных слов и выражений в сообществе «Вологодская глубинка – любовь моя»¹

Существование подобных ресурсов – свидетельство любви к родному языку и попытка его осмысления, а также демонстрация желания пользователей сети Интернет сохранить и зафиксировать память о былых временах, детстве, осмыслить себя и окружающих как языковых личностей с присущими им общими и индивидуальными речевыми особенностями. Как справедливо отмечает Ю.Н. Драчева, повышение внимания к локальной речи и возникновение специальных сообществ людей в социальных сетях обусловлено «активизацией феномена региональной идентичности в условиях глобализации на фоне нивелирующихся региональных отличий, осознанием в обществе региональной отнесенности как фактора, положительно маркирующего языковую личность» [28. С. 5].

Таким образом, Интернет, являясь одной из разновидностей новых медиа, фиксирует изменения, происходящие в современном русском языке, отражает тенденции его развития. Диалектная лексика активно используется в пространстве сети Интернет: местные слова встречаются как в обсуждениях в социальных сетях внутри специализированных тематических сообществ, так и в разнообразных научно-популярных подкастах. Функционирование диалектных единиц в ресурсах различных типов, жанров и форматов способствует их актуализации, привлекает внимание к народной речи не только представителей профессионального лингвистического сообщества, но и тех, кто не является специалистами в области языка.

¹ URL: <https://vk.com/club52920159>

Возникновение принципиально новых, несвойственных диалектному слову форматов отражает тенденции современной науки и общества в целом – рассказать о сложных вещах простым и доступным языком. Этим обстоятельством детерминировано появление нестандартных для диалекта форматов, что способствует распространению и популяризации диалекта как уникального языкового идиома, хранилища народной мысли и культуры, нуждающегося в сохранении, осмыслении и бережном отношении. Не менее значимым является вывод о том, что анализ закономерностей формирования интернет-пространства за счет элементов разной системной принадлежности имеет прогностическую направленность в области развития современной коммуникации.

Список источников

1. *Беликов В.И., Ахметова М.В.* Статистическая оценка функциональных свойств лексики по материалам интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 27–31 мая 2009 г. М. : РГУ, 2009. Вып. 8 (15). С. 25–31.
2. *Голев Н.Д., Лебедева Н.Б.* Современный интернет-словарь диалектной лексики // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 125–133.
3. *Голев Н.Д.* Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113–137.
4. *Зюзькова Н.А.* «Жизнь» диалектных слов в региональном и общероссийском дискурсах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов V (XIX) Междунар. конф. молодых ученых, г. Томск, 19–21 апреля 2018 г. Вып. 19. Томск : STT, 2018. С. 55–56.
5. *Зюзькова Н.А.* Функции диалектной лексики в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 24–43.
6. *Зюзькова Н.А.* Семантика и функции диалектной лексики в интернет-коммуникации (на материале тематической группы «Человек») : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2024. 201 с.
7. *Зорина Л.Ю.* Диалектное слово в Интернете // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). СПб. : Нестор-История, 2014. С. 326–341.
8. *Коконова А.Б.* Диалектная лексика в соцсетях (на материале постов Н. А. Попова в социальной сети «ВКонтакте») // Живая старина. 2023. № 2 (118). С. 16–20.
9. *Зюзькова Н.А.* Просветительские ресурсы как способ популяризации диалектной речи // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов IX (XXIII) Междунар. конф. молодых ученых, Томск, 14–16 апр. 2022 г. Томск : Издательство ТГУ, 2022. Вып. 23. С. 290–296.
10. *Вэнь Х.* Варианты присутствия территориальных диалектов русского языка в интернет-дискурсе // Научный аспект. 2023. Т. 3, № 1. С. 261–266.
11. *Миронова Д.М., Распопин Д.И., Окунева Е.А.* Определение выраженности интернет-диалектов субъектов Российской Федерации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 2. С. 339–350.
12. *Минакова И.В., Распопин Д.И., Окунева Е.А.* Исследование диалектов в письменной речи социальных сетей // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 3. С. 211–221.
13. *Сбоев А.Н.* Диалектизмы в китайязычной интернет-коммуникации // Известия Восточного института. 2018. № 4 (40). С. 113–118.

14. *Завьялова О.И.* Иероглифы для диалектов: от средневекового байхуа до интернета // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2021. № 1. С. 51–63.
15. *Ващенко Д.Ю.* Интернет как новая перспективная форма существования диалектов // *Исследования по славянской диалектологии*. М. : Институт славяноведения РАН, 2015. Вып. 17 : Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. С. 197–205.
16. *Ващенко Д.Ю.* Любительские диалектные словари: специфика функционирования в Интернете // *Вопросы лексикографии*. 2016. № 2. С. 5–17.
17. *Чукиш В.А.* К вопросу о лингвистическом и социокультурном статусе венского диалекта // *Язык и культура*. 2021. № 53. С. 120–132.
18. *Зюзькова Н.А.* Семантика и функции диалектной лексики в интернет-коммуникации (на материале тематической группы «Человек») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2024. 25 с.
19. *Вершининский словарь* : В 7 т. / под ред. О. И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002.
20. *Степанов В.А.* Сообщества в социальной сети «ВКонтакте» как СМИ: особенности типологии и перспективы развития // *Вестник БГУ. Сер. 4. Филология. Журналистика. Педагогика*. 2015. № 2. С. 86–90.
21. Местные слова в поисковых запросах / Яндекс. [Б. м.], 2013. URL: https://yandex.ru/company/researches/2013/ya_regional_words/ (дата обращения: 05.11.2025).
22. Как говорится: местные слова в разных регионах России / Яндекс. [Б. м.], 2021. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words> (дата обращения: 05.11.2025).
23. *Ефремов В.А.* О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета // *Антропологический форум*. 2014. № 21. С. 74–81.
24. *Бондаренко Е.Д., Сурикова О.Д.* Книжка с картинками: иллюстрированный словарь народной речи П.А. и В.А. Поповых // *Живая старина*. 2019. № 1 (101). С. 35–38.
25. *Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Взгляд лингвиста на любительские диалектные словари // *Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования*. 2020. № 14. С. 108–120.
26. *Березович Е.Л., Бондаренко Е.Д.* Глава I. Словарь-викторина – новый жанр любительской лексикографии (на материале диалектного словаря Л.Н. Ухаревой) // *Лингвистика креатива-5*. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 237–263.
27. *Зорина Л.Ю.* Диалектное слово в Интернете // *Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования)*. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 326–341.
28. *Драчева Ю.Н.* Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2019. 39 с.

References

1. Belikov, V.I. & Akmetova, M.V. (2009) [Statistical assessment of functional properties of lexicon based on Internet materials]. *Komp'uternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the Annual International Conference. Vol. 8 (15). Bekasovo. 27–31 May 2009. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 25–31. (In Russian).
2. Golev, N.D. & Lebedeva, N.B. (2016) *Sovremennyy internet-slovar' dialektnoy leksiki* [Modern Internet dictionary of dialectal lexicon]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*. 2. pp. 125–133.
3. Golev, N.D. (2019) *Diskursivnyy slovar' dialektnoy leksiki Noveyshego vremeni* (na materialakh Runeta): innovatsionnyy leksikograficheskij proekt [Discursive dictionary of contemporary dialectal lexicon (based on Runet materials): an innovative lexicographic project]. *Voprosy leksikografii*. 16. pp. 113–137.

4. Zyuz'kova, N.A. (2018) ["Life" of dialectal words in regional and nationwide discourses]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Current Issues of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the 5th (19th) International Conference. Vol. 19. Tomsk. 19–21 April 2018. Tomsk: STT. pp. 55–56. (In Russian).
5. Zyuz'kova, N.A. (2022) Functions of dialect vocabulary in internet communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 35–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/4
6. Zyuz'kova, N.A. (2024) *Semantika i funktsii dialektnoy leksiki v internet-kommunikatsii (na materiale tematicheskoy gruppy "Chelovek")* [Semantics and functions of dialectal lexicon in Internet communication (based on the thematic group "human")]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Zorina, L.Yu. (2014) Dialektnoye slovo v Internete [Dialectal word on the Internet]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 326–341.
8. Kokonova, A.B. (2023) Dialektnaya leksika v sotsial'nykh setyakh (na materiale postov N.A. Popova v sotsial'noy seti "VKontakte") [Dialectal lexicon in social networks (based on N.A. Popov's posts in the VKontakte social network)]. *Zhivaya starina*. 2 (118). pp. 16–20.
9. Zyuz'kova, N.A. (2022) [Educational resources as a way to popularize dialectal speech]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Current Issues of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the 9th (23rd) International Conference. Vol. 23. Tomsk. 14–16 April 2022. Tomsk: Tomsk State University. pp. 290–296.
10. Wen, H. (2023) Varianty prisutstviya territorial'nykh dialektov russkogo yazyka v internet-diskurse [Variants of presence of territorial dialects of the Russian language in Internet discourse]. *Nauchnyy aspekt*. 1 (3). pp. 261–266.
11. Mironova, D.M., Raspopin, D.I. & Okuneva, E.A. (2022) Opredelenie vyrazhennosti internet-dialektov sub'yektov Rossiyskoy Federatsii [Determining the expression of Internet dialects of the subjects of the Russian Federation]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya*. 2. pp. 339–350.
12. Minakova, I.V., Raspopin, D.I. & Okuneva, E.A. (2021) Issledovanie dialektov v pis'mennoy rechi sotsial'nykh setey [Study of dialects in the written speech of social networks]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*. 3. pp. 211–221.
13. Sbojev, A.N. (2018) Dialektizmy v kitayezhchnoy internet-kommunikatsii [Dialectisms in Chinese-language Internet communication]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 4 (40). pp. 113–118.
14. Zav'yalova, O.I. (2021) Ieroglify dlya dialektov: ot srednekovovogo baykhua do interneta [Hieroglyphs for dialects: from Medieval Baijia to the Internet]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. 1. pp. 51–63.
15. Vashchenko, D.Yu. (2015) Internet kak novaya perspektivnaya forma sushchestvovaniya dialektov [The Internet as a new promising form of dialect existence]. In: *Issledovaniya po slavianskoy dialektologii* [Studies in Slavic Dialectology]. Vol. 17. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. pp. 197–205.
16. Vashchenko, D.Yu. (2016) Lyubitel'skie dialektnye slovni: spetsifika funktsionirovaniya v Internete [Amateur dialectal dictionaries: specifics of functioning on the Internet]. *Voprosy leksikografii*. 2. pp. 5–17.
17. Chukshis, V.A. (2021) K voprosu o lingvisticheskom i sotsiokul'turnom statuse venkogo dialekta [On the linguistic and sociocultural status of the Viennese dialect]. *Yazyk i kul'tura*. 53. pp. 120–132.
18. Zyuz'kova, N.A. (2024) *Semantika i funktsii dialektnoy leksiki v internet-kommunikatsii (na materiale tematicheskoy gruppy "Chelovek")* [Semantics and functions of dialectal lexicon in internet communication (based on the "human" thematic group)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
19. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershinianskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Tomsk: Tomsk State University.

20. Stepanov, V.A. (2015) Soobshchestva v sotsial'noy seti "Vkontakte" kak SMI: osobennosti tipologii i perspektivy razvitiya [Communities in the VKontakte social network as mass media: features of typology and development prospects]. *Vestnik BGU. Ser. 4, Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika*. 2. pp. 86–90.

21. Yandex. (2013) *Mestnye slova v poiskovykh zaprosakh* [Local words in search queries]. [Online] Available from: https://yandex.ru/company/researches/2013/ya_regional_words/ (Accessed: 05.11.2025).

22. Yandex. (2021) *Kak govorytsya: mestnye slova v raznykh regionakh Rossii* [As the saying goes: local words in different regions of Russia]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words/> (Accessed: 05.11.2025).

23. Efremov, V.A. (2014) O novykh formakh naivnoy lingvistiki v epokhu interneta [On new forms of naive linguistics in the Internet era]. *Antropologicheskii forum*. 21. pp. 74–81.

24. Bondarenko, E.D. & Surikova, O.D. (2019) Knizhka s kartinkami: illiustrirovannyi slovar' narodnoy rechi P.A. i V.A. Popovykh [Picture book: Illustrated Dictionary of Folk Speech by P.A. and V.A. Popovs]. *Zhivaya starina*. 1 (101). pp. 35–38.

25. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2020) Vzglyad lingvista na lyubitel'skie dialektnye slovari [A Linguist's View on Amateur Dialectal Dictionaries]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya*. 14. pp. 108–120.

26. Berezovich, E.L. & Bondarenko, E.D. (2020) Glava I. Slovar'-viktrina – novyy zhanr lyubitel'skoy leksikografii (na materiale dialektного slovary L.N. Ukharevoy) [Chapter I. Dictionary-quiz – a new genre of amateur lexicography (based on L.N. Ukhareva's Dialectal Dictionary)]. In: *Lingvistika kreativa-5* [Creativity Linguistics-5]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 237–263.

27. Zorina, L.Yu. (2014) Dialektoye slovo v Internete [Dialectal word on the Internet]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 326–341.

28. Dracheva, Yu.N. (2019) *Mediaobraz lokal'noy ustnoy rechevoy kul'tury: kognitivno-yazykovyye mekhanizmy* [Media image of local oral speech culture: cognitive-linguistic mechanisms]. Abstract of Philology Dr. Diss. Arkhangelsk.

Информация об авторах:

Демешкина Т.А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: demeta@rambler.ru

Зюзкова Н.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zyuzkovanatalya@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Demeshkina, Dr. Sci. (Philology), full professor, head of the Russian Language Department, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

N.A. Zyuzkova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zyuzkovanatalya@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.07.2025;
одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 18.07.2025;
approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья
УДК 81-26
doi: 10.17223/19986645/98/4

Русинское поле и его «неполевые» родственники (в связи с проблемой исторического места «карпатских языков»)

Любовь Петровна Дронова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, lpdronova@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрена история и специфика формирования сельскохозяйственной терминологии, обозначения некоторых культурных понятий в русинском и близких (исторически и пространственно) славянских языках, связанных с исходным этапом расселения славян в Восточной Европе, распространения земледелия на вновь осваиваемых территориях, становления отдельных культурно значимых понятий на разных исторических этапах как свидетельство исторической сложности формирования русинского языка / диалекта в составе восточнославянских языков.

Ключевые слова: русинский язык / диалект, историко-лингвистический и культурологический подходы, понятие «поле»

Для цитирования: Дронова Л.П. Русинское поле и его «неполевые» родственники (в связи с проблемой исторического места «карпатских языков») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 61–74. doi: 10.17223/19986645/98/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/4

The Rusyn pole "field" and its "non-field" relatives (in association with the problem of the historical place of the "Carpathian languages")

Lyubov P. Dronova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lpdronova@mail.ru*

Abstract. Due to complex historical processes in the Carpathian language zone, linguists have different opinions on whether Rusyn is a separate East Slavic language or a dialect of the Ukrainian language. The difficulty is posed by the very history of the Slavic settlement in the Carpathians and adjacent territories. The article analyzes the culturally significant lexis characterizing different stages in the history of the Carpathian population to understand how deep the East Slavic traits are in the Rusyn language and to what extent it correlates with different zones of the East Slavic area. The historical linguistic analysis shows that in the languages of Slavs who settled on the plains

with arable land in the east, in the west and in the Balkans, the designation of plain and forestless spaces was transferred to the designation of arable plough land, cf. dictionaries reflect Old Ukrainian *pole* "open forestless space" (156 uses), "sown or cultivated land plot" (15 uses), Rusyn *pole* "field, land" (fig. "area, sphere"), *polyovanya*, *polyovka* "hunt". A forestless space on the plain constitutes one phenomenon, while its counterpart in the mountains or foothills represents something entirely different, so the formation of the meaning "wild, non-arable" and further "bad" of the Rusyn *planyy*, included in the compact peri-Carpathian area of the Slovak and Polish dialects, evidences the original settlement of this part of Slavs on this territory (*planyy* is related to the Slavic *pole). At the same time the Rusyn language preserves the Common Slavic/Indo-European designation of land ploughing: *orati* "to plough", *oranya* "ploughing", *orach* "ploughman", *ralo* hist. "ard", *rolya* "plough land", etc. There is a specific example from the formation of ethical and moral lexis. The notion "obligated" in the Rusyn language is expressed by the lexeme *dovzhen* (*dovzhnyy*), as in the languages of Slavia orthodoxa. In other Slavic languages this word is used in the historically original meaning: "borrowed/loaned" (about money), while the meaning "obligated, duty" is expressed by Slavic formations with clear internal form, Middle Ukrainian *obóv'yazok*, Czech *závazek*, *povinnost*, "obligation". The attribute "obligated" as action/state (Russian *dolzhenstvovat'*) is designated in the Rusyn language by the verbs *dostoyati* "to beseem, be obliged", *dostoit* "is supposed, beseems", also considered related to the Church Slavonic language. This approach of placing the Carpathian languages in the center of the historical triangle of linguistic links (East Slavic – South Slavic – West Slavic), accounting for the known separate links between individual languages, seems relevant and effective to solve the issue of the Rusyn language status.

Keywords: Rusyn language/dialect, historical-linguistic and culturological approaches, notion "field"

For citation: Dronova, L.P. (2025) The Rusyn *pole* "field" and its "non-field" relatives (in association with the problem of the historical place of the "Carpathian languages"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 61–74. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/4

Введение. История и проблемность темы

Различие в мнениях лингвистов, историков, политологов относительно того, является ли русинский отдельным восточнославянским языком или это диалект украинского языка, обусловлено сложными историческими процессами в карпатской языковой зоне. Русинский язык в «Википедии» определяется как совокупность разнородных диалектных и литературно-языковых образований, бытующих или бытовавших среди русин как на их исконных землях в Закарпатской области Украины, Восточной Словакии и Лемковщине на юго-востоке Польши, так и за их пределами, в районах компактного проживания русинов на территории Воеводины (Сербия), Славонии (Хорватия), в Венгрии и на северо-западе Польши, а также в США и Канаде. Чертой, отличающей лексику русинского языка от лексики остальных восточнославянских языков, является наличие в её составе большого количества общекарпатских полонизмов, словакизмов, мадьяризмов и германизмов.

Так сложилось, что язык переселенцев-русин в Словакии и Сербии (Воеводине) признан как самостоятельный язык еще в начале XX в. С русин-

ским языком Закарпатья, официально относящимся к диалекту (-ам) украинского языка, ситуация не так однозначна в лингвистическом мире. Сложность заложена уже в самой истории заселения славянами Карпат и прилегающих территорий. Как показывают взгляды историков, археологов, антропологов в далекое праславянское прошлое, славянское заселение Карпат было частью переселенческого потока славян на юг, на Балканы и в обход Карпат на равнину между Карпатами и Днестром (прежде всего в связи с передвижением восточногерманских племен из Скандинавии, вызвавшим Великое переселение народов в Европе в IV–VII вв.). Значительную трудность составляет определение культуры юго-западных групп восточнославянских племен – уличей (Южное Поднепровье и Побужье), древлян (Восточная Волынь), тиверцев (Прутско-Днестровское междуречье), хорватов (Прикарпатье и Закарпатье), бужан, волян (Западная Волынь и Верхний Днестр) [1. С. 161]. На этом этнокультурном перекрестке и формировалась языковая основа Закарпатья.

С 70-х гг. V в. археологами отмечается продвижение склавинов, носителей пражской культуры, в южном и юго-западном направлении. По данным археологии, славяне заселили обширные территории центральной и западной части Европы за столетие до прихода туда аваров. Движение аваров из Причерноморских степей на запад вовлекло в миграционную волну и антов, сформировавшихся в условиях славяно-иранского симбиоза и в составе пестрой в этническом отношении черняховской культуры междуречья Днестра и нижнего Дуная. Полагают, что археологически расчленить среднедунайские древности готов, гуннов и варваров (в том числе славян), известных там по историческим источникам, пока не представляется возможным [2. С. 196, 229]. Есть мнение, что в результате миграционно-интеграционных процессов первой волны заселения (склавинов) и второй (антов, вовлеченных в миграционный поток аварами) сформировался позднее словацкий язык с гетерогенной праславянской основой [3. С. 46–55].

Сложность определения степени языкового родства в подвижной и разноточной языковой среде показана В.В. Чарским в исследовании языка южнорусинского этноса, сложившегося после переселения нескольких групп карпатских мигрантов греко-католического вероисповедания на территорию современной Сербии и Хорватии в XVIII–XIX вв. (язык кодифицирован в 1923 г.). Основой южнорусинского языка признаны восточнословацкие говоры, карпаторусинские же элементы в структуре этого языка находятся на абсолютной периферии и представлены, главным образом, некоторыми лексическими вкраплениями и отдельными формами в идиоматических выражениях, но при этом и остается необъясненным наличие восточнославянских элементов [4. С. 7–8]. Автор этого исследования полагает, что найти ответ, объяснение этому почти полному отсутствию (или частичному присутствию) элементов карпаторусинского языка можно при контактологическом подходе: «...именно контактологическому подходу свойственны пристальное внимание к диалектному материалу, четкое разграничение различных периодов истории языка, исконных и заимствованных элементов,

что невозможно без определения точки отсчета его существования как самостоятельного идиома, а также тождественное восприятие языка, диалекта и группы говоров внутри диалекта как полноценной системы. По этой причине именно контактологический подход способен предложить решение этого вопроса на качественно ином уровне» [4. С. 10].

Не сомневаясь в перспективах такого аспекта в решении историко-лингвистических проблем, следует отметить, что современному диахроническому подходу к анализу языка, опирающемуся на ряд методов, в том числе и на традиционный сравнительно-исторический, также свойственно то же самое пристальное внимание к диалектному материалу, четкое разграничение различных периодов истории языка, исконных и заимствованных элементов, как и заявляемому новому варианту контактологического метода. В.В. Чарский не касается вопроса различий в этих подходах, но, вероятно, это относится к глубине сопоставления, реконструкции.

Возвращаясь к карпаторусинскому и сопоставляя его со словацким языком, для которого выявляется исторически гетерогенная праславянская основа, понимаем, что для карпаторусинского языка все гораздо сложнее с определением его возможных гетерогенных основ, что дополнительно осложняется сложившимся и принимаемым многими лингвистами (как и историками) подходом к нему только как диалекту украинского языка с соответствующей подачей в лексикографических источниках (ср. С.С. Скорвид о перспективах создания единого литературного русинского языка) [5. С. 110–115]. На значимость изучения карпатских языков первым обратил внимание В.М. Иллич-Свитыч, отметивший, что пребывание славян в горных районах Карпат должно было сопровождаться значительными сдвигами в лексике и что эти изменения можно проследить в лексике южных славян, пересекших Карпаты, и в 1990-е гг. была предпринята попытка реконструкции карпатского регионального компонента позднепраславянского лексического фонда в формате Карпатского ареально-этимологического словаря (под руководством Л.А. Гиндина) [6. С. 14–36].

Наша задача – попытаться посмотреть на проблему статуса русинского языка (языка бойков, лемков, гуцулов) с точки зрения формирования понятий, культурно значимых для разных этапов истории Карпат в ситуации меняющихся векторов культурного взаимодействия. Иначе говоря, попытаться установить этимологическими и культурно-историческими средствами, с привлечением исторических и археологических данных, «цепочки», по которым осуществлялась передача карпатизмов от языка к языку, и выявить таким образом генетическое «ядро» карпаторусинского языка (даже если оно неоднородно исходно).

Предметом анализа в таком случае, полагаем, должна послужить культурно значимая лексика, характеризующая разные этапы истории заселения Карпат, чтобы можно было понять, насколько же восточнославянские черты глубоки в русинском языке и в какой степени они соотносятся с разными зонами восточнославянского ареала? Язык как зеркало истории дает немало

свидетельств сложной судьбы этой части славян. Следовательно, есть необходимость и возможность рассматривать и оценивать языковой материал с точки зрения разных периодов истории культуры, опираясь на сравнительно-исторический, собственно лингвистический метод, и историко-культурный методы с привлечением данных археологии, этнографии, антропологии.

Такой подход – помещение карпатских языков в центр «треугольника» исторических языковых связей (восточнославянские – южнославянские – западнославянские), учитывая уже известные сепаратные связи между отдельными языками, – представляется актуальным и эффективным при решении вопроса о генезисе русинского языка. Вопрос о происхождении карпатских языков обсуждался в отечественной лингвистике при анализе проблем составления Общекарпатского диалектного атласа в связи со сложностью проблемы формирования, выделения исторически базового (-ых) диалекта (-ов) этого ареала и разграничения с результатами последующих исторических связей. О способе выявления исторической диалектной базы в карпатских языках писал в 1989 г. В.Э. Орел, обсуждая вопрос о границах этимологического изучения карпатской лексики: «С этимологической точки зрения совокупность карпатской лексики есть не что иное, как множество разнонаправленных заимствований <...> для карпатистики полезна не этимология как таковая, а установление этимологическими средствами “цепочек”, по которым осуществлялась передача карпатизмов от языка к языку <...> при этом выявляются и основные направления внутрикарпатского взаимовлияния. Это существенно для создания целостной картины этнического влияния» [7. С. 100–101].

Попытаемся эту проблему посмотреть на примере анализа понятий, возникших и значимых, востребованных в определенное время и определенных культурно-исторических условиях в славянской среде, обратив внимание на историю и специфику формирования земледельческой терминологии в русинском и близких исторически и пространственно языках, опираясь на историко-лингвистический, этимологический и историко-культурологический подходы к анализу языковых фактов. Интерес возник при рассмотрении лексики общей отрицательной оценки в русинском языке, которая имеет, с одной стороны, глубокие исторические корни (*злый, недобрый, лихий, слабый*), с другой стороны следы наиболее тесных межъязыковых контактов (с западнославянскими языками – *пудлый, паскудный, планый*, опосредованно с немецким языком – *нефайный*). Интересным показался один из результатов региональных контактов русинского с западнославянскими языками – лексема *планый* с пометой «областное» как синоним *пудлый*. О том, что общеотрицательное значение не новое у этого слова, свидетельствуют значения однокорневых образований: русин. *паник* (син. *ничомник*) ‘ничтожество’, *пан(н)іти* ‘становиться плохим, портиться’ (*загорода без газды паніла ‘сад без хозяина дичал’*), *панство* (обл.) ‘зло (нар.), плохота’, *пан(н)ий* ‘поганий, марний, худий; бесполезный, напрасный; плохой’ (о чел., животном) и ‘поганий, неродючий, неврожайний’ (о растениях), *планка* ‘дикая яблоня’ [8. С. 263–274].

Общеоценочное отрицательное значение у слова *пlаный* сформировалось на основе значений ‘дикий, бесплодный, пустой (о пространстве)’ в той сфере его бытования, где жизнь исторически связана с горным регионом Карпат, ср. диал. слвц. *plányu* ‘злой’ (о человеке), ‘плохой’ (о воздухе, погоде), наряду с лит. ‘плохой; пустой, бесплодный’ [9. С. 113]. Источником его распространения в словацкий, чешский языки в общеоценочном значении считаются диалекты польского языка [10. С. 471], ср. польск. диал. *plony* ‘lichy, nędzny, nieplodny, biedny’, *plono* ‘kiepsko, lichy’ [11. С. 125] при польск. лит. *plonny* (уст. *plony*) ‘несбыточный; безрезультатный; бесплодный’ (синоним *próżny* ‘пустой, напрасный’) [12. С. 302]). То есть это ареальная западнославянская семантическая инновация, в которую вовлечен и русинский (‘дикий, неплодоносящий, неурожайный’ → ‘пустой, плохой’). Сравнение с однокорневыми образованиями русского языка – лит. *полий* ‘имеющий внутри ничем не заполненное пространство; пустой’ и ‘(о воде, реке) вышедший из берегов’ при диал. *полий*, *полой* ‘ничем не заслоненный, доступный взору’ (олон.; 1895), ‘ничем не заполненный, порожний’ (волог.; 1852 г.) [13. С. 174; 14. С. 54] – со ст.-чеш. *polo* ‘полое, пустое место’ [10. С. 471] позволяет определить исходное значение как ‘пустое, ничем не заполненное, пространство’ > ‘ровная, безлесная, невозделанная земля; полонина’. С исторической, историко-культурной точки зрения оказывается, что эта лексика связана с исходным этапом расселения славян на пригодных и непригодных для земледелия пространствах. В языке славян это отразилось в том, что наряду с русин. *пlаный*, польск. *plony*, рус. *полий* и др., определяющими пустое, равнинное пространство, существует общеславянское однокорневое образование **pole*, связанное в основном с обозначением земледельческой практики славян.

Историко-лингвистический анализ показывает, что в языках славян, расселившихся на равнинных землях, пригодных для земледелия, на востоке, на западе и на Балканах обозначение равнинных, безлесных пространств перешло на обозначение обрабатываемой, пахотной земли, пашни, что и отражают рефлексы слав. **pole*, ср. др.-рус. *поле* (194 употребления) ‘безлесная равнина; пастбище; степь’ и ‘обрабатываемая земля [15. С. 114]; ст.-укр. *поле* ‘открытое безлесное пространство’ (156 употреблений), ‘засеянный или обработанный участок земли’ (15 употреблений): *а в поли юде собгъ проорють нивы* [16. С. 181]; с.-хорв. *поље* ‘поле, область’, *пољак* ‘полевой сторож’, *пољоделац* ‘земледелец’ [17. С. 643]; польск. *pole* ‘поле (пахотное, пшеничное)’, ‘поле, пространство’, ‘(охот.) поле, охотничий выезд’, рус. диал. *поле* ‘постоянная пашня близ деревни’ (олон.), *поле полевать* ‘охотиться или воевать’ (смол.), *полевая земля* ‘малопродуктивная земля’ (арх.; 1867–1868 гг.), *полевой* ‘дикий, неприрученный’ (*полевой гусь*, *полевые утки*, *полевые свиньи*; смол., сиб.), ст.-слав. *польскъ* ‘дикий, полевой’, ‘деревенский, сельский’ [18. С. 95; 19. С. 3, 147].

Интересны с историко-культурной точки зрения однокорневые с сербскохорватским *поље* образования *напоље* ‘снаружи’, *напољу* ‘снаружи, извне’, которые

представляют собой вариант выражения оппозиции «свой – чужой»: поле как символ чужого, необжитого пространства (ср. аналогичное рус. *вон, вне, вовне, внешний*, вероятно, родственные др.-инд. *vānat* ‘лес’, *vānē* ‘в лесу’, аналогично с лит. *laukė* ‘снаружи’, *laukan* ‘наружу’, букв. ‘в поле’) [20. С. 328, 348].

В русинском языке словом *поле* обозначают поле, землю (*перен.* область, сфера), но не только и не столько собственно обрабатываемую землю, скорее ровное место, на что указывает сравнение с семантикой его производных (*полёвый* ‘полевой’, *полёваня*, *полёвка* ‘охота’, *полёвати* ‘охотиться, блуждать / ходить по природе’, *полёвник* ‘охотник’, *полёвица* ‘полевая дорога’, *полёгосподарство* ‘сельское хозяйство’ [21. С. 122]. Именно с такой точки зрения слово *поле* поясняют и его синонимы: поле как угодье – *развалина* (‘поле, долина, ложбина’), ‘огороженное поле’ – *обора*, *загородчина*, ‘запущенное поле, под паром’ – *толока*; слова-заимствования (из венг., рум., опосредованно из др.-в.-нем.) *готар(ь)*, *лан*, *табла*, *дараба*, *царина* определяют поле с точки зрения размера, как поле под паром [22. С. 163].

Таким образом, *поле / role* исторически не сразу и не во всех славянских языках становится обозначением пашни, аграрным термином, продолжая сохранять связь с исходной семантикой – ‘ровное, безлесное пространство’. Но одно дело свободное от леса пространство на равнине и другое дело, если это в горах, в предгорье. Поэтому формирование значения ‘дикий, необрабатываемый’ и далее ‘плохой’ у производных **rol-n-* (*планный*, *plon(n)у*), однокорневого образования со слав. **role*, в русинском и близких родственно языках Карпатской зоны может свидетельствовать об исконном проживании этой части славян на данной территории.

Интересно в историко-культурном плане и второе общеславянское обозначение поля, пашни – **niva* (и его производные **nivica*, **nivka*, **nivaġ*, **nivišće*, **nivъpъ(jь)*), которое соседствует с обозначениями пастбища, луга, ср. с.-хорв. *niva* ‘обрабатываемое поле; пастбище, выгон, луг’, ст.-чеш. *niva* ‘тж’ и ‘мера поверхности поля’, чеш. *niva* ‘поле, пашня, в особенности новь; обширный ровный участок поля или луга’, польск. *niwa* ‘поле. пашня, угодье’, и (уст.) ‘поле после корчевания леса, новь, поле посреди леса; жатва, урожай’; широкий круг подобных значений у этого слова есть в диалектах русского языка [23. С. 134–136]. Похожий спектр значений этот земледельческий термин имеет и в карпатских языках: русин. *нива* ‘нива’, *ист.* ‘мера земли = урбариальный надел’, ср. *нива гнуйна родит добрі мелай* ‘унавоженная нива дает добрый урожай кукурузы’, бойк. *нива* ‘всходы зерновых; засеянное или засаженное поле; давно не паханное поле’ [23. С. 136; 24. С. 599].

Историко-этимологический анализ, согласно большинству исследователей, для праслав. **niva* как родственное определяет греч. *νερός* ‘новина, вновь вспаханное поле; пашня вообще’ (из **νερός*) и как первичное значение либо ‘новь, новина, впервые вспаханное поле’, либо ‘низина, низменность’ и ‘пашня (в низине); вновь вспаханное поле’ [23. С. 136–137]. Сопоставляя способы номинации праслав. **niva* ‘низина, пригодная для пашни’ и **role* ‘безлесная равнина’, видим исходно значимые признаки земель, осваиваемых при славянском расселении, в том числе и в районе расселения

русин. Подобную особенность в номинации равнинных мест в горной местности видим и в южнославянских языках: микрополе «Горное поле – горное пастбище» в Хорватии представлено лексемами *gavčina*, *piva*, в Черногории – *pol'a* ‘поле’, *lazina* ‘ровное поле’, *pašu* ‘пастбище’, в Македонии – *pol'e*, *pašišće*, *pl'anina* [25. С. 114–117].

Специфика формирования понятия «поле» как термина земледелия в Карпатах и Закарпатье особенно отчетливо видна на фоне общеславянского, унаследованного еще из индоевропейского языка, обозначения способа обработки и самой обрабатываемой земли, ср. и.-е. **ǵar-* ‘обрабатывать землю’: хет. *ḫarš-* ‘обрабатывать землю под посев’, лат. *agāre*, гот. *arjan* ‘пахать’, тох. А, В *āre* ‘плуг’, лат. *arvum* ‘пашня’, ст.-слав. *orati* ‘пахать’, *galo* ‘плуг’ и т.д. [26. С. 687–688]. Этот древнейший термин обработки земли в разной степени употребителен в современных славянских языках, ср. рус. диал. *орало* / *рало* ‘соха’, *оральник* / *ральник* ‘сошник’, рус. *перекуем мечи на орала*, укр. *орати*, с.-хорв. *орати* ‘пахать’, *рало* ‘деревянный плуг’, *рало земље* ‘мера земли (ок. 0,73 га)’, польск. *ogać* ‘обрабатывать землю под пашню’, *ogka* и *gola* ‘пашня, земля (обрабатываемая)’, *rolnik* ‘земледелец’, *kraj rolniczy* ‘аграрная страна’ и т.п. [17. С. 803–804; 18. С. 265; 27. С. 98–112]. В русинском языке этот термин представлен целым рядом производных: *орати* ‘пахать’ (*орати плытко* / *урозно*, *в склад* – о разных способах пахоты), *ораня* ‘пахота’, *ораний* ‘вспаханный’, *орный* ‘пахотный’, *ораниця* ‘пашня’, *орач* ‘пахарь’, *орный* ‘пахотный’, *орачка* ‘вспашка’, *орачува* ‘работа’, *орак* (бойк.) ‘вспаханная земля на склонах гор’; с другим вариантом корня – *роля* ‘пашня’ (*орница*), *рольный* ‘аграрный’ (*рольный газда*), *рольник* ‘земледелец’, *рольництво*, и *ралити* ‘рыхлить (культиватором)’, *рало ист.* ‘рало’; *совр.* ‘культиватор’ [21. С. 24–25; 28. С. 140, 161]. Из этого следует, что древнейшее обозначение обработки земли в славянских языках широко представлено и в русинском языке. И этим русинский язык являет культурно-исторические корни народа, свою исконность на Карпатах.

Таким образом, из анализа становления базовой земледельческой лексики русинского языка видим вписанность ее в общую картину особенностей расселения и освоения славянами разных территорий, разных по рельефу и возможности хозяйственной деятельности на них.

Не менее значимый показатель истории и культуры народа по сравнению с историей земледельческой лексики – история формирования общеоценочной лексики языка. «Мостиком» между этими понятийно-языковыми сферами в русинском языке и оказалась история вышерассмотренного русин. диал. *планый*, входящего в компактный, околокарпатский, ареал диалектов словацкого, чешского и польского языков.

Иначе обстоит дело с выражением понятия «польза / полезный». Сказалось политическое и социально-культурное влияние Венгрии / Австро-Венгрии, в состав которой долгое время входило Подкарпатье. Это пример отражения в культурно значимой лексике витка истории, включившего русин в зону активного влияния неславянского окружения: венгерское *hosен* пришло в русинский язык со значениями ‘польза, прок; доход, выгода; разжива,

толк' (< венг. *haszon* 'корысть, выгода'). Таким образом получилось целое словообразовательное гнездо, – *хосенный* 'полезный, пригодный, выгодный', *хосенность* 'полезность' и др. Это слово известно также украинскому, польскому, словацкому языкам, но именно в русинском языке оно подается в словарях во главе синонимического ряда. *Хосен* потеснило, но не вытеснило в русинском общеславянское *корысть* / **koristь* 'польза, выгода' (ср. в русском языке функциональные различия церковнославянизма *польза* и общеславянского *корысть*). Остальная, исконная, лексика синонимического ряда, выражающего понятие «польза» в русинском языке, обнаруживает связи с лексикой контактных языков, например, *пожиток* 'польза, выгода' имеет соответствия в западно- и восточнославянских языках [29. С. 211].

Рассмотрим пример из периода становления морально-этической лексики: историко-культурный период – Средние века, утверждение христианства. Понятие «должен» в русинском языке выражено лексемой *довжен* (*довжний*), имеющей два значения, как и в русском языке: модальное 'должен, обязан' и немодальное, продолжающее значение производящего – '(имеющий) денежный долг', ср. русин. *довжно* 'необходимо, нужно, следует', *довжний* 'винен, такой, що має борг', 'повинен, зобовязаний' (*довжен изробити, довжен сто рублюв, довжити* 'быть в долгу'). Такое выражение семантики долга отмечается не во всех славянских языках: функционально-семантически русинский совпадает со старославянским, древнерусским, русским, болгарским и сербохорватским языками, т.е. языками *Slavia orthodoxa*. В других славянских языках (укр., блр., словен., чеш., слвц., польск., лужиц.), имеющих также продолжение праслав. **dьlgь*, за этим словом сохранилось исторически исходное значение – 'взятое / данное взаймы (о деньгах)', а значение 'обязан, обязанность' выражают славянские образования с ясной внутренней формой: укр. *об'язок, повинність*, блр. *абавязак*, чеш. *повinnost, závazek* 'обязательство', с.-хорв. *обавэзати (се)* 'обязать(ся)' и т.п., как и русин. *убязаныи*. Признак «должный» как действие / состояние (рус. *долженствовать*) обозначается в русинском глаголами *достояти* 'приличествовать, долженствовать, быть обязанным', *достойти* 'положено, приличествует', *пристояти* 'приличествовать', ср. др.-рус. *достойти* 'следует, должно, надлежит', рус. *достойно*, с.-хорв. *достàјати (се), то му се достоји* 'это ему приличествует'), эта лексика относится к разряду церковнославянизмов, в то время как глаголы *приходити (ся), приходит ся* 'приходится, полагается, долженствует' (*приходячий по закону*) имеют соответствия в другой славянской зоне, ср. слвц. *prichádza* 'следует, нужно, надо' [30. С. 107–118]. В данном случае это пример формирования понятия в русинском языке в зоне влияния православия, старославянского / церковнославянского языка, как и в русском, южнославянских языках, и влияния соседних, западнославянских языков.

Заключение

При решении вопроса о статусе русинского языка представляется актуальным и эффективным рассматривать карпатские языки в центре «тре-

угольника» исторических языковых связей (восточнославянские – южнославянские – западнославянские), учитывая уже известные сепаратные связи между отдельными языками. История славян (нынешних русин – бойков, лемков, гуцулов), расселившихся на Карпатах (в Прикарпатье, Закарпатье) и оказавшихся на перекрестке дорог разных исторических событий между Восточной и Западной Европой, сложна и полна многих драматических событий, как и языковая история этих народов, и судьба приверженцев родного языка и культуры, их трудов [31. С. 179–197; 32; 33; 34. С. 73–97; 35]. Освещением этих вопросов занимается исторический журнал «Русин», объединяющий усилия гуманитариев разных стран по выявлению и сохранению островков русинской этноязыковой культуры. Под его эгидой в последние 10 лет проводятся ежегодные конференции историков и филологов Томского университета. Мы же попытались на конкретных примерах показать, что при всей сложности ситуации – отражении в языке русин и неоднородной, видимо, диалектной основы, и влияния церковнославянского, и словацкого, польского языков / диалектов (не учитывая заимствования из венгерского, немецкого языков) – возможен подход к анализу культурно значимых понятий в русинском языке с точки зрения как историко-лингвистической (этимологической), так и историко-культурной, контактологической для выявления в русинском историко-культурных страт, т.е. соответствий праславянского уровня, следов восточнославянских и западнославянских ареальных связей и церковнославянско-восточно-южнославянских отношений.

Список источников

1. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев : Наукова думка, 1985. 184 с.
2. *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М. : Языки славянской культуры, 2002. 622 с.
3. *Браксаторис М., Ондрейчик М.* Гетерогенность праславянской основы словацкого языка как следствие склавинско-аварского воздействия // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. к юбилею проф. Н.Е. Ананьевой / отв. ред. В.В. Красных. А.И. Изотов. М., 2017. С. 46–67.
4. *Чарский В.В.* Южнорусинский язык в свете языковых контактов (лингвогенетический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.
5. *Скорвид С.С.* Серболужицкий (серболужицкие) и русинский (русинские) языки: к проблематике их сравнительно-исторической и синхронной общности // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания : информационные материалы и тез. докл. междунар. конф. (Москва, 30–31 октября 2001 г.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 110–115.
6. *Гиндин Л.А., Калужская И.А.* Реконструкции карпатского регионального компонента позднепраславянского лексического фонда // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М. : Наука, 1991. С. 14–35.
7. *Орел В.Э.* К границам этимологического изучения карпатской лексики // Лексика в ОЖДА. М., 1989. С. 99–104.
8. *Дронова Л.П.* Лексика общеотрицательной оценки в русинском языке (историко-культурный аспект) // Русин. 2024. № 75. С. 263–274.

9. Velký slovensko-ruský slovník. III. díel. Bratislava, 1986. 800 p.
10. Rejzek J. Český etymologický slovník. Brno : Leda, 2001. 752 p.
11. Karłowicz J. Słownik gwar polskich : W 6 t. Kraków, 1906. T. 4.
12. Słownik synonimów polskich. Warszawa, 2003. 530 s.
13. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб. : Наука, 1995. Вып. 29. 346 с.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2 т. М. : Руср язр, 1994. Т. 2. 560 с.
15. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. В.Б. Крысько. Т. 1–8. М. : Русский язык, 2004. Т. 7. 505 с.
16. Словник староукраїнської мови. XIV–XV. Київ : Наукова думка, 1978. Т. 2. 591 с.
17. Сербско-хорватско-русский словарь. Около 50 000 слов / сост. Н.И. Толстой. М., 1957. 168 с.
18. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь : В 2 т. 3-е изд. Москва ; Варшава, 1988. Т. 2. 795 с.
19. Словарь старославянского языка : В 4 т. Репринт. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. Т. 3. 680 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964. Т. 1. 562 с.
21. Керча И. Русинско-русский словарь : В 2 т. Свыше 58 000 слов. Ужгород : ПоліПрінт, 2007 б. Т. 2. 608 с.
22. Керча И. Русско-руси́нский словарь : В 2 т. Ужгород : ПоліПрінт, 2012б. Т. 2. 596 с.
23. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М. : Наука, 1999. Вып. 25. 238 с.
24. Керча И. Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов : В 2 т. Ужгород : ПоліПрінт, 2007а. Т. 1. 608 с.
25. Домосилецкая М.В. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. IV: Ландшафт / под ред. А.Н. Соболева. СПб. : Наука ; Munchen : Verlag Otto Sagner, 2010. 362 с.
26. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы : В 2 т. Тбилиси, 1984. Т. 2. 1328 с.
27. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М. : Наука, 2005. Вып. 32. 261 с.
28. Гуцульські говірки. Короткий словник / відповід. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.
29. Дронова Л.П., Лю Я. Структура лексико-семантического поля «Польза» в русинском языке в сопоставлении с русским литературным языком // Русин. 2022. № 68. С. 208–223. doi: 10.17223/18572685/68/10
30. Дронова Л.П. Лексические средства выражения необходимости в русинском языке: ареально-исторический аспект // Русин. 2016. № 3 (45). С. 107–118.
31. Алимов Д.Е. Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос происхождения русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива // Русин. 2017. № 4 (50). С. 179–197.
32. Русины: вопросы истории и культуры. Пряшов : Русинська оброда, 1994.
33. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев : Татьяна, 2004. 240 с.
34. Суляк С.Г. О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (к историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 73–97.
35. Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность : сб. науч. статей по материалам международной научно-практической конференции «Геноцид и культурный этноцид русинов Карпатской Руси (конец XIX – начало XXI вв.)», г. Ростов на Дону, 19 декабря 2008 г. Ростов н/Д, 2010. 299 с.

Reference

1. Baran, V.D. et al. (1985) *Etnokul'turnaya karta territorii Ukrainiyskoy SSR v I tys. n.e.* [Ethnocultural Map of the Territory of the Ukrainian SSR in the 1st Millennium AD]. Kiev: Naukova dumka.
2. Sedov, V.V. (2002) *Slavyane: Istoricheskoe-arkheologicheskoe issledovanie* [The Slavs: Historical-Archaeological Study]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Braksatoris, M. & Ondrychenko, M. (2017) Getrognennost' praslavyanskoy osnovy slovatskogo yazyka kak posledstvie sklavyansko-avarskogo vozdeystviya [Heterogeneity of the Proto-Slavic basis of the Slovak language as a consequence of Slaven-Avar influence]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow: Maks PRESS. pp. 46–67.
4. Charskiy, V.V. (2008) *Yuzhnorusinskiy yazyk v svete yazykovykh kontaktov (lingvogeneticheskiy aspekt)* [South Ruthenian language in the light of language contacts (linguogenetic aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Skorvid, S.S. (2001) [Serbo-Lusatian and Ruthenian languages: on the problems of their comparative-historical and synchronic community]. *Issledovanie slavyanskikh yazykov v rusle traditsii sravnitel'no-istoricheskogo i sopostavitel'nogo yazykoznaniya* [Study of Slavic Languages in the Tradition of Comparative-Historical and Contrastive Linguistics]. Proceedings and Abstracts of the International Conference. Moscow. 30–31 October 2001. Moscow: Moscow State University. pp. 110–115. (In Russian).
6. Gindin, L.A. & Kaluzhskaya, I.A. (1991) Rekonstruktsii karpatkogo regional'nogo komponenta pozdnepraslavyanskogo leksicheskogo fonda [Reconstructions of the Carpathian regional component of the late Proto-Slavic lexical fund]. In: *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semey: Leksicheskaya rekonstruktsiya. Rekonstruktsiya ischeznuvshikh yazykov* [Comparative-Historical Study of Languages of Different Families: Lexical Reconstruction. Reconstruction of Extinct Languages]. Moscow: Nauka. pp. 14–35.
7. Orel', V.E. (1989) K granitsam etimologicheskogo izucheniya karpatskoy leksiki [On the boundaries of etymological study of Carpathian lexicon]. In: Bernshteyn, S.B. & Klepikova, G.P. (eds) *Leksika v OKDA* [Lexis in Pan-Carpathian Dialectological Atlas (OKDA)]. Vol. 1. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies USSR AS. pp. 99–104.
8. Dronova, L.P. (2024) Lexis of general negative evaluation in the Rusin language (a historical and cultural aspect). *Rusin*. 75. pp. 263–274. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/75/14
9. Dorotjaková, V. et al. (1986) *Velký slovensko-ruský slovník*. III. díl. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.
10. Rejzek, J. (2001) *Český etymologický slovník*. Brno: Leda.
11. Karłowicz, J. (1906) *Słownik gwar polskich*. Vol. 4. Kraków: [s.n.].
12. Anon. (2003) *Słownik synonimów polskich*. Warszawa: [s.n.].
13. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1995) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 29. Saint Petersburg: Nauka.
14. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoricheskoe-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
15. Krysko, V.B. (ed.) (2004) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Old Russian Language (11th–14th Centuries)]. Vol. 7. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Gumets'ka, L.L. (ed.) (1978) *Slovník staroukrajinského jazyka. XIV–XV* [Dictionary of Old Ukrainian Language. XIV–XV]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
17. Tolstoy, N.I. (ed.) (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar'*. Okolo 50000 slov [Serbo-Croatian-Russian Dictionary. About 50,000 Words]. Moscow: [s.n.].
18. Gessen, D. & Stypuła, R. (1988) *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar'* [Great Polish-Russian Dictionary]. 3rd ed. Vol. 2. Moscow; Varshava: Russkiy yazyk; Wiedza Powszechna.

19. Saint Petersburg State University. (2006) *Slovar' staroslavianskogo yazyka* [Dictionary of Old Church Slavonic]. Vol. 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (Reprinted).
20. Fasmer, M. (1964) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 1. Moscow: Progress.
21. Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Ruthenian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
22. Kercha, I. (2012) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Ruthenian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
23. Trubachev, O.N. (ed.) (1999) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 25. Moscow: Nauka.
24. Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkiy slovar'. Svyshe 58 000 slov* [Ruthenian-Russian Dictionary. Over 58,000 Words]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
25. Domosiletskaya, M.V. (2010) *Malyy dialektologicheskii atlas balkanskikh yazykov. Seriya leksicheskaya* [Small Dialectological Atlas of Balkan Languages. Lexical Series]. Vol. 4. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner.
26. Gamkrelidze, T.V. & Ivanov, V.V. (1984) *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy* [Indo-European Language and Indo-Europeans]. Vol. 2. Tbilisi: Tbilisi State University.
27. Trubachev, O.N. (ed.) (2005) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 32. Moscow: Nauka.
28. Zakrevs'ka, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki hovirky. Korotkyy slovnyk* [Hutsul Dialects. Short Dictionary]. Lviv: Ivan Krypiakevych Institute of Ukrainian Studies.
29. Dronova, L.P. & Yanchun, L. (2022) The structure of the lexico-semantic field "pol'za" in the Rusin language compared to the Russian literary language. *Rusin*. 68. pp. 208–223. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/68/10
30. Dronova, L.P. (2016) Lexical means of expressing necessity in the Rusin language: geographical and historical aspects. *Rusin*. 3 (45). pp. 107–118. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/45/8
31. Alimov, D.E. (2017) Between migrationism and autochtonism: On the origin of Transcarpathian Rusins in the discursive space of the national narrative. *Rusin*. 4 (50). pp. 179–197. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/50/12
32. Rusínska obroda. (1994) *Rusiny: voprosy istorii i kultury* [Ruthenians: Questions of History and Culture]. Prešov: Rusin'ska obroda.
33. Sulyak, S.G. (2004) *Oskolki Svyatoy Rusi. Ocherki etnicheskoy istorii rusnakov Moldavii* [Fragments of Holy Rus'. Essays on the Ethnic History of Moldavian Ruthenians]. Chişinău: Tat'yana.
34. Sulyak, S.G. (2016) About the language of the Slavonic-Moldavian documents of the 14th–17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42). pp. 73–97. (In Russian).
35. Mironov, G.Yu. et al. (2010) *Rusiny Karpatskoy Rusi: Problemnye voprosy istorii i sovremennoost'* [Ruthenians of Carpathian Rus': Problematic Issues of History and Modernity]. Proceedings of the International Conference Genotsid i kulturnyy etnotsid rusinov Karpatskoy Rusi [konets XIX – nachalo XXI vv.] [Genocide and Cultural Ethnocide of Rusyns of Carpathian Rus' [late 19th – early 21st centuries]]. Rostov-on-Don. 19 December 2008. Rostov-on-Don: [s.n.].

Информация об авторе:

Дронова Л.П. – д-р филол. наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Томск, Россия).
E-mail: lpdronova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.P. Dronova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lpdronova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2025;
одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 19.08.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья
УДК 81; 81-13
doi: 10.17223/19986645/98/5

Коммуникативные ценности «уважение» и «прямолинейность» в поликультурной среде Казахстана: социолингвистический аспект

Айгуль Досжановна Жакупова¹, Нурлугуль Галыевна Омарова²

^{1,2} *Кокиетауский университет им. Ш. Уалиханова, Кокиетау, Казахстан*

¹ *aigul_zhakupova@shokan.edu.kz*

² *Nurlugul@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия, осмысления и интерпретации коммуникативных ценностей – уважения и прямолинейности – в казахстанском поликультурном обществе. Исследование выполнено в русле аксиологического, когнитивно-прагматического и социолингвистического подходов. Материалом послужили данные социолингвистического анкетирования, обработанные методами количественного моделирования. Выявлена вариативность интерпретации ценностей в зависимости от этнической, возрастной и образовательной принадлежности респондентов.

Ключевые слова: коммуникативные ценности, уважение, прямолинейность, метаязыковое сознание, когнитивно-прагматический подход, межэтническая коммуникация, поликультурная среда Казахстана, социолингвистическое анкетирование, речевое поведение

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках грантового финансирования научного проекта ИРН AP23488481 «Ценностные приоритеты в языковом сознании казахстанцев: социопсихолингвистический и когнитивно-дискурсивный подходы» (2024–2026 гг.), реализуемого в Евразийском национальном университете им Л.Н. Гумилева.

Для цитирования: Жакупова А.Д., Омарова Н.Г. Коммуникативные ценности «уважение» и «прямолинейность» в поликультурной среде Казахстана: социолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 75–106. doi: 10.17223/19986645/98/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/98/5

Communicative values of respect and straightforwardness in the multicultural environment of Kazakhstan: A sociolinguistic perspective

Aigul D. Zhakupova¹, Nurlugul G. Omarova²

^{1,2} Sh. Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan

¹ aigul_zhakupova@shokan.edu.kz

² Nurlugul@list.ru

Abstract. The article explores the communicative values of *respect* and *straightforwardness* as moral and ethical regulators of verbal behavior in the multicultural society of Kazakhstan. The purpose of the study is to determine how these values are perceived, conceptualized, and interpreted in the linguistic consciousness of Kazakhstani speakers, and to identify the factors influencing their axiological and pragmatic significance. The empirical basis of the research consists of data from a sociolinguistic questionnaire conducted among 157 citizens of Kazakhstan representing different ethnic, age, and educational groups. The questionnaire included scenario-based tasks that modeled typical communicative situations (home, friends, workplace, negotiations, communication with elderly people) and evaluative questions aimed at identifying the degree of *importance* (normative status) and *appropriateness* (pragmatic relevance) of the analyzed values. The study is comprehensive in nature and draws upon axiological, cognitive-pragmatic, and sociolinguistic approaches. Methodologically, the research combines quantitative and qualitative methods of analysis. Ordinal and binary logistic regression were employed to test the statistical significance of ethnic, age, and educational factors affecting the perception of respect and straightforwardness. The qualitative analysis of open-ended responses complemented the quantitative findings, allowing for a reconstruction of respondents' metalinguistic reflection on speech norms and for the identification of interpretative clusters. The results demonstrate that *respect* occupies a stable position in the system of communicative values and is perceived as a basic cultural and normative category regulating social harmony and balance in communication. High ratings of respect are characteristic of all respondent groups, especially in intergenerational and professional contexts. *Straightforwardness*, in contrast, shows situational and axiologically ambivalent properties. A comparison of quantitative and qualitative results revealed the complementarity of these values: respect ensures moral and social stability in communication, while straightforwardness provides cognitive transparency and sincerity. Their interaction forms a *value-pragmatic balance* that defines a culturally acceptable degree of openness in interethnic communication. The study concludes that even universal communicative values acquire specific forms of manifestation depending on sociocultural and situational factors. Respect maintains the status of a cultural invariant, whereas straightforwardness tends to adapt and undergo contextual re-evaluation, reflecting the distinctive Kazakhstani model of communication, which combines traditional and modernized norms of verbal interaction.

Keywords: communicative values, respect, straightforwardness, metalinguistic consciousness, cognitive-pragmatic approach, interethnic communication, multicultural environment of Kazakhstan, sociolinguistic survey, speech behavior

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the grant funding of the scientific project IRN AP23488481 "Linguistic and Metalinguistic Reflection of Bilingual and Multilingual Children: Sociolinguistic, Psycholinguistic and Lexicographic Aspects" (2024–2026), implemented at the L.N. Gumilyov Eurasian National University.

For citation: Zhakupova, A.D. & Omarova, N.G. (2025) Communicative values of respect and straightforwardness in the multicultural environment of Kazakhstan: A sociolinguistic perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 75–106. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/5

Введение

В условиях возрастания роли речевой деятельности в многоязычных и поликультурных обществах всё большее внимание исследователей привлекают ценностные аспекты коммуникации, формирующие основу социального взаимодействия в различных культурных ситуациях. Анализ коммуникативных ценностей как элементов языковой картины мира позволяет выявить механизмы формирования идеологических, культурных и когнитивных оснований, определяющих успешность межличностного и межкультурного общения. Под *коммуникативной ценностью* в данном исследовании понимается *аксиологема, закреплённая в языковой системе и реализуемая в прагматических стратегиях и жанровых нормах общения* [1–6].

Коммуникативные ценности выполняют двойную функцию: регулируют социальное взаимодействие, формируют концептуальные модели мира в сознании человека; репрезентируя опыт межкультурных контактов и закрепляясь в языке, они входят в метаязыковое сознание, задают ориентиры речевого поведения и влияют на конструирование социального опыта [2, 7–10]. При этом ценности представляют собой динамические образования, отражающие трансформации общественных отношений и культурных установок [11–13].

За последние годы в гуманитарной лингвистике системно изучаются аспекты коммуникативных ценностей – их нормативный статус, языковые средства выражения и вариативность уместности в разных социальных ситуациях. Так, уважение осмысливается как социальный регулятив речевого поведения и многоуровневый лингвокультурный концепт [14]; на материале казахского культурного контекста описаны представления о вежливости и «лице», структурирующие ожидания участников общения [15], систематизированы этикетные практики и маркеры *құрмет* в приветствиях и обращениях [16]; выявлены жанрово-адресатные особенности прямоты в медийных форматах [17]; описана прагматика прямых и косвенных вопросительных актов [18]; проанализированы риски прагматических сбоев при нарушении баланса между уважением и степенью прямолинейности в деловой сфере общения [19, 20].

Однако при всём многообразии подходов к изучению культурных и прагматических аспектов вежливости и выражения «лица» [21–24], а также лингвокультурных особенностей казахстанской коммуникации [25–27], остаётся недостаточно изученным вопрос о том, как воспринимаются и интерпретируются базовые коммуникативные ценности – уважение и прямолинейность – в условиях поликультурного казахстанского общества. В большинстве работ внимание сосредоточено на отдельных аспектах речевого поведения – вежливости, тактичности, откровенности, тогда как системный анализ восприятия ценностных регуляторов общения в их социальном и этнокультурном измерении остается фрагментарным. Настоящая работа направлена на восполнение этого пробела посредством анализа восприятия и прагматической реализации ценностей уважения и прямолинейности в различных сферах общения, что позволяет уточнить специфику коммуникативных норм в поликультурной среде Казахстана.

В статье уважение и прямолинейность рассматриваются как коммуникативные ценности, т.е. как ценностно обусловленные нормативные ориентиры речевого поведения в социально значимых и межкультурно релевантных взаимодействиях [1, 2, 28]. Уважение представляет собой базовую этико-нормативную ценность, лежащую в основе принципов вежливости и социального признания [1, 2, 21], тогда как прямолинейность является ценностно нагруженной коммуникативной нормой, отражающей ожидания честности и прозрачности и потому связанной с регулятивным измерением кооперации [1, 29]. Их совместное рассмотрение позволяет охватить нормативное и регулятивное измерения коммуникативного поведения и выявить особенности их восприятия в поликультурной среде Казахстана.

С целью верификации результатов предварительного анализа коммуникативных установок и ценностных ориентиров был проведён пилотный свободный ассоциативный эксперимент в форме письменного анкетирования в группе взрослых жителей г. Кокшетау, Казахстан (100 мужчин и женщин в возрасте от 18 до 70 лет), владеющих русским и казахским языками. Респондентам предлагалось назвать ассоциации к трём стимулам: «Вежливое общение», «Хороший собеседник», «Межэтническое общение». Результаты показали устойчивое присутствие ценностей уважения и прямолинейности в разных стимульных контекстах.

Для стимула «Вежливое общение» преобладали реакции, указывающие на *уважение* как базовую этикетную ценность – 48%, а также на формы её речевой реализации (*такт, корректность, культура речи*) – 27%. Практики поддержания уважительного тона (*не перебивать, слушать, говорить спокойно*) составили 15%, эмоционально-положительные характеристики – 7%, речевые формулы – 3%.

В ответах на стимул «Хороший собеседник» чаще всего упоминались качества восприятия собеседника (*внимательный, умеет слушать, понимает*) – 41%, этикетные характеристики (*вежливый, уважительный, тактичный*) – 27%, когнитивно-личностные качества (*умный, честный, прямой*) – 20%, эмоционально-положительные – 8%, индивидуальные – 4%.

При стимуле «Межэтническое общение» доминировали ценности *уважения и согласия* – 52%, далее следовали гармонизирующие установки (*взаимопонимание, дружба, культура*) – 23%, реакции, связанные с *открытостью и искренностью*, – 15%, стратегии поддержания согласия – 7%, индивидуальные – 3%.

Полученные результаты опроса показали, что в языковом сознании казахстанцев ценность *уважения* имеет ярко выраженную и устойчивую репрезентацию. В то же время ценность *прямолинейности* не всегда была названа прямо, но проявилась имплицитно – через ассоциации *честность, откровенность, открытость, искренность*. Эти реакции отражают когнитивное ядро понятия *прямолинейность* и показывают, что для казахстанского поликультурного сознания характерно восприятие прямолинейности как ценности, требующей контекстуального регулирования: она одобряется в форме искренности и честности, но смягчается нормами уважительного общения. Таким образом, обе ценности – *уважение как гармонизирующая норма и прямолинейность как выражение искренности и правдивости* – образуют ключевые ориентиры казахстанской коммуникативной аксиосферы.

Пилотные результаты позволили уточнить исследовательскую модель, где ценности операционализированы через категории важности (нормативный статус) и уместности (прагматическая релевантность), задающие основу анализа аксиологического баланса гармонии и откровенности в поликультурной коммуникации.

В данной статье акцент сделан на эмпирическом анализе восприятия и когнитивной репрезентации коммуникативных ценностей, в то время как языковая реализация этих ценностей была подробно рассмотрена в ряде предыдущих публикаций [30–32] в рамках общего исследовательского проекта.

Цель статьи – выявить и проанализировать особенности восприятия, осмысления и интерпретации коммуникативных ценностей *уважения и прямолинейности* в поликультурном обществе Казахстана, определить их взаимосвязь и соотношение категорий *важности* и *уместности* как аналитических параметров, отражающих аксиологические и прагматические изменения коммуникативного сознания. Для уточнения концептуальных оснований и аналитической модели рассмотрим теоретико-методологические предпосылки исследования.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретико-методологическая база настоящей работы опирается на интеграцию аксиологического, когнитивно-прагматического и социолингвистического подходов, что позволяет рассматривать коммуникативные ценности как многоуровневую систему нормативных и регулятивных установок, закреплённых в языке и проявляющихся в реальных коммуникативных практиках. Выбор данной рамки обусловлен тем, что анализируемые категории –

уважение и прямолинейность – принадлежат к числу универсальных коммуникативных ценностей, присутствующих в различных культурах и обеспечивающих базовые механизмы социальной координации.

С позиций аксиологической лингвистики коммуникативные ценности представляют собой аксиологемы, т.е. языковые репрезентации культурно значимых установок, которые регулируют речевое поведение и отражают ценностные ориентации социума. Так, Н.Н. Казыдуб определяет аксиологемы как языковые репрезентанты аксиологических смыслов [3. С. 134], С.Н. Кочеров трактует их как «единицы языка, обладающие ценностным смыслом, различным для представителей отдельного культурного общества» [4. С. 2], а по наблюдению Т.В. Романовой, аксиологема характеризуется «ценностно-оценочными коннотациями и может актуализировать положительный, отрицательный или смешанный аксиологический модус» [6. С. 29]. Таким образом, под коммуникативной ценностью в данной работе понимается аксиологема, закреплённая в языковой системе и реализуемая в прагматических стратегиях и жанровых нормах общения [1–6].

Коммуникативные ценности задают нормативные рамки вербального и невербального взаимодействия и выступают индикаторами этнической и культурной идентичности. Согласно Т.В. Лариной, это ментальные ориентиры, закрепляющие нормативное речевое поведение членов лингвокультурного сообщества, проявляющееся в стратегиях, этикетных формулах и эмоциональных кодах [33. С. 150]. В.В. Дементьев и И.А. Стернин подчёркивают их системный и культурно обусловленный характер [5. С. 28; 34. С. 38]. В аксиологической типологии С.М. Толстой, А.В. Головановой и Е.Ф. Серебренниковой уважение соотносится с моральными ценностями, обеспечивающими социальную устойчивость и нормативное регулирование поведения [35–37], тогда как прямолинейность может занимать промежуточное положение между моральными и инструментальными ценностями, сочетая этическое измерение (честность, искренность) с утилитарным (результативность, прагматическая польза). В многоуровневой модели В.И. Карасика уважение выступает универсальной моральной доминантой, а прямолинейность – ситуативной ценностью, значимой для эффективной коммуникации и культурно ограниченной по степени уместности [38]. В рамках концепции А.А. Киклевича уважение определяется как социально-моральная положительная массовая ценность, тогда как прямолинейность – как амбивалентная, оцениваемая положительно или отрицательно в зависимости от культурного контекста [39].

Когнитивно-прагматический подход вызывает методологический интерес тем, что позволяет описать динамическую сторону ценностей – их реализацию в конкретных речевых ситуациях. Он базируется на теории кооперативного принципа Г. Грайса [29], принципа вежливости Дж. Лича [22], теории «лица» П. Брауна и С. Левинсона [21], а также на теории речевых актов Дж. Остина [40] и Дж. Серля [41]. Эти подходы позволяют рассматривать ценности уважения и прямолинейности как проявления различных прагматических установок. Уважение встраивается в максимы отношения и

способа – предполагает корректность, уместность и сохранение достоинства адресата; прямолинейность коррелирует с максимумами качества и количества, выражая стремление к честности, достоверности и ясности высказывания. В модели Дж. Лича уважение реализуется через максимы такта и одобрения, минимизирующие угрозу «лицу» собеседника, тогда как прямолинейность может быть сопоставлена с ориентацией на прямое и откровенное выражение позиции, даже ценой снижения тактичности. В рамках теории «лица» Брауна и Левинсона уважение проявляется через стратегии сохранения позитивного и негативного лица, а прямолинейность может выступать как «угрожающий лицу» акт, оправданный стремлением к искренности. Теория речевых актов подчёркивает, что успех коммуникации определяется уместностью иллокутивных действий: уважение реализуется через косвенные и смягчённые формы, поддерживающие баланс, тогда как прямолинейность выражается в прямых директивах и утверждениях, подчеркивающих перлокутивную силу воздействия. В терминах коммуникативных стратегий и тактик [28] эти ценности могут рассматриваться как надситуативные регуляторы: уважение мотивирует стратегии солидаризации, учет статуса, предупреждение конфликта, тогда как прямолинейность – стратегии прояснения позиции, минимизации двусмысленности. Ценности определяют целевые приоритеты, максимы – критерии эффективности, стратегии – конкретные способы реализации в речевой практике. Таким образом, в универсальных коммуникативных теориях уважение и прямолинейность представлены как дополняющие полюса успешного взаимодействия – гармонизация и эффективность.

Социолингвистический аспект исследования связан со спецификой казахстанского коммуникативного пространства, характеризующегося полиэтничностью, билингвизмом и культурной гибридностью. Языковая политика Казахстана формирует ситуацию, в которой наряду с ростом символического статуса казахского языка русский язык сохраняет роль межэтнического медиатора в институциональных и повседневных коммуникациях. В этих условиях особое значение приобретает понятие ценностного согласования, предполагающего выработку общих аксиологических оснований для межэтнического взаимодействия [42]. Как отмечает В.А. Ахатова, процессы инкультурации и аккультурации обеспечивают формирование общих смыслов и концептов – «народ Казахстана», «мәңгілік ел», «гражданская общность», способствующих консолидирующей функции общения [43].

Исследования последних лет фиксируют динамику ценностных трансформаций под влиянием социально-экономических и технологических факторов [44–46], что особенно проявляется среди молодёжи как генератора новых идентичностей и коммуникативных практик [47–48]. Эти тенденции подтверждаются анализом типичных студенческих нарративов, отражающих значимые события и ценностные ориентиры молодёжи [49]. В этом контексте уважение и прямолинейность отражают баланс традиционных моральных норм и современных прагматических ожиданий. Уважение со-

храняет статус базовой универсальной ценности, обеспечивающей гармонию взаимодействия, тогда как прямолинейность проявляется как ситуативно-ролевая установка, регулирующая меру открытости и искренности в межкультурной коммуникации.

Социолингвистический подход позволяет учитывать специфику казахстанского коммуникативного пространства, в котором взаимодействуют разные языковые и культурные коды, формируя сложную систему ценностных согласований. Однако для того чтобы выявить, каким образом эти ценности осмысляются самими носителями, необходимо обратиться не только к наблюдаемым коммуникативным практикам, но и к их рефлексивному уровню – метаязыковому сознанию. Опора на метаязыковое сознание граждан Казахстана обусловлена задачей выявления не только речевого поведения, но и ценностных установок, осознаваемых и вербализуемых самими носителями. Метаязыковое сознание понимается как совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии, о собственных речевых тактиках и т.д. [50].

Принимая во внимание заявленные методологические подходы – аксиологический, когнитивно-прагматический и социолингвистический, – эмпирическая часть исследования опирается на методы количественной обработки данных.

В современных лингвистических исследованиях выбор статистических методов обосновывается многими работами. Так, фундаментальные монографии по количественной лингвистике рекомендуют регрессионные модели (в том числе биномиальную и порядковую логистическую регрессию) для анализа категориальных и порядковых данных – такой подход широко применяется в прагматике и социолингвистике. В частности, отмечается, что регрессионные модели являются стандартным инструментом в многофакторном анализе языковых данных [51–53]. На прикладном уровне ценностные параметры коммуникации успешно операционализируются количественно. Например, I. van Dorst, M. Gillings, J. Culpeper с помощью логистических моделей проанализировали вариативность вежливости в английском общении [54], а С. Moelders, N. Quaakebeke, M. Paladino изучили последствия уважительной и неуважительной речевой манеры в политических дебатах, выявив её влияние на оценки аудитории [55]. Е. Ogiermann в своем сопоставительном исследовании системно сравнила стратегии извинений в культурах «позитивной» и «негативной» вежливости, опираясь на статистический анализ распределения стратегий, чем наглядно продемонстрировала возможности количественного подхода в межкультурной прагматике [56]. В полиэтничной среде Казахстана исследователи также обращаются к анкетным опросам и статистическому анализу для изучения ценностных ориентаций в коммуникации. Так, Sh. Zharkynbekova и соавт. на основе смешанной методики собрали эмпирические данные об иерархии ценностей студен-

ческой молодежи в многонациональной среде [57], что позволило количественно сопоставить значимость различных ценностей и обеспечить более глубокую интерпретацию полученных результатов.

Таким образом, интеграция аксиологического, когнитивно-прагматического и социолингвистического подходов позволяет интерпретировать уважение и прямолинейность как взаимодополняющие, но не тождественные коммуникативные ценности. На методологическом уровне это подкрепляется использованием количественно-статистического инструментария.

Материалы и методы исследования

На основании изложенной теоретико-методологической рамки – интеграции аксиологического, когнитивно-прагматического и социолингвистического подходов – была разработана эмпирическая модель работы, направленная на выявление особенностей осмысления и языковой репрезентации коммуникативных ценностей уважения и прямолинейности в метаязыковом сознании и речевых установках казахстанцев.

Для получения эмпирических данных в октябре 2024 г. проведен полномасштабный свободный ассоциативный и направленный психолингвистический эксперимент, реализованный в форме двуязычной (русский/казахский языки) анкеты и предлагаемой респондентам в электронном виде с использованием программного инструмента Google Forms. Свободные ассоциативные задания позволяли респондентам самостоятельно актуализировать индивидуальные и культурно обусловленные ассоциативные связи без внешних ограничений, что обеспечивало доступ к спонтанным, интуитивным проявлениям языкового сознания. Направленные вопросы задавали «нужное» исследовательское направление метаязыковой рефлексии и активизировали интеллектуальную деятельность респондентов [58. С. 36]. Такое сочетание свободных и направленных заданий позволило комплексно зафиксировать как спонтанный, так и рефлексивный уровни проявления метаязыкового сознания.

При разработке методики проведения эксперимента определялись следующие критерии: 1) отбор потенциальных респондентов; 2) определение оптимального количества участников для обеспечения репрезентативности выборки; 3) формулировка вопросов, стимулирующих метаязыковую рефлекссию относительно содержания коммуникативных ценностей; 4) определение параметров обработки и интерпретации полученных результатов.

В анкетировании приняли участие 200 респондентов, проживающих на территории Казахстана. Для обеспечения сопоставимости этнокультурных данных и исключения влияния диспропорции в численности этнических групп в аналитическую выборку были включены 157 участников, при этом численность казахов и русских была уравнена. Такой подход объясняется тем, что именно данные группы представляют два основных языковых и культурных пласта современного казахстанского общества, различающиеся

по доминантному языку общения, но активно взаимодействующие в едином коммуникативном пространстве.

В итоговую выборку вошли 157 респондентов различной этнической принадлежности, включая казахов (58), русских (58) и представителей других этнических групп (42) – татар (11), немцев (10), узбеков (7), украинцев (4), чеченцев (4), поляков (2), грузин (2), корейцев (1), чувашей (1)¹. На вопрос «*На каком языке преимущественно Вы общаетесь?*» были получены следующие ответы: на русском – 107 информанта, на казахском – 28, на казахском и русском – 22. Выборка охватывала три возрастные категории (18–35, 36–54, 55+) и четыре уровня образования (среднее, среднее специальное, высшее, PhD). Участие было добровольным, персональные данные не собирались.

Инструмент анкетирования включал социодемографический модуль, состоящий из девяти вопросов (возраст, пол, образование, регион проживания, сфера профессиональной деятельности, национальность, родной язык, язык общения, владение иностранными языками), и два тематических раздела, соответствующих ключевым коммуникативным ценностям – уважению и прямолинейности. Всего было предложено 20 вопросов, из которых 10 посвящены ценности *уважения*, 10 – ценности *прямолинейности*. Все вопросы анкеты были разделены на две группы: 1) концептуально значимые, отражающие аксиологические и прагматические аспекты осмысления коммуникативных ценностей, и 2) статистически значимые, направленные на проверку и количественное подтверждение результатов концептуального анализа. Такое разделение основано на двухуровневой исследовательской модели, предполагающей сочетание качественного (интерпретационного) и количественного (верификационного) анализа. Вопросы первой группы фиксируют когнитивное и метаязыковое осмысление ценностей, т.е. раскрывают, как респонденты понимают, интерпретируют и вербализуют понятия «*уважение*» и «*прямолинейность*». Они служат основой психолингвистического анализа и характеризуют интерпретационный потенциал коммуникативных ценностей в сознании казахстанцев. Вопросы второй группы обеспечивают эмпирическую проверку выявленных смысловых закономерностей, позволяя определить их устойчивость и статистическую значимость.

Анкетные данные были очищены, закодированы и подвергнуты статистической обработке с использованием методов статистического моделирования в программной среде R. Для анализа зависимых переменных с иерархической шкалой (важность уважения по ситуациям; восприятие прямолинейности как грубости) была использована порядковая логистическая регрессия, для дихотомических данных (выбор частных проявлений уважения; уместность по ситуациям; стратегии реагирования на прямолинейность – биномиальная логистическая регрессия, позволившая установить

¹ Группы респондентов – представители разных этносов – были объединены в группу «Другие», поскольку численность каждой из этих подгрупп не позволяла проводить достоверный статистический анализ внутриэтнических различий.

значимость таких независимых переменных, как этничность (казахи/русские/другие), возраст (18–35; 36–54; 55+), уровень образования (среднее, среднее профессиональное, высшее, PhD), на вероятность выбора соответствующих оценок и практик. Для визуализации использовались диаграммы распределения, демонстрирующие различия в восприятии уважения и прямолинейности между этнокультурными группами и коммуникативными ситуациями. Интерпретация количественных данных выполнялась в когнитивно-прагматической и социолингвистической рамке, что позволило выявить механизмы согласования ценностных приоритетов и ситуативной релевантности коммуникативных норм.

Для анализа использовался набор ситуационных стимулов, понимаемых как сценарные задания – единицы опроса, описывающие конкретный коммуникативный эпизод через минимальный набор параметров: кто является участниками и каков их статус (равные, старшие/младшие, представитель организации и т.п.); место общения (дом, работа, официальные переговоры, друзья); цель взаимодействия (поддержание отношений, решение задачи, согласование позиции); ожидаемые нормативы поведения (уровень формальности, наличие иерархии, степень публичности). В опрос были включены следующие ситуации: «Дома / семья» (семейное общение с близкими; цель – поддержание отношений, низкая формальность), «Друзья» (неформальное общение с близкими друзьями; равный статус), «Переговоры» (официальная встреча / деловые переговоры с представителем организации; высокая формальность, цель – согласование / достижение результата), «Пожилые» (общение с пожилыми людьми / старшим поколением; возрастная иерархия, повышенные этикетные ожидания), «Работа» (повседневная профессиональная коммуникация на рабочем месте; институциональная рамка, средняя формальность, кооперативная цель) и «Другое», где респонденты могли указать собственную ситуацию. Выбор именно этих ситуаций обусловлен их общественной значимостью и различной прагматической нагрузкой. Они по-разному предъявляют требования к нормам уважения и прямолинейности, сохранению «лица» и открытой экспрессии позиции, что позволяет проследить ситуативную вариативность уместности данных ценностей.

Для операционализации ценностей использованы два измеримых параметра метаязыкового сознания: для ценности уважения – «важность» как нормативное признание ценности; для ценности прямолинейности – «уместность» как показатель ее ситуативной применимости.

Уважение анализировалось на трёх взаимосвязанных уровнях – аксиологическом, прагматическом и рефлексивном. На аксиологическом уровне фиксировались оценки значимости ценности – отношение респондентов к уважению как к социальной и речевой норме. На прагматическом уровне изучались представления о способах реализации уважения в общении, то есть о конкретных формах речевого поведения, воспринимаемых как проявление уважения. Наконец, рефлексивный уровень отражал метаязыковое осмысление самой категории «уважение», т.е. способы её вербализации и концептуализации в сознании респондентов.

На первом этапе респондентам предлагалось оценить, *насколько важно проявлять уважение в различных ситуациях общения (при общении с пожилыми, в кругу друзей, в домашней обстановке, на работе, в ситуации деловых переговоров* (порядковая шкала: 1 – не важно, 2 – важно, 3 – очень важно)). Эти данные позволили определить нормативный статус ценности – её признанность и устойчивость в коллективном сознании (рис. 1). На втором этапе участники выбирали значимые компоненты уважительного поведения из предложенного списка: *внимательное слушание, вежливость, изучение культуры собеседника, корректное выражение мнения, учёт традиций*. Кодирование ответов было бинарным (0 – не выбран, 1 – выбран), что позволило трактовать выбор как отражение нормативных ожиданий и представлений о практических проявлениях уважения (рис. 2). На третьем этапе был зафиксирован рефлексивный (метаязыковой) уровень восприятия – респондентам предлагалось ответить на открытые вопросы: «*Что для вас значит слово “уважение” / “құрмет”?*» (базовый дефиниционный вопрос, выявляющий ядро понятия и направление интерпретаций (морально-нормативное, культурное, личностное)), «*Как вы обычно проявляете уважение в общении с другими людьми?*» (вопрос фиксирует реальные коммуникативные практики, отражает поведенческую реализацию ценности (вербальные и невербальные формы)), «*Всегда ли вежливость означает уважение? Почему?*» (рефлексивный вопрос, показывающий глубину осмысления, различие между внешней формой и внутренним содержанием ценности)). Ответы позволили выявить типичные лексические и семантические репрезентации понятия *уважения*, определить характерные когнитивные признаки и культурные ассоциации, а также установить степень осознанности и глубины его метаязыкового восприятия.

Прямолинейность рассматривалась как ценностно нагруженная прагматическая установка, уместность и интерпретация которой зависят от ситуации общения, статуса и ролей участников. В исследовательской модели анализ прямолинейности строился на трёх взаимосвязанных уровнях – прагматическом, аксиологическом и регулятивно-рефлексивном, что позволило охватить как ситуативную применимость прямого высказывания, так и способы его интерпретации и нейтрализации в общении.

На первом этапе фиксировалась оценка уместности прямолинейного способа выражения позиции: «*В каких ситуациях прямолинейность уместна?*». Ответы кодировались бинарно (0 – неуместна, 1 – уместна). Этот блок отражает прагматическое измерение – ситуативную применимость прямого высказывания в типичных сферах общения (работа, общение с близкими друзьями, переговоры, семейная коммуникация и другие ситуации). Для каждой ситуации рассчитывались доли ответов «уместна»; далее строились биномиальные логистические модели с одинаковым набором факторов (*этничность, возраст, образование*) (рис. 3). На втором этапе анализировались поведенческие и метаязыковые реакции респондентов на прямолинейные высказывания. Вопрос формулировался следующим образом: «*Как Вы реа-*

гируете на прямолинейные высказывания в свой адрес? Отметьте подходящие варианты». В перечень входили стратегии: *избегаю конфликтных ситуаций; принимаю как конструктив; зависит от тона высказывания; стараюсь не реагировать эмоционально; испытываю дискомфорт; выслушиваю, но действую по ситуации; не нравятся прямолинейные высказывания*. Каждая стратегия кодировалась бинарно (0 – не выбран, 1 – выбран респондентом) и анализировалась отдельной биномиальной логистической моделью. Этот блок отражает регулятивно-рефлексивный уровень, фиксируя не только поведенческие стратегии нейтрализации прямооты, но и осознанные интерпретации респондентами прямолинейности как уместной или нарушающей гармонию формы выражения мнения. Через ответы выявляется метаязыковое осмысление коммуникативного риска и механизмов восстановления кооперативности в межличностном взаимодействии (рис. 4).

Для выявления метаязыкового осмысления прямолинейности в анкету были включены открытые вопросы: «*Что, по Вашему мнению, значит быть прямолинейным в общении?*», а также уточняющие вопросы: «*Где проходит граница между прямолинейностью и грубостью?*», «*Всегда ли прямолинейность воспринимается положительно?*». Ответы респондентов позволили зафиксировать вербализации понятия, его оценочные оттенки и ситуативные ограничения, выявив внутреннюю структуру восприятия прямолинейности в метаязыковом сознании казахстанцев.

Таким образом, категории *важности* и *уместности* выступают аналитическими параметрами, через которые эмпирически измеряются ценности *уважения* и *прямолинейности*, позволяя соотнести аксиологический (нормативный) и прагматический (ситуативный) уровни их восприятия в коммуникативном сознании респондентов.

Результаты и обсуждение

Представленные результаты объединяют данные качественного и количественного анализа, направленные на выявление особенностей осмысления и интерпретации коммуникативных ценностей уважения и прямолинейности в поликультурной среде Казахстана.

Качественный (интерпретационный) анализ коммуникативной ценности «уважение». Проведённый качественный анализ ассоциативных и вербальных реакций респондентов позволил выявить основные направления осмысления коммуникативной ценности «*уважения / құрмет*» в языковом сознании казахстанцев. Материал ответов продемонстрировал разнообразие когнитивных интерпретаций и языковых репрезентаций этой ценности, отражающих как традиционные, так и современные ориентиры поликультурного общества. Анализ показал, что большинство реакций в разных социоэтнических группах представлено лексемами и словосочетаниями, актуализирующими понятийно-аксиологическое ядро ценности: *сыйластық, почтение, вежливость, адамгершілік, доверие, честность*. Эти единицы репрезентируют морально-нравственный и социально-нормативный аспекты

уважения, демонстрируя устойчивость традиционной модели уважительных отношений прежде всего к старшим, родителям, традициям, культуре поведения. Наряду с этим в ответах зафиксированы лексемы гуманистического и поликультурного характера (*толерантность, доброта, взаимопонимание, культура поведения*).

На основании семантического и прагматического анализа все ответы были распределены по шести интерпретационным кластерам, отражающим когнитивное и ценностное содержание понятия *уважения*:

1. **Этическо-нормативный кластер** (*уважение как социальная норма и моральное предписание*): «Надо уважать старших, родителей, учителей – так нас воспитали», «Уважение – это когда не перебиваешь и не грубишь», «Кто уважает других, того и самого уважают». Концептуальное содержание: уважение осмысливается как моральный долг, связанный с социальной иерархией и воспитанностью.

2. **Коммуникативно-поведенческий кластер** (*уважение как стратегия речевого взаимодействия*): «Говорить спокойно, не повышать голос», «Обращаться на «Вы», слушать внимательно, не перебивать», «Келіпесең де, сыпайы түрде айт» (Если не согласен – скажи мягко). Концептуальное содержание: уважение проявляется через формы речевого поведения – выбор обращений, интонацию, соблюдение речевого этикета.

3. **Эмоционально-оценочный кластер** (*уважение как эмпатия и признание другого*): «Когда не считаешь себя лучше других», «Проявлять доброжелательность, даже если не согласен», «Басқаның көңіл-күйін түсіне білу – сыйластықтың белгісі» (Понимать настроение другого – признак уважения). Концептуальное содержание: уважение определяется как внутреннее отношение, основанное на эмпатии, признании и доброте.

4. **Когнитивно-рефлексивный кластер** (*осмысление внутренней сущности и границ понятия*): «Уважение – это не просто вежливость, а признание человека как личности», «Можно быть вежливым, но не уважать – уважение идёт изнутри», «Настоящее уважение не требует слов, оно чувствуется в поведении», «Құрмет – адамның рухани мәдениетінің көрсеткіші» (Уважение – показатель духовной культуры человека). Концептуальное содержание: респонденты демонстрируют осознанное понимание различия между формой и содержанием уважения.

5. **Культурно-специфический кластер** (*интеграция казахских этических категорий – сыйластық, әдеп, құрмет*): «Сыйластық – это уважение с теплотой и добротой», «Әдеп сақтау – значит держать себя достойно, не унижая другого», «Құрмет көрсету – это не просто вежливость, это признак души». Концептуальное содержание отражает этнопрагматическую специфику (уважение не ограничивается формой, а включает духовное и моральное измерения).

6. **Метафорико-образный кластер** (*рефлексивные определения через образные формулы*): «Уважение – это граница между свободой и грубостью», «Когда слова не ранят – значит, уважаешь», «Если говоришь правду мягко – проявляешь уважение», «Құрмет жоғалса, қатынас суып

қалады» (Когда теряется уважение, отношения охлаждаются), «Сыйластық бар жерде сөздің де салмағы бар» (Там, где есть уважение, слово имеет вес). Концептуальное содержание: метафорические формулы показывают внутреннюю диалектику понятия – между открытостью и бережностью.

Эта классификация позволила реконструировать структуру интерпретационного поля ценности «уважение», где центральное место занимает представление об уважении как о гармонизирующей и регулирующей норме общения, а периферийные зоны включают эмоционально-гуманистические и когнитивно-рефлексивные компоненты. Таким образом, качественный анализ показал, что в метаязыковом сознании казахстанцев *уважение* функционирует как комплексная ценность, объединяющая нормативный, поведенческий и личностно-эмоциональный уровни. Оно сохраняет традиционное содержание, связанное с почтением и этикетом, но постепенно наполняется универсальными гуманистическими смыслами, отражающими современную поликультурную коммуникацию.

Качественный (интерпретационный) анализ коммуникативной ценности «прямолинейность». Ассоциативное поле стимула *«прямолинейность / турашылдық»* имеет менее устойчивый характер по сравнению с ценностью *«уважения»* и отличается значительной вариативностью лексических реакций. Отсутствие в ответах прямой номинации исследуемой ценности указывает на её невербализованность в повседневном языковом сознании и интерпретацию через смежные категории (вместо лексемы 'прямолинейность' встречается лексема 'прямота').

В ядре ассоциативного поля закреплены номинации, соотносящиеся с представлениями о моральной искренности и честности – *честность, откровенность, правда, адалдық* (правдивость), *шынышылдық* (порядочность). Эти лексемы отражают осмысление прямолинейности как нравственного принципа, основанного на искренности, правдивости и отказе от лицемерия. В периферийной зоне поля встречаются реакции, указывающие на восприятие прямолинейности как личностной черты, связанной с активной субъектной позицией: *уверенность, решительность, смелость, принципшілдік* (принципиальность). В этом случае прямолинейность предстает как волевое качество, обеспечивающее внутреннюю независимость и готовность отстаивать собственное мнение. Периферийные и единичные ассоциации (*резкость, грубость, простота, бесцеремонность, упрямство*) демонстрируют амбивалентное отношение информантов к феномену: положительное восприятие честности и открытости сочетается с представлением о чрезмерности прямолинейности и её потенциальной неуместности в ситуациях, требующих такта и сдержанности.

Проведённый качественный анализ ассоциативных и вербальных реакций позволил выделить пять интерпретационных кластеров, демонстрирующих, как респонденты осмысливают феномен прямолинейности:

1. **Аксиологически-позитивный кластер (этическая прямота):** *«Тура айту – бұл әділ болу, шындықты жасырмау»* (Говорить то, что думаешь –

значит быть честным), «Честность – основа прямолинейности». Концептуальное содержание: прямолинейность осмысливается как проявление честности, принципиальности и моральной открытости.

2. Прагматико-ситуативный кластер (прямота с оглядкой на контекст): «Главное – не что говоришь, а как говоришь», «Иногда лучше промолчать, чтобы не обидеть», «Тура айту керек, бірақ әдеппен» (Нужно говорить прямо, но с соблюдением этикета). Концептуальное содержание: прямолинейность оценивается через призму уместности: допустима, если не нарушает гармонию и не ущемляет достоинство собеседника.

3. Амбивалентный кластер (пограничное восприятие): «Прямота – это честность, но иногда грубость», «Честность без такта – это не добродетель», «Тура айту – жақсы, бірақ кейде ренжітіп қоясың». Концептуальное содержание: прямолинейность воспринимается как ценность с двойной оценочностью – одновременно добродетель и источник коммуникативного риска.

4. Культурно-контрастивный кластер (этнопрагматическое различие): «Казахи редко говорят прямо, стараются сохранить гармонию», «Прямота – больше свойство русской культуры», «Турашылдық – бұл әділ, бірақ кейде дәрекі көрінеді». Концептуальное содержание: респонденты соотносят прямолинейность с различиями национальных коммуникативных стилей: открытая стратегия ассоциируется с русскоязычной традицией, тогда как казахская культура предпочитает косвенность и уважительный тон.

5. Рефлексивный кластер (осознание границ и меры): «Надо уметь говорить прямо, но с уважением», «Турашылдық шындыққа негізделген, бірақ сабырмен айту керек», «Честность без эмпатии – это резкость». Концептуальное содержание: респонденты демонстрируют понимание необходимости баланса между откровенностью и эмпатией – между правдой и тактом.

Результаты качественного анализа позволяют заключить, что *прямолинейность* в языковом сознании казахстанцев выступает латентной коммуникативной ценностью, проявляющейся не в прямом назывании, а в семантических полях честности, справедливости, открытости и смелости. Отсутствие самого термина в ответах подтверждает культурно опосредованный характер феномена: идея прямоты присутствует, но выражается через этически более нейтральные и социально приемлемые понятия (*шыншылдық, әділдік, адалдық*). Содержательно *прямолинейность* репрезентирует когнитивно-регулятивный компонент коммуникативного сознания, обеспечивая баланс между ясностью и вежливостью, между искренностью и сохранением достоинства партнёра по общению. Её интерпретационное поле демонстрирует внутренний компромисс между истинностью и гармонией, что делает прямолинейность одной из ключевых, но не артикулированных ценностей казахстанской поликультурной коммуникации.

Таким образом, в структуре языкового сознания респондентов уважение предстает как ценность с четко выраженным социально-нормативным и этическим содержанием, прочно укоренённая в системе культурных норм и

межличностных отношений, тогда как прямолинейность – как поведенческая установка, отражающая индивидуальные стратегии общения и вариативное отношение к границам допустимого. Их соотношение выявляет аксиологический дуализм: уважение регулирует взаимодействие через гармонию и иерархию, а прямолинейность – через искренность и личностную активность.

Далее представлен анализ четырех графиков, визуализирующих результаты статистической обработки данных и особенности осмысления коммуникативных ценностей – уважения и прямолинейности – операционализированного через оценки их важности и уместности в типичных ситуациях общения в поликультурной среде Казахстана.

Количественный анализ коммуникативных ценностей уважения и прямолинейности

Количественный анализ начинается с рассмотрения коммуникативной ценности «уважение», которая, согласно теоретическим основаниям работы, представляет собой универсальный нормативный ориентир, актуализирующийся в различных социокультурных ситуациях.

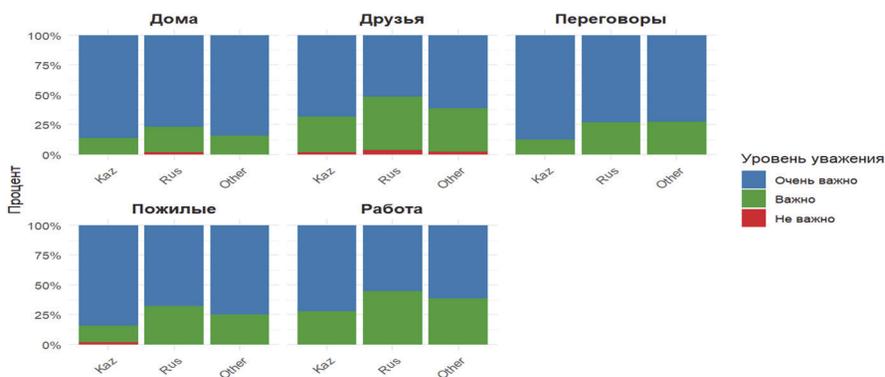

Рис. 1. Уровень важности уважения по этническим группам (вопрос анкеты: «Насколько важно, по Вашему мнению, проявлять уважение в следующих ситуациях: при общении с пожилыми, в кругу друзей, в домашней обстановке, на работе, в ситуации деловых переговоров?»)

Рисунок 1 демонстрирует различия в восприятии значимости ценности уважения представителями различных этнических групп в пяти социально-коммуникативных ситуациях: при общении с пожилыми, в кругу друзей, в домашней обстановке, на работе и в ситуации деловых переговоров. Базовой (референтной) категорией в регрессионной модели выступала казахская этническая группа. При кодировке использовалась порядковая 3-балльная шкала: 1 – не важно; 2 – важно; 3 – очень важно.

Наибольшее число респондентов, оценивающих уважение как «очень важное», зафиксировано в ситуации общения с пожилыми людьми и в домашней среде, что свидетельствует о высокой степени укоренённости этой ценности в межпоколенческом и семейном взаимодействии. Полученные данные показывают, что 76% опрошенных считают уважение ключевой ценностью в общении с пожилыми. Эти данные находят подтверждение в открытых ответах респондентов, в которых отражается ценностное доминирование уважения в указанных сферах. Так, респонденты отмечают: «*үлкен адамдарды құрметтеу, біреумен қарым қатынас жасап жатқан кезде құрмет сақтау керек*» (Нужно уважать пожилых людей и сохранять уважение при общении с другими) (18–24 года, казашка), «*старшие, забота, родители*» (18–24 года, казашка), «*почтение к возрасту*» (55+ лет, казашка), «*үлкенге құрмет, сыйлай білу, айтқанын тыңдау*» (Уважать старших, уметь проявлять уважение и прислушиваться к их словам) (18–24 года, казашка), «*дома важно уважать мнение родителей, даже если не согласен*» (36–54 года, русская) и др. Эти высказывания показывают, что уважение остаётся важной речевой нормой, особенно в ситуациях, где есть разница в статусе или значимость отношений между собеседниками.

В ситуациях дружеского общения и профессиональной деятельности наблюдается более выраженная вариативность оценок. Это может указывать на влияние ситуативных, возрастных и этнокультурных факторов на интерпретацию уважения в менее формализованных или, наоборот, институционально нагруженных сферах.

Следует отметить, что доля респондентов, оценивающих уважение как «не важное», остаётся минимальной во всех ситуациях, что подчёркивает стабильность и универсальность данной ценности в общественном сознании.

Дополнительно к описательной визуализации были проведены регрессионные расчёты для выявления статистически значимых различий в восприятии ценности уважения между этническими группами и ситуациями.

Результаты порядковой логистической регрессии выявили значимые различия в оценках: респонденты казахской этнической группы статистически чаще оценивают уважение как «очень важное» по сравнению с русскими ($t = 3,53, p < 0,001$) и представителями других этнических групп ($t = 2,15, p = 0,03$). Эти различия отражают аксиологическое доминирование категории уважения в казахской коммуникативной культуре.

Анализ значимости коммуникативной ситуации показал, что уважение в дружеском общении ($t = 3,06, p < 0,001$) и в профессиональной сфере ($t = 2,43, p = 0,02$) оценивается как более важное по сравнению с базовой категорией. Напротив, такие ситуации, как домашняя среда ($t = -1,38, p = 0,17$) и переговоры ($t = -0,56, p = 0,57$), не показали статистически значимых различий, что может свидетельствовать о культурной стабильности этих сфер в отношении уважения как социальной нормы.

Переменные «возраст» и «уровень образования» не продемонстрировали значимого влияния на восприятие уважения, за исключением группы с уровнем образования PhD, где был зафиксирован высокий коэффициент

($t = -3,82 \times 10^8, p < 0,001$), что, вероятнее всего, связано с недостаточной представленностью этой категории в выборке.

Таким образом, можно утверждать, что этническая принадлежность выступает значимым предиктором оценки ценности уважения, в то время как возрастные и образовательные параметры проявляют низкую предсказательную силу.

Перед переходом к частным проявлениям уважения важно различить два уровня рассмотрения. Интегральная оценка «уважения как нормы» (см. рис. 1) относится к более абстрактному уровню ценностей и общих правил общения, где этнокультурные различия проявляются заметнее [13, 59]. Оценка отдельных форм проявления уважения (активное (внимательное) слушание, вежливость, изучение культуры собеседника, корректное выражение мнения, учёт традиций) относится к уровню конкретных практик, которые выравниваются за счет социализации и институциональных норм, поэтому межгрупповые различия в этих параметрах выражены слабее [21, 22, 60].

В рамках анализа восприятия и реализации коммуникативной ценности уважения была рассмотрена представленность пяти аспектов его проявления: активное (внимательное) слушание, вежливость, изучение культуры собеседника, корректное выражение мнения, учёт традиций. Использовалась бинарная (дихотомическая) шкала: по каждому аспекту 0 – не выбран, 1 – выбрано как важный. Результаты анализа показали, что для большинства аспектов уважения этническая принадлежность, возраст и уровень образования не продемонстрировали статистически значимого влияния. Такое выравнивание объясняется тем, что отдельные «микроработы» уважения формируются и закрепляются в процессе длительной социализации и институционального обучения, поэтому выступают как общепринятые, межгруппово разделяемые нормы вежливого поведения в пределах единого социокультурного пространства [60].

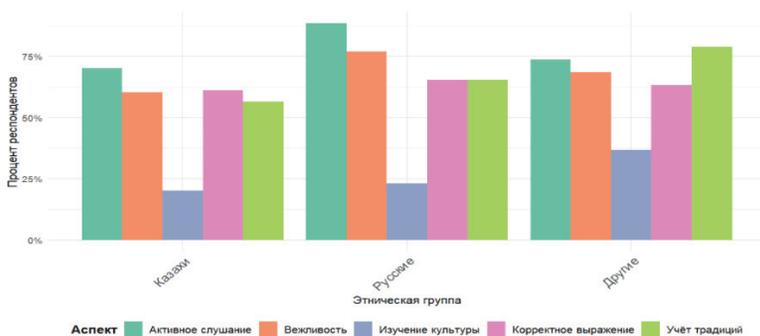

Рис. 2. Оценка важности различных аспектов уважения представителями этнических групп (вопрос анкеты: «Какие формы проявления уважения Вы считаете наиболее важными?»)

С прагматической точки зрения здесь важно различать общую ценностную установку на поддержание гармонии в общении и её конкретные способы реализации, которые зависят от жанра, ситуации, распределения ролей участников и канала коммуникации [20, 21, 60]. Отсюда и ожидаемый результат: этничность заметнее влияет на общий показатель важности уважения (уровень ценности / нормы), но на уровне устоявшихся, стандартизованных практик межгрупповые различия оказываются слабее вследствие сближения практических норм и жанровых и институциональных ограничений конкретной ситуации общения.

Аспект «учёт традиций» оказался нейтральным по всем предикторам: ни этническая принадлежность ($\beta = 0,16$, $p = 0,686$ для русских; $\beta = 0,57$, $p = 0,205$ для группы «другие»), ни возрастные группы ($p > 0,70$), ни уровень образования ($p > 0,10$) не оказались значимыми факторами.

Аналогичная ситуация наблюдалась в отношении аспекта «корректного выражения мнения». Ни этнический фактор ($\beta = 0,64$, $p = 0,120$ для русских; $\beta = 0,24$, $p = 0,583$ для других), ни возрастные различия ($p > 0,35$) не показали статистической значимости. Образование продемонстрировало лишь тенденцию к значимому влиянию: респонденты с высшим образованием чаще отмечали важность данного аспекта ($\beta = 0,92$, $p = 0,099$), однако уровень значимости достигнут не был.

Аспект «активное слушание» также не выявил значимых предикторов: этническая принадлежность ($\beta = 0,61$, $p = 0,127$ для русских; $\beta = 0,67$, $p = 0,122$ для других), возраст ($p > 0,34$) и образование ($p > 0,17$) не оказали существенного влияния.

Относительно аспекта «вежливость», оформленного в соответствии с нормами речевого этикета, был зафиксирован предельный эффект этнической принадлежности: респонденты русской группы несколько чаще подчеркивали важность соблюдения этикетных норм ($\beta = 0,73$, $p = 0,082$), однако результат оказался статистически незначимым. Возраст и уровень образования также не показали значимых различий.

Наиболее отчётливые различия были выявлены по аспекту «изучение культуры собеседника». Представители группы «другие» (не казахи и не русские) значительно чаще проявляли интерес к культурному фону партнёра по коммуникации по сравнению с казахской группой ($\beta = 1,04$, $p = 0,039$). Кроме того, возраст оказался значимым предиктором: респонденты в возрасте 36–54 года ($\beta = -1,64$, $p = 0,044$) и 55 лет и старше ($\beta = -1,97$, $p = 0,018$) значительно реже проявляли интерес к культурным особенностям собеседника по сравнению с младшей группой 18–35 лет. Образование также показало предельный эффект: студенты с меньшей вероятностью проявляли интерес к культуре партнёра ($\beta = -1,61$, $p = 0,057$), что, возможно, связано с недостаточным опытом межкультурного взаимодействия или ограниченным доступом к межэтническому общению.

Таким образом, полученные данные подтверждают, что в большинстве случаев проявление уважения в поликультурной среде Казахстана интерпретируется как универсальная ценность, не подверженная существенным

влияниям демографических переменных. Вместе с тем аспект изучения культуры собеседника показывает чувствительность к возрасту и этническому опыту, что может свидетельствовать о более высоком уровне межкультурной рефлексии у представителей младшего поколения и этнически смешанных или миграционных групп. Эти результаты подчёркивают важность дифференцированного подхода к анализу ценностной составляющей межэтнической коммуникации.

Сопоставление уровней анализа показывает согласованную картину: на уровне ценности (уважение как норма) отчётливо фиксируется более высокий приоритет в казахской группе, тогда как на уровне практик повседневного взаимодействия преобладает межгрупповая унификация с единичными различиями по отдельным аспектам.

Следующим этапом рассмотрим особенности интерпретации коммуникативной ценности *прямолинейности*, которая представляет собой более поляризованную норму речевого поведения и вызывает широкий спектр установок – от положительного принятия до восприятия как грубости. Ниже представлены графики, отражающие уместность прямолинейности в различных ситуациях и стратегии реагирования на прямые высказывания.

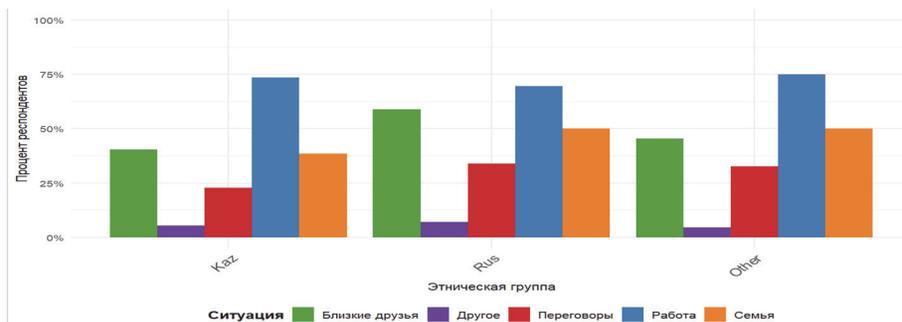

Рис. 3. Ситуативная уместность прямолинейности в восприятии респондентов различных этнических, возрастных и образовательных групп (вопрос анкеты: «В каких ситуациях прямолинейность уместна?»)

В рамках анализа уместности прямолинейности в различных коммуникативных ситуациях было рассмотрено пять сфер общения: работа, общение с близкими друзьями, переговоры, семейная коммуникация и другие ситуации. Оценка уместности по каждой ситуации кодировалась бинарно: 0 – не считает уместной, 1 – считает уместной. Для каждой ситуации оценивались доли «уместна» и строились отдельные биномиальные логистические модели с тем же набором факторов.

Ситуация «Работа».

В профессиональной среде уровень образования продемонстрировал пороговую значимость: респонденты со статусом «студент» ($p = 0,056$) и с высшим образованием ($p = 0,064$) чаще считали прямолинейность уместной

формой общения. При этом этническая принадлежность и возраст не оказали значимого влияния ($p > 0,05$), что может свидетельствовать о выравнивании культурных и поколенческих различий в рабочем общении.

Ситуация «Близкие друзья».

В ситуациях неформального общения с близкими друзьями также значимым предиктором выступил уровень образования. Респонденты со статусом «студент» продемонстрировали более высокую склонность к признанию прямолинейности уместной в данной ситуации ($p = 0,043$). При этом этническая и возрастная принадлежность не имели статистически значимого влияния, что может свидетельствовать о восприятии данной формы коммуникации как приемлемой и универсальной среди молодёжных и академических групп.

Ситуация «Переговоры».

Ситуация официальных переговоров оказалась наиболее чувствительной к восприятию прямолинейности как неуместной: модель продемонстрировала значимый общий эффект перехвата ($p = 0,009$), указывающий на общее снижение вероятности одобрения прямолинейности в переговорном общении. Однако ни один из предикторов (этническая принадлежность, возраст, образование) не показал значимого влияния ($p > 0,05$), что может отражать наличие устойчивой культурной нормы, ограничивающей прямолинейность в формализованных институциональных ситуациях.

Ситуация «Семья».

В семейной сфере зафиксированы значимые различия по возрасту и образованию. Респонденты в возрастных группах 36–54 года ($p = 0,042$) и 55+ лет ($p = 0,025$) значимо чаще рассматривали прямолинейность как допустимую по сравнению с младшей возрастной группой (18–35). Кроме того, студенты также чаще поддерживали прямолинейность в семейном общении ($p = 0,026$), что может быть связано с установками на честность и открытость в семейных отношениях. Этническая принадлежность, как и в других ситуациях, не оказала статистически значимого влияния.

Ситуация «Другое».

В категории «другое», охватывающей неформализованные и неуточнённые ситуации, не было выявлено значимых предикторов ($p > 0,05$). Это может свидетельствовать о большей спонтанности восприятия уместности прямолинейности в зависимости от конкретной социальной ситуации, не обусловленной демографическими характеристиками респондента.

Полученные результаты подтверждают, что восприятие прямолинейности как уместной формы поведения является ситуативно чувствительным и в большей степени связано с образовательным уровнем респондентов. Возраст проявляет влияние в ограниченных случаях (например, в семейной коммуникации), в то время как этническая принадлежность не оказывает статистически значимого влияния ни в одной из проанализированных ситуаций. Это может свидетельствовать о гомогенизации коммуникативных норм в отношении прямолинейности в условиях поликультурного общества Казахстана.

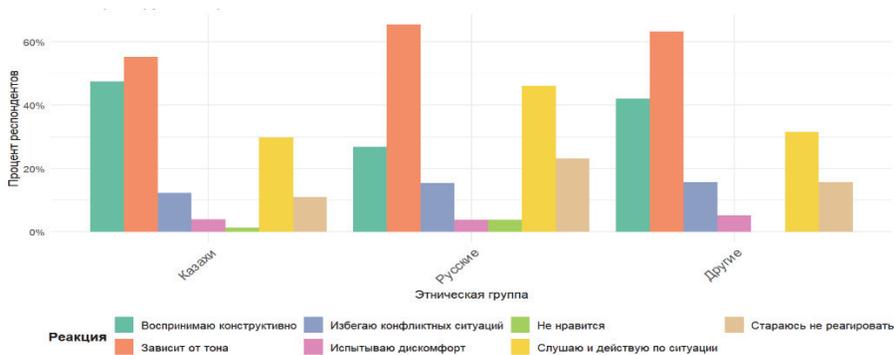

Рис. 4. Стратегии реагирования на прямолинейность в коммуникации: регрессионный анализ поведенческих установок (вопрос анкеты: «Как вы реагируете на прямолинейные высказывания в свой адрес? Отметьте подходящие варианты»)

С целью выявления факторов, определяющих выбор стратегий реагирования на прямолинейные высказывания, была проведена серия бинарных логистических регрессий, в которых зависимыми переменными выступали различные стратегии минимизации конфликтности. Каждая стратегия кодировалась бинарно: 0 – не используется, 1 – используется.

1. Избегание конфликтных ситуаций.

Для этой стратегии был выявлен значимый перехват (intercept) ($p = 0,043$), что свидетельствует о наличии статистически значимой вероятности использования стратегии в базовой группе казахов. Однако ни один из предикторов не показал значимого влияния, указывая на отсутствие систематических различий между этническими, возрастными и образовательными группами.

2. В зависимости от ситуации и тона высказывания.

Все включённые в модель предикторы оказались статистически незначимыми, что позволяет говорить о равномерной распространённости этой стратегии среди всех категорий респондентов. Это может свидетельствовать о её универсальности как механизма саморегуляции в конфликтных ситуациях.

3. Восприятие прямолинейности как конструктивной критики.

Данный аспект показал чувствительность к возрасту и уровню образования:

- респонденты в возрасте 55+ значимо реже интерпретируют прямолинейность как конструктивную ($p = 0,023$), что, вероятно, связано с более традиционными нормами вежливости и речевого этикета;

- респонденты с высшим образованием напротив, чаще воспринимают прямолинейность как конструктивную форму обратной связи ($p = 0,015$).

Этническая принадлежность не оказала значимого влияния.

4. Отсутствие эмоциональной реакции на прямолинейность.

Ни один из предикторов не достиг статистической значимости, что свидетельствует об универсальном распределении этой стратегии по всем группам.

5. Испытываемый дискомфорт.

Модель не выявила значимых эффектов, и расчёты сопровождались чрезмерно высокими стандартными ошибками по ряду параметров. Это может быть связано с низкой частотой использования этой стратегии; ограниченной вариативностью ответов; когнитивной неготовностью респондентов осознанно фиксировать внутренний дискомфорт.

6. Выслушивание собеседника с последующими действиями по ситуации.

Образование оказалось значимым предиктором: респонденты с высшим образованием реже старались подавить собственную реакцию ($p = 0,047$), что может свидетельствовать о более высокой степени метакоммуникативной осознанности и уверенности в уместности открытого выражения несогласия. Возраст и этническая принадлежность значимыми не были.

7. Неприязнь к прямолинейности.

Модель не достигла сходимости, что означает невозможность подбора устойчивых коэффициентов из-за малого числа ответов: большие стандартные ошибки и нулевая вариативность в ответах показали следующее: что эта стратегия была выбрана крайне ограниченным числом респондентов, что исключает возможность статистически обоснованных интерпретаций.

Полученные результаты демонстрируют, что наиболее значимыми факторами, влияющими на стратегии реагирования на прямолинейность, являются возраст и образование, в то время как этническая принадлежность не оказывает значимого влияния в рамках данной выборки.

Представители старшей возрастной группы (55+) менее склонны воспринимать прямолинейные высказывания как конструктивные, что может отражать специфику коммуникативных норм, сложившихся в иерархических или традиционных культурах.

Респонденты с высшим образованием демонстрируют более высокую толерантность к прямолинейности, воспринимая её как конструктивную критику и реже прибегая к стратегиям подавления реакции или избегания.

Таким образом, образование выступает как ключевой предиктор регуляции межличностных коммуникаций в потенциально конфликтных ситуациях. Это подчёркивает важность формирования рефлексивной речевой компетентности в рамках образовательных программ, особенно в поликультурной среде.

Анализ подтвердил, что наиболее значимым фактором в оценке и использовании коммуникативных стратегий оказывается не этническая принадлежность, а специфика ситуации общения. Это подчёркивает необходимость отказа от этнокультурных стереотипов при интерпретации речевого

поведения в поликультурной среде и обосновывает актуальность когнитивно-прагматического подхода, направленного на выявление ситуативной, прагматической и когнитивной обусловленности речевых норм.

В целом качественный анализ ответов респондентов показал, что обе ценности соотносятся с моральной сферой межличностных отношений: уважение обладает устойчивым социально-нормативным содержанием, тогда как прямолинейность интерпретируется преимущественно в поведенческом измерении, сочетая положительные и амбивалентные характеристики. Эти наблюдения согласуются с количественными данными: интегральная значимость уважения остаётся стабильно высокой во всех сценариях, тогда как уместность прямолинейности существенно варьирует в зависимости от контекста взаимодействия.

Заключение

Проведённое комплексное исследование, включающее качественный и количественный анализ данных, позволило выявить специфику функционирования коммуникативных ценностей уважения и прямолинейности в поликультурной среде Казахстана. Сопоставление интерпретационных и статистических данных показало, что обе ценности выполняют в сознании носителей функцию регуляторов межличностного и межэтнического взаимодействия, однако различаются по степени вербализации, семантической устойчивости и прагматической вариативности. Тем самым результаты анализа подтверждают тезис о культурно чувствительном, но при этом частично универсальном характере восприятия, осмысления и реализации уважения и прямолинейности.

Исследование показало, что уважение в поликультурной среде Казахстана сохраняет статус устойчивой культурно-нормативной ценности, объединяющей моральные, этические и коммуникативные аспекты взаимодействия. Оно воспринимается как универсальная норма, наиболее значимая в межпоколенческом и семейном общении, при незначительных этнокультурных и демографических различиях. Прямолинейность, напротив, характеризуется ситуативностью и амбивалентностью восприятия: она ассоциируется с честностью и искренностью, но может трактоваться как рискованная форма выражения мнения. Её уместность определяется возрастом, уровнем образования и контекстом общения, что отражает динамику норм откровенности в современном обществе.

Совместный анализ подтвердил их комплементарность: уважение обеспечивает социальную гармонию и иерархическую стабильность, тогда как прямолинейность способствует открытости и когнитивной прозрачности коммуникации. В совокупности они формируют ценностно-прагматический баланс, задающий культурно приемлемую меру откровенности в межэтническом взаимодействии.

Ограничения выводов. Следует отметить ряд ограничений, обусловленных характером и методами проведенного анализа. Во-первых, результаты основаны на самооценках и восприятии респондентами собственных коммуникативных стратегий, что отражает их метаязыковое осмысление, но

не обязательно свидетельствует о фактическом речевом поведении в реальных ситуациях. Во-вторых, выборка, хотя и сбалансированная по этническому, возрастному и образовательному признакам, не охватывает в полной мере всё разнообразие социокультурных групп.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы и включением методов, ориентированных на фиксацию реального речевого поведения – анализа естественной устной, письменной коммуникации, наблюдения, корпусных материалов, дискурсивного и контекстуального анализа. Представляется важным сопоставить метаязыковые представления с практиками естественного общения, а также провести межрегиональные и межкультурные исследования для выявления типологических различий в интерпретации уважения и прямолинейности.

Тем самым представленные результаты дополняют существующую лингвистическую базу и открывают возможности для дальнейшего изучения динамики коммуникативных ценностей в условиях многоязычного и культурно разнообразного общества.

Список источников

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
2. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление русских и английских лингвокультур. М. : Языки славянской культуры, 2009. 512 с.
3. Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 132–137.
4. Кочеров С.Н. «Аксиологема» как проблема теории ценностей // Credo New. 2011. № 4. С. 34–45.
5. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.
6. Романова Т.В. Идеологема и аксиологема русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности. Н. Новгород : ДЕКОМ, 2019. 120 с.
7. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград : Парадигма, 2015. 432 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
9. Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge : Polity, 1992.
10. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. 2nd ed. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003. 502 p.
11. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA : Sage, 2001. 616 p.
12. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
13. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
14. Карасик В.И., Алам Ш. Осмысление уважения в языковом сознании и коммуникативной практике // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024.

№ 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-uvazheniya-v-yazykovom-soznanii-i-kommunikativnoy-praktike> (дата обращения: 04.06.2025).

15. *Muldagalieva A.A., Urazgalieva S.A., Tleulinova M.B., Zhyrenshina K.A., Duisenbayeva Sh.S., Khalenova A.R., Chesur K., Kasymova G.K.* A socio-cultural study of face and politeness conceptions in the Kazakh context // *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*. 2022. № 30 (S1). P. 25–42. doi: 10.47836/pjssh.30.S1.02

16. *Meirbekov A.K., Elikbayev B.K., Meirbekov A.K., Temirbaev B.A.* Sociolinguistic aspects of the speech act of greeting in the Kazakh and English languages // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, № 6 (Suppl. 2). P. 267–274. doi: 10.5901/mjss.2015.v6n6s2p267

17. *Yergazy N., Denisenko A.V.* Implementation of Positive and Negative Politeness Strategies in Kazakh and Russian Family Discourse Talk Show // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024. № 15 (4). P. 1231–1244. doi: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1231-1244

18. *Koshikbayeva G.D., Yelikbayev B.K., Ybyrayim A.O.* Perlocative pragmatics of direct and indirect interrogative speech acts in the Kazakh language // *Tiltanym*. 2024. № 1. P. 80–89. (In Kazakh). doi: 10.55491/2411-6076-2024-1-80-89

19. *Aimoldina A., Zharkynbekova Sh., Akynova D.* Investigating Pragmatic Failures in Business Letters of Kazakhstan Professionals // *Procedia Economics and Finance*. 2016. Vol. 39. P. 65–70. doi: 10.1016/S2212-5671(16)30241-6

20. *Сухорукова Н.И.* Прямолинейность и категоричность высказывания как проявление коммуникативной категории авторитетности (на материале аутентичных англоязычных финансово-аналитических комментариев) // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2011. Вып. 43. С. 28–37.

21. *Brown P., Levinson S.C.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987.

22. *Leech G.N.* Principles of Pragmatics. London : Longman, 1983.

23. *Spencer-Oatey H.* Face, (im)politeness and rapport // *Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory*. London ; New-York : Continuum, 2008. P. 11–47.

24. *Locher M.A., Watts R.J.* Politeness theory and relational work // *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*. 2005. № 1 (1). P. 9–33.

25. *Абдығалиева Н.Н., Смағұлова Г.Н.* Мәдениетаралық қатысым: ілтипат бірліктерінің ерекшеліктері және лингвомәдени көзқарас (қазақ және ағылшын тілдері бойынша) // *Ясауи университетінің хабаршысы*. 2024. № 1 (131). С. 176–187.

26. *Мейрманова Г.А.* Культура общения у казахов: трансформация традиционного этикета : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 28 с.

27. *Агманова А.Е., Журавлева Е.А.* Специфика языкового взаимодействия в условиях межэтнической коммуникации // *Вестник Московской международной академии*. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-yazykovogo-vzaimodeystviya-v-usloviyah-mezhnetnicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 12.08.2025).

28. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 8-е изд., испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. 308 с.

29. *Grice H.P.* Logic and Conversation // *Syntax and semantics*. Vol. 3. N. Y. : Academic Press, 1975. P. 41–58.

30. *Жақұлова А.Д., Омарова Н.Г.* Коммуникативно-аксиологическая категория прямолинейности в медийном дискурсе // *Известия КазУМОиМЯ им. Абылайхана. Серия филологическая*. 2023. Т. 2 (69). С. 48–62.

31. *Омарова Н.Г.* Репрезентация коммуникативной ценности «уважение» в рекламном дискурсе // *Вестник Торайгыров университета. Серия филологическая*. 2024. № 4. С. 353–364.

32. *Омарова Н.Г.* Репрезентация ценности «уважение» в цифровом медийном дискурсе Казахстана // Сборник Международной научно-практической конференции «Нурғалиевские чтения – XIV: научное сообщество ученых XXI столетия. Филологические науки», посвящённой 85-летию академика НАН РК, д. ф. н., проф. Р. Нурғали (12–14 марта 2025 г. Астана) / под общ.ред. К.Р. Нурғали. Астана : Мастер ПО, 2025. Т. 1. С. 139–145.
33. *Ларина Т.В.* Коммуникативные ценности как регуляторы поведения членов лингвокультурного сообщества // Жизнь языка в культуре и социуме-2 : материалы междунар. науч. конф. Москва ; Калуга : Эйдос, 2011. С. 149–151.
34. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация. Воронеж : Истоки, 2003. 128 с.
35. *Толстая С.М.* Категория оценки в языке и тексте // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 2015. С. 11–33.
36. *Голованова А.В.* Ценности и оценки в языковом отражении (на материале русского и польского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2002. 236 с.
37. *Серебренникова Е.Ф., Антипов И.П. и др.* Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М. : ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
38. *Карасик В.И.* Языковые мосты понимания. М. : Дискурс, 2019. 524 с.
39. *Kikiewicz A.* Социальные ценности в системе современной культуры // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2013. IV. S. 273–294.
40. *Austin J.L.* How to do things with words. Oxford : Clarendon Press, 1962.
41. *Searle J.R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1969.
42. *Kunovski M., Pomortseva N.V.* Phenomenon of effective interethnic interaction as an object of interdisciplinary research // Amazonia Investiga. 2021. Vol. 10, № 41. P. 267–274.
43. *Ахатова В.А.* Анализ медиадискурса Ассамблеи народа Казахстана // Вестник КазНУ. Серия журналистики. 2022. № 2 (64). С. 85–93. doi: 10.26577/HJ.2022.v64.i2.09
44. *Шаукенова З.К.* Ценности и идеалы независимого Казахстана / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. 322 с.
45. Ценности казахстанского общества в социологическом измерении. Алматы : ТОО «Deluxe Printery», 2020. 143 с.
46. *Каниев П., Бакирланова А.* Анализ трансформации ценностей казахстанского общества // Адам элемі. 2023. № 1 (95). С. 65–72. doi: 10.48010/2023.1/1999-5849.07
47. *Ростовская Т.К., Калиев Т.Б.* Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции. М. : РУСАЙНС, 2019. 228 с.
48. *Zharkynbekova Sh., Ayupova G., Galiyeva B., Shakhputova Z., Zabrodskaja A.* Ethno-Linguistic Identity of Kazakhstani Student Youth in Modern Multinational Context of Kazakhstan (Sociolinguistic Analysis of Empirical Research) // Languages. 2025. № 10 (2). doi: 10.3390/languages10020033
49. *Жаркынбекова Ш.К., Логинова М.В.* Лингвокультурный типаж «студент»: нарративное измерение // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 70. С. 27–49.
50. *Ростова А.Н.* Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвузов. сб. науч. ст. Кемерово ; Барнаул, 2008. С. 49–57.
51. *Gries S.Th.* Statistics for Linguistics with R: A Practical Introduction. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009.
52. *Levshina N.* How to do Linguistics with R: Data exploration and statistical analysis. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2015. 455 p.
53. *Winter B.* Statistics for Linguists: An Introduction Using R. London ; New York : Routledge, 2019.

54. Van Dorst I., Gillings M., Culpeper J. Sociopragmatic variation in Britain: A corpus-based study of politeness // *Journal of Pragmatics*. 2024. Vol. 227. P. 37–56.

55. Moelders C., Van Quaquebeke N., Paladino M.P. Consequences of politicians' disrespectful communication depend on social judgment dimensions and voters' moral identity // *Political Psychology*. 2015.

56. Ogiermann E. On Apologising in Negative and Positive Politeness Cultures. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2009.

57. Zharkynbekova S., Shakhputova Z., Galiyeva B., Absadyk A. Value Priorities of Student Youth in the Multi-Ethnic Space of Kazakhstan and Their Influence on Intercultural Communications // *Journal. Media*. 2025. № 6. doi: 10.3390/journalmedia6010032

58. Залевская А.А. Различные подходы к трактовке значения как достояния индивида // Психолингвистические исследования слова и текста : сб. науч. тр. Тверь, 1997. С. 30–37.

59. Van Dijk T.A. Ideology: A multidisciplinary approach. London : Sage, 1998. 365 p.

60. Agha A. Language and social relations. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 427 p.

References

1. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Peremena.

2. Larina, T.V. (2009) *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie russkikh i angliyskikh lingvokultur* [The category of politeness and the style of communication: A comparison of Russian and English linguocultures]. *Yazyki slavyanskoj kultury*.

3. Kazydub, N.N. (2009) Aksiologicheskie sistemy v yazyke i rechi [Axiological systems in language and speech]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2.

4. Kocherov, S.N. (2011) "Aksiologema" kak problema teorii tsennosti ["Axiologeme" as a problem of value theory]. *Credo New*. 4.

5. Dement'ev, V.V. (2013) *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: The category of personhood in lexis and pragmatics]. *Global Kom*.

6. Romanova, T. V. (2019) *Ideologemy i aksiologemy russkogo yazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki natsional'noi mental'nosti: Monografiya* [Ideologemes and axiologemes of Russian linguistic consciousness as a reflection of constants and dynamics of national mentality: A monograph]. DEKOM.

7. Karasik, V.I. (2015) *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: Values, signs, motives]. *Paradigma*.

8. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoy kultury* [Constants: A dictionary of Russian culture]. *Yazyki russkoy kultury*.

9. Fairclough, N. (1992) *Discourse and social change*. Cambridge: Polity.

10. Wierzbicka, A. (2003) *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2nd ed. Mouton de Gruyter.

11. Hofstede, G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations* 2nd ed. SAGE.

12. Inglehart, R.F., Welzel, C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press.

13. Schwartz S.H (1992) Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. 25. pp. 1–65.

14. Karasik, V.I. & Alam, Sh. (2024) Osmyslenie uvazheniya v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike [Understanding respect in linguistic consciousness and communicative practice]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1 (52).

15. Muldagalieva, A.A. et al. (2022) A socio-cultural study of face and politeness conceptions in the Kazakh context. *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*. 30 (S1). pp. 25–42. doi: 10.47836/pjssh.30.S1.02
16. Meirbekov, A.K., Elikbayev, B.K., Meirbekov, A. K. & Temirbaev, B.A. (2015) Sociolinguistic aspects of the speech act of greeting in the Kazakh and English languages. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 6 (6, Suppl. 2). pp. 267–274. doi: 10.5901/mjss.2015.v6n6s2p267
17. Yergazy, N. & Denisenko, A.V. (2024) Implementation of positive and negative politeness strategies in Kazakh and Russian family discourse talk show. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 15 (4). pp. 1231–1244. doi: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1231-1244
18. Koshikbayeva, G.D., Yelikbayev, B.K., & Ybrayim, A.O. (2024) Perlocative pragmatics of direct and indirect interrogative speech acts in the Kazakh language. *Tiltanym*. 1. pp. 80–89. doi: 10.55491/2411-6076-2024-1-80-89
19. Aimoldina, A., Zharkynbekova, Sh., & Akynova, D. (2016) Investigating pragmatic failures in business letters of Kazakhstani professionals. *Procedia Economics and Finance*. 39. pp. 65–70. doi: 10.1016/S2212-5671(16)30241-6
20. Sukhorukova, N.I. (2011) Pryamolineynost' i kategorichnost' vyskazyvaniya kak proyavlenie kommunikativnoy kategorii avtoritetnosti (na materiale autentichnykh angloyazychnykh finansovo-analiticheskikh kommentariyev) [Directness and categoricalness of utterance as a manifestation of the communicative category of authoritativeness (based on authentic English-language financial-analytical comments)]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sbornik statey* [Language, consciousness, communication: Collection of articles]. Vol. 43. MAKS Press. pp. 28–37.
21. Brown, P. & Levinson, S.C. (1987) *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
22. Leech, G.N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
23. Spencer-Oatey, H. (2008) *Face, (im)politeness and rapport*. In: Spencer-Oatey, H. (ed.) *Culturally speaking: Culture, communication and politeness theory*. 2nd ed. London/New York: Continuum. pp. 11–47.
24. Locher, M.A. & Watts, R.J. (2005) Politeness theory and relational work. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*. 1 (1). pp. 9–33
25. Abdyalieva, N.N. & Smagulova, G.N. (2024) Intercultural communication: Features of politeness units and a linguocultural approach (based on Kazakh and English languages). *Bulletin of Yasawi University*. 1 (131). pp. 176–187.
26. Meirmanova, G.A. (2008) *Kul'tura obshcheniya u kazakhov: transformatsiya traditsionnogo etiketa* [The culture of communication among Kazakhs: Transformation of traditional etiquette]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
27. Agamanova, A.E. & Zhuravleva, E.A. (2015) Spetsifika yazykovogo vzaimodeystviya v usloviyakh mezhetnicheskoy kommunikatsii [The specifics of linguistic interaction in conditions of interethnic communication]. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii*. 2. pp. 6–11.
28. Issers, O.S. (2017) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 8th ed. LENAND.
29. Grice, H.P. (1975) Logic and Conversation. In: Cole, P. & Morgan, J.L. (eds) *Syntax and Semantics*. Volume 3: Speech Acts. Academic Press. pp. 41–58.
30. Zhakupova, A.D., Omarova, N.G. (2023) Kommunikativno-aksiologicheskaya kategoriya pryamolineynosti v mediinom diskurse [Communicative-axiological category of straightforwardness in media discourse]. *Izvestiya KazUMOiMYA im. Abilaykhana. Seriya filologicheskaya*. 2 (69). pp. 48–62.
31. Omarova, N.G. (2024) Rerezentatsiya kommunikativnoy tsennosti "uvazhenie" v reklamnom diskurse [Representation of the communicative value of "respect" in advertising discourse]. *Vestnik Toraygyrov University. Seriya filologicheskaya*. 4. pp. 353–364.

32. Omarova, N.G. (2025) [Representation of the value "respect" in the digital media discourse of Kazakhstan]. *Nurgaliyevskie chteniia – XIV: Nauchnoe soobshchestvo uchenykh XXI stoletii. Filologicheskie nauki* [Nurgali Readings – XIV: Scientific Community of Scientists of the 21st Century. Philological Sciences]. Proceedings of the International Conference. Astana. March 12–14, 2025. Vol. 1. Master PO. pp. 139–145. (In Russian).
33. Larina, T.V. (2011) [Communicative values as behavioral regulators in a linguocultural community]. In: *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiуме – 2* [Language in Culture and Society – 2]. Proceedings of the International Conference. Moscow–Kaluga: Eidos. pp. 149–151. (In Russian).
34. Sternin, I.A. (2003) *Kommunikativnoe povedenie i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Communicative behavior and intercultural communication]. Voronezh: Istoki.
35. Tolstaya, S.M. (2015) *Kategoriya otsenki v yazyke i texte* [The category of evaluation in language and text]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kul'ture* [The category of evaluation and the system of values in language and culture]. Indrik. pp. 11–33.
36. Golovanova, A.V. (2002) *Tsennosti i otsenki v yazykovom otrazhenii (na materiale russkogo i pol'skogo yazykov)* [Values and evaluations in linguistic reflection (based on Russian and Polish materials)]. Philology Cand. Diss. Perm State University].
37. Serebrennikova, E.F. et al. (2011) *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov: kollektivnaya monografiya* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings: collective monograph]. Moscow: Tezaurus.
38. Karasik, V.I. (2019) *Yazykovye mosty ponimaniya: monografiya* [Language bridges of understanding: monograph]. Discourse.
39. Kiklewicz, A. (2013) Social values in the system of contemporary culture [*Spoleczne wartosci w systemie wspolczesnej kultury*]. *Przegląd Wschodnioeuropejski*. IV. pp. 273–294.
40. Austin, J.L. (1962) *How to do things with words*. Clarendon Press.
41. Searle, J.R. (1969) *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge University Press.
42. Kunovski, M.N. & Pomortseva, N.V. (2021) Phenomenon of effective interethnic interaction as an object of interdisciplinary research. *Amazonia Investiga*. 10 (41). pp. 267–274.
43. Ahatova, B.A. (2022) Analiz mediadiskursa Assamblei naroda Kazakhstana [Analysis of the media discourse of the Assembly of People of Kazakhstan]. *Herald of Journalism*. 64 (2). pp. 85–93. doi: 10.26577/HJ.2022.v64.i2.09
44. Shaukenova, Z.K. (ed.) (2015) *Tsennosti i idealy nezavisimogo Kazakhstana* [Values and Ideals of Independent Kazakhstan]. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.
45. Anon. (2020) *Tsennosti kazakhstanskogo obshchestva v sotsiologicheskoy izmerenii* [Values of Kazakhstani Society in Sociological Measurement]. Almaty: TOO "DELUXE Printery".
46. Kanivye, P. & Bakirlanova, A. (2023) Analiz transformatsii tsennostey kazakhstanskogo obshchestva [Analysis of the transformation of values in Kazakhstani society]. *Adam Alemi*. 95 (1). pp. 65–72. doi: 10.48010/2023.1/1999-5849.07
47. Rostovskaya, T.K. & Kaliev, T.B. (2019) *Tsennostnye orientiry sovremennoy molodezhi: osobennosti i tendentsii* [Value orientations of modern youth: features and trends]. Moscow: RUSAYNS.
48. Zharkynbekova, Sh. et al. (2025) Ethno-Linguistic Identity of Kazakhstani Student Youth in Modern Multinational Context of Kazakhstan (Sociolinguistic Analysis of Empirical Research). *Languages*. 10 (2). 33. doi: 10.3390/languages10020033
49. Zharkynbekova, S.K. & Loginova, M.V. (2021) The linguocultural type "Student": A narrative dimension. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk*

State University Journal of Philology. 70. pp. 27–49. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/70/3

50. Rostova, A. N. (2008) Obydennoe metazykovoe soznanie: status i aspekty izucheniya [Everyday metalinguistic consciousness: status and aspects of study]. In: *Obydennoe metazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey* [Common metalinguistic consciousness and naive linguistics: an interuniversity collection of scientific articles]. Kemerovo: Barnaul. pp. 49–57.

51. Gries, S. Th. (2009) *Statistics for linguistics with R: A practical introduction*. Mouton de Gruyter.

52. Levshina, N. (2015) *How to do linguistics with R: Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. doi: 10.1075/z.195

53. Winter, B. (2019) *Statistics for linguists: An introduction using R*. Routledge.

54. van Dorst, I., Gillings, M., Culpeper, J. (2024) Sociopragmatic variation in Britain: A corpus-based study of politeness. *Journal of Pragmatics*. 227. pp. 37–56.

55. Moelders, Ch., Van Quaquebeke, N., & Paladino, M. (2015) Consequences of Politicians' Disrespectful Communication Depend on Social Judgment Dimensions and Voters' Moral Identity. *Political Psychology*.

56. Ogiermann, E. (2009) *On apologising in negative and positive politeness cultures*. John Benjamins.

57. Zharkynbekova, S., Shakhputova, Z., Galiyeva, B. & Absadyk, A. (2025) Value Priorities of Student Youth in the Multi-Ethnic Space of Kazakhstan and Their Influence on Intercultural Communications. *Journalism and Media*. 6 (1). 32. doi: 10.3390/journalmedia6010032

58. Zalevskaya, A.A. (1997) Razlichnye podkhody k traktovke znacheniya kak dostoyaniya individa [Various approaches to interpreting meaning as an individual's possession]. In: *Psikholingvisticheskie issledovaniya slova i teksta: Sbornik nauchnykh trudov* [Psycholinguistic studies of words and texts: Collection of scientific papers]. Tver. pp. 30–37.

59. van Dijk, T. A. (1998) *Ideology: A multidisciplinary approach*. London: Sage.

60. Agha, A. (2007) *Language and social relations*. Cambridge University Press.

Информация об авторах:

Жақұпова А.Д. – д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и литературы, Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова (Кокшетау, Казахстан). E-mail: aigul_zhakupova@shokan.edu.kz

Омарова Н.Г. – докторант кафедры общего языкознания и литературы, Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова (Кокшетау, Казахстан). E-mail: Nurlugul@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.D. Zhakupova, Dr. Sci. (Philology), professor, Sh. Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: aigul_zhakupova@shokan.edu.kz

N.G. Omarova, doctoral student, Sh. Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: Nurlugul@list.ru

*The article was submitted 18.04.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

*Статья поступила в редакцию 18.04.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

Original article

UDC 81'42

doi: 10.17223/19986645/98/6

Culturally marked lexical units as indicators of hip-hop subculture values

Oksana V. Magirovskaya¹, Yana M. Yanchenko²

^{1,2} *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation*

¹ *magirovskayaov@yandex.ru*

² *yanchenko.ya.m.@gmail.com*

Abstract. The article systematizes and analyzes the precedent lexical units functioning in hip-hop discourse and forming the system of the hip-hop community's values. The units are regarded as culturally marked linguistic means representing hip-hop discourse as a socially oriented process of translating the hip-hop representatives' common views on life determined by the historically persistent discrimination of the black population in the USA. The article states the relevance and novelty of studying hip-hop discourse as a discourse that has not been given a proper linguistic analysis yet. The key focus of the research on the sociolinguistic aspect of the discourse under the analysis results in a set of theoretical prerequisites of further linguistic studies of the issue. Firstly, similar to the news discourse, hip-hop discourse provides a quick reaction to all the anti-racist actions and events. Secondly, it reflects and cultivates the values that unite all the members of the subculture. These are the active social position, the specific view of the ideal life, and the faith in God. At the same time the immense popularity of the genre causes the spreading of the values all over the globe. Thirdly, the hip-hop subculture's values are explicitly manifested in the discourse by means of the precedent proper names well-known to all the members of the hip-hop subculture, each value having its own system of such lexical representation.

Keywords: hip-hop discourse, hip-hop subculture, culturally marked lexical units, subcultural values, precedent proper names, song discourse

For citation: Magirovskaya, O.V. & Yanchenko, Ya.M. (2025) Culturally marked lexical units as indicators of hip-hop subculture values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 107–121. doi: 10.17223/19986645/98/6

Introduction

Hip-hop, an active cultural and social movement, has been gaining its popularity for the last 40 years. Its enormous influence extends mainly to young people regardless of their background, academic or professional status, gender, native language, or nationality. This tendency can be traced in four key areas of human existence:

1. musical tastes (rap music, being the main element of hip-hop culture, is constantly ranked the first in various music ratings);

2. behavior patterns (hip-hop music performers become role models for teenagers as their lifestyle seems ideal to this group of listening audience);

3. clothing style, prestigious material objects and trappings of social status (modern trends in clothing, technology, and social life are cultivated in video clips of the hip-hop genre);

4. specific language (words, collocations and grammatical constructions peculiar to the language of hip-hop representatives quickly pass into the linguistic picture of the world of their audience).

Having originated in the 1970s in New York's poor ghettos, hip-hop is currently a cultural form that does not have clear social and geographical boundaries, which in turn significantly complicates the description and analysis of this phenomenon. Studying hip-hop within the framework of conceptual linguistic research allows us to examine the language of the hip-hop subculture in relation to its social context, i.e. the context of subcultural values and issues of importance.

The main ideas of hip-hop are based on such factors as a special rebellious ideology, economic, cultural and historical factors (underprivileged living conditions, multicultural environment with a high criminal rate), social and cultural norms (archaic rituals of remote territories (former colonies), presented through the prism of modern society, a multireligious community), values (weapons, luxury, respect for the ancestors and native area), etc. These ideas cover the conceptual space of the discourse and thus serve the basis for a certain sociolinguistic focus on the discourse participants, who represent a particular subculture. United by a common system of values, lifestyle, socio-economic conditions of life, hip-hop artists share a common point of view on the problems and difficulties spread among the representatives of their subculture. Their views go much farther. They are grasped and assimilated by hip-hop fans all around the globe.

The hip-hop culture representatives' views are embodied via a rich scope of lexical means which can be systematized according to their conceptual semantics into groups and subgroups of words and expressions nominating the key concepts of racism, violence, and bragging hip-hop discourse is built around. The lexical means of the discourse under the analysis also include the group of proper names functioning as precedent language units, since they render "the set of knowledge and ideas common to almost all members of the linguocultural community" [1. P. 98].

This article analyses the hip-hop social group's values through these preceding units which serve the lexical markers of hip-hop culture and, consequently, profile its representatives' vital priorities. The lexical units that are used in hip-hop discourse as precedent ones have a list of features similar to all precedent phenomena [1-4]. Yet, due to the musical form of the discourse existence they demonstrate certain specific features as well. In this research the following peculiarities of the precedent lexical units used as hip-hop cultural markers are of a greater significance:

1. potential to convey the knowledge shared by all members of the hip-hop subculture;
2. strong capacity to translate the values of the hip-hop subculture;
3. peculiar chronotope;
4. manifestation in different sign systems (verbal, visual, melodic, etc.);

5. functioning as subcultural identity markers.

The potential to convey the knowledge shared by all members of the hip-hop subculture is revealed not only due to the same mother tongue of the speaker and the listener, but also because of the identity of their language experience and memory capacity [5]. The culturally marked lexical units profile the system of values and knowledge of the linguocultural community in case their sociolinguistic aspect is perceived and properly decoded as a vital component of the general fund of knowledge and cultural memory of all the discourse participants.

This situation is relevant not only on a national scale. It can also be of a scientific interest in closed social groups (subcultures) that are influenced by certain historical, social and cultural factors of their subculture formation and demonstrate common values. These are the culturally marked lexical units that make the situation presented in the text and the text itself known, significant and unifying for the representatives of several generations of large social groups as well as for the participants in narrow social formations [2]. This results in their semantic capacity to play the role of a cultural standard in the cognitive base of the linguocultural community and to reflect and specify the system of a social group's values and, therefore, to "form the paradigm of social behavior" [1. P. 118]. Representing the value components of the knowledge system peculiar to a subculture, the culturally marked lexical units affect the behavioral patterns of its participants and interpret them.

However, connected to a certain time period, the features presented above are temporary in their significance [6]. This peculiarity makes them closely related to the concept of relevance, which manifests itself in the fact that the referent can stop being of common knowledge and, therefore, lose its relevance and/or be replaced by other views and ideas when certain values change in society.

The listed characteristics of precedent phenomena as culturally marked lexical means make it possible to consider them as the linguistic units setting the boundaries of a community. Their usage serves as "an indicator of belonging to a given era and its culture, whereas ignorance, on the contrary, is a sign of alienation of the corresponding culture" [3. P. 216]. The potential of such culturally marked lexical means to identify the members of a particular social group/subculture allows its participants to quickly and easily recognize and understand each other. The scholars claim them to be "business cards of any ethnocultural community" [7. Vol. 4. P. 52] facilitating the process of associating a person with a certain cultural group [8].

Sociolinguistic framework of hip-hop discourse

Hip-hop discourse, a specific form of language representation of the hip-hop subculture, has not been given due scientific analysis yet, the reason being an approximately short 40-year-long period of the hip-hop genre existence. However, researchers from different fields of science study hip-hop and various aspects of its functioning.

In terms of cultural studies, the most significant research is the monograph *Black Noise: Rap Music and Black Culture in Contemporary America* [9]. It describes the history of the genre and dwells upon the important role of language in the analysis of music and cultural context within the framework of an interdisciplinary approach. As for social aspects of hip-hop analysis, the most noteworthy scientific works are "The Hip-Hop Generation: Young Blacks and the Crisis in African American Culture" [10], "Can't Stop, Won't Stop: A History of the Hip-Hop Generation" [11], and "Hip Hop Matters" [12]. They highlight the history of hip-hop and the conditions under which it was formed and characterize the participants of the discourse. Hip-hop is described as a street life culture that originated in the 1970s in the African-American and Latin American environment of the Bronx, a deprived borough of New York City. They also identify and focus on such factors that built the hip-hop subculture as poor social and economic conditions, high criminal rates, ethnic traditions, and willingness to protest against the system.

Studying hip-hop is of great importance from the perspective of women's studies in which hip-hop is analyzed from different perspectives. For instance, Pough (2004) claims the hip-hop genre to be a space for female rappers to develop their professional skills and create their career paths [13], whereas Sharpley-Whiting (2008) demonstrates many traces of sexism, racism and misogyny in the texts of hip-hop culture [14]. Thus, the scholars come to contradictory conclusions. On the one hand, hip-hop is an advantaged environment for women's realization; on the other hand, discrimination against women is one of the main motives in the hip-hop lyrics.

In linguistics, hip-hop is studied within the framework of the connection of language with social and cultural aspects of its manifestation. The scope of the earliest works (which are no earlier than the end of the previous millennium) deals with the interrelation of the modern hip-hop language and African American Vernacular English that is considered the basis of the language of rap music [15; 16]. The scholars analyze the language forms that build the identity of the linguocultural community. Hip-hop discourse is also defined as a multimodal text because the text is produced by means of other semiotic systems as well, such as video and melody [14–18].

In subsequent linguistic studies, hip-hop discourse is considered a genre of the African-American song discourse [19] and a form of communication in a certain social group [20] that is explicitly characterized by slang lexis [21]. We define hip-hop discourse as a genre of the song discourse that combines verbal and non-verbal semantic codes and represents the linguistic picture of the world of the hip-hop subculture. This research is the first to provide a systemic multidimensional analysis of this popular discourse, covering its conceptual, linguosociological, and linguoculturological aspects.

Culturally marked units as means of representing the main values of the hip-hop subculture

Being socially orientated towards common problems the hip-hop subculture faces as well as towards the ideas of how they might be solved, hip-hop discourse

has become a multimodal space within which a common opinion of the subculture representatives is formed and translated to a much wider audience due to hip-hop discourse popularity.

The present research is the first to claim the key differences hip-hop discourse has over the vast scope of musical discourse types by analyzing 120 hip-hop songs released between 1990 and 2020. The analysis identified 350 instances of culturally marked lexical units associated with the main values of the hip-hop subculture. Two primary peculiarities were statistically prominent across these examples:

1) the strongest and persistent focus on the urgency of the social issues presented;

2) the quickest reaction to the events involving the African-American population of the United States or to the actions towards their representatives.

These peculiarities make hip-hop discourse similar to the news discourse. It quickly forms a unanimous social opinion, unites the subculture representatives, and sets the boundaries of their sociolinguistic space. Yet, its musical format (stylized rhythmic music, rapping form of vocal delivery, chanted or performed rhythmic and rhyming speech, attention-grabbing video) make the hip-hop genre admired and the hip-hop subculture representatives' views spread and assimilated.

The main values hip-hop discourse is based upon are the following: active social position, specific view of the ideal life, and faith in God.

These values find their verbal representation via various lexical means, culturally marked precedent lexical units being conceptually richest and immediately grasped.

The "active social position" value

The analysis reveals that active social position has been one of the main values hip-hop discourse conveys, appearing in approximately 180 instances across the studied lyrics. This is due to the permanent attitude of the hip-hop subculture representatives to the importance of their active involvement in social life. The attitude roots back to the unequal position of African Americans in US society and remains relevant throughout the course of a long-lasting existence of hip-hop as a cultural form. The hip-hop subculture is still a closed social group with its own values, lifestyle and views on the outside world. It is formed as a result of rejection and aggression the racial majority of the country demonstrates in various forms of racial discrimination at the state level (segregation policy in the USA). The "active social position" value manifests the desire of the hip-hop subculture participants to protest against all types of rough political and economic oppression.

In hip-hop discourse this value is rendered by the group of proper names that includes 1) the names of famous leaders of anti-racism movements, 2) the names of organisations addressing racial inequality, and 3) the names of US presidents. Introducing general relevant knowledge to the discursive context, the proper names function as indicators of the hip-hop subculture representatives' active

social position and as linguistic tools that form socially significant priorities. For the subculture these priorities are mainly the following ones:

- fight against racism;
- sympathy for the victims of police brutality;
- criticism of politicians who make decisions that do not meet the subculture's values.

Among proper names that are frequently used in hip-hop discourse to profile anti-racism activities aimed at changing the situation of the discrimination against African Americans are *Huey*, *Bobby Hutton*, *George*, *Fred (Hampton)*, *Martin Luther*, *Malcolm X*. They occur in 75 instances, emphasizing their importance as symbols of resistance. Their functioning in the discourse context allows the performer to emphasize these persons' positive impact on the situation of a racial minority in the United States, thus, emphasizing that racism as a form of inequality of the US black and white population's rights is the most urgent issue of the subculture participants' existence:

(1) *I'm representin' for the seat where Rosa Parks sat // Where Malcolm X was shot, where Martin Luther was popped* (The Ruler's Back, JAY-Z, 2001);

(2) *Remember Huey, Bobby Hutton, George, Fred* (Get Up, The Coup, 2002);

(3) *Cause any day they'll push the button // And all good men like Malcolm X or Bobby Hutton died for nothin* (Ghetto Gospel, 2Pac, 2005);

(4) *Visions of Martin Luther staring at me // Malcolm X put a hex on my future, someone catch me // I'm falling victim to a revolutionary song* (HiiiPoWeR, Kendrick Lamar, 2011).

The culturally marked proper names in a number of examples refer the listeners to certain well-known situations, in most cases related to the rejection of fighters for the black population's rights by the US government. For example, in JAY-Z's song "The Ruler's Back" about the hip-hop artist's difficult life (example 1) the proper names of three fighters for the rights of the black population (*Rosa Parks*, *Malcolm X* and *Martin Luther*) are introduced to the context. These are the names of outstanding social activists whose personalities are significant for the subculture and regarded as role models. The proper name *Rosa Parks* points out to the situation when Rosa Parks during a bus trip refused to give a seat to a white passenger in the colored section of the cabin. After this incident, a wave of protests began, and Rosa Parks became an influential social activist. In the analysed context, this story is also represented by the lexemes *seat* and *sat* as the lexical means of reference to the described situation.

The frequent reference to the Black Panther Party anti-racist organization emphasises the importance of its activities for granting African Americans equal rights with the white population. It also specifies the significance of knowledge about this social movement in the value system of the hip-hop subculture representatives. The cognitive prominence of the Black Panthers' event organized in 1966 is due to the purpose and objectives of this movement, which is to eliminate the racial inequality, often with the help of armed resistance.

The proper name representing the Black Panther Party is used mainly in the contexts about the strong-willed spirit, physical strength and a special type of

mentality of the movement participants as in Lil' Kim's song "The Jump Off" (example 5). By mentioning the proper name *Black Panther*, the performers always appeal to the special atmosphere and mentality of the movement participants, which manifest themselves in a militant image, catchy slogans, and the left-wing orientation of the party's policy.

(5) *Our presence is felt like a **Black Panther** movement* (The Jump Off, Lil' Kim, 2003).

The other form of manifestation of the hip-hop subculture representatives' active social position – the sympathy for victims of police brutality – is lexically nominated by the proper names of the victims who suffered from the clashes with the police. The names are known to all African Americans and have a high emotional connotation caused by the negative attitude towards police brutality and sympathy for the victims. For hip-hop discourse participants, the names of *Oscar Grant*, *Emmett Till*, *Mike Brown*, *George Floyd*, *Sean Bell*, *Stephon Clark*, etc. are elements of the value system that to a certain extent regulate their behavior. They appear 50 times, charged with emotional weight reflecting widespread outrage. For example, George Floyd's name is frequently referenced in recent tracks to memorialize his death and call for change. Thus, mentioning the names of victims of police brutality reflects and models the idea of the world with a better understanding of the threat of racism as a violation of civil rights. With a high degree of explicitness, they show that the ideological view of justifying the reason for the police officers to murder members of the African American community should cease to exist.

Criticism of politicians who make abusive decisions that do not correspond to the values of the subculture participants is also a part of the hip-hop discourse content that manifests the hip-hop subculture representatives' active social position. This justifies the abundant use of proper names of the politicians with strong racist values. They appear 40 times, often accompanied by vulgar or aggressive language, signaling strong disapproval. Anti-values (or negative values) represent the ideas opposite to those which lie in the positive knowledge of the hip-hop representatives' world. These anti-values are included in the value system of hip-hop discourse members who strongly believe that the political decisions in the field of racism do not contribute to the fight against it, but, on the contrary, are aimed at its extension.

For example, in Nicki Minaj's song "Black Barbies" (example 6) the hip-hop artist refers to the reform of the migration policy initiated by the 45th President of the United States Donald Trump. The proper name (*Donald Trump*) and its contextual content stress the unwanted result of the policy and emphasize that it significantly tightens the rules for entry into the United States as well as for obtaining American citizenship for the citizens from a number of countries.

(6) *Island girl, **Donald Trump** want me go home* (Black Barbies, Nicki Minaj, 2016).

The research shows that hip-hop discourse is a communicative space where the names of the US presidents are used frequently and in all possible contextual environments, namely 1) with the reference to their certain action, speech or

decision, 2) without any reference to a particular political event, 3) with the explicitly expressed criticism, and 4) with no direct criticism but with a strongly negative attitude to a president's policy.

In most of the analysed contexts, the proper names of the US presidents are used in combination with the vulgarisms. The contextual environment makes specifying the reasons for criticism a superfluous strategy:

(7) *I'll **push Bush off** the White House roof* (Impeach The President, Immortal Technique, 2006);

(8) ***Stomp, push, shove, mush, fuck Bush*** (Mosh, Eminem, 2004);

(9) *..**fuck a vote, fuck Trump*** (SUICIDE PIT, XXXTENTACION, 2016).

The lexical means highlighted in bold represent the disagreement of the hip-hop subculture representatives with the views of the abovementioned politicians, the disagreement being actualized in an aggressive verbal form. Such a contextual environment of the proper names as the nouns of disapproving semantics (*fuck, bitch, mush*, etc.) and the lexical units with the semantics of physical violence (*stomp, push, shove, mush*, etc.) indicates an increased emotional connotative coloring of proper names, which most vividly conveys the performer's indignation.

Thus, through a detailed analysis of 120 songs and 350 instances of culturally marked lexical units, this research demonstrates that the hip-hop discourse's use of proper names and related lexical items accurately and precisely verbalise the hip-hop subculture representatives' attitude to the social issues caused by the US racism policy. This attitude results in manifestation of the active social position, which has always been a significant value for the hip-hop subculture due to the historical factors of the subculture development. The value is embodied in three main conceptual meanings (the fight against racism, the sympathy for victims of police brutality, and the criticism of politicians who make decisions that do not correspond to hip-hop values).

The "specific view of the ideal life" value

The second group of values represented in hip-hop discourse with the culturally marked lexical units is the specific view of the ideal life, which appeared in approximately 100 instances throughout the corpus. It mainly lies in the desire to present oneself as a financially prosperous, professionally successful and physically strong personality. In the discourse under the analysis these three aspects of the ideal life manifest themselves in an excessive demonstration of what the hip-hop subculture members can afford. They are presented not only verbally (in song lyrics) but also nonverbally (video clips, the performers' appearance and entourage, album covers).

The desire of African Americans for materialism and conspicuous consumption is associated with the periods of segregation and post-segregation, when the representatives of the black race in the United States did not have the opportunity to receive a high income and, consequently, access to high-price segment products [22–24].

The conceptual meaning of financial prosperity as a mandatory element of an ideal life for the hip-hop subculture members is mainly expressed by three groups of culturally marked lexical units: 1) proper names of luxury goods manufacturers, appearing in 45 instances; 2) proper names of rich and successful African Americans, occurring in 30 instances; 3) proper names of fictional characters, present in 25 instances.

The scope of proper names profiling the hip-hop subculture representatives' financial prosperity includes the nominations of automobile brands (*Bugatti, Bentley, Benz*, etc.), the Rolex watch company, and the high-price clothing companies (*Versace, Armani, Prada*, etc.). In most contexts these lexical units are used in their slang form: *'Rari – Ferrari; Bimmer – BMW; Benz – Mercedes-Benz; Rolie, Roly – Rolex*. The slang form conveys a message of idealization and idolizing the luxury items by the hip-hop subculture representatives who constantly focus their attention on these objects of prestige.

Proper names of rich and successful African Americans refer to the public figures that meet all the subculture's criteria of successful personalities such as having a large amount of money and high professional achievements. For instance, Barack Obama was the only African-American president by the time Chief Keef's song "Earned It" was released. In this song he embodied the image of a man who had achieved the highest professional success and certain material opportunities (for example, traveling on his own presidential plane (Air Force One)). This fact is reflected in the context describing the supreme status as a dream for all the hip-hop subculture members (example 10).

(10) *I don't need a jet, I want **Air Force One** (Air Force one, yeah) // I am fucking president and a sun (Like Obama, yeah)* (Earned It, Chief Keef, 2015).

In the context of another song the proper name Sean refers the listener to Sean Combs, a well-known rapper, music producer and entrepreneur, one of the richest and most famous African Americans (example 12).

(12) *Tryna be rich like **Sean*** (Talk That Shit, YFN Lucci, 2016).

The proper names of fictional characters if used in hip-hop discourse also emphasize the desire of all the hip-hop subculture representatives to demonstrate their financial prosperity. This assumption may be illustrated by the reference to Mario (example 13). The proper name of *Mario* is associated with the videogame in which one needs to collect coins to win.

(13) *Bout my coins like **Mario** (Mario)* (I Like It, Cardi B, Bad Bunny & J Balvin, 2018).

In many contexts, proper names that nominate rich and prominent African Americans and fictional characters are used as part of the comparative construction with the preposition *like*. Such a discursive strategy represents these personalities and characters as certain standards and measures of wealth, according to which an ideal image about the financial level to which one should strive is formed.

The conceptual meaning of professional success is mainly built around the field of music. These are the proper names of famous representatives of mass culture of African-American origin that serve the culturally marked linguistic

units representing it. The group of the proper names mentioned above mostly refers to rappers and sportsmen who have become the hip-hop subculture idols. For example, in the context from Eminem's song "Rap God" the hip-hop artist uses the name of Pharoahe Monch who is known for his complex rhymes and rap reading speed, both of which symbolise the high professionalism of any rapper (example 14).

(14) *But I still rap like I'm on my **Pharoahe Monch** grind* (Rap God, Eminem, 2013).

In a different context, Tyler, The Creator uses the proper name of Michael Jordan, a basketball player (example 15). In hip-hop discourse, this name is frequently used to implement the idea of professional excellence as in the hip-hop subculture members' picture of the world Michael Jordan is a bright example of a successful African American who has achieved everything himself.

(15) *Nobody can tell me where I'm headin' (Two, three, four) // But I feel like **Michael Jordan*** (SMUCKERS, Tyler, The Creator, 2015).

The conceptual meaning of physical strength is no less significant element of the hip-hop representatives' specific view of the ideal life. The ability to defend their views in the form of physical violence has always been of a particular importance for them because the hip-hop subculture was formed in conditions of high crime and low economic level.

The culturally marked lexical units used to convey this conceptual meaning are also numerous. They can be divided into two main groups: 1) proper names of athletes; 2) proper names of fictional characters (from the spheres of video games and movies).

As a rule, the proper names of athletes are mainly presented by the names of basketball players and boxers of African-American origin. These names are mainly used in the songs dedicated to the performers themselves and their path to success:

(16) *Then I blew like nigga move like **Mike*** (Notorious Thugs, The Notorious B.I.G., 1997);

(17) *Hey I'm like **Muhammad** when he fasted* (The Game, Common, 2007);

(18) *You know I'm ballin', usual like **Kobe*** (24) (Bean (Kobe), Lil Uzi Vert, 2020).

In the given contexts, the proper name of Mike Tyson, a boxer, conceptualises speed, agility, and strength. The proper name of Muhammad Ali refers to a well-known situation, when the boxer who was Muslim by his religious faith was strictly obliged to stick to certain rules, including fasting. Yet, this condition did not negatively affect the athlete's productivity, which the singer makes a reference to (*when he fasted*). The proper name of an outstanding basketball player Kobe Bryant verbalises his talent to handle the ball (*to ball*). The rapper metaphorically transfers this idea to that of successfully managing his own physical strength in conflict situations.

The proper names of fictional characters also show the importance of physical strength and weapon skills as components of an ideal hip-hop subculture representative:

(19) *Chop that ass in half like **Obi Wan Kenobi*** (Tick, Tick..., MF DOOM, 1999);

(20) *Two pistols on my hip like **Max Payne*** (Max Payne, Soulja Boy, 2016).

In these contexts, the fictional names of Obi-Wan Kenobi, the character from the "Star Wars" films who skillfully wields a lightsaber, and Max Payne, the character from the "Star Wars" videogame who always has a pistol in each hand, refers the listeners to the militant image of a fighter with a weapon. This image presents an image of a true average member of the hip-hop subculture.

Thus, the systematised precedent phenomena (proper names of luxury goods manufacturers, rich and successful African Americans, outstanding athletes and famous representatives of mass culture of African-American origin as well as the proper names of fictional characters) play a vital value forming role in hip-hop discourse. Functioning as culturally marked lexical units, they represent the conceptual field of the "specific view of the ideal life" value, which is embodied in the three basic conceptual meanings (financial prosperity, professional success, and physical strength).

The "faith in God" value

Another value of the hip-hop subculture that finds its frequent representation in hip-hop songs is faith in God. Starting from the formation of hip-hop as a subculture, its representatives often turn to the topic of God and religion. It might be connected to their ancestors' spiritual attitude towards religious traditions and rituals as the roots of the first black congregations date back to the times of slavery in the USA. Due to the prevalence of religion among African Americans, the "faith in God" value manifests itself not only verbally but also through such elements of extralinguistic means of the song discourse as melody and dance. The core value is present in about 100 instances within the corpus.

Regarding the conceptual potential of the culturally marked lexical units pointing to and, thus, forming this value in hip-hop discourse, there can be distinguished two main groups of them: 1) lexical units as means of nomination of God in a non-religious context (e.g., Jesus, God, Jehovah), occurring in 60 instances; 2) lexical units that refer to a particular biblical scene, appearing in about 40 instances.

Most of the analyzed contexts with the words nominating God are related to the theme of faith in salvation as the highest gift from God. Salvation, according to the studied contexts, implies successful overcoming of difficulties and challenges in life through the action of God's grace. This conceptual meaning is expressed by the nouns *Lord, God, Father and Heaven*, which are mainly used in lyrics in a form of a direct address:

(21) *I pray to **Jehovah**, give me strength to carry on* (Tupac Shakur, 1996);

(22) *I'm missin you **Lord**, in my life, make it right // I got somethin to decide* (Void In My Life, Chamillionaire, 2005);

(23) ***Father, God** I-I'm prayin' to you for somebody who knows You, // **Lord**, but just haven't- hasn't been seein' You in the right view lately* (Prayin' for You, Lecrae, 2006);

(24) **God's plan**, *I can't do this on my own* (Drake, God's Plan, 2018).

The structure of the examples presented above is similar to a prayer as a single genre. We regard this discursive strategy as the need to show God as the creator of the material and spiritual worlds, who takes part in people's lives and is able to influence them. To implement this strategy and convey the conceptual message the nominations of God function as ritual addresses. In hip-hop discourse, this type of appeal is mainly a request (*God show me the way, make it right, etc.*) and gratitude (*And we thank you*). It touches upon such spiritual elements of life as finding oneself and the meaning of existence as well as helping the loved ones.

The analysis has revealed that the members of the hip-hop subculture often use the means of nomination of God with the verbs of the religious discourse (*to pray, to forgive, to bless, etc.*). When used in hip-hop discourse, these verbs complement the context of theological virtues and special God's attitude towards the believers (e.g. *And though I sin the Lord blessing me still* (Déjà vu, J. Cole, 2016)).

The nominations of God that are used in the contexts devoid of any spiritual meaning are mostly set expressions that currently do not convey the idea of sacredness of faith in God by their semantics in the communication space of various types of discourse. They are, for instance, *for heaven's sakes, God is my witness, swear to God, thank God, oh my God, etc.* Despite the fact that these culturally marked lexical units do not fulfill the function of a direct appeal to God, their widespread use shows an essential role of God in the performers' life, which, in their opinion, is always under spiritual support.

The other group of culturally marked lexical units that expresses the importance of believing in God for the hip-hop subculture members comprises the lexical means that refer the listener to a particular situation from the authentic religious discourse. Correct decoding of these lyrics requires deep knowledge of the biblical text. This fact, consequently, proves that hip-hop discourse participants are aware of the contents of the Bible. One of the prominent themes represented by the precedent lexical units from the "religion" domain is the theme of jealousy and betrayal. For example, in "Sweet Freestyle" Pusha T uses several references to jealousy while listing his opponent's negative traits (example 25). The idea of envy is clearly decoded in this biblical context via the proper names of *Cain* and *Abel*, *Jesus* and *Judas* that make the knowledge of the well-known biblical situations explicit. It is worth noting that the phrase *Jealousy's a sin*, which is common for the religious discourse, has become a household name in other types of discourse, the hip-hop one including. In this context, it summarises the theme of the entire passage about the sinfulness of envy. To confirm his beliefs, with the phrase *Cain killed Abel* the performer refers the addressee to the text of the Book of Genesis, namely to the plot of the murder of Abel by Cain who envied the former whose gift turned out to be more pleasing to God. The proper names of *Jesus* and *Judas* in the context of another biblical scene (the betrayal of Jesus by Judas for thirty pieces of silver) enhance the conveyed conceptual message of envy and deceit.

(25) **Jealousy's a sin, Cain killed Abel** // ...// *It's hard to weed 'em out, even Jesus had Judas, gone!* (Sweet Freestyle, Pusha T, 2011).

Thus, the "faith in God" value that is one of the basic values for the hip-hop subculture representatives is presented in hip-hop discourse in abundant number of contexts with the precedent lexical units of the religious semantics. These cultural markers encode the socially shared knowledge from the general cognitive fund of hip-hop discourse participants, and, as a result, enhance their sociolinguistic potential among the hip-hop subculture members and spread the value to a wider audience beyond the hip-hop subculture boundaries.

Conclusion

Hip-hop discourse is a unique language representation of the hip-hop subculture, which is based on an art form of hip-hop. As a result of the growing popularity of this art form (mostly music) among young people other elements of the subculture such as clothing style, behavior patterns, language and, consequently, system of knowledge and values are spreading as well. Due to this fact, we find it essential to penetrate into the sociolinguistic aspect of hip-hop discourse.

By analyzing 120 songs with over 350 instances of culturally marked lexical units, the sociolinguistic research helps us to distinguish the main values of the hip-hop subculture. These are the active social position, the specific view of the ideal life, and faith in God. The values are singled out through the analysis of the precedent lexical units that play the role of the lexical markers for subcultural values. By introducing the values as common relevant knowledge into the discursive context the identified and systematized culturally marked lexical means represent these values as socially significant priorities for all the members of the hip-hop subculture.

The main groups of such lexical markers are the following ones, each group profiling a particular value:

- proper names of the fighters against racism, the victims of police brutality, and politicians who do not contribute to the anti-racist movements (the "active social position" value);
- proper names of car producing companies, expensive clothing and jewelry brands, successful American black people and athletes (the "specific view of the ideal life" value);
- proper names and phrases of the religious semantics (the "faith in God" value).

Integrated in the discourse, these lexical means cover the sociolinguistic aspect of hip-hop discourse and the hip-hop subculture as a whole. They form the image of the hip-hop community as that with an active social position, ready to protest and fight against physical and political violence, eager to have much money and demonstrate luxurious lifestyle but at the same time religious and faithful.

The specific feature of a greater part of the culturally marked lexical means is their conceptual capacity to refer to particular situations, actions and events that are well-known among the hip-hop subculture members. This fact proves the idea of the hip-hop subculture having its own language code, since coding and

decoding the contexts with cultural markers require definite knowledge and awareness.

References

1. Gudkov, D.B. (2003) *Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii* [Theory and practice of intercultural communication]. Gnozis.
2. Slyshkin, G.G. (2000) *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedennykh tekstov v soznanii i diskurse* [Linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Akademiya.
3. Karaulov, Yu.N. (2014) *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [The Russian language and linguistic personality]. Kn. dom "LIBROKOM".
4. Krasnykh, V.V. (2003) *"Svoj" sredi "Chuzhih": mif ili real'nost'* [Friend to Foes: myth or reality?]. Gnozis.
5. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
6. Nazarova, R.Z. & Zolotarev, M.V. (2015) *Precedentnyye fenomeny: problemy definicii i klassifikacii precedennykh fenomenov* [Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification of Precedent Phenomena]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika*. 2. pp. 17–23.
7. Alefirenko, N.F. (2015) *"Jazyk" i "tekst" kul'tury* ["Language" and "text" of culture]. *Litera*. 4. pp. 50–58. doi: 10.7256/2409-8698.2015.4.18245
8. Prohorov, Yu.E. (2004) *Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs* [Reality. Text. Discourse]. Moscow: Flinta; Nauka.
9. Rose, T. (1994) *Black Noise: Rap Music and Black Culture in Contemporary America*. Middletown, CT: Wesleyan UP.
10. Kitwana, B. (2002) *The Hip Hop Generation: Young Blacks and the Crisis in African American Culture*. Basic Civitas.
11. Chang, J. (2005) *Can't Stop, Won't Stop: A History of the Hip-Hop Generation*. St. Martin's Press.
12. Watkins, S.C. (2006) *Hip Hop Matters: Politics, Pop Culture, and the Struggle for the Soul of a Movement*. Boston: Beacon.
13. Pough, G. (2004) *Check it While I Wreck it: Black Womanhood, Hip-hop Culture, and the Public Sphere*. UPNE.
14. Sharpley-Whiting, D.T. (2008) *Pimps Up, Ho's Down: Hip Hop's Hold on Young Black Women*. NYU Press.
15. Morgan, M. (1998) *More than a Mood or an Attitude: Discourse and Verbal Genres in African American*. London: Routledge. pp. 251–281.
16. Smitherman, G. (1997) The Chain Remain the Same: Communicative practices in the Hip Hop Nation. *Journal of Black Studies*. 28. pp. 3–25.
17. Keyes, Ch.L. (1996) At the Crossroads: Rap Music and its African Nexus. *Ethnomusicology*. 40 (2). pp. 223–248.
18. Newman, M. (2002) *Nouns and adjectives and verbs as weapons: Identity and ideology in a high school rap crew*. AILA.
19. Dunyasheva, L.G. (2012) *Lingvokul'turnye osobennosti konstruirovaniya gendera v afroamerikanskom pesennom diskurse: na materiale zhanrov bljuz i rep* [Linguistic and cultural features of gender construction in the African-American song discourse: based on the material of the blues and rap genres]. Philology Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
20. Kolesnikov, A.A. (2013) *Jazyk predstavitelej hip-hop kul'tury: ot sociolekta k diskursu* [The language of representatives of hip-hop culture: from sociolect to discourse]. In: *Uchenye zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki* [Scientific notes of the National Community of Applied Linguistics]. Moscow. pp. 60–66.

21. Titorenko, M.Y. (2003) *Sleng kak sostavljajushhaja jazykovej lichnosti podrostka* [Slang as a component of the language personality of a teenager in Germany]. Philology Cand. Diss. Moscow.

22. Belk, R.W., Bahn, K.D. & Mayer, R.N. (1982) Developmental recognition of consumption symbolism. *Journal of Consumer Research*. 9 (1). pp. 4-17. doi: 10.1086/208892

23. Rucker, D.D. & Galinsky, A.D. (2008) Desire to acquire: Powerlessness and compensatory consumption. *Journal of Consumer Research*. pp. 257-267. doi: 10.1086/588569

24. Mullins, P.R. et al. (2011) Consuming Lines of Difference: The Politics of Wealth and Poverty along the Color Line. *Historical Archaeology*. 45. pp. 140–150. doi: 10.1007/BF03376852

Information about the authors:

O.V. Magirovskaya, Dr. Sci. (Philology), full professor, head of the Department of Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: magirovskayaov@yandex.ru

Ya.M. Yanchenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: yanchenko.ya.m@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Магировская О.В. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой теории германских и романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия). E-mail: magirovskayaov@yandex.ru

Янченко Я.М. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия). E-mail: yanchenko.ya.m@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 29.05.2025;
approved after reviewing 06.06.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

*Статья поступила в редакцию 29.05.2025;
одобрена после рецензирования 06.06.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

Научная статья
УДК 811.134.2
doi: 10.17223/19986645/98/7

Средства прагматического фокусирования в испанском дипломатическом дискурсе XVIII–XIX вв.

Ольга Владимировна Нешкес¹

¹*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, nesh_86@mail.ru*

Аннотация. На основе семидесяти донесений испанских дипломатов в России, датированных 1761–1825 гг., рассматриваются вопросы функционирования прагматических явлений в дипломатическом дискурсе: приводится описание коммуникативно-прагматических функций донесений, показывается роль дейксиса и оценки как лексических средств прагматического фокусирования при реализации персуазивного воздействия. Делается вывод о том, что такие языковые средства имплицитно оказывали влияние на формирование у получателей дипломатических сообщений мнения о «чужом» государстве.

Ключевые слова: международные отношения, «свой–чужие», дипломатические донесения, дейксис, лексическая оценка, прагматическое фокусирование

Для цитирования: Нешкес О.В. Средства прагматического фокусирования в испанском дипломатическом дискурсе XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 122–140. doi: 10.17223/19986645/98/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/7

Means of pragmatic focusing in Spanish diplomatic discourse of the 18th–19th centuries

Olga V. Neshkes¹

¹*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, nesh_86@mail.ru*

Abstract. The article studies the pragmatic phenomena in historical diplomatic discourse. It aims to describe the communicative-pragmatic functions of diplomatic documents of the past and to determine the role of deixis and lexical evaluation as means of pragmatic focusing in the implementation of persuasive impact. The material of the study consists of seventy handwritten diplomatic reports of Spanish envoys to Russia addressed to the state secretaries of Spain in the second half of the 18th – first quarter of the 19th centuries. The considered diplomatic documents highlight the issues of history, politics, economics, social structure, as well as on key political figures of the foreign country. The study has shown that a diplomatic report represents informative and persuasive functions, the lines of which are blurring due to the pragmatic focusing means introduced into the text. The authors of documents typically used deixis (demonstrative, possessive, indefinite adjectives) as a way of determining the so-called

"ours" and "theirs". A semantic-statistical analysis has shown that the largest number of deictic means in combination with other lexemes related to the semantic area of "ours" (65.62%) and the area of "theirs" (55.42%) are concentrated in documents verbalizing the topic of a possible conflict and rivalry between powers. When a diplomatic report starts with demonstrative adjectives (especially *este*), used for partial substitution of proper names, it may focus the addressee's attention on significant fragments of the text and to express the author's intention to distance himself from an object of the utterance. A significant role in the aspect of pragmatic focusing is played by lexical evaluation, which contributes to the formation of the addressee's predetermined image of another country. The study has shown that diplomats used expressive-evaluative vocabulary to convince their superiors of the expansionist nature of the policy of Russia, that potentially could interfere with Spanish interests, but at the same time they expressed the need for mutually beneficial trade. The portrait of Catherine II, created by the Spanish envoy, also appears to be axiologically ambivalent. Such variability in estimates may be due to changing political conditions in the context of relations between Russian and Spanish Empires.

Keywords: international relations, "ours–theirs", diplomatic reports, deixis, lexical means of evaluation, pragmatic focusing

For citation: Neshkes, O.V. (2025) Means of pragmatic focusing in Spanish diplomatic discourse of the 18th–19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 122–140. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/7

Введение. Материал и методы исследования

Исследование институциональных форм дискурса на материале различных языков, в том числе испанского, в настоящее время приобретает всё большую востребованность среди языковедов. В частности, изучение особенностей дипломатической коммуникации стало предметом научного интереса отечественных и зарубежных ученых (М.В. Беляков, Т.А. Волкова, В.И. Карасик, А.С. Кожетева, Ю.С. Степанов, Л.М. Терентий, В.Е. Чернявская, E. Borau Boira, A. Ostrower, E. Menezes de Carvalho, M. Robles Gómez и др.). В работах указанных исследователей рассматриваются языковые средства дипломатии на современном этапе. При этом дипломатический дискурс в его историческом измерении остается недостаточно изученным в дисциплинах филологического спектра. «Дипломатия всегда была и остается достаточно закрытой, “тихой” сферой межкультурной коммуникации... Этой особенностью объясняется незначительное количество работ, посвященных, в частности, лингвистическим аспектам дипломатических текстов и дипломатической коммуникации в целом» [1. С. 59]. В научных трудах лингвистов освещаются преимущественно вопросы дипломатического метаязыка прошедших веков и переводческая проблематика [2–7], однако область прагматических явлений историко-дипломатического дискурса все еще находится вне поля зрения исследователей.

Несмотря на активное развитие исторической прагматики, направления, исследующего «коммуникативные аспекты языка предшествующих эпох» [8. С. 46], остаются неизученными некоторые документные жанры, к числу

которых относятся дипломатические донесения. Вместе с тем они отражают языковые, исторические и культурные особенности сторон – участниц международных отношений и могут рассматриваться не только в традиционном политическом измерении, но и в сопряженном с ним культурно-прагматическом аспекте. Исследование дипломатических донесений позволит реконструировать лингвистические и экстралингвистические факторы в ходе межгосударственных отношений, влияющие на формирование представлений о другом государстве членов соответствующих лингвокультур, что представляется актуальным в свете тенденций развития современного языкознания, характеризующегося междисциплинарностью.

Целью настоящей статьи является описание языковых средств прагматического фокусирования, имплицитно воздействующих на адресата дипломатического сообщения и способствующих закреплению у него определенного образа другой страны.

Материалом исследования послужили семьдесят рукописных архивных документов, представляющих собой дипломатические донесения испанских посланников в России в адрес государственных секретарей правительства Испании¹. Рассматриваемые донесения – это отчеты дипломатов своему руководству о событиях в области истории, политики, экономики, а также о ключевых политических фигурах страны их пребывания. Данные документы демонстрируют особенности и характер взаимоотношений Российской и Испанской империй в период интенсивного освоения североамериканских земель во второй половине XVIII в. Испанская колонизация, создание миссий и поселений на территориях к северу от вице-королевства Новая Испания (ныне Мексика и штат Калифорния США) со стороны Тихого океана началось в XVIII в. [9. С. 39]. Основанием для активных действий Испании в освоении новых территорий стало продвижение России к своим восточным окраинам и выход к Тихому океану. «Стремясь защитить испанские права на этот регион, власти Испании отправили ряд экспедиций к берегам нынешних Аляски и Канады. В те времена первое наблюдение или открытие территории давало нации право собственности на колонизируемые земли» [10. С. 70]. Кроме этого, нами рассмотрены документы о российско-испанском взаимодействии второй половины XVIII в. в сфере торговли. Также в основу нашего исследования легли документы первой четверти XIX в. В этот период Испания претерпевала политический кризис, сопровождавшийся войнами за независимость, революцией и потерей значительной части колоний в Латинской Америке. Эти события заняли важное

¹ Анализируемые в исследовании документы были найдены в исторических архивах Испании – Архиве Индий (*Archivo General de Indias*) и Национальном историческом архиве (*Archivo Histórico Nacional*). Перевод (с испанского языка на русский) части документов был опубликован в коллективной монографии в документах «Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII в. (по материалам испанских архивов)» / сост., под общ. ред. А.Ю. Петрова; ред.-сост. В.Н. Косторниченко. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2020. 248 с.

место в международной политике XIX в. и оказали большое влияние на отношения между указанными державами, что, несомненно, нашло широкое отражение в дипломатической переписке [11. С. 41].

При работе с материалом мы использовали методы лингвистического анализа с привлечением методов исторического анализа. В частности, для выявления механизмов речевого воздействия адресантов дипломатических донесений были применены методы функционально-прагматического, лингвостилистического и лингвоаксиологического анализа, а также метод количественного и качественного анализа текста (контент-анализ). При реконструкции исторического контекста изучаемых документов мы руководствовались историко-типологическим и историко-генетическим методами исследования.

Ход исследования и результаты

«Каждый дискурс, воплощаемый в коммуникативном действии, сопряжен с той или иной стратегией, смыслом его создания и функционирования» включает в себя идеи, ценностные установки, формирует «символическое поле коммуникации» [12. С. 136]. Дипломатический дискурс имеет институциональный характер, его ключевой задачей является защита национальных интересов на внешнеполитической арене, что непосредственно коррелирует с такими социально и культурно обусловленными категориями, как «свой» и «чужой»; он также имплицитно широкий контекст культурно-исторических событий, памяти и предыдущий опыт его продуцентов.

Участниками дипломатического дискурса (в качестве адресанта) могут являться дипломаты, главы стран и другие лица, реализующие внешнюю политику государств, с одной стороны, и представители того же института дипломатии, руководители государств, деловая общественность, пресса (в качестве адресата) – с другой [13. С. 55]. С учетом характера адресата выделяется публичная и непубличная форма дипломатического дискурса. Также с точки зрения коммуникативной направленности целесообразно разграничить внешнюю и внутреннюю ее формы. Первая проявляется через интеракцию с членами других государств (правительств), она может быть в равной степени публичной и непубличной, в отличие от второй формы, которая осуществляется в рамках одного институционального образования и имеет исключительно непубличный характер.

Объектом нашего изучения является непубличный дискурс в сфере российско-испанских отношений, результатом и частью которого стали письменные документы (донесения (отчеты)) испанских посланников в России, направляемые высшим чиновникам Испании, принимающим решения по вопросам внешней политики своей страны.

Согласно передаваемым от руководства инструкциям, в обязанности дипломатического представителя входил сбор информации о стране пребывания, ее анализ, выстраивание отношений с официальными лицами – представителями данной страны и, кроме этого, формирование аналитических

заклучений и предложений в отношении представляющих важность событий. Таким образом, дипломатическое донесение заключало в себе как информативную, так и персуазивную (воздействующую) функции. К XVIII в. композиционная структура дипломатического документа приобрела формализованный характер. В донесении фигурировали обязательные элементы – тема, дата отправки, имя отправителя и получателя. Содержательная часть документа начиналась с преамбулы, затем следовало и введение, фактологический и аргументационный разделы и заключение. Соответственно, прагматические функции информирования и воздействия осуществлялись преимущественно в фактологическом и аргументационном разделах документа.

Информирование сопровождалось введением в текст перформативных глаголов, выражений со значением «информировать», «сообщать», «уведомлять».

Esto es cuanto puedo informar a V.E. en el día, sobre este particular, sobre el cual espero más adelante poder dar a S.M. todas las noticias y conocimientos... [14]. *Это все, что я могу сообщить Вашему Высокопревосходительству на сегодняшний день по данному вопросу. Надеюсь, что смогу вскорости предоставить Вашему Высокопревосходительству все новости и сведения...* [9. С. 79].

Передача актуальных сведений являлась приоритетным аспектом в работе посланников, поэтому в фактологическом разделе документов наличествуют формы глаголов настоящего времени и соответствующие наречия (*este día, este mes, este año, ahora, hasta ahora, actualmente*).

Функция информирования также эксплицируется при помощи интертекстуальных отсылок, указывающих или вербализирующих предтекст [15. С. 134], благодаря которым осуществляется тематическая когерентность дискурса [16. С. 192]. Это, например, референции к документам, ранее поступивших в адрес или от дипломата, пересказ или косвенное цитирование сообщений, полученных от различных официальных лиц. Так, в одном из своих донесений испанский посланник в России граф Ласи¹ сообщает о сделанном им отчете, касающемся плаваний русских к американским территориям. Посланник ссылается на направленное им ранее письмо на схожую тему.

Mientras halle ocasión para remitir a V.E. dicha relación, voy a referir a V.E. lo... más esencial de ellas rectificando las especies vagas que solo pude comunicar a UE en mi carta de siete de Febrero, número diez y nueve sobre el

¹ Граф Ласи (*Conde de Lacy*) (1731–1792) – испанский посланник в России (Санкт-Петербург) с 1772 г. В данных Ласи инструкциях от государственного секретаря правительства Испании маркиза де Гримальди (*Marqués Jerónimo Grimaldi*) говорилось о «плаваниях, которые неоднократно совершали в Калифорнию русские с большим успехом, нежели другие народы». Посланнику вменялось в обязанность выяснить, «предпринимались ли повторно такие экспедиции и с каким результатом, или же от этой идеи отказались».

consabido viaje de los Capitanes Behring y Tschiricow¹... [17]. Пока имеется возможность переслать Вашему Высокопревосходительству означенный доклад, хочу отметить для Вас наиболее важные новости, исправив при этом неясные места, о которых я смог сообщить Вашему Высокопревосходительству в письме от седьмого февраля за номером девятнадцать, в коем говорится о вышеуказанных плаваниях капитанов Беринга и Чирикова... [9. С. 88].

Кроме актуальности и информационной значимости, принципиальное значение в дипломатических донесениях имеют достоверность и объективность преподносимых адресантом фактов [18, 19]. Вместе с тем характерной чертой изложения в дипломатическом документе является сдержанность [18]. При оценке возможности, достоверности тех или иных событий посланники стремились исключить категоричность и не использовали в высказываниях от первого лица лексемы: *sin duda, seguramente, por cierto*. В представленном примере посланник граф Ласи дает сдержанную оценку достоверности разведанных им данных. Здесь использована безличная конструкция, благодаря которой дипломат как будто бы снимает с себя ответственность за изложенное (*solo puedo afirmar... parece no hay duda*), что подтверждается высказыванием о необходимости верифицировать полученные сведения (*las demás circunstancias del hecho las doy como especies divulgadas y que procura aclarar*). Вместе с этим он фокусирует внимание адресата на значимости полученной информации (*ha hecho descubiertas importantísimas*).

Varios rusos añaden que esta nación ha hecho descubiertas importantísimas por aquella parte y que esta corte espera circunstancias más favorables para aprovechar de las ventajas que le prometen las noticias que ha adquirido sobre este particular. Pero en todo esto solo puedo afirmar la certeza del viaje del Mr. Tschiricow en el que parece no hay duda. Las demás circunstancias del hecho las doy como especies divulgadas y que procura aclarar... [20]. От русских также известно, что под их флагом в тех краях были совершены весьма важные открытия и что их правительство ожидает наступления более благоприятных обстоятельств, чтобы воспользоваться результатами экспедиции. В отношении всего сказанного я могу лишь подтвердить достоверность плавания 2-на Чирикова, в которой, кажется, нет никаких сомнений. Все остальные подробности мне известны лишь из разговоров, и я постараюсь выяснить их правдивость... [9. С. 87].

Как было обозначено ранее, дипломату предписывалось не только описывать факты, события и давать им оценку, но и формулировать предложения своему руководству. Коммуникативно-прагматическая функция донесения предполагала наличие персуазивного воздействия, целью которого выступает убеждение адресата и (или) призыв к (не) совершению им каких-либо действий.

¹ Все цитируемые фрагменты приведены в соответствии с оригинальной орфографией архивных документов-источников.

Приведенный выше пример демонстрирует, насколько информативная функция тесно связана с воздействующей (персуазивной). С одной стороны, персуазивное воздействие основывается на рациональной аргументации (адресант оперирует фактологическими данными для обоснования своей позиции), а с другой – оценка преподносимых фактов красной нитью проходит сквозь все повествование. Представляется, что существуют имплицитные способы воздействия на адресата, рассмотрение которых представляет основной предмет нашего исследования.

По замечанию Н.В. Литвака, дипломаты в своих отчетах использовали «необычные, привлекающие внимание слова, выражения, детали, делающие запоминающейся их информационную часть» [21. С. 115]. То есть адресант намеренно старался обратить внимание реципиента информационного сообщения на значимые фрагменты текста. Согласно определению О.А. Богдановой, «система формально-содержательных способов привлечения внимания читателя путем акцентирования текстовых элементов, несущих более значимую информацию» представляет собой прагматическое фокусирование [22. С. 7]. Способами привлечения внимания адресата, согласно Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарину, может являться повторяемость в тексте различных явлений лексического, грамматического и синтаксического порядка (рекуррентная лексика, грамматические формы, сравнительные конструкции и т.п.) [23. С. 216–219].

В ходе работы над материалом исследования было выявлено, что характерной чертой испанских дипломатических донесений являлось использование дейксиса как лексического средства прагматического фокусирования при осуществлении адресантом персуазивного воздействия (в первую очередь, указательных прилагательных с номинациями титулов, учреждений). Такие указательные прилагательные как *este*, *ese*, *aquel*, кроме анафорической или дейктической референции [24], способны нести прагмастилистическую нагрузку. Наиболее часто встречающееся в донесениях прилагательное *este* в сочетании с титулом или институцией в начале документа, т.е. при первом его упоминании в тексте, может выступать эмфатизирующим элементом [25. С. 35]. Дейктические указатели являются инструментом разграничения личной зоны говорящего (пишущего) на «свое» и «чужое» (для дипломатического дискурса – это зона своих и чужих национальных интересов) [26–28]. Как уже отмечалось, такая дифференциация на «своих» и «чужих» в целом свойственна дипломатическому дискурсу, как и политическому дискурсу, где «чужие» репрезентируются часто в негативном ключе [29–31]. Рекуррентность дейктических средств в области одних и тех же референтов демонстрирует имплицитную интенцию отправителя сообщения маркировать «своего» / «чужого».

Для иллюстрации представленных положений обратимся к конкретным примерам.

Если в начале 1760-х гг. испанские посланники, докладывая о российских экспедициях на север Тихого океана, указывали о слабой вероятности продвижения русских в Калифорнию [9, 32], то к 1770-м гг. в сообщениях

испанских дипломатов появилась нота обеспокоенности. Граф Ласи в донесении от 1773 г. сообщает следующее.

Esta soberana podría continuar después sus conquistas ventajosas a este Imperio el que según el [plan] tiene más derecho que ninguna otra Potencia a la América [33]. Эта императрица могла бы продолжить дальнейшие успешные завоевания в пользу этой (Российской. – О.Н.) империи, которая, согласно указанному плану, имеет больше прав на Америку, чем любая другая держава [9. С. 94].

Особое внимание заслуживает тот факт, что субституция имени российской государыни¹ указательным прилагательным *esta* применена в самом начале письма, при том, что тема-рема-тическая организация любого документа, включая дипломатическое донесение, предусматривает экспликацию новой информации во вступлении. В связи с этим логично предположить, что *esta soberana* является *темой* – известным для адресанта и адресата фактом. Таким образом, данная замена видится нам не случайной, скорее, задуманной автором, и служит способом привлечения внимания адресата к значимому с позиции адресанта фрагменту текста.

В одном из документов, также в самом его начале, испанский дипломат пишет о интервенционистских планах России, на что указывают фигурирующие в микроконтексте лексемы *vastos proyectos, invasión, de guerra* в совокупности с дейктическим словом *esta* применительно к российскому двору.

Muy Señor mío: son tan vastos los proyectos de esta Corte, que tiene un Plano formado de hacer una invasión en la China... La ambición no se contenta con ese Proyecto. Se piensa al mismo tiempo de hacer una expedición marítima en el Kamtshatka contra el Japón, a cuyo fin se ha mandado en los Astilleros de los Fuertes de San Pedro y San Pablo de construir algunas embarcaciones de guerra [34]. Ваше Высочайшее превосходительство, планы этого (российского. – О.Н.) двора столь обширны, что один из них касается вторжения в Китай... Амбиции, впрочем, не ограничиваются этим проектом: одновременно на Камчатке планируется направленная против Японии морская экспедиция, для которой приказано построить несколько боевых кораблей на верфях фортов Святого Петра и Павла [9. С. 92].

В ином донесении, относящемся к XIX в., временный поверенный в делах Педро Алькантара Аргаис сообщает о намерении обратиться в Министерство иностранных дел (МИД) Российской империи за поддержкой при решении вопроса, связанного со статусом признания независимости испанских колоний и о невмешательстве во внутренние дела Испанского государства других держав. Несмотря на общий положительный контекст документа касаясь российско-испанского взаимодействия, в тексте наблюдается демаркация по признаку «свой – чужой»: полное наименование Министерства иностранных дел при первом его упоминании в тексте письма субституировано указательным прилагательным *este*.

¹ Речь идет о Екатерине II.

*En mi número anterior digo a V.E. que en dos otras ocasiones hubiera tomado sobre mí dar algún paso cerca de **este Ministerio**, pero que la falta de noticias de América y aún de la Península me lo habían impedido [35]. В своем предыдущем письме я поведал Вашему Высокочревосходительству о том, что в двух других случаях я бы взял на себя смелость обратиться в **это Министертво**¹, но отсутствие новостей из Америки и даже с полуострова (Испания. – О.Н.) помешало мне сделать это (перевод наш. – О.Н.).*

Еще более показательным с точки зрения репрезентации роли дейксиса при маркировании «чужих» является следующий фрагмент. Педро Алькантара Аргаис сообщает, что первым делом он попытался завязать дружеское общение и вступить в предварительные переговоры с МИД Российской империи относительно того, какое впечатление произвело послание президента Соединенных Штатов Америки на испанского короля в отношении фактического признания независимости заокеанских испанских провинций, и получил положительный ответ, заверяющий в поддержке Россией испанского короля. Отметим, что в одном микроконтексте дважды встречаются указательные прилагательные в сочетании с институциями, при этом автор подчеркивает сложное положение, в котором оказался (*la difícil posición*), учитывая другое устройство – не похожее на испанское, государственной системы (*régimen interior no está en armonía con el nuestro*).

*Vi la respuesta de **este Ministerio** en esta vez dan lisonjero como S.M. se la haya prometido, creo que a lo menos V.E. conocerá **la difícil posición** en que las circunstancias me ponen cerca de **este Gobierno** cuyo **régimen interior no está en armonía con el nuestro** [36]. Я лицезрел весьма лестный ответ **этого министерства**, как Его Величество и предвидел, я думаю, что по крайней мере, Вы знаете, в какое **трудное положение** поставили меня обстоятельства, связанные с **этим** правительством, чей внутренний режим не соответствует нашему (перевод наш. – О.Н.)*

Примечательно, что в рассматриваемом дипломатическом документе номинация МИД России фигурирует лишь единожды в результирующей – заключительной части документа, и в контексте благоприятного взаимодействия российской и испанской стороны.

*En el intermedio **he tenido la satisfacción** de saber que **el Ministerio Imperial ruso** estaba satisfecho del estilo y lenguaje de todas las comunicaciones, así como también de la franqueza y lealdad con que les he hecho ver la justicia que asiste a la nación, y el sistema que el Gobierno ha adoptado [36]. Между тем я **имел удовольствие узнать**, что **российское министерство** было удовлетворено стилем и языком всех сообщений, а также откровенностью и лояльностью, с которыми я отметил справедливость сей нации, и систему, которую приняло правительство (перевод наш. – О.Н.)*

Приведенные примеры отображают закономерность, заключающуюся в том, что указательное прилагательное *este* ближнего дейксиса используется

¹ Речь идет о Министерстве иностранных дел Российской империи.

в контексте отстранения от объекта высказывания [37. С. 62]. Как отмечает М.А. Гонсалес Перес в своем диссертационном исследовании о контекстуальной зависимости употребления демонстративов в испанском языке, местоимение (прилагательное) *este* может заменять указательное местоимение (прилагательное) дальнего дейксиса *aquel* в качестве прагматической стратегии привлечения внимания слушателя / читателя [38. Р. 36]. Также объяснение применения такого приема видится не столько в области прямого указания на физическое местоположение объекта от говорящего / пишущего (в нашем случае это было бы нахождение дипломата в стране пребывания, о которой он повествует), сколько в интенции противопоставления «своего (нашего)» и «чужого» (*este Gobierno – no está en armonía con el nuestro; este Imperio tiene más derecho que ninguna otra (nuestra. – O.H.) Potencia*).

Мы провели семантико-статистический анализ, позволивший выявить дейктические элементы, выступающие средством прагматического фокусирования и репрезентирующие интенцию авторов донесений детерминировать «своих» и «чужих». В представленных табл. 1, 2 показана частота использования дейктиков семантической области «свой – чужой» в разрезе соответствующих тем дипломатических документов.

Анализ частоты использования в текстах донесений дейктических средств с семантикой «своего» (*nuestra América, nuestras costas etc.*) и семантикой «чужого» (*otra potencia, esta corte, esta soberana, aquel país etc.*) показал, что наибольшее их количество сосредоточено в тех тематических областях, в которых вербализируется напряженность и конфликт интересов государств.

Таблица 1

**Дейктики, маркирующие категорию «свой»:
подсчет абсолютной частоты (АЧ) использования**

Значение	Лексемы	Общее кол-во употреблений (АЧ)	Об отношении Испании к освоению русскими американского континента	О торговых делах Испании и России	Об испано-русско-французских отношениях в контексте вмешательства держав в политические вопросы Испании
свой	<i>nuestra América</i>	6	3	–	3
	<i>nuestras costas / nuestros territorios</i>	9	4	–	5
	<i>nuestros puertos</i>	5	5	–	–
	<i>nuestro establecimiento</i>	3	3	–	–
	<i>nuestra frontera</i>	2	2	–	–
	<i>nuestras armas</i>	2	2	–	–
	<i>nuestros navios</i>	2	2	–	–
	<i>nuestro comercio</i>	3	–	3	–
	ИТОГО:	32	21	3	8
ИТОГО, %	100	65,62	9,38	25	

**Дейктики, маркирующие категорию «чужой»:
подсчет абсолютной частоты (АЧ) использования**

Значение	Лексемы	Общее кол-во употреблений (АЧ)	Об отношении Испании к освоению русскими американского континента	О торговых делах Испании и России	Об испано-русско-французских отношениях в контексте вмешательства держав в политические вопросы Испании
чужой	aque! imperio	6	–	6	–
	aque! pa!s	5	3	–	2
	aquellos establecimientos	3	3	–	–
	aquella naci3n	4	–	1	3
	otra potencia	10	10	–	–
	otros pueblos	1	1	–	–
	otras cortes	3	–	–	3
	otras naciones	8	4	–	4
	este imperio	3	–	3	–
	este gobierno	4	1	1	2
	esta corte	15	8	4	3
	esta soberana / este monarca / este imperador	12	8	1	3
	esta naci3n	3	3	–	–
	este ministerio	8	5	–	3
	ИТОГО:	83	46	16	21
ИТОГО, %	100	55,42	19,28	25,30	

Наряду с дейксисом, имплицитным средством персуазивного воздействия в дипломатических отчетах является экспрессивно-оценочная лексика, она «наводит фокус» на значимые с позиции адресанта фрагменты текста. Например, в своем сообщении Первому министру испанского правительства посланник маркиз де Альмодовар¹ описывает этапы освоения русскими восточных территорий – Сибири и Камчатки, приводя оценку народностям, исконно населяющим эти области.

*En el a!o de 1730, Mr. Pawluzki Capit!n de Infanter!a, y el Jefe de los Cosacos de Yakutsk llamado Schestakow tuvieron orden de la Corte de Rusias de reducir a la obediencia a los Tschuktschi **Pueblo feroz, y obstinadamente rebelde** [14]. В 1730 году пехотный командир майор Павлуцкий и атаман якутских казаков Шестаков получили приказ двора российской императрицы привести к повиновению чуждей – **жестокий, упрямый и непокорный народ** [9. С. 73].*

¹ Маркиз де Альмодовар (*Marqu!s de Almod3var*) (1727–1794) происходил из древнего и знатного испанского рода, в 1761–1763 гг. находился на посту постоянного дипломатического представителя Испании в России.

В заключительной части донесения от 1792 г. испанский консул Антонио де Коломби¹ делает вывод о том, насколько важно и плодотворно может быть сотрудничество между Россией и Испанией. Обращают на себя внимание противопоставленные друг другу лексемы с выраженной оценочностью (*beneficios y ventajas – la envidia y la emulación*).

...no puede menos de comprenderse que las ha destinado la Providencia para comunicarse mutuamente los beneficios y ventajas, que trae el Comercio a la humana sociedad, sin que la envidia y la emulación puedan ponerle cotos, a vista de lo que exige de una, y otra de su propia conservación y prosperidad [39]. ...необходимо понимать, что самой судьбой нашим странам определена честь сообща разделять выгоду и пользу, которую торговля приносит человеческому обществу, не позволяя зависти и соперничеству нарушить сие, с тем чтобы обе стороны прилагали наибольшие усилия на ее сохранение и процветание [9. С. 191].

В другом своем отчете от 1792 г. испанский консул составил портрет личности Екатерины Великой, обратив внимание на такие приписываемые ей качества, как *inteligencia y sabiduría* – ум и мудрость; *talentos superiores* – выдающиеся таланты; *mucha experiencia en el arte* – глубокие познания в искусстве правления, и контрастирующие с ними *el amor propio y la vanagloria* – самолюбие и тщеславие. Сам контраст в соседствующих микрореконтекстах привлекает внимание читателя.

La Emperatriz ha sido desde mucho tiempo el objeto de la admiración de toda Europa, donde la consideran como un prodigio de inteligencia y sabiduría, colmándola de los mayores elogios y alabanzas, a que en parte es acreedora. Con efecto, no se la pueden negar talentos superiores al común de los humanos, mucha experiencia en el arte de reinar y una vasta instrucción adquirida por el estudio y frecuencia o con los sabios de varias naciones que ha atraído a su Corte. <...> Además, el amor propio y la vanagloria que descubre el increíble fausto y pompa con que se celebra el más mínimo suceso, hacen igualmente un contraste con el genio filosofo que atribuye el vulgo a esta Soberana, lo que ha infundido en todos sus vasallos, grandes y chicos, la misma vanagloria de que ella da el ejemplo [40]. Императрица с давних пор является объектом восхищения во всей Европе, где ее считают чудом ума и мудрости, осыпая ее величайшими похвалами и комплиментами, которых она отчасти заслужила. В самом деле, ей нельзя отказать в талантах, превосходящих обычные человеческие, большом опыте в искусстве правления и всестороннем образовании, полученном путем обучения и личного общения с мудрецами разных наций, которых она привлекала к своему двору. <...> Кроме того, самолюбие и тщеславие составляя контраст с философским гением, обычно приписыва-

¹ Антонио де Коломби (*Antonio de Colombi y Payet*) (1749–1811) был направлен в 1773 г. в Санкт-Петербург для активизации испанской торговли и судоходства в российских портах и вскоре основал контору, занимавшуюся преимущественно поставкой испанских вин в Россию. В 1785 г. он занял должность испанского консула в Петербурге.

емом сей Государыне, находят отражение в невероятной роскоши и помпезности, с коей празднуется наималейшее событие, все это она привила своим подданным, всем – от мала до велика, подавая им пример своим тщеславием (перевод наш. – О.Н.)

В ином примере донесения первой четверти XIX в., составленного испанским поверенным в делах в России Педро Алькантара Аргаисом, повествуется о контрреволюционерах, поддерживающих восстановление абсолютизма в Испании, опубликовавших свое политическое заявление. Дипломат указывает на то, что французский король (кровный родственник испанского короля по династической линии Бурбонов) является сторонником этих мятежников и оказывает им всяческое содействие. Такие лексемы, как *perfidia y de falsedad, estos hombres sostenidos por bayonetas*, с выраженной негативной коннотацией, демонстрируют отношение адресанта к объекту оценивания.

Dije que no era mi intención rebatir este documento modelo de perfidia y de falsedad pero que no podía menos de leerle el artículo 5, cuyo contenido debía alarmar a la Nación española al creer a estos hombres sostenidos por bayonetas de un Rey aliado a S.M. por vínculos de sangre... [35]. Я сказал, что в мои намерения не входило опровергать этот документ образцового вероломства и лжи, но я не мог не прочитать ему статью пятую, содержание которой должно встревожить испанский народ, как и вера этим людям, поддерживаемым штыками короля – союзника Его Величества, связанного с ним кровными узами...

Дополнительно отметим, пользуясь классификацией оценочных значений Н.Д. Арутюновой [41], что в дипломатических донесениях преимущественно фигурирует этическая и интеллектуальная оценка в отношении представителей государств, а также утилитарная и нормативная оценка. Представляется, что выбор соответствующих оценочных значений обусловлен спектром информации о стране пребывания дипломата, необходимой для передачи во внешнеполитическое министерство.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что с точки зрения функционально-прагматической направленности, в дипломатическом донесении реализуются информативная и персуазивная функции, границы которых стираются благодаря внедрению в текст средств прагматического фокусирования. Для авторов рассмотренных дипломатических документов второй половины XVIII – первой четверти XIX в. характерным являлось употребление дейксиса (указательных, притяжательных, неопределенных прилагательных) как способа демаркации «своих» и «чужих». Семантико-статистический анализ показал, что наибольшее количество дейктических средств в сочетании с другими лексемами, относящимися к семантической области «свой» (*nuestra América, nuestros territorios*) – 65,62% и области «чужой» (*aquel imperio, esta nación etc.*) – 55,42% сконцентрированы в документах, вербализующих тему возможного конфликта и соперничества

держав «Об отношении Испании к освоению русскими американского континента».

Указательное прилагательное *este*, используемое в рассмотренных контекстах без антецедента в качестве частичной субституции имен собственных, способствует фокусированию внимания адресата на существенных с точки зрения адресанта отрезках текста и имплицитно дистанцирование последнего от объекта высказывания (другого государства и его правителей и т.п.).

Значимую роль в аспекте прагматического фокусирования занимает лексическая оценка, которая способствует формированию у адресата дипломатического донесения предопределенного адресантом образа другой страны. Исследование показало, что дипломаты использовали экспрессивно-оценочную лексику для убеждения своего руководства, с одной стороны, в экспансионистском характере политики Российской империи (*conquistas ventajosas, vastos proyectos de invasión*), а с другой, – в необходимости торгового взаимовыгодного сотрудничества (*los beneficios y ventajas, prosperidad que trae el Comercio*). Также аксиологически амбивалентным представляется портрет Екатерины II (*inteligencia y sabiduría, talentos superiores el amor propio y la vanagloria*).

Перспективным видится накопление нового материала и дальнейшая разработка проблематики воздействующего потенциала языковых средств в дипломатическом дискурсе различных исторических периодов.

Список источников

1. Беляков М.В. Семантико-семиотические аспекты дипломатического дискурса // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 1. С. 59–66.
2. Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев : Картя Молдовеняскэ, 1971. 219 с.
3. Волоскова А.В. Иноязычные слова в дипломатической терминологии начала XVIII века // Взаимодействие языков. Свердловск, 1969. С. 31–44.
4. Петрова М.А. Языковые практики российских и австрийских дипломатов во второй половине XVIII в. // Институт славяноведения РАН. ЦЭИ. 2019. Вып. 2 (11). С. 35–60.
5. Остапенко О.Г. Сравнительно-сопоставительный анализ дипломатической и административной терминологической лексики: на основе документов дипломатических контактов России и Англии XVI–XVII веков : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 160 с.
6. Похолкова Е.А., Альварес Солер А.А. Особенности перевода документов по историко-культурному наследию России в испанских архивах // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (793). С. 150–162.
7. Калинина И.Ю. Дипломатическая лексика как отражение испанско-русских взаимоотношений (на материале одного дипломатического документа XVIII в.) // Романские языки в прошлом и настоящем : сб. ст. к 80-летию профессора Тамары Александровны Репиной. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 54–63.
8. Диттрих А.Г. Современные области прагмалингвистических исследований // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 42–52.
9. Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов) : монография в документах / сост., под общ. ред. А.Ю. Петрова; ред.-сост. В.Н. Косторниченко. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2020. 248 с.

10. *Косторниченко В.Н.* Русская и Испанская Америка в XVIII веке: внешнеполитическая борьба за тихоокеанский фронт // Латинская Америка. 2020. № 11. С. 67–81.
11. *Нарочинский А.Л.* Испания 1808–1823 гг. глазами российских дипломатов // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 41–52.
12. *Ирхин Ю.В.* Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 128–143.
13. *Кравец Т.Н.* Дискурсивные особенности современной дипломатической коммуникации // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова. 2017. Т. 12, № 5. С. 54–63.
14. Informe sobre los Descubrimientos de los Rusos en las Costas de la América en las expediciones hechas en el Mar Pacífico desde Kamtschatka, San Petersburgo, 7 de octubre de 1761. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.
15. *Кожетева А.С.* Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса: на материале вербальных нот : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 193 с.
16. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
17. Informe del enviado español a Rusia, conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, marqués de Grimaldi, sobre los descubrimientos rusos en América, San Petersburgo, 19/8 de marzo de 1773. Archivo General de Indias, Estado 86 B. 100.
18. *Терентий Л.М.* Интенциональная структура дипломатического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 447 с.
19. *Попов В.И.* Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство : курс лекций. 2-е изд., доп. М. : Междунар. отношения, 2004. 576 с.
20. Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy al secretario de Estado del gobierno español, Marqués de Grimaldi, referente a la exploración del territorio entre Kamchatka y América, San Petersburgo, febrero del 1773. Archivo General de Indias, Estado 20.1.
21. *Литвак Н.В.* Становление дипломатической службы как рефлексивного института: обоснование концепции : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2018. 370 с.
22. *Богданова О.А.* Цвето- и светообозначения как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 202 с.
23. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник. М. : Флинта: Наука, 2004. 496 с.
24. *Бюлер К.* Теория языка: репрезентативная функция языка / пер. с нем.; общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной; вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. 2-е изд. М. : Прогресс, 2000. 501 с.
25. *Безус С.Н.* Староиспанское деловое письмо: морфосинтаксический аспект. М. : РУСАЙНС, 2023. 156 с.
26. *Иванова С.В.* Дейктико-аксиологическая природа лингвокультурологической категории «свой – чужой» // Номо loquens в языке, культуре, познании : сб. науч. ст. к 70-летию профессора Б.З. Мuryсова. Ч. 1 / отв. ред. З.З. Чанышева: Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. С. 120–132.
27. *Матвеева А.А.* Дейксис как маркер категории «свой – чужой» // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С. 47–52.
28. *Никитина К.В.* Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США) : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 197 с.
29. *Van Dijk T.A.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. London : Sage, 1998. 390 p.
30. *Fowler R.* Language in the news. Discourse and Ideology in the Press. London ; New York : Routledge, 1991. 254 p.
31. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.

32. Петров А.Ю. К вопросу о противостоянии Российской империи и западных держав на тихоокеанском севере в XVIII в. // Евразийский ежегодник. 2024. № 2. С. 356–372.

33. Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones de la emperatriz rusa de continuar las conquistas en el continente americano, San Petersburgo, 30 de abril / 11 de mayo de 1773. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.

34. Carta № 64 del enviado español en Rusia, Conde Lacy, al secretario de Estado del Gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones del gobierno ruso de entrar en los territorios de China y Japón con las fuerzas armadas bajo el mando del general británico Lloyd, San Petersburgo, 26 de abril / 7 de mayo de 1773. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.

35. Borrador № 145 del despacho de Pedro Alcántara Argaiz, encargado de negocios de España en Rusia, a Evaristo Fernández San Miguel, secretario de Estado, San Petersburgo, 20 de octubre de 1822. Archivo Histórico Nacional, Estado 6. 132.

36. Carta № 108 del Encargado de Negocios en Rusia, Pedro Alcántara Argaiz, a Francisco Martínez de la Rosa, secretario de Estado, San Petersburgo, 27 de junio de 1822. Archivo General de Indias, Estado 90. 91.

37. Красавина О.Н. Употребление указательной группы в русском повествовательном дискурсе // Вопросы языкознания. 2004. Вып. 3. С. 51–68.

38. González-Pérez M.A. Dependencia contextual e interpretación: demostrativos y pronombres en español. Tesis doctoral. The Ohio State University, 2010. 202 p.

39. Nota del Cónsul español en Rusia Antonio de Colombi sobre el comercio con Rusia, Madrid, 14 de enero de 1792. Archivo Histórico Nacional, Estado 4691.

40. Informe del cónsul Antonio de Colombi al secretario de Estado del Gobierno español, Conde Floridablanca José Monino y Redondo sobre el carácter y sujetos que gobiernan el Imperio Ruso, sobre el comercio con Rusia y cómo fomentarlo, sobre el estado civil, político y militar de Rusia, su población, sus rentas y gastos ordinarios y las deudas que ha contraído con motivo de sus últimas guerras. San Petersburgo, 14 de enero de 1792. Archivo Histórico Nacional, Estado 4631.

41. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

References

1. Belyakov, M.V. (2011) Semantiko-semioticheskie aspekty diplomaticheskogo diskursa [Semantico-semiotic aspects of diplomatic discourse]. *Vestnik RUDN, seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 1. pp. 59–66.

2. Sergeev, F.P. (1971) *Russkaya diplomaticheskaya terminologiya XI–XVII vv.* [Russian Diplomatic Terminology of the 11th–17th Centuries]. Chişinău: Kartia Moldoveniaske.

3. Voloskova, A.V. (1969) Inoyazychnye slova v diplomaticheskoy terminologii nachala XVIII veka [Foreign words in diplomatic terminology of the early 18th century]. In: *Vzaimodeystvie yazykov* [Language Interaction]. Sverdlovsk: [s.n.]. pp. 31–44.

4. Petrova, M.A. (2019) Yazykovye praktiki rossiyskikh i avstriyskikh diplomatov vo vtoroy polovine XVIII v. [Language practices of Russian and Austrian diplomats in the second half of the 18th century]. *Institut slavyanovedeniya RAN*. 2 (11). pp. 35–60.

5. Ostapenko, O.G. (2015) *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz diplomaticheskoy i administrativnoy terminologicheskoy leksiki: na osnove dokumentov diplomaticheskikh kontaktov Rossii i Anglii XVI–XVII vekov* [Comparative-contrastive analysis of diplomatic and administrative terminological lexicon: based on documents of diplomatic contacts between Russia and England in the 16th–17th centuries]. Philology Cand. Diss. Moscow.

6. Pokholkova, E.A. & Alvares Soler, A.A. (2018) Osobennosti perevoda dokumentov po istoricheskovo-kul'turnomu naslediyu Rossii v ispanskikh arkhivakh [Features of translation of

documents on Russia's historical-cultural heritage in Spanish archives]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 4 (793). pp. 150–162.

7. Kalinina, I.Yu. (2007) Diplomaticeskaya leksika kak otrazhenie ispansko-russkikh vzaimootnosheniy (na materiale odnogo diplomaticheskogo dokumenta XVIII v.) [Diplomatic lexicon as reflection of Spanish-Russian relations (based on one diplomatic document of the 18th century)]. In: *Romanskie yazyki v proshlom i nastoiashchem* [Romance Languages in the Past and Present]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Faculty of Philology. pp. 54–63.

8. Dittrich, A.G. (2023) Sovremennye oblasti pragmalingvisticheskikh issledovaniy [Modern areas of pragmalinguistic research]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki*. 4. pp. 42–52.

9. Petrov, A.Yu. (ed.) (2020) *Rossiya i Ispaniya na severo-zapade Ameriki vo vtoroy polovine XVIII veka (po materialam ispanskikh arkhivov)* [Russia and Spain in the Northwest of America in the Second Half of the 18th Century (Based on Spanish Archives Materials)]. Ryazan: Ryazan State University.

10. Kostornichenko, V.N. (2020) Russkaya i ispanskaya Amerika v XVIII veke: vneshnepoliticheskaya bor'ba za tikhookeanskiy frontir [Russian and Spanish America in the 18th century: geopolitical struggle for the Pacific frontier]. *Latinskaya Amerika*. 11. pp. 67–81.

11. Narochnitskiy, A.L. (1988) Ispaniya 1808–1823 gg. glazami rossiyskikh diplomatov [Spain 1808–1823 through the Eyes of Russian Diplomats]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 41–52.

12. Irkhin, Iu.V. (2014) Diskurs-analiz: sushchnost', podkhody, metodologiya, proektirovanie [Discourse analysis: essence, approaches, methodology, design]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 4. pp. 128–143.

13. Kravets, T.N. (2017) Diskursivnye osobennosti sovremennoy diplomaticheskoy kommunikatsii [Discursive features of modern diplomatic communication]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deiatel'nosti. Nizhegorodskiy gos. lingvisticheskii un-t im. N.A. Dobrolyubova*. 5 (12). pp. 54–63.

14. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. (1761) *Informe sobre los Descubrimientos de los Rusos en las Costas de la América en las expediciones hechas en el Mar Pacífico desde Kamtschatka. San Petersburgo, 7 de octubre de 1761.*

15. Kozhetova, A.S. (2012) *Lingvopragmaticheskie kharakteristiki diplomaticheskogo diskursa: na materiale verbal'nykh not* [Linguopragmatic characteristics of diplomatic discourse: based on verbal notes]. Philology Cand. Diss. Moscow.

16. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow: Gnozis.

17. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. (1773) *Informe del enviado español a Rusia, conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, marqués de Grimaldi, sobre los descubrimientos rusos en América, San Petersburgo, 19/8 de marzo de 1773.*

18. Terentiy, L.M. (2016) *Intentsional'naya struktura diplomaticheskogo diskursa* [Intentional Structure of Diplomatic Discourse]. Philology Dr. Diss. Moscow.

19. Popov, V.I. (2004) *Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika. Diplomatiya – nauka i iskusstvo* [Modern Diplomacy: Theory and Practice. Diplomacy – Science and Art]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

20. Archivo General de Indias, Estado 20.1. (1773) *Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy al secretario de Estado del gobierno español, Marqués de Grimaldi, referente a la exploración del territorio entre Kamchatka y América, San Petersburgo, febrero del 1773.*

21. Litvak, N.V. (2018) *Stanovlenie diplomaticheskoy sluzhby kak reflektivnogo instituta: obosnovanie kontseptsii* [Formation of the diplomatic service as a reflexive institution: justification of the concept]. Sociology Dr. Diss. Moscow.

22. Bogdanova, O.A. (1999) *Tsveto- i svetoookazaniya kak odna iz form pragmaticheskogo fokusirovaniya v strukture khudozhestvennogo teksta* [Color and light designations as one of the forms of pragmatic focusing in the structure of a literary text]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.

23. Babenko, L.G. & Kazarin, Iu.V. (2004) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika* [Linguistic Analysis of Literary Text. Theory and Practice]. Moscow: Flinta: Nauka.
24. Byuler, K. (2000) *Teoriya yazyka: reprezentativnaya funktsiya yazyka* [Theory of Language: Representative Function of Language]. Translated from German by T.V. Bulygina. 2nd ed. Moscow: Progress.
25. Bezus, S.N. (2023) *Staroispanское деловое письмо: морфосинтаксический аспект* [Old Spanish Business Letter: Morphosyntactic Aspect]. Moscow: RUSAYNS.
26. Ivanova, S.V. (2010) Deiktiko-aksiologicheskaya priroda lingvokul'turologicheskoy kategorii "svooy – chuzhooy" [Deictic-axiological nature of the linguocultural category "own – alien"]. In: Chanysheva, Z.Z. (ed.) *Homo loquens v yazyke, kul'ture, poznanii* [Homo Loquens in Language, Culture, Cognition]. Part 1. Ufa: Bashkir State University. pp. 120–132.
27. Matveeva, A.A. (2007) Deiksis kak marker kategorii "svooy – chuzhooy" [Deixis as a marker of the category "own – alien"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 13. pp. 47–52.
28. Nikitina, K.V. (2006) *Tekhnologii rechevoy manipulyatsii v politicheskom diskurse SMI (na materiale gazet SShA)* [Technologies of speech manipulation in the political discourse of mass media (based on us newspapers)]. Philology Cand. Diss. Ufa.
29. Dijk, T.A. van. (1998) *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage.
30. Fowler, R. (1991) *Language in the news. Discourse and Ideology in the Press*. London; New York: Routledge.
31. Wodak, R. (1997) *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics]. Translated from English and German by V.I. Karasik & N.N. Troshina. Volgograd: Peremena.
32. Petrov, A.Iu. (2024) K voprosu o protivostoyanii Rossiyskoy imperii i zapadnykh derzhav na tikhookeanskom severe v XVIII v. [On the confrontation between the Russian Empire and Western powers in the Pacific North in the 18th century]. *Evraziyskiy ezhegodnik*. 2. pp. 356–372.
33. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. (1773) *Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones de la emperatriz rusa de continuar las conquistas en el continente americano, San Petersburgo, 30 de abril / 11 de mayo de 1773*.
34. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. (1773) *Carta № 64 del enviado español en Rusia, Conde Lacy, al secretario de Estado del Gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones del gobierno ruso de entrar en los territorios de China y Japón con las fuerzas armadas bajo el mando del general británico Lloyd, San Petersburgo, 26 de abril / 7 de mayo de 1773*.
35. Archivo Histórico Nacional, Estado 6.132. (1822) *Borrador № 145 del despacho de Pedro Alcántara Argaiç, encargado de negocios de España en Rusia, a Evaristo Fernández San Miguel, secretario de Estado, San Petersburgo, 20 de octubre de 1822*.
36. Archivo General de Indias, Estado 90. 91. (1822) *Carta № 108 del Encargado de Negocios en Rusia, Pedro Alcántara Argaiç, a Francisco Martínez de la Rosa, secretario de Estado, San Petersburgo, 27 de junio de 1822*.
37. Krasavina, O.N. (2004) Upotreblenie ukazatel'noy gruppy v russkom povestvovatel'nom diskurse [Use of the demonstrative group in Russian narrative discourse]. *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 51–68.
38. González-Pérez, M.A. (2010) *Dependencia contextual e interpretación: demostrativos y pronombres en español* [Contextual dependence and interpretation: demonstratives and pronouns in Spanish]. Doctoral Thesis. Columbus, Ohio.
39. Archivo Histórico Nacional, Estado 4691. (1792) *Nota del Cónsul español en Rusia Antonio de Colombi sobre el comercio con Rusia, Madrid, 14 de enero de 1792*.
40. Archivo Histórico Nacional, Estado 4631. (1792) *Informe del cónsul Antonio de Colombi al secretario de Estado del Gobierno español, Conde Floridablanca José Monino y*

Redondo sobre el carácter y sujetos que gobiernan el Imperio Ruso, sobre el comercio con Rusia y cómo fomentarlo, sobre el estado civil, político y militar de Rusia, su población, sus rentas y gastos ordinarios y las deudas que ha contraído con motivo de sus últimas guerras, San Petersburgo, 14 de enero de 1792.

41. Arutyunova, N.D. (1988) *Типы языковых значений: Оценки. События. Факты* [Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Нешкес О.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: nesh_86@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Neshkes, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nesh_86@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2024;
одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 07.11.2024;
approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья
УДК 81:001.12/.18
doi: 10.17223/19986645/98/8

Особенности структуры и реализации коммуникативной толерантности (на примере комментариев на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам)

Виктория Ивановна Тармаева¹, Валентин Сергеевич Нарчук²

¹ *Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия, vitarmaeva@gmail.com*
² *Издательский дом «Восточная Сибирь», Красноярск, Россия, val50993@gmail.com*

Аннотация. На основе комментариев на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам, авторами рассмотрена толерантность как стратегия, способствующая эффективному достижению коммуникативной цели. Выделена когнитивная структура толерантности, которая включает в себя изначальную интолерантность; собеседников, воспринимаемых друг другом как представителей разных полюсов оппозиции «свой–чужой»; убеждения собеседников, их мнения и установки, относящиеся к внутренней когнитивной информации, а также более общие знания о конструировании толерантного общения; способы конструирования отношения толерантности как средства гармонизации / уравнивания оппозиции «свой–чужой».

Ключевые слова: толерантность, коммуникативная стратегия, социальные сети, лингвопрагматика, когнитивная структура

Для цитирования: Тармаева В.И., Нарчук В.С. Особенности структуры и реализации коммуникативной толерантности (на примере комментариев на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 141–158. doi: 10.17223/19986645/98/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/8

Structure and expression features of communicative tolerance (based on comments on social media pages dedicated to mixed martial arts)

Victoria I. Tarmaeva¹, Valentin S. Narchuk²

¹ *Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, vitarmaeva@gmail.com*
² *Vostochnaya Sibir' publishing house, Krasnoyarsk, Russian Federation, val50993@gmail.com*

Abstract. This article aims to examine the structure of communicative tolerance in the comments on social media pages dedicated to mixed martial arts. The object of research is the communicative tolerance in the comments of users of social media pages dedicated to mixed martial arts. The research focuses on the structure of communicative

tolerance and the ways it is expressed in comments on social media pages dedicated to mixed martial arts. The study materials are 11,000 comments on the public pages that are dedicated to combat sports from 2017 to 2021. The process of interpreting messages on social media pages dedicated to mixed martial arts is reflected in the "Friend-Foe" opposition. Tolerance can exist precisely in the presence of the "Friend-Foe" opposition. Communicative tolerance, being a relative concept, can only be understood through comparison with intolerance. It implies the reconciliation of different views in the "Friend-Foe" opposition. From the perspective of linguopragmatics tolerance can be defined as a communicative strategy that contributes to the effective achievement of the communicative goal by overcoming the initial negative intentions of the addresser or mitigating the expressed negative evaluation. The pragmatic task of communicative tolerance is to downplay implicit linguistic aggression or to soften an explicitly negative assessment. To confirm this definition of tolerance, the authors found out that social media users change their evaluation in the comments in accordance with the opinion of the majority of the page's subscribers, even if this opinion came from representatives of the "other" camp (fans of other fighters). Thus, social media users avoid conflicts with the majority of the subscribers of the pages dedicated to mixed martial arts. The authors also developed a cognitive structure of tolerance, or the mental image of the situation defined as a manifestation of communicative tolerance. Intolerance towards "others" generates dissonance, since linguistic and behavioral norms prescribe tolerant interaction between people. It is argued that intolerance can be the initial stage in the manifestation of tolerance. Trolling and flaming can serve as an attempt to get out of the dissonance generated by intolerance with the help of a specific form of internet communication. The cognitive structure of tolerance includes the initial condition of the emergence of tolerance (initial intolerance); interlocutors that are perceived by each other as the representatives of different poles of the "Friend-Foe" opposition; beliefs of interlocutors, their opinions and attitudes pertaining to internal cognitive information, as well as the general knowledge about the construction of tolerant communication; and the methods of constructing a tolerant attitude as a means of harmonization/balancing the specified binary opposition ("Friend-Foe" opposition).

Keywords: tolerance, communicative strategy, social media, linguopragmatics, cognitive structure

For citation: Tarmaeva, V.I. & Narchuk, V.S. (2025) Structural and implementation features of communicative tolerance (based on the comments on social media pages dedicated to mixed martial arts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 141–158. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/8

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью коммуникативной среды социальных сетей, в частности спортивного блока, посвященного смешанным единоборствам. Комментарии на спортивных новостных страницах в социальных сетях не рассматривались лингвистами с точки зрения особенностей структуры и реализации коммуникативной категории толерантности, не становились объектом исследования диссертационных исследований. При этом социальным сетям характерно широкое использование всех возможностей современных информационных технологий. Как представляется, они выступают в качестве модели организации мирового информационного пространства. Из этого следует,

что проблема выстраивания толерантных отношений между пользователями социальных сетей будет оставаться актуальной.

Объектом исследования является коммуникативная толерантность в комментариях пользователей социальных сетей, посвященных смешанным единоборствам. Предметом исследования выступают особенности структуры и способы реализации коммуникативной толерантности в комментариях пользователей новостных страниц социальных сетей, посвященных смешанным единоборствам. Материалом для исследования послужили 11 тыс. комментариев к новостным публикациям на данных страницах, периода 2017–2021 гг. (комментарии представлены в авторском виде).

Цель работы – выявление когнитивной структуры толерантности на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам.

Поставленная цель требует решения ряда задач:

- 1) описать толерантность как коммуникативную категорию, определяющую и организующую процесс речевого общения;
- 2) рассмотреть интолерантность как условие возникновения речевой толерантности в рамках оппозиции «свой–чужой»;
- 3) описать толерантность как стратегию, функционально обеспечивающую эффективность коммуникации;
- 4) провести анализ когнитивной структуры коммуникативной толерантности.

Гипотеза данного исследования состоит в следующем: мы предполагаем, что когнитивная структура толерантности формируется в процессе общения между собеседниками, которые воспринимают друг друга в рамках оппозиции «свой–чужой». В рамках этой структуры интолерантность будет выступать исходным условием для возникновения толерантного отношения. Когнитивная структура толерантности также будет включать в себя личные убеждения, установки и знания собеседников, а также конкретные способы конструирования толерантности, направленные на гармонизацию оппозиции «свой–чужой».

Рассматривая коммуникативные категории, участвующие в организации и (или) регулировании коммуникативного процесса, исследователи понимают под ними категории речевого общения, которые влияют на процесс коммуникации тем или иным способом: организуют и регулируют речевое общение, отражают представления участников коммуникации об основных правилах ее осуществления. Основной признак коммуникативных категорий – роль и степень участия категорий в коммуникативном процессе – представляет собой функциональный признак [1, 2]. Коммуникативная категория толерантности определяет процесс речевого общения, являясь непосредственно организатором коммуникативного процесса, оказывает существенное воздействие на формирование коммуникативной структуры речевого дискурса, определяет характер протекания речевого общения и имеет полярный член [2–5].

Толерантность как коммуникативная категория характеризуется её диалогическим характером, т.е. данная коммуникативная категория оказыва-

ется востребованной субъектом для его взаимодействия с другими субъектами [3, 4, 6]. Поскольку коммуникативные категории не только организуют и регулируют речевое общение, но и отражают представления участников коммуникации об основных правилах ее осуществления, то следует рассматривать толерантность в качестве стратегии речевого поведения, подразумевающей поиск компромисса и предупреждение конфликтов [7, 8]. Толерантность как коммуникативная стратегия представляет собой «некую общую инструкцию для каждой конкретной ситуации интерпретации», что характеризует коммуникативную стратегию согласно Т.А. ван Дейку [9. С. 274].

Осуществляемый нами подход к исследованию коммуникативной толерантности актуализирует основные положения когнитивной модели коммуникации Т.А. ван Дейка, в соответствии с которой «когнитивная модель обработки текстово-речевых материалов или дискурса направлена на выяснение природы ментального образа ситуации» (как называет их сам автор концепции), «необходимого в качестве основы интерпретации текста, а также отвечает на вопросы, каким образом данные ситуационные модели функционируют и как они изменяются» [9. С. 103]. В результате нами была разработана когнитивная структура толерантности, или ментальный образ ситуации, определяемая как проявление коммуникативной толерантности.

Пытаясь обновить понятие толерантности, в 2020 г. группа шведских исследователей определила её как ценностную ориентацию на различие. Были определены три выражения толерантности: принятие, уважение и признание разнообразия [10. Р. 103]. Эти определения выведены на основе исследования немецкого философа Райнера Форста [11], согласно которому существуют разные виды толерантности, каждый из которых может присутствовать в обществе одновременно. Первый и второй виды толерантности по Форсту родственны тем, что толерантность рассматривается как «разрешительное» [11] отношение между различными группами: группы «своих» и «чужих» не мешают друг другу, принимая сосуществование друг друга. Разница между первой и второй концепцией толерантности зависит от устройства общества. В первой концепции Р. Форста группы обладают неравной властью, т.е. в обществе существует явное большинство, которое может толерантно относиться к меньшинству. В нашем исследовании неравная власть групп не имеет значения для определения толерантности. В среде боевых видов спорта большинством будут являться зрители-фанаты различных бойцов, но администраторы / редакторы публичных страниц будут обладать большой властью (способностью удалять комментарии пользователей). Таким образом, данному исследованию подходит второй вариант концепции толерантности Р. Форста, в котором силы разных групп примерно равны. Для второго определения толерантности важно объединение различных структур общества. Таким образом, основным выражением толерантности было признано принятие различий между группами и их сосуществование [10. Р. 104].

Стоит отметить, что характер речевого общения в социальных сетях зависит от принадлежности коммуникаторов к той или иной группе в соответ-

ствии с оппозицией «свой–чужой», которая определяет форму речевого взаимодействия, процесс восприятия и интерпретации сообщений коммуникаторами на страницах, посвященных смешанным единоборствам. В основе коммуникации в интернете лежит интерактивность, т.е. постоянная способность и готовность войти в диалог [12. С. 20]. Интерактивность позволяет получить моментальную реакцию на публикации в интернете [13. С. 61]. В современном мире присутствуют все возможные факторы разделения на «своих» и «чужих», в том числе и разделение на «своих» и «чужих» среди спортивных фанатов, что делает оппозицию многоаспектной, неустойчивой и ситуативной. Спортивная среда определяется соперничающим отношением фанатов разных команд и спортсменов друг к другу. Это выражается и в речи спортивных фанатов, которая часто не соответствует принципам коммуникативной толерантности. Фанаты спорта используют оскорбительную лексику для того, чтобы задеть своих оппонентов по дискуссии [14].

Толерантность может возникнуть именно при наличии «своего» и «чужого». Коммуникативная толерантность, как понятие относительное, может быть познано только через сопоставление со своим антиподом – интолерантностью и предполагает согласование «своего» и «чужого».

Стратегии в лингвопрагматике

Любая коммуникация носит стратегический характер, даже когда она осуществляется автоматически, без осознания стратегии. В соответствии с Т.А. ван Дейком стратегия представляет собой «общую организацию некоторой последовательности действий и включает цель или цели взаимодействия» [9. С. 124]. По О.С. Иссерс стратегия представляет собой когнитивный план общения, с помощью которого контролируется принятие оптимального решения коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера [15. С. 100].

С позиций прагмалингвистического подхода стратегия определяется как «совокупность речевых действий» [16. С. 58], «цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [17. С. 192]. По степени функциональной значимости стратегии делятся на общие (наиболее значимые) и вспомогательные (способствующие эффективной организации взаимодействия) [15. С. 106].

Рассматриваемая нами коммуникативная толерантность, согласно классификации стратегий О.С. Иссерс, выступает в качестве коммуникативной стратегии, функционально обеспечивающей бесконфликтное достижение коммуникативной цели – общения, и способствует эффективности коммуникации. Толерантность используется в процессе речевого общения «в соответствии с принципом кооперации для установления реальных или мнимых гармоничных межличностных отношений и поддержания коммуникативного баланса между собеседниками» [18. С. 10].

Проявление толерантности связано с преодолением негативной оценки к чужому и проявляется как осознание всей ситуации в целом, определяет

направление развития и организацию воздействия в интересах достижения цели общения – предотвращению конфликтов и достижению эффективности коммуникации. Следуя градации О.С. Иссерс [15, С. 106], мы можем отнести толерантность к вспомогательной прагматической стратегии, способствующей изменению модели восприятия ситуации адресатом. Толерантность как коммуникативная стратегия призвана обеспечить комфортную коммуникацию, проявляющуюся в стремлении найти с «чужим» компромисс.

Если рассматривать понятие толерантности в рамках аксиологии, коммуникативная толерантность проявляется как ценностно-позитивный феномен. Это исходит из положения о том, что категории оппозиции «свой–чужой», «свойственность» и «чуждость» наделяются как положительной, так и отрицательной оценочностью, а именно оценочной моделью «свое – хорошо, чужое – плохо». Поскольку человеку присуще воспринимать «свое» как естественное, правильное, нормальное и, наоборот, «чужое» как неестественное, ненормальное, неправильное [19. С. 6].

Трансформация оценочности в оппозиции «свой–чужой» в социальных сетях

Поскольку толерантность проявляется у субъекта при трансформации отношения «чужой» на «свой», модель «свой значит хороший, чужой значит плохой» теряет свою универсальность. «Чужой» начинает наделяться положительной оценкой при проявлении толерантности. Мы можем увидеть подобный пример в следующем комментарии: автор обозначает «своего» бойца (на что указывает выражение *Я за Регбиста*, демонстрирующее поддержку спортсмена по прозвищу «Регбист»). Затем комментатор наделяет «чужого» бойца положительными качествами, демонстрируя свое уважение к нему (*но стоит признать Тарасов достоин уважения*) и оправдывая его перед остальными участниками диалога в социальной сети:

«Я канешно за Регбиста в его бою с Артемом, но стоит признать тарасов достоин уважения. Один пришел на пресуху в топ дог и держался достойно, хотя ему задавали периодически провакационные вопросы, и провоцировали. Нормальный пацан Артем, че так ненавидите то его?» (страница «Best of MMA»).

Чужой перестает считаться «чужим» при позиционировании субъектом толерантности и трансформируется в следующие виды отношений:

1) «Другой». В случае подобного отношения подписчики страницы, посвященной боевым видам спорта, признают, что являются антифанатами определенных бойцов (на это указывают следующие выражения в данных комментариях: *хоть я считаю нытиком; хоть Сехудо мне не нравится; хоть я и Диаса не люблю*). При этом комментаторы отмечают заслуги «чужих» бойцов, отмечая их спортивные результаты (*но надо признать что он на голову выше!*), либо правоту в отдельных ситуациях (*но он прав*). Также

комментатор признает правоту фаната бойца Джона Джонса (*но тут ты прав на все сто*):

«хоть я считаю Джонса нытиком, но тут ты прав на все сто. Он разносил всех и вся и делал это очень зрелищно» (страница «My Life is MMA»);

«Хоть Сехудо мне не нравится, но он прав» (страница «Best of MMA»);

«...хоть я и Диаса не люблю, но надо признать что он на голову выше!» (страница «Best of MMA»).

Ниже приводятся другие примеры – комментарии авторов, которые по-прежнему признают, что не являются фанатами определенных бойцов, но комментаторами выражается смягченная или нейтральная оценка этих бойцов как спортсменов в целом, а также выражается признание в правоте бойцов в отдельных ситуациях либо высказываниях. Автор следующего комментария выражает толерантность к Камару Усману, фанатом которого он не является (что подчеркивает фраза *хоть я не фанат Усмана*). Далее комментатор признает частоту выхода этого спортсмена на поединки и ставит ему это в заслугу (*но регулярно дерется только он*).

«Правильно все сказал, хоть я не фанат Усмана, но в этом дивизионе дерется регулярно только он, а претенденты сидят ждут своей очереди, ради приличия пусть Колби пройдет того же Висенте Люке» (страница «Best of MMA»).

Следующие комментаторы также не являются фанатами Камару Усмана (что показывают выражения *хоть и хочется его подвинуть, хоть я и за хорке*). Но затем они признают спортивные достижения Усмана, используя комплименты, и призывают уважать его успехи:

«Хоть и хочется его подвинуть, но стоит признать на данный момент самый доминирующий чемпион» (страница «Best of MMA»);

«ну Усман ваще зверь, время контроля со стороны соперника это же просто уникам, хоть я и за хорке но стоит уважать камару» (страница «Best of MMA»).

В нижеприведенном примере фанаты бойца Конора МакГрегора (на что указывают высказывания *я хоть и фанат Конора* и *Хоть я его фанат*) признают спортивные достижения его соперников – Макса Холлоуэя, в отношении которого используется комплимент, и Хабиба Нурмагомедова, чью победу признает подписчик:

«я хоть и фанат Конора, но Макс по праву является величайшим полулегковесом в истории. И как бы не хотелось этого признавать, но в полулегком нынешний Макс сожрет Конора с потрохами» (страница «Best of MMA»);

«разве я оправдываю конора ? Хоть я его фанат, но Хабиб был сильнее в ту ночь и это факт» (страница «Best of MMA»).

В следующем комментарии пользователь, болеющий за бойца Умара Нурмагомедова (*больше за Умара*), признает превосходство его соперника:

«мне больше Мераб понравился по сумме всего боя! Может Умару рано его было давать, я не фанат Мераба, больше за Умара но какой то он сырой был» (страница «Best of MMA»).

2) «Друг». В случае подобного отношения подписчики страницы, посвященной боевым видам спорта, меняют свою нейтральную или негативную оценку спортсменов на положительную, уже не выделяя того факта, что в целом они не являются фанатами оцененного ими бойца.

В следующем примере комментатор отмечает изменение своего отношения к бойцу Колбу Ковингтону с нейтрального на положительное, прямо говоря об этом:

«Раньше скорее нейтрально относился к Колби, а теперь прям вызывает симпатию» (страница «Best of MMA»).

Следующий подписчик страницы «Best of MMA» напрямую подчеркнул изменившуюся (*всегда нейтрально, но щас зауважал*) оценку бойца Джастина Гейджи после того, как тот объявил о продаже своих вещей для благотворительности. Эта новость вызвала положительные комментарии от сообщества зрителей ММА (*Человечище, сильно*), в том числе влияя на их общую оценку этого бойца:

«Всегда нейтрально относился к нему, но щас зауважал» (страница «Best of MMA»).

Оценочность при этом изменяется: возникающее отношение к «другому», как показывает анализ, приобретает смягченную эксплицитную отрицательную или нейтральную оценку, а к «другу» – положительную оценку. Необходимо отметить, что во всех трех случаях изменения негативной оценочности толерантность проявляется как соблюдение приличий, языковых и речеповеденческих норм и ориентация на кооперацию, вежливость. Все вышеуказанные примеры демонстрировали нам изменение оценки в соответствии с мнением большинства пользователей, даже если это мнение представителей «другого» лагеря (фанатов других бойцов). Таким образом, даже пользователи, не являющиеся фанатами бойцов, чье поведение воспринималось большинством подписчиков данных страниц в положительном свете, не вступали в конфликт с «чужим» лагерем. Тем не менее, утверждать, что возникающее эксплицитное толерантное отношение у субъекта носит искренний характер, не представляется возможным.

Таким образом, прагматическая задача коммуникативной толерантности заключается в ретушировании имплицитной языковой агрессии или смягчении эксплицируемой негативной оценки. Так, мы можем говорить об имплицитной интолерантности, которая может быть скрыта таким образом, чтобы не вызвать резко отрицательную реакцию со стороны «других» или нейтральных участников общения, не спровоцировать агрессию и добиться поставленной цели. В этом случае субъект интолерантности стремится скрыть свое интолерантное негативное отношение и представить это неприятие в «дозированном», предусмотренном нормами языка виде. Речь идет об имплицитной интолерантности, проявляемой в форме коммуникативной толерантности.

Иными словами, толерантность, с одной стороны, проявляется как стратегия вуалирования, которая позволяет притушить, сделать менее очевидным неприятие иного взгляда. С другой стороны, толерантность выступает

в качестве переходного состояния [20. С. 257] от конфликта (эксплицитной интолерантности), который может вылиться в насилие, к взаимопониманию и сотрудничеству.

Проявление толерантности происходит в соответствии с толерантной интенцией, под которой мы понимаем намерение адресанта выразить толерантно-значимый смысл с помощью различных языковых средств. Использование таких средств приводит к желаемому результату – созданию комфортной атмосферы общения в социальных сетях в соответствии с внешним проявлением принципа кооперации. В зависимости от ситуации общения, социального статуса собеседников и интенции адресанта способы выражения могут быть различными [21].

В соответствии со стратегией толерантности говорящий накладывает определенные ограничения на выражаемое содержание, коммуникативные ходы, языковое оформление. Движущей силой коммуникативного акта на пути к поставленной говорящим цели выступает интенция (= коммуникативное намерение) [22. С. 19]. Интенция выступает способом превращения коммуникативной стратегии в коммуникативную тактику [22. С. 19]. Здесь необходимо отметить, что интенция может носить скрытый и манифестируемый характер.

Вслед за А.В. Радюк, выделяющей функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик, мы утверждаем, что коммуникативная толерантность и тактики, посредством которых она реализуется, обнаруживают такие функционально-прагматические свойства, как:

- целенаправленность и интенциональность, поскольку коммуникант имеет интенцию реализовать цель – общение – в процессе взаимодействия;
- гибкость, так как преобразование смысла в языковую форму представляет собой подстройку под конкретную коммуникативную ситуацию;
- эффективность, поскольку усилия коммуниканта направлены на успешную коммуникацию, которой также способствуют кооперация и компромисс [21].

В качестве конституирующих признаков коммуникативной толерантности выступает ее когнитивная природа. Стратегии принято рассматривать как когнитивные инструменты интерпретации дискурса [23].

Таким образом, с точки зрения лингвистической прагматики толерантность является коммуникативной стратегией, способствующей эффективному достижению коммуникативной цели путем преодоления исходных негативных интенций адресанта или смягчения эксплицируемой отрицательной оценки. Толерантность как коммуникативная стратегия призвана обеспечить комфортную коммуникацию, проявляющуюся в стремлении найти с «чужим» компромисс. На страницах, посвященных смешанным единборствам, чужой перестает считаться «чужим» при позиционировании субъектом толерантности и трансформируется в «другого» и «друга».

Когнитивная структура толерантности

Анализируя условия появления толерантности, интолерантность, как представляется, может рассматриваться в качестве модели психосоциального диссонанса [24. С. 17].

Психосоциальный диссонанс проявляется как несоответствие представлений субъектов взаимодействия приличиям, языковым и речеповеденческим нормам, которые сформировались в определенной среде социального взаимодействия данных субъектов. В результате между субъектами возникает психическая напряженность, приводящая либо к сотрудничеству, либо к противопоставлению субъектов взаимодействия, которое может повлечь за собой комплексы, стрессы и психосоматические расстройства [25. С. 105].

Итак, интолерантность, как эксплицитная, так и имплицитная, проявляемая к чужому, порождает диссонанс, поскольку в соответствии с приличиями, языковыми и речеповеденческими нормами предусматривается толерантное взаимодействие между субъектами. Согласно теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, «возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь гармонии». Более того, в случае возникновения диссонанса, индивид будет стремиться к его уменьшению [26. С. 19]. Соответственно, диссонанс можно определять как исходное условие, приводящее к действиям, направленным на его уменьшение. Так, «когда диссонанс возникает между когнитивным элементом, относящимся к знанию относительно окружающей среды, и поведенческим когнитивным элементом, то он может быть устранен <...> посредством изменения поведенческого элемента таким образом, чтобы он стал консонантным (толерантным – в нашем случае) с элементом среды» [26. С. 34].

Для примера подобного изменения поведения можно выделить следующий диалог в социальной сети. Комментатор выделил недостатки бойца Конора МакГрегора, заявившего о своем возвращении в спорт:

«2 пути: избить старика и заявить о величии или выйти против околота и уснуть в 1-2 раунде» (страница «Best of MMA»).

Один из фанатов бойца задает уточняющий вопрос, показывая свое несогласие с такой точкой зрения:

«и часто ли Конор засыпал в 1-2 раунде, или вообще в каком-либо раунде?» (страница «Best of MMA»).

Получив ответ от другого комментатора, фанат Конора МакГрегора вновь повторяет уточняющий вопрос (*а засыпал когда?*):

«выдыхался после 1-2 уже»;

«выдыхался, а засыпал когда?» (страница «Best of MMA»).

Уточняющие вопросы заставляют других пользователей согласиться с фанатом бойца, либо прояснить свою точку зрения (*не значит в буквальном смысле*):

«пока не засыпал»;

«Что он засыпает не значит в буквальном смысле, а речь про то, что проигрывает все бои подряд»;

«он никогда не засыпал, ты прав» (страница «Best of MMA»).

Необходимо отметить, что изменение речевого поведения субъектов в социальных сетях в пользу толерантности может противоречить их установкам, когда проявление ими толерантного отношения не имеет ничего общего с их истинными интолерантными воззрениями. Это, в соответствии с Л. Фестингером, «сопровождается в психологическом плане возникновением диссонанса, а вслед за ним – разнообразных проявлений стремления к его уменьшению» [26. С. 92]. Одними из таких форм снятия «напряжения», вызванного несоответствием интолерантной установки субъекта и необходимостью проявления вынужденного толерантного поведения, как представляется, выступают троллинг и флейминг, когда субъект прибегает к игровой стратегии. В данном случае уменьшение имплицитной интолерантности осуществляется с помощью:

1) троллинга = выкладывания в социальных сетях провокационных комментариев с целью вовлечения собеседников в коммуникативную игру [27. С. 187],

а также

2) флейминга = использования диалога, смыслом которого является полемический процесс, иными словами, спор ради общения, выполняющий фатическую функцию [28. С. 114], поскольку завязавшийся спорный разговор характеризуется нулевой информативностью.

В следующем примере тролль-комментария использован прием насмешки, которым тролль пытается показать, насколько унижительным является поражение бойца (*Проиграл деду*):

«Лучший тяж в истории говорили они... Проиграл деду который выступает на несколько весовых ниже)))» (Страница «Best of MMA»).

Провокационный комментарий вызвал следующую реакцию подписчиков страницы «Best of MMA», использовавших прием обвинения и снятия ответственности с помощью обращения к авторитетному источнику:

«Федя в бою весил 103к, Хендо 97кг ростом примерно одинаковые 182 181. А возраст чепуха это все! Да и бои равный был! Сам Хендо тоже в нокдаун ушел во время боя! А у вас есть супертяж? Высокого уровня? Так что закрой свои грязный рот провакатор!!!»;

«В смысле? Но так считает весь мир смешанных единоборств, посмотри интервью бойцов, лучших в мире, все они говорят что Федя, величайшей! И журналисты тоже такого мнения» (Страница «Best of MMA»).

Таким образом, мы можем утверждать, что интолерантность может выступать в качестве начальной стадии проявления коммуникативной толерантности. Троллинг и флейминг могут служить попыткой выхода из диссонанса, порожденного интолерантностью, с помощью игровой формы, специфической для коммуникации в интернете. Комментаторы, использующие

троллинг, не стремятся согласовывать позиции с окружающими, чтобы прийти к толерантности.

Можно констатировать, что когнитивная структура толерантности, или ментальный образ ситуации, определяемой как проявление коммуникативной толерантности, включает в себя несколько компонентов: условие возникновения отношения толерантности (изначальная интолерантность); собеседников, которые воспринимают друг друга как представителей разных полюсов оппозиции «свой–чужой»; убеждения собеседников, их мнения и установки, относящиеся к внутренней когнитивной информации, а также более общие знания о конструировании толерантного общения (такую информацию, согласно мнению Т.А. ван Дейка и В. Кинча, можно рассматривать в качестве «когнитивных предпосылок (presuppositions) конструирования когнитивной модели», в нашем случае, модели проявления коммуникативной толерантности); способы конструирования отношения толерантности как средства гармонизации / уравнивания оппозиции «свой–чужой».

В следующем примере можно увидеть, как реагируя на новость об анонсе следующего поединка польского бойца Яна Блаховича, один из комментаторов в социальной сети «ВКонтакте» обозначил свою интолерантность к нему:

*«Я надеюсь Мага **отправит его на пенсию. Ноль защит титула, а понтов будто 13 лет пояс защищал**»* (страница «Best of MMA»).

Подписчик из «чужого» лагеря зрителей спорта ответил на этот комментарий (выделив ошибку в комментарии *ноль защит титула*):

«одна защита есть» (страница «Best of MMA»).

Первый комментатор попытался защитить свои убеждения и продолжил принижать заслуги Блаховича:

«ну такая себе, формально есть. На деле нет» (страница «Best of MMA»).

Это вызвало ответный комментарий:

«В смысле?)) Вышел против одного из лучших на данный момент и защитил титул став первым кто его победил» (страница «Best of MMA»).

На каждый комментарий, направленный против Блаховича, первый комментатор получает ответные аргументы сообщества:

«Израиль вышел хз зачем без подготовки, набора веса, просто в 85 килограмм против 100-110, и тот просто лег на него и лежал 15 минут»;

«какой лежал? У Блаховича контроля минуты четыре пять всего. Он и в стойке его по статистике перебил и защищался прекрасно» (страница «Best of MMA»).

Диссонанс при продолжении диалога заставляет первого комментатора смягчить позицию, когда он задает вопрос собеседнику (*есть статистика боя?*) и начинает показывать первое согласие с аргументами сообщества (*ну не большое есть да*):

«есть статистика боя? На сколько Я помню там со второго раунда он просто лег на него, даже без акцентированной работы»;

*«по ацц ударам небольшое но **преимущество Блаховича**»;*

«ну не большое есть да. Учесть что дрался с тем кто легче на 10+ слабовато» (страница «Best of MMA»).

В итоге давление сообщества вынуждает первого комментатора сконструировать толерантный ответ:

«да какая разница кто сколько весил если это статистика по ударке и напротив тебя лучший ударник всех весовых на тот момент, который ещё и больше по антропометрии»;

«соглашусь с тобой. Я даже сказать как то не могу что было не так. Ты Меня убедил. Я даже бой пересмотрел» (страница «Best of MMA»).

Мы вслед за Т.А. ван Дейком и В. Кинчем полагаем, что собеседники в данном случае обладают тремя видами данных, а именно: информацией о самих событиях, обсуждаемых коммуникантами, информацией о ситуации или контексте (слушающий не просто воспринимает и пытается сконструировать свое представление об обсуждаемом событии в социальных сетях, но сопоставляет эту интерпретацию с представлением о том, что намеревался сказать ему говорящий) и информацией о когнитивных пресуппозициях [23].

Так, «говорящий принимает участие в социальном (в данном случае – речевом) акте, утверждающем что-то или предупреждающем слушателя о чем-то». Формы и интерпретации высказывания обусловлены функцией данного речевого акта. [23]. Т.А. ван Дейк и В. Кинч усматривают в этом прагматическое основание. «Одно из когнитивных следствий этого основания состоит, например, в том, что человек, интерпретирующий высказывание, конструирует также представление соответствующих речевых актов, приписывая определенную функцию или категорию действия речевому сообщению, а отсюда и говорящему» [23]. В этом случае слушатель оценивает высказывание собеседника с точки зрения его предназначенности к выполнению определенных прагматических функций: высказывание может быть прагматически приемлемо в качестве речевого акта, только если контекстуальные условия соответствуют некоторым текстуальным свойствам [23].

Соответственно, интерпретация высказывания «как определенного речевого акта (или серии речевых актов) является частью интерпретации взаимодействия участников коммуникации в целом. В процессе общения и у говорящего, и у слушающего есть свои мотивы, цели и намерения; то же самое относится и к другим действиям, осуществляемым в данной ситуации, с которыми связаны речевые действия. Отсюда следует, например, что представление события в памяти зависит от предположений слушающего о целях и других мотивациях говорящего, а также от собственных целей и мотиваций слушающего» [23].

Наконец, процесс взаимодействия участников коммуникации проявляется в качестве части социальной ситуации. Участники речевого общения могут исполнять определенные функции или роли; могут существовать различия в обстановке; могут иметь место особые правила, условия или стратегии, контролирующие взаимодействие в такой ситуации.

Таким образом, интолерантность, проявляемая к чужому, порождает диссонанс, поскольку языковые и поведенческие нормы предусматривают

толерантное взаимодействие между субъектами. Под давлением высказываний других участников сообщества пользователи социальных сетей могут менять свое поведение в сторону толерантного, несмотря на то, что их воззрения остаются прежними. Использование троллинга и флейминга может служить попыткой выхода из диссонанса, порожденного интолерантностью с помощью игровой формы, специфической для коммуникации в интернете.

В отношении дальнейших перспектив исследования плодотворным видится использование разработанных методик анализа коммуникативной толерантности в других сообществах социальных сетей. Ещё одно возможное направление – дальнейшее исследование коммуникативных тактик, используемых для реализации коммуникативной толерантности как стратегии, функционально обеспечивающей эффективность коммуникации.

Выводы

1. Характер речевого общения в социальных сетях зависит от принадлежности коммуникаторов к той или иной группе в соответствии с оппозицией «свой–чужой», которая определяет форму речевого взаимодействия, процесс восприятия и интерпретации сообщений коммуникаторами на страницах, посвященных смешанным единоборствам.

2. Коммуникативная толерантность выступает способом согласования «своего» и «чужого», которое проявляется посредством изменения отношения к чужому как объекту негативного отношения или интенциональной интолерантности на нейтральную или положительную оценочность, свойственную для отношения к «своему» вследствие совпадения аксиологических приоритетов коммуникантов, их психологических и эмоциональных установок.

3. Толерантность выступает коммуникативной стратегией, функционально способствующей эффективному достижению коммуникативной цели путем преодоления исходных негативных интенций адресанта или смягчения эксплицируемой отрицательной оценки.

4. Условием возникновения коммуникативной толерантности является ситуация эксплицитной интолерантности, изначально встроенная в отношения между собеседниками в соответствии с их принадлежностью к той или иной группе (сообществу) в социальных сетях.

5. Когнитивная структура толерантности включает в себя условие возникновения отношения толерантности (изначальную интолерантность), собеседников, воспринимаемых друг другом как представителей разных полюсов оппозиции «свой–чужой», убеждения собеседников, их мнения и установки, относящиеся к внутренней когнитивной информации, а также способы конструирования отношения толерантности как средства гармонизации / уравновешивания бинарной оппозиции «свой–чужой».

Список источников

1. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория / науч. ред. В.И. Шаховский. Волгоград : Перемена, 2010. 322 с.
2. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 213 с.
3. Шаповалова Т.А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 23 с.
4. Шамсутдинова Е.Ю. Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
5. Селютин А.А. Коммуникативная толерантность в виртуальном пространстве (на примере анализа текстов социальных сайтов) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 247 с.
6. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 293 с.
7. Романова Т.В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015. Т. 2, № 52. С. 39–49.
8. Фокина М.А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 2016. 24 с.
9. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. ; сост. В.В. Петрова ; под ред. В.И. Герасимова ; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М. : Прогресс, 1989. 300 с.
10. Hjerm M., Eger M.A., Bohman A., Fors Connolly F. A New Approach to the Study of Tolerance: Conceptualizing and Measuring Acceptance, Respect, and Appreciation of Difference // Social Indicators Research. 2020. № 147. P. 897–919.
11. Forst R. «Toleration» In The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2017 Edition / ed. by E.N. Zalta. 2017. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/toleration/> (дата обращения: 01.12.2021).
12. Кожеко А.В. Эпистолярные жанры интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостиллистический аспекты (на материале русскоязычных текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 320 с.
13. Чернышова Т.В., Чернышов Ю.Г. Интерпретирующая деятельность автора и адресата в современных СМИ (на материале онлайн-публикации газеты «Коммерсантъ») // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 60–72.
14. Tarmaeva V.I., Narchuk V.S. Trolling on social media pages dedicated to MMA // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. EpSBS. Vol. 97. TILTM 2020. Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication. P. 338–345. doi: 10.15405/epsbs.2020.12.02.45
15. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е. изд. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
16. Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. 2001. № 3. С. 56–65.
17. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
18. Ружникова О.М. Актуализация высказываний согласия в диалогическом дискурсе: на материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2004. 24 с.
19. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 28 с.

20. Перцев А.В. Толерантность как практическая философия педагогики / Н.Б. Бурковская, О.Б. Ионайтис, А.Г. Кислов и др. ; отв. ред. А.В. Перцев. Екатеринбург : Полиграфист, 2005. 360 с.

21. Радюк А.В. Кооперативные коммуникативные стратегии и тактики как средства гармонизации английского делового дискурса // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 236–239.

22. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 316 с.

23. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 153–212. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (дата обращения: 01.12.2021).

24. Васина В.В., Халитов Р.Г. Психосоциальный диссонанс и профилактика конфликтов // Социальный мир человека. Вып. 4 : материалы IV Всерос. конф. с междунар. участием «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций», Ижевск, 28–30 июня 2012 г. / под ред. Н.И. Леонова. Ижевск : ERGO, 2012. С. 16–19.

25. Васина В.В. Психология (психосоциальный диссонанс и фасилитация социального взаимодействия) инклюзии в культуре народов Поволжья // Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова. 2019. Т. 4, № 1 (13). С. 98–122.

26. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / [пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешевой]. М. : Издательство «Э», 2018. 256 с.

27. Абдуллина Л.Р., Артамонова Е.В. Особенности троллинга в интернет-комментариях к новостной статье (на материале французского языка) // Вестник ВятГУ. 2017. № 11. С. 185–188.

28. Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: Речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. № 2. С. 109–116.

References

1. Panchenko, N.N. (2010) *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Reliability as a Communicative Category]. Volgograd: Peremena.

2. Sternin, I.A. & Shilikhina, K.M. (2001) *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative Aspects of Tolerance]. Voronezh: Voronezh State University.

3. Shapovalova, T.A. (2013) *Kommunikativnaya kategoriya tolerantnosti i ee realizatsiya v sovremennom politicheskom diskurse* [Communicative category of tolerance and its realization in modern political discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

4. Shamsutdinova, E.Iu. (2006) *Tolerantnost' kak kommunikativnaya kategoriya (lingvisticheskiy i lingvodidakticheskiy aspekt)* [Tolerance as a communicative category (linguistic and linguodidactic aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

5. Selutin, A.A. (2009) *Kommunikativnaya tolerantnost' v virtual'nom prostranstve (na primere analiza tekstov sotsial'nykh saytov)* [Communicative tolerance in virtual space (based on analysis of social sites texts)]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

6. Chernyshova, T.V. (2005) *Teksty SMI v zerkale yazykovogo soznaniya adresata* [Mass Media Texts in the Mirror of the Addressee's Language Consciousness]. Barnaul: Altai State University.

7. Romanova, T.V. (2015) *Tolerantnost' i politicheskaya korrektnost': analiticheskiy obzor sovremennogo sostoyaniya problemy (lingvisticheskiy aspekt)* [Tolerance and political correctness: analytical review of the current state of the problem (linguistic aspect)]. *Politicheskaya lingvistika*. 52 (2). pp. 39–49.

8. Fokina, M.A. (2016) *Fenomen pretsedentnosti v rossiyskom politicheskom diskurse* [Phenomenon of precedentness in Russian political discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

9. van Dijk, T.A. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Moscow: Progress.

10. Hjern, M. et al. (2020) A new approach to the study of tolerance: conceptualizing and measuring acceptance, respect, and appreciation of difference. *Social Indicators Research*. 147. pp. 897–919.

11. Forst, R. (2017) Toleration. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2017 Edition*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/toleration/> (Accessed: 01.12.2021).

12. Kozheko, A.V. (2020) *Epistol'yarnye zhanry internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskiy i lingvostilisticheskiy aspekty (na materiale russkoyazychnykh tekstov)* [Epistolary genres of Internet communication: linguopragmatic and linguostylistic aspects (based on Russian-language texts)]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

13. Chernyshova, T.V. & Chernyshov, Yu.G. (2020) Interpretative activities of the author and the addressee in modern media (on the material of online publications of the komsomol newspaper). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 60–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/456/6

14. Tarmaeva, V.I. & Narchuk, V.S. (2020) Trolling on social media pages dedicated to MMA. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. EpSBS*. 97. pp. 338–345. doi: 10.15405/epsbs.2020.12.02.45

15. Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 5th ed. Moscow: Izdatel'stvo LKI.

16. Trufanova, I.V. (2001) O razgranichenii ponyatii: rechevoy akt, rechevoy zhanr, rechevaya strategiya, rechevaya taktika [On delineation of concepts: speech act, speech genre, speech strategy, speech tactic]. *Filologicheskie nauki*. 3. pp. 56–65.

17. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow: ITDGK "Gnozis".

18. Ruzhnikova, O.M. (2004) *Aktualizatsiya vyskazyvaniy soglasiya v dialogicheskom diskurse: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka* [Actualization of agreement utterances in dialogic discourse: based on modern English language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Arkhangelsk.

19. Alieva, T.V. (2013) *Yazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noy oppositsii "svoe – chuzhoy" v britanskoy politicheskoy diskurse* [Language means of realizing the conceptual opposition "own – alien" in British political discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

20. Peretsev, A.V. (2005) *Tolerantnost' kak prakticheskaya filosofiya pedagogiki* [Tolerance as a Practical Philosophy of Pedagogy]. Yekaterinburg: Poligrafist.

21. Radyuk, A.V. (2013) Kooperativnyye kommunikativnyye strategii i taktiki kak sredstva garmonizatsii angliyskogo delovogo diskursa [Cooperative communicative strategies and tactics as means of harmonizing English business discourse]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 1 (28). pp. 236–239.

22. Klyuev, E.V. (2002) *Rechevaya kommunikatsiya: uspehnost' rechevogo vzaimodeystviya* [Speech Communication: Success of Speech Interaction]. Moscow: RIPOL KLASSIK.

23. Dijk, T.A. van. & Kinch, V. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for understanding coherent text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Cognitive Aspects of Language]. Vol. 23. Moscow: Progress. pp. 153–212. [Online] Available from: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (Accessed: 01.12.2021).

24. Vasina, V.V. & Khalitov, R.G. (2012) [Psychosocial dissonance and conflict prevention]. *Sotsial'nyy mir cheloveka* [Social World of Man]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Vol. 4. Izhevsk. 28–30 June 2012. Izhevsk: ERGO. pp. 16–19. (In Russian).

25. Vasina, V.V. (2019) Psihologiya (psikhosotsial'nyy dissonans i fasilitatsiya sotsial'nogo vzaimodeystviya) inklyuzii v kulture narodov Povolzh'ya [Psychology (psychosocial dissonance and facilitation of social interaction) of inclusion in the culture of the Volga peoples]. *Inklyuziya v obrazovanii*. 1 (13). pp. 98–122.

26. Festinger, L. (2018) *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [A Theory of Cognitive Dissonance]. Translated from English by A. Anistratenko & I. Znaesheva. Moscow: Izdatel'stvo "E".

27. Abdullina, L.R. & Artamonova, E.V. (2017) Osobennosti trollinga v internet-kommentariyakh k novostnoy stat'e (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Features of trolling in Internet comments to a news article (based on French language)]. *Vestnik ViatGU*. 11. pp. 185–188.

28. Vorontsova, T.A. (2016) Trolling i fleyming: Rechevaya agressiya v internet-kommunikatsii [Trolling and flaming: speech aggression in Internet communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"*. 2. pp. 109–116.

Информация об авторах:

Тармаева В.И. – д-р филол. наук, ведущий специалист многопрофильного центра экспертиз, профессор Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия). E-mail: vitarmaeva@gmail.com

Нарчук В.С. – канд. филол. наук, редактор издательского дома «Восточная Сибирь» (Красноярск, Россия). E-mail: val50993@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Tarmaeva, Dr. Sci. (Philology), leading specialist of the multidisciplinary center of expert examination, professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: vitarmaeva@gmail.com

V.S. Narchuk, Cand. Sci. (Philology), editor, Vostochnaya Sibir' publishing house (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: val50993@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.08.2024;
одобрена после рецензирования 05.10.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*Статья поступила в редакцию 26.08.2024;
одобрена после рецензирования 05.10.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/98/9

Специфика пространственной структуры в прозе А.П. Чехова второй половины 1880-х гг.

Глеб Максимович Маматов¹, Илья Викторович Матвеев²

^{1,2} *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия*
¹ *g.m.mamatov@yandex.ru*
² *udicis@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены особенности восприятия пространства героями чеховских рассказов, написанных во второй половине 1880-х гг. Исследовано усложнение концепции точки зрения (термин Б. Успенского). В ранних произведениях восприятие пространства героем почти совпадает с точкой зрения повествователя. Но уже в переходных рассказах середины 1880-х гг. видение пространства полностью подчинено точке зрения персонажа, причём в некоторых произведениях создана «иллюзия» восприятия. Проанализированы наиболее трудные случаи, связанные с усложнением психологизма и мифопоэтической структуры чеховской прозы.

Ключевые слова: А.П. Чехов, рассказы 1880-х гг., точка зрения, восприятие, спациопэтика, реализм, топос, локус, пейзаж

Для цитирования: Маматов Г.М., Матвеев И.В. Специфика пространственной структуры в прозе А.П. Чехова второй половины 1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 159–179. doi: 10.17223/19986645/98/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/9

The specificity of spatial structure in Anton Chekhov's prose of the second half of the 1880s

Gleb M. Mamatov¹, Ilya V. Matveev²

^{1,2} *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*
¹ *g.m.mamatov@yandex.ru*
² *udicis@mail.ru*

Abstract. The article examines the peculiarities of how characters perceive space in Chekhov's short stories written in the second half of the 1880s. Space as a component of a literary work's artistic world and its perception has been a subject of study within Chekhov scholarship; furthermore, concepts of narrative structure (A.P. Chudakov) and

predominant topoi (N.E. Razumova) have been built upon differences in the organization of spatial relations. Traditionally, space itself in Chekhov studies has been examined either as a chronotope (M.O. Goryacheva, I.N. Sukhikh, and others), comprising various loci: the dacha, the village, the city, etc. Also important is the consideration of space from the perspective of psychological aspects and phenomena of consciousness. Based on Boris Uspensky's theory of point of view, the increasing complexity of narrative models in the short stories of the 1880s is investigated. The selection of material for the study is justified by the "transitional" nature of the main characteristics of the poetics in Chekhov's stories of this period, noted previously by scholars, and the emergence of different artistic dominants compared to the earlier phase. In the early works, a character's perception of space almost coincides with the narrator's point of view (e.g., the story "Enemies"). There are attempts to artistically conceptualize the perception of space in the early stories, but they are isolated. However, already in the transitional stories of the mid-1880s, the vision of space becomes entirely subordinated to the character's "point of view," and in some stories, an effect of perceptual "illusion" is created. The article analyzes the most complex cases related to the increasing psychological depth and mythopoetic structure of Chekhov's prose. The analysis of spatial perception in the stories of the "mature" period shows that this perception is based on the maximal concentration of the character's psychological state. The illusions and syncretism that form the basis of the main character's perception of space in the story "Horse Thieves" correlate with a crisis worldview. In the story "Gusev," the perception of space is maximally subordinated to the character's consciousness. Even after the character's death within the story's plot, the stylistic presentation of spatial perception indicates the narrator's subservience to the hero's consciousness.

Keywords: A.P. Chekhov, stories of the 1880s, point of view, perception, spatiopoetics, realism, topos, locus, landscape, the character's consciousness

For citation: Mamatov, G.M. & Matveev, I.V. (2025) The specificity of spatial structure in Anton Chekhov's prose of the second half of the 1880s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 159–179. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/9

Специфике спациопоэтики (поэтики пространства) в творчестве А.П. Чехова посвящено немало научных трудов. Исследователи отмечают, что пространство относится к доминантным категориям художественного мира его прозы и его значение в произведении разнообразно. Содержание пространственных отношений помогает определить повествовательный уровень рассказов, а также воссоздать модель мировоззрения писателя. В чеховедении вопросы пространства анализируются в основном с двух позиций. Во-первых, это интерпретации хронотопа чеховской прозы, который разделяется в свою очередь на ряд топосов (крупное деление художественного пространства) и локусов (море, степь, деревня, дача, город) [1–3; 4. С. 97; 5. С. 440–448; 6. С. 43–44; 7. С. 3–8]. Во-вторых, литературоведов интересует «психологический» аспект восприятия локуса или топоса персонажем, связи его сознания и пространственной структуры. Наиболее крупной работой в этом контексте является монография А.П. Чудакова, где для описания эволюции повествовательной системы А.П. Чехова автор предлагает следующую периодизацию формирования художественной манеры писателя.

1. Субъективное повествование в ранних произведениях, где доминирует позиция повествователя, и все описания даются с его точки зрения. На уровне пространственной организации решающее значение имеет также его оптическая позиция, не прикрепленная к какому-либо изображенному лицу. Этот изоморфизм различных повествовательных уровней говорит о том, что общей характеристикой ранней чеховской прозы выступает субъективное повествование («Налим», «Устрицы», «Верба»). Появляются незначительные исключения из общей повествовательной тенденции, но они составляют собой, по данным А.П. Чудакова, статистически минимальное количество. Переломным годом в этом отношении становится 1887-й, когда, по подсчетам исследователя, новая формирующаяся повествовательная манера имеет уже 55% удельного веса от общего числа написанных рассказов [8. С. 71].

2. Объективное повествование (1888–1894), как характеризует данное художественную манеру А.П. Чудаков, это повествование, в котором устранена субъективность рассказчика и господствует точка зрения и слово героя («Княгиня», «Каштанка») [8. С. 71]. В данном случае преобладает несобственно-прямая речь, усиливаются голоса героев. Оптическая позиция описывающего полностью совпадает со взглядом главного персонажа, таким методом изображаются пейзаж, интерьер и портрет. Этот конструктивный принцип характеризует и внутренний мир главного героя. В данный период формируется и окончательно оформляется принцип художественного повествования, по праву называемый А.П. Чудаковым чеховским, – принцип изображения мира через конкретное воспринимающее сознание [8. С. 136].

3. Повествование 1894–1904 гг. Прием, сформировавшийся на предыдущем этапе, преобразуется под влиянием новых тенденций. Если в «объективный период» доминирующим ракурсом восприятия выступает герой, то повествование третьего периода свободно впитывает голоса других, в том числе и эпизодических персонажей, что создаёт повествовательную полифонию («Ионыч»). Размышления, будто бы принадлежащие герою, даются в форме речи повествователя («В враге»). Это явление, «говорение за другого», А.П. Чудаков предлагает называть замещенной прямой речью. Признаки такой организации повествования исследователь находит в повести «Степь». На уровне пространства тоже происходит усложнение оптической структуры повествования. Увеличиваются и сталкиваются разные позиции наблюдения. При этом позиция повествователя всегда точно указана в структуре рассказа. Эти изменения происходят и в изображении внутреннего мира героя [8. С. 136].

Стоит выделить интерпретацию Э. Полоцкой, которая отмечает, что пейзажи Чехова «большой частью основаны не на подробных описаниях, а на отдельных штрихах, попавших в поле зрения героя» [9. С. 26]. Исследователь предлагает назвать такое восприятие пространства «импрессионистическим изображением». При этом отмечается, что изобразительный характер поэтики писателя прослеживается и на уровне воспроизведения психологии, представляющего собой «изображение динамики внутренней жизни

человека в тесной связи с состоянием внешнего мира – современной писателю русской действительности» [9. С. 54]. Стоит отметить ряд работ, посвящённых соотношению пространства и сюжета рассказов «Случай из практики», «Студент» и «Попрыгунья» [10. С. 148], визуальных образов [11], провинциальной сюжетики [12. С. 173] и интертекстуальным связям спациопэтики Чехова с прозой Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева [1. С. 6–8].

Особым вопросом представляется осмысление понятия «восприятие пространства» в рассказах Чехова второй половины 1880-х гг., когда происходит своеобразный перелом всей художественной системы писателя. Более того, для нас новизна заключается в исследовании пространственного ракурса восприятия героем окружающего мира как способа раскрытия его мировоззрения. Основопологающим термином в нашей работе является понятие «точка зрения», которая базируется на концепции Б.А. Успенского и определяется им как «словесная фиксация пространственно-временных отношений описываемого события к описываемому субъекту» [13. С. 80]. «Точка зрения» в пространстве фиксируется таким образом: совпадение/несовпадение пространственных позиций повествователя и персонажа (или совмещенная точка зрения); движущаяся позиция (последовательный обзор); общая всеохватывающая точка зрения «птичьего полёта»; удалённая позиция («немая сцена») [13. С. 81–90]. Соответственно, в одном произведении возможна множественность «точек зрения». Композиционное и сюжетное построение зависит от расположения их в произведении.

Рассмотрим специфику восприятия пространства в рассказах Чехова, написанных в переходный период его творчества (вторая половина 1880-х гг., согласно А.П. Чудакову, после 1887 г.), и выделим эволюцию данной темы от рассказов, тяготеющих к раннему творчеству, до более сложных произведений, как бы «открывающих» поздний период в прозе Чехова 1890-х гг. Материалом исследования стали рассказы «Враги» (1887), «Поцелуй» (1887), «Воры» (1890) и «Гусев» (1890).

В рассказе «Враги» позиция повествователя остаётся главенствующей, но уже происходят сдвиги, так как в пространственную структуру включается голос главного героя, что задаёт уже двухголосное повествование. Рассмотрим сюжет рассказа. У земского врача Кириллова умирает сын, и в этот момент приезжает его товарищ Абогин, с которым он познакомился «летом у Гнучева», и умоляет поехать в его усадьбу и спасти от смерти его жену. Кириллов соглашается, и они выезжают к дому Абогина, где впоследствии выясняется, что жена покинула дом с любовником. Для Абогина это потрясение, и он посвящает в свою беду Кириллова, после чего Кириллов обрушивается на Абогина упреки. После ряда взаимных обвинений персонажи становятся врагами. Е.И. Покусаев отмечает основной, центральный смысл рассказа: «Рассказ написан для того, чтобы вновь и вновь напомнить “проклятые” вопросы бытия: отчего так сравнительно легко люди становятся врагами, усваивают несправедливые, “нечеловечно жестокие” убеждения, отчего так черствеют сердца, отчего так получают, что случайные недоразумения плодят в жизни вражду и отчужденность?» [14. С. 190].

Действие рассказа «Враги» происходит в двух пространственных локусах: в доме Кириллова и в доме Абогина. Событием, которое послужило перемещением из одного пространства в другое, является предполагаемая болезнь жены. Изначально сюжетная ситуация строится вокруг приезда Абогина в дом доктора Кириллова с просьбой о помощи. В рассказе «Враги», который относится ещё к раннему периоду творчества А.П. Чехова, восприятие пространственной картины дома Кириллова содержит позицию повествователя, совпадающую с пространственной позицией действующего лица. Спокойствие, с каким Кириллов воспринимает пространство дома, сочетается с внутренним состоянием отца, у которого только что умер ребенок: «Сумерки и тишина залы, по-видимому, усилили его ошалелость» [15. Т. 6. С. 32]. Вводная конструкция указывает на позицию другого воспринимающего, которого, вслед за А.П. Чудаковым, можно назвать субъективным повествователем. Такая оптическая позиция, характерная для ранних рассказов А.П. Чехова, предполагает неопределенность пространственных координат расположения предполагаемого рассказчика. По словам А.П. Чудакова, «повествователь раннего Чехова не доверяет ограниченной пространственной (и психологической) точки зрения персонажа – всё окружающее он изображает со своей точки зрения» [8. С. 33]. Когда повествователь описывает внутренний мир главного героя, такое изображение носит предполагаемый характер. С каждым годом художественная манера А.П. Чехова эволюционировала – от объективной пространственной организации повествования до субъективного (с точки зрения персонажа) изображения пространства.

При описании перемещения Кириллова из залы в кабинет и в спальню переданы ощущения, которые можно оценить двояко: с одной стороны, пространственные представления персонажа совпадают с позицией повествователя, поэтому то, что видит повествователь, видит и Кириллов: «На кровати, у самого окна, лежал мальчик с открытыми глазами и удивленным выражением лица. Он не двигался, полуоткрытые глаза его, казалось, с каждым мгновением всё более темнели и уходили вовнутрь черепа» [15. Т. 6. С. 33]. С другой стороны, ощущение мёртвого покоя, которое имеет предметное выражение, показывает, что фрагмент повествования дан с точки зрения главного героя: «Одеяла, тряпки, тазы, лужи на полу, разбросанные повсюду кисточки и ложки, белая бутылка с известковой водой, самый воздух, удушливый и тяжелый, – всё замерло и казалось погруженным в покой» [15. Т. 6. С. 33]. Перемещение Кириллова и Абогина является ключевым эпизодом рассказа. Общая картина, складывающаяся во время движения, сопоставима с состоянием героев. Это подчеркивается неопределенностью пространственной картины, восприятием общего контура пространства через ольфакторные и звуковые мотивы: «Затем коляска въехала в густые потемки; тут пахло грибной сыростью и слышался шёпот деревьев; вороны, разбуженные шумом колес, закопошились в листве и подняли тревожный жалобный крик, как будто знали, что у доктора умер сын, а у Абогина больна жена» [15. Т. 6. С. 36]. Далее, после просьбы Кириллова о возвращении назад,

пространственная картина сосредоточивается на воспринимающем сознании доктора. И здесь Чехов использует часто встречаемый прием психологического параллелизма – отождествления природного локуса с состоянием воспринимающего его сознания [15. Т. 6. С. 37], что соотносится с состоянием физической несвободы действий, ощущаемым Кириловым. «Точка зрения» повествователя в пространстве фиксируется в следующем обобщении: «... во всей природе чувствовалось что-то безнадежное, больное; земля, как падшая женщина, которая одна сидит в тёмной комнате и старается не думать о прошлом, томилась воспоминаниями о весне и лете и апатично ожидала неизбежной зимы. Куда ни взглянешь, всюду природа представлялась тёмной, безгранично глубокой и холодной ямой, откуда не выбраться ни Кирилову, ни Абогину, ни красному полумесяцу» [15. Т. 6. С. 37]. В ряду «одушевленных лиц» перечислен и полумесяц, что предполагает объемную картину общего состояния персонажей. Такая объективность пейзажа свидетельствует об отсутствии противопоставления между героями [14. С. 187]. Полемизируя с односторонней трактовкой горя персонажей, Е.И. Покусаев указывает на то, что «по Чехову, тот и другой печально уравниваются в неправоте, уравниваются в своих несправедливых, злых и жестоких выходках, продиктованных эгоизмом несчастных» [14. С. 188]. Важную роль играет контрастное противопоставление в изображении топосов домов героев. Эта оппозиция конструируется за счёт совмещения семантических полей благополучия и горя: дом Абогина предстает в роскоши, в приятных, светлых тонах, а чучело «солидного и сытого» волка, находящееся в гостиной, отождествляется в сознании Кириллова с хозяином дома, что создает комический эффект. Такая контрастность, явленная при изображении пространства, дала возможность истолковать рассказ через социальную интерпретацию, ставшей наиболее распространенной и в критике, и в чеховедении. Так, в энциклопедической статье о рассказе дана редуцированная трактовка «Врагов» как рассказа о профессионально-медицинской проблеме, о трудностях выполнения врачебного долга и как рассказа о классовом конфликте между трудовым сословием и помещиком с утверждением симпатий автора на стороне интеллигенции [16. С. 75]. Но важно, что противоположность возникает как результат сравнения двух локусов, причем сопоставление происходит после перемещения главного героя Кириллова. Комическая развязка ситуации брошенного мужа, которая представляется катастрофой для Абогина, становится важным моментом, осознаваемым, прежде всего, с позиции повествователя. Вариативность фабулы на нарративном уровне показывает, что повествователь оценивает поведение Кириллова отрицательно. Этот момент вариативности фабулы можно объяснить остатками редуцируемой позиции субъективного повествования раннего периода [8. С. 37].

Финальным локусом является дорога Кириллова домой после ссоры с Абогиным. Впечатление, оставшееся у Кириллова после посещения Абогина, не проходит, причем оно оценивается с точки зрения повествователя, имплицитно присутствующего в тексте. Мысли Кириллова «несправедливы и нечеловечно жестоки». Роль повествователя как оценочной инстанции в

данном тексте является особенностью поэтики ранних рассказов А.П. Чехова. Очевидно, что возникающая модель повествования, названная А.П. Чудаковым объективной, ещё не полностью подчинила себе речевую структуру текста в данном рассказе, где повествователь выступает как оценочная инстанция. Его точка зрения в плане идеологии позволяет транслировать читателю мысль о том, что оба персонажа неправы, но больше всего неправ Кириллов. Нельзя не согласиться и с мыслью В.Б. Катаева: «...создается впечатление, что Чехову важно предъявить именно своему брату-интеллигенту некие более высокие нравственные требования, судить его поведение по более высокому счету, нежели его врага-помещика» [17. С. 75].

Иначе концепция точки зрения решена в рассказе «Поцелуй». Рассмотрим его фабульную схему: артиллерийская бригада останавливается на постой в селе Местечки (о сюжетной ситуации «солдаты на постое» см. статью Т.И. Печерской [18. С. 108–111]). Офицеров приглашает в гости в своё поместье бывший военный. В гостях с «самым робким, самым скромным и самым бесцветным» из них, Рябовичем, происходит «маленькое приключение» – в темной комнате его случайно целует незнакомая девушка, принимая за другого. Восприятие всего происходящего с героем начинает меняться. Погружаясь в свои мечтания, он ожидает встречи с таинственной незнакомкой. Бригада уходит в летний лагерь и проводит там три месяца. Когда она снова возвращается в село, герой, не дождавшись приглашения офицеров к генералу, сам решает пойти в поместье, но, постояв у сада и не решаясь войти в дом, возвращается обратно. Такая фабульная схема, за исключением некоторых эпизодов, вполне могла быть реализована в анекдотическом сюжете – барышня назначила незнакомцу свидание в темной комнате, долго ждала, будучи нервно возбуждена, приняла случайно попавшего человека в комнату за своего героя. Но А.П. Чехов избирает иную оксюморонную сюжетную стратегию, он показывает неанекдотичного героя в анекдотических обстоятельствах. В этом случае смысловой центр рассказа смещается от случайного поцелуя девушки. В центре оказывается переживание данной ситуации главным героем. Изначально существующая анекдотическая картина мира, представленная и деталями общего фона, и портретной характеристикой офицеров, преобразуется случаем, являющимся структурным элементом жанра анекдота. Но комический эффект, явленный данным казусом – поцелуем незнакомки, сменяется напряженностью духовной жизни, случай становится импульсом, преобразующим восприятие героя. По замечанию В.И. Тюпы: «очень существенно для чеховского рассказа, что подлинная грань между анекдотическим и серьезным все отчетливей пролегает в сфере сознания, видения жизни» [19. С. 22]. В фабульной схеме рассказа поцелуй незнакомки – безусловное событие, влияющее на главного героя, на его восприятие окружающего. Изначально топос усадьбы до поцелуя представляется слитным и неопределенным: «...лица, платья, граненые графинчики с коньяком, пар от стаканов, лепные карнизы – всё это сливалось в одно общее, громадное впечатление, вселявшее в Рябовича тревогу и

желание спрятать свою голову» [15. Т. 6. С. 406]. Комические детали портрета, «психическая слепота», бесцветность – черты облика и психологического состояния главного героя, которые впоследствии меняются (Рябович ощутит цветочные ароматы, находясь в тёмной комнате). Главная их функция – создание контраста двух состояний: до поцелуя и после. Состояние «психической слепоты» после поцелуя остается, но становится иным, оно наполняется иллюзиями, по видимости похожими на прозрение. Эти иллюзии, по мнению А.А. Канашиной, формируют образ поцелуя, пронизывающий весь рассказ: акустические («грустный вальс», «торопливые шаги», «шорох платья», шепот, «звук поцелуя»), зрительные («в воображении его мелькали плечи и руки сиреневой барышни, виски и искренние глаза блондинки в черном, талии, платья, броши»), обонятельные (запах молодой листвы тополя, цветов, мягкие пахучие, несомненно, женские руки), тактильные («ощущение масла на шее и холодка около губ») [20. С. 91]. Последствием этого «маленького приключения» в доме генерала, которое Рябовичу «пришлось пережить», является переосмысление себя. Поцелуй – главная причина переоценки окружающего мира и своего места в нем. Прежде всего, появляется пространство мечтаний и грёз Рябовича, характеризующееся предметной детализацией до мельчайших подробностей: «Он захотел вообразить ее спящую. Открытое настежь окно спальни, зелёные ветки, заглядывающие в это окно, утреннюю свежесть, запах тополя, сирени и роз, кровать, стул и на нём платье, которое вчера шуршало, туфельки, чашки на столе – всё это нарисовал он себе ясно и отчетливо, но черты лица, милая сонная улыбка, именно то, что важно и характерно, ускользало от его воображения, как ртуть из-под пальца» [15. Т. 6. С. 416]. В приведенном фрагменте в воображении Рябовича предстают разрозненные детали, сами черты лица незнакомки не складываются в целостный образ: «То он воображал себя в гостиной у Раббека, рядом с девушкой, похожей на сиреневую барышню и на блондинку в чёрном; то закрывал глаза и видел себя с другою, совсем незнакомою девушкой с очень неопределёнными чертами лица, мысленно он говорил, ласкал, склонялся к плечу, представлял себе войну и разлуку, потом встречу, ужин с женой, детей» [15. Т. 6. С. 418].

Для того чтобы рассказать случай с поцелуем своим сослуживцам, герою понадобилась всего минута: «Он стал рассказывать очень подробно историю с поцелуем и через минуту умолк... В эту минуту он рассказал всё, и его страшно удивило, что для рассказа понадобилось так мало времени» [15. Т. 6. С. 420]. Выслушав Рябовича, Лобытко приводит похожую, как ему кажется, историю о том, как в купе поезда его поцеловала женщина, причём ему удалось рассмотреть её в темноте: «...черные глаза, губы красные, как хорошая семга, ноздри дышат страстью, грудь – буфера» [15. Т. 6. С. 420]. Эта параллель связана с обнажением анекдотической сути произошедшего с главным героем. Фабула истории о случайном поцелуе, рассказанной Рябовичем, равна анекдоту. Мечтания Рябовича относительно будущего с поцеловавшей его незнакомкой можно назвать псевдопоэтическими, навеянными тургеневской прозой: «...на глаза ему попала длинная, прямая, как

линейка, аллея, посыпанная желтым песком и обсаженная молодыми берёзками... С жадностью размечтавшегося человека он представил себе маленькие женские ноги, идущие по желтому песку, и совсем неожиданно в его воображении ясно вырисовалась та, которая целовала его и которую он сумел представить себе вчера за ужином» [15. Т. 6. С. 418]. Прозаическим контрастом с эпизодом поцелуя выглядят будни повседневной жизни бригады, идущей в лагерь: «Для Рябовича же всё понятно, а потому крайне неинтересно. Он давно уже знает, для чего впереди каждой батареи рядом с офицером едет солидный фейерверкер и почему он называется уносным; вслед за спиной этого фейерверкера видны ездовые первого, потом среднего выноса» [15. Т. 6. С. 417].

По мнению И.А. Тарасовой, «несовпадение внешнего и внутреннего подчёркивается сюжетным повтором» [21. С. 197]. Рябович хочет повторения истории с поцелуем, причём в том же порядке, как всё случилось: увидеть странную лошадь, церковь, неискреннюю семью Раббеков, тёмную комнату. Эта схема, с точки зрения героя, должна закономерно повториться снова. Но дело в том, что случай – событие, повторение которого априори невозможно. Если случай повторяется, то он уже не является событием, а становится элементом обыденности. По мысли В. Шмида, событийность должна обладать несколькими признаками, важными из которых является реальность изменения и его результативность [22. С. 268]. Данным признакам всецело соответствует рассказ «Поцелуй».

В этом произведении, как в других поздних рассказах, Чехов не изображает ментального события (когнитивного, душевного или нравственного «сдвига»), который случился с Рябовичем, а проблематизирует его. Прежде всего, эта проблематизация касается таких важных свойств события в тексте, как релевантность (под релевантностью события понимается изменение в тексте, которое должно быть существенным по масштабам фиктивного мира. Изменения, являющиеся тривиальными по внутритекстовой аксиологии, события не основывают [22. С. 268]). С точки зрения фиктивного мира, поцелуй нерелевантен происходящему, о нём никто не узнает до того момента, пока Рябович не рассказывает об этом сослуживцам. С точки зрения героя, поцелуй существен, его эффект проявляется в изменении первоначального, «бесцветного» состояния Рябовича. Разочарование, постигшее Рябовича, происходит при попытке вернуться в усадьбу, во время прогулки до садовой калитки. История с поцелуем теперь предстает в ясном свете, а вообразаемые мечты / планы рушатся на глазах. В данном случае пространство, а точнее пейзажные детали, созвучны психологическому состоянию Рябовича: «...взглянув на небо, он опять вспомнил, как судьба в лице незнакомой женщины нечаянно обласкала его, вспомнил свои летние мечты и образы, и его жизнь показалась ему необыкновенно скудной, убогой и бесцветной» [15. Т. 6. С. 423]. Центральное значение в рассказе занимает путь из Местечек к лагерю, который метафорически соотнесен с рекой. Как и путь, река является метафорой скудной, убогой и бесцельной жизни:

Описание пути

...длинная, тяжелая вереница, какую представляется движущаяся бригада, кажется мудреной и мало понятной кашей; непонятно, почему около одного орудия столько людей и почему его везут столько лошадей, опутанных странной сбруей, точно оно и в самом деле так страшно и тяжело [15. Т. 6. С. 417].

Описание реки

Вода бежала неизвестно куда и зачем. Бежала она таким же образом и в мае; из речки в мае месяце она влилась в большую реку, из реки в море, потом испарилась, обратилась в дождь, и, быть может, она, та же самая вода, опять бежит теперь перед глазами Рябовича [15. Т. 6. С. 423].

В данном эпизоде П. Бицилли усматривает аллюзию на гераклитовский образ бегущей воды, в которую нельзя войти дважды [23]: «Гераклит говорит где-то: “всё движется и ничто не остаётся на месте”, а ещё уподобляя всё сущее течению реки <...>, он говорит, что “дважды тебе не войти в одну и ту же реку”» [24. Т. 1. С. 636]. А. Собенников связывает размышления героя с парафразами Екклесиаста (Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь) [25]. Сильная позиция конца текста подчеркивает невозможность подчинить обстоятельства воле человека. Круговорот воды рифмуется с психологическим состоянием Рябовича: как и вода, которая «быть может та же самая вода», жизнь снова возвращается в своё «убогое и бесцветное» болото, к первоначальному бессмысленному существованию. В фабульном смысле случай с поцелуем – событие анекдота, представляющее собой внешнюю оболочку, «раму» сюжета прозрения, связанного с изменением жизни и себя. Но поцелуй как случайное внешнее событие не меняет дальнейшую жизнь главного героя. Метафорическим ключом к пониманию сюжета прозрения в данном рассказе является образ круговорота – движения по кругу, возвращения к истоку.

Особый случай восприятия пространства героем представлен в рассказе «Воры». Сюжет начинается с возвращения фельдшера Ергунова из местечка Репино домой с покупками для больницы. По дороге назад фельдшер сбивается с пути из-за сильной метели. Как известно, метель в русской литературе обладает определенным семантическим значением («Метель», «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Страшное гадание» А.А. Бестужева-Марлинского, «Светлана» В.А. Жуковского, «Метель» Л.Н. Толстого). По верному замечанию В.И. Камянова, в отношении данного рассказа «символика пурги, метели (к тому времени широко основанная русской художественной традицией) специально не акцентирована, но исподволь корректирует наше восприятие сюжета» [26. С. 330]. В «Ворах» сильная метель выступает ключевым моментом сюжета. Ветер сбивает с пути Ергунова и приводит на постоялый двор. Данный локус традиционно связан с семантикой случайных встреч, которые могут повлечь за собой судьбоносные решения и перемены. В рассказе метель начинается внезапно, неожиданно: «Сначала погода стояла ничего себе, тихая, но часам к восьми поднялась сильная метель и когда до дому оставалось всего верст семь, фельдшер совершенно сбился с пути» [15. Т. 7. С. 311]. Время действия рассказа – святки, наделяет мотив метели

дополнительными коннотациями. Как отмечает А.С. Собенников, «по народным представлениям внезапно разыгравшаяся метель предписывалась действиям нечистой силы» [27. С. 143]. Данное восприятие метели восходит к славянской мифологии: «...и до сих пор поселяне наши убеждены, что зимние вьюги и метели посылаются нечистою силою; появление и исчезание чертей сопровождаются бурей и треском ломающихся деревьев» [28. Т. 3. С. 4]. Соответственно, внезапно разыгравшаяся метель актуализирует семантику святочного мотивного комплекса, имплицитно присутствующего в рассказе (разгул демонов) [29. С. 140–183]. Метель мешает пространственному восприятию героя. Сквозь пургу он воспринимает окружающий мир измененно: звуковые (сильный собачий лай) и оптические (красное мутное пятно) образы вначале видятся как силуэты и постепенно приобретают видимое очертание. В ходе поэтапного проявления пространства детализируется и восприятие Ергунова: «...мало-помалу обозначились высокие ворота и длинный забор, на котором остриями вверх торчали гвозди, потом из-за забора вытянулся кривой колодезный журавль <...> вырос небольшой, приземистый домик с высокой камышовой крышей» [15. Т. 7. С. 311]. В итоге фельдшер догадывается, что это постоялый двор по дороге к больнице. Пространство в тексте названо «нечистым местом»: очевидно, так воспринимает его Ергунов. Здесь пространственные точки зрения повествователя и персонажа слиты. Но искаженное восприятие пространства на этом не заканчивается. Ергунову искаженно видятся и постоялый двор, и люди, находящиеся там. Важно, что он принимает девушку Любку за хозяйку, тем самым спутав её с настоящей владелицей, бабкой. Сам постоялый двор как пространственный локус изнутри предстает иным, нежели открытое пространство вокруг. Если снаружи дом, с точки зрения Ергунова, выглядит необычно и известен как «нечистое место», то интерьер предстает разомкнутым «чистым» пространством: «В первой комнате, куда он вошел, было просторно, жарко натоплено и пахло недавно вымытыми полами» [15. Т. 7. С. 312].

Ещё одним топосом, отраженным в восприятии Ергунова, является деревня Богалевка, о посещении которой он вспоминает. Она изображена через противопоставление символических оппозиций: «низ» (овраг) и «верх» (небо), «дорога» (движение) и «конец света» (тупик): «Деревня большая, и лежит она в глубоком овраге, так что, когда едешь в лунную ночь по большой дороге и взглянешь вниз, в тёмный овраг, а потом вверх на небо, то кажется, что луна висит над бездонной пропастью и что тут конец света» [15. Т. 7. С. 313]. Жизнь, которую ведут жители Боголевки, предваряет будущий идеал вольности, который захочет воплотить Ергунов: «Мужики богалёвские слынут за хороших садоводов и конокрадов; сады у них богатые: весною вся деревня тонет в белых вишневых цветах, а летом вишни продаются по три копейки за ведро. Заплати три копейки и рви. Бабы у мужиков красивые и сытые и любят наряжаться, и даже в будни ничего не делают, а всё сидят на завалинках и ищут в головах друг у друга» [15. Т. 7. С. 314].

Поводом к истории о встрече с «чёртом»¹ становится необычный звуковой эффект, изображенный с разных точек зрения:

Точка зрения повествователя и Ергунова	Точка зрения Любки	Точка зрения Калашникова
«В печке гудел ветер; что-то зарычало и пискнуло, точно большая собака задушила крысу» [15. Т. 7. С. 314].	«– Ишь, нечистые расходились! – проговорила Любка» [15. Т. 7. С. 314].	«Это ветер, – сказал Калашников» [15. Т. 7. С. 314].

Такой ракурс восприятия с разных точек зрения мог быть дан с целью последующего понижения роли одного из святочных мотивов, а именно рассказа о нечистой силе. Попытка Ергунова рассказать святочную быличку о встрече с нечистой силой оборачивается провалом: второй постоялец-конокрад оказывается тем «невиданным», которого он встретил на Змеиной балочке. Рассказ о нечистой силе является характерным мотивом святочного рассказа. Известно, что одной из функций святочного рассказа была просветительская – обучение правильному поведению в ситуациях, с которыми человек сталкивается во время празднования. Случай, описанный в быличке, должен иметь статус подлинного («истинного происшествия»). Когда история разоблачается – это явный признак позднего разрушения святочного канона, его реинтерпретация.

По словам Е.В. Душечкиной, использование «антирождественских» мотивов (в данном случае имеет смысл говорить и об антисвяточных. – Г.М., И.М.) в русской литературе имело целью показать несоответствие сути праздника безжалостной реальности жизни [30. С. 225]. Четко обрисованные «этнографические» сцены святок в данном случае выступают лишь фоном, который предназначен для поддержания праздничного настроения героев. Атмосфера праздника определенным образом воздействует на персонажей, побуждает к желанию перемен. Но перемены не происходят либо выступают в профанированном варианте.

Таким образом, рассказ о встрече с нечистой силой выступает в данном случае вспомогательным мотивом, связанным с магистральным экзистенциальным сюжетом – о месте человека во вселенной. В рассказе о встрече с «чёртом» появляется третий локус, имеющий определенное сюжетное значение – «Змеиная балочка». В данном месте Ергунов примет за «нечистую силу» Мерику. Это «псевдосвяточное» пространство, воспринятое иллюзорно, семантически близко к той же ситуации неузнавания, которая произошла с Ергуновым во время приезда на постоянный двор в начале рассказа. Л.А. Полякевич отмечает синкретизм восприятия атмосферы чеховского рассказа, родственной «чувственному феномену» «Тамани» М.Ю. Лермон-

¹ Примечательно, что изначально рассказ был опубликован в «Новом времени» под заголовком «Черти», что подтверждает наличие семантики святочных рассказов.

това [31. С. 378]. Синкретическими компонентами в рассказе выступают музыка и пляска Любки и Мерики¹. Кроме того, музыка и пляска – это ещё определенное средство показать взаимопонимание между Любкой, Мериком и Калашниковым, средство, создающее барьер между ними и Ергуновым: «Калашников настроил балалайку и заиграл, и фельдшер никак не мог понять, какую он песню играет, веселую или грустную, потому что было то очень грустно, даже плакать хотелось, то становилось весело» [15. Т. 7. С. 319]. Синкретизм восприятия в рассказе сочетается с иллюзиями, возникающими в кульминационные моменты: «Порвалась нитка, и бусы рассыпались по всему полу, свалился с головы зелёный платок, и вместо Любки мелькало только одно красное облако, да сверкали тёмные глаза, а у Мерики, того и гляди, сейчас оторвутся руки и ноги» [15. Т. 7. С. 320].

Иллюзорное восприятие пространства и того, что в нём происходит, проявляется в дальнейшем поведении героя. Важным объектом восприятия пространства Ергуновым является внешнее, открытое пространство. Именно Ергунов «прочитывает» его состояние, а проецирует на него свои мысли: «Голые берёзки и вишни, не вынося его [ветра] грубых ласок, низкогнулись к земле и плакали: “Боже, за какой грех ты прикрепил нас к земле и не пускаешь на волю?”» [15. Т. 7. С. 320]. Художественной «рамой» в рассказе «Воры» выступает постоялый двор. В самом начале рассказа в восприятии героя постоялый двор предстает как «красное, мутное пятно», который по мере приближения преобразуется в отчетливо видимый небольшой домик. В эпилоге дом предстает как «красивое багровое зарево». Иллюзии и синкретизм восприятия художественного пространства в рассказе создают картину путанного, кризисного миропонимания. Внутренний монолог персонажа в конце рассказа изобилует вопросами. По мнению А.П. Чудакова, в этом монологе точка зрения персонажа близка точке зрения автора [8. С. 71]. С данной позицией можно согласиться лишь частично, так как мысли фельдшера во внутреннем монологе выражены в пародийном ключе и отсылают к тексту Евангелия: «Почему кто не служит и не получает жалованья, тот непременно должен быть голоден, раздет, не обут? Кто это выдумал? Почему же птицы и лесные звери не служат и не получают жалованья, а живут в своё удовольствие?» («Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?») [15. Т. 7. С. 325]. Искаженное восприятие простран-

¹ А.Н. Афанасьев выделяет, что музыка была одним из главных атрибутов духовоздушной стихии у славян: «Все духи, в которых фантазия олицетворила грозу, вихри, метель, непогоду, все эти сатиры, фавны, нимфы, сладкогласные сирены, эльфы, никсы, вилы, русалки и ведьмы любят песни, музыку и пляски; музы, в первоначальном своем значении, были не более как облачные певицы и танцовщицы. Волнение рек и моря русское предание объясняет пляскою водяных. По мнению украинцев, когда заиграет, взбужется море, из его бездн выступают морские духи и поют песни; а люди приходят к берегам, слушают их и сами научаются песням. Словаки догадываются, что человека научили песням небесные вихри и шумящие дубравы» [28. Т. 1. С. 104].

ства отражает иллюзорность миропонимания героя. Во внутренней речи Ергунова эта иллюзорность восприятия мира усиливается благодаря комическим аллюзиям и риторическим вопросам, разрешить которые герою невозможно.

Завершить анализ специфики восприятия пространства нам бы хотелось интерпретацией данной темы в рассказе «Гусев». Содержание рассказа составляют переживания, ведения и мысли умирающего главного героя, его главенствующее значение фиксирует название текста. Исследователи рассказов Чехова не раз отмечали, что писатель углубил представление о внутреннем мире личности, изменяя привычную систему пространственных координат. Данное изменение было связано с тем, что писательское мастерство Чехова связано с изображением «всегда кем-то описанного мира» [32. С. 138]. Из этого замечания А.П. Чудакова можно констатировать, что в рассказе «Гусев» основные локусы будут подчинены восприятию одноименного персонажа. Но «неотразимая достоверность описания», по словам Ю.Н. Чумакова, «такова, что картина как-то не вписывается в привычные границы чеховского мира» [33. С. 191].

Такой принцип изображения пространства, который максимально сконцентрирован на восприятии главного героя, будет подвергнут изменению, вводя дополнительные точки зрения. Б.А. Успенский отмечает, что «точка зрения повествователя может быть фиксирована в пространстве. В частности, место рассказчика может совпадать с местом определенного персонажа в произведении, т.е. автор в этом случае как бы ведет репортаж с места нахождения данного персонажа» [13. С. 80]. Б. Катаев подчеркивает мысль о неразрывности восприятия повествователя, его «перевоплощении» в персонажа, которым назван данный рассказ: «В кругозор рассказчика попадает только то, что дано видеть, слышать и сознавать Гусеву, ставятся вопросы, которые могли возникнуть в сознании Гусева» [34. С. 251].

Говоря о структуре пространства, явленной в рассказе, отметим прием контраста локусов [35. С. 34]. Главными оппозициями выступают макро- и микрокосмосы, соответствующие локусам палубы, тесной и душевной каюты, где происходит основное действие, и «Космосу» Индийского океана в конце рассказа. Другую оппозицию, тесно связанную с мифологической картиной мира, выделяет Ю.В. Доманский, это «верх», имеющий свою аналогию с палубой и небом, и «низ», сопоставимый с душевной каютой и страшным океаном [36. С. 16]. Способы описания пространства определили в дальнейшем момент интерпретации: контраст микро- и макромира позволяет, по словам А.Ю. Антоневиц, сконструировать реалистическую картину повествования [35. С. 32]. Важно и замечание Ю.В. Доманского: «Картина мира Гусева, по сути, тождественна мифологической, где явления природы одушевляются (анимизм), а стихийные бедствия объясняются вмешательством высших сил (фатализм), часто персонифицированных в образах чудовищ. Заданная в самом начале повествования картина мира определяет не только поведение и характер центрального персонажа, но и всю создаваемую в рассказе модель бытия» [36. С. 22]. Это связано с тем, что в мифологической картине мира архетип «низа» (в рассказе это морское дно, трюм, где солдаты страдают от

духоты) содержит негативный смысл, а «верх» (это небо, появляющееся в четвертой главе («Наверху глубокое небо, ясные звёзды, покой и тишина – точь-в-точь как дома в деревне» [15. Т. 7. С. 337] и в финале рассказа, а так же палуба, которую посещает в последний раз Гусев) – позитивный.

Отметим, что основные пространственные картины корабля даны через восприятие Гусева. «Желая изобразить локальный микромир лазарета максимально реально, Чехов старается донести до читателя ощущения человека, находящегося на корабле» [35. С. 32]. Лиминальным локусом между тесным и душным трюмом и палубой является «синий кружок – маленькое окошечко». Неслучайно Гусев во время разговора с Павлом Ивановичем обращает свой взгляд на это окошечко, где «на прозрачной, нежно-бирюзовой воде, вся залитая ослепительным, горячим солнцем, качается лодка» [15. Т. 7. С. 334]. Реальное пространство впервые обретает объем, расширяется, предвещая будущее желание Гусева выйти на палубу. Но предвестники будущего расширения пространства уже содержатся в онейрическом пространстве – во снах Гусева. Проникновение в сознание героя, вплоть до описания сна – одни из главных признаков того, что точка зрения героя отождествляется с точкой зрения повествователя. Во снах Гусев видит разные картины, обладающие пространственной конкретностью: «Рисуется ему громадный пруд, занесенный снегом... На одной стороне пруда фарфоровый завод кирпичного цвета, с высокой трубой и с облаками чёрного дыма; на другой стороне – деревня» [15. Т. 7. С. 328]. Не менее важен образ бычьей головы без глаз во втором видении Гусева [15. Т. 7. С. 331]. Исследователи, предпринимая попытку толковать сон, не раз отмечали, что мысли Гусева обрываются этим символом смерти [36. С. 32; 37. С. 78–100]. Ментальное пространство, существующее только в сознании персонажа, впоследствии становится предчувствием финала. В последней главе видения, вызванные вполне реальными причинами, не покидают Гусева и приобретают свой особый смысл: «Снится ему, что в казарме только что вынули хлеб из печи, а он залез в печь и парится в ней берёзовым веником» [15. Т. 7. С. 338]. Этот образ можно трактовать с точки зрения мифопоэтики: в славянском фольклоре «пространство печи» имеет особую символическую значимость: «В обрядовом контексте печь символизирует одновременно и могилу, смерть, и рождающее женское лоно, причем засовывание ребенка в печь призвано убить болезнь и самого ребенка, чтобы возродить его уже здорового» [35. С. 36]. Мифопоэтическая трактовка данного образа позволяет предположить не только будущую участь Гусева, но и возможность его возрождения.

Данный сон фиксирует сближение точек зрения повествователя и Гусева в идеологическом плане. В дальнейшем время рассказа сгущается (два дня перед смертью повествователь не фиксирует), и после тело Гусева выносят из лазарета и начинаются похороны по морскому обычаю¹. Если до этого

¹ Ср. воспоминание А.П. Чехова о возвращении с Сахалина через Индийский океан в письме от 09.12.1890: «По пути в Сингапур бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда

пространственная точка зрения представлена была только Гусевым, то после смерти повествователь отделяется и становится самостоятельной фигурой со своим голосом. Когда Гусева отпускают в океан, повествователь и здесь не покидает его, находясь как будто рядом с героем, следуя за ним. Это тоже одна из разновидностей совпадения пространственных позиций повествователя и персонажа, когда автор следует за персонажем, но не перевоплощается в него, при этом описание характеризуется как «надличностное» [13. С. 102]. Эта тесная сомкнутость персонажа и повествователя не позволяет отделить слово одного от слова другого. Можно предположить, что такая помеха как раз создает эффект продления жизни, «мёртвый Гусев как бы вовсе не умер или что граница как бы между жизнью и смертью как бы стирается» [33. С. 193].

Последние три абзаца данного рассказа позволяют повествователю занять независимую позицию и освободиться от «сцепления с героем». В финальном абзаце между главными оппозициями рассказа «верхний» (небо) и «нижний» (океан) миром наступает гармония. Океан оживает, приобретает человеческие черты: он смотрит на небо, хмурится. Появляется разница эпитетов, используемых в описании неба и океана: «А наверху в это время, в той стороне, где заходит солнце, скучиваются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы... Из-за облаков выходит широкий зелёный луч и протягивается до самой середины неба; немного погодя рядом с этим ложится фиолетовый, рядом с ним золотой, потом розовый... Небо становится нежно-сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно» [15. Т. 7. С. 339]. Тайна смерти – одна из самых непостижимых для человека. Поэтому так трудно выразить словами то состояние океана, наступающее после ухода во тьму пучины Гусева. Но нельзя не выделить один важный нюанс в описании погружения трупа Гусева на дно океана: «Вахтенный приподнимает конец доски, Гусев сползает с неё, летит вниз головой, потом перевёртывается в воздухе и – бултых! Пена покрывает его, и мгновение кажется он окутанным в кружева, но прошло это мгновение – и он исчезает в волнах» [15. Т. 7. С. 338]. Важен образ морской пены, которая, согласно Г. Башляру, символизирует материнское молоко, выходящее из глубин, связанных в мифах с темой порождающего всё материнского лона [38. С. 221]. Таким образом, Гусев переходит грань между мирами, он уходит из реальности, через пограничное пространство океана (мир мёртвых, подводное царство), после чего его душа возрождается и обретает бессмертие.

Подводя итоги, отметим, что повествовательная структура «Гусева» характеризуется возрастающей ролью восприятия пространства героем. Это восприятие изображено с помощью несобственно-прямой речи повествова-

вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море» [15. Т. 22. С. 140].

теля, и проявлении существенной роли ойнерического пространства, повторяющегося на композиционном уровне несколько раз. Такое восприятие пространства усугублено особенностями использования несобственно-прямой речи повествователя и укрупнением роли ойнерического пространства.

Как показал анализ прозы А.П. Чехова, восприятие пространства «объективного» периода подчинено субъективности героя. Пространственные реалии представляют собой репрезентацию сознания героя, отражают внутренний мир персонажа и его мировосприятие. Анализируя концепции пространства в чеховедении, можно говорить о том, что творчество А.П. Чехова в аспекте пространства позволяет проследить эволюцию художественной манеры писателя. Характеристика пространства и «точка зрения» в пространственно-временном отношении отражают периодизацию творчества писателя. Во многих исследованиях отмечено, что уровень пространства и его восприятие изоморфны другим уровням художественной системы произведения. Кроме того, концептуальные локусы и пространственные модели связаны напрямую с миропониманием как персонажа, так и автора. Исследование восприятия пространства в ранних рассказах А.П. Чехова показало, что отражение реалий в сознании героя пока еще подчинено оценочной характеристике повествователя. Роль восприятия реальности героя всё еще минимальна, но в рассказах, традиционно считающихся «переходными» (начиная с 1887 г.), роль восприятия пространства героем возрастает. В рассказе «Поцелуй» образы пространства подчиняются фабульной конструкции «случая», восприятие реалий является составляющей сюжет прозрения, который связан с изменением психологического состояния героя. Здесь «случай» выступает ключевым событием анекдота, но в сюжетном смысле «случай» выступает моментом прозрения. Характерно, что «случай» как прозрение воспринимается именно героем. Возрастает роль восприятия пространства, позволяющего сделать вывод о возможности / невозможности сюжета прозрения в рассказе. Изучение восприятия пространства в рассказах зрелого периода позволило сделать вывод о том, что восприятие сдвигается в сторону максимальной концентрации психологического состояния героя. В рассказе «Воры» иллюзии и синкретизм восприятия художественного пространства создают картину путанного и кризисного миропонимания. Искажения визуального восприятия создают негативные изменения в картине мира героя. Такое восприятие пространства отражает иллюзорность миропонимания героя. Внутренний монолог Ергунова эту иллюзорность восприятия мира усиливает благодаря комическим аллюзиям и риторическим вопросам, разрешить которые ему невозможно. Рассказ «Гусев», начавший, по мнению многих чеховедов, новый период творчества Чехова, характеризуется возрастающей ролью восприятия пространства персонажем. В рассказе от третьего лица восприятие пространства изображено с помощью несобственно-прямой речи повествователя и проявления ключевой роли ментальных пространств (сны и ведение с детализацией пространственных картин). Даже после смерти персонажа в сюжете рассказа восприятие пространства стилистически указывает на подчиненность повествователя сознанию героя.

Список источников

1. *Горячева М.О.* Проблема пространства в художественном мире А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 16 с.
2. *Сухих И.Н.* Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. 184 с.
3. *Разумова Н.Е.* Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск : Изд-во ТГУ, 2001. 522 с.
4. *Пыхтина Ю.Г.* К проблеме использования пространственной терминологии в современном литературоведении // Вестник Оренбургского университета. 2013. № 11. С. 29–36.
5. *Печерская Т.И.* Сюжетика дачного локуса в рассказах А.П. Чехова // Универсалии русской литературы. Воронеж : Издательский дом Алейниковых, 2009. С. 440–448.
6. *Кубасов А.В.* Рассказы А.П. Чехова: поэтика жанра. Свердловск : Изд-во Свердл. гос. пед. ин-та, 1990. 72 с.
7. *Жеребцова Е.Е.* Хронотоп прозы А.П. Чехова как явление поэтики и онтологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2003. 22 с.
8. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 290 с.
9. *Полоцкая Э.А.* А.П. Чехов. Движение художественной мысли. М. : Сов. писатель, 1979. 340 с.
10. *Цилевич Л.М.* Сюжет чеховского рассказа. Рига : Звайгзне, 1976. 238 с.
11. *Сузрюкова Е.Л.* Визуальные образы в творчестве А.П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 178 с.
12. *Козлов А.Е.* Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. 196 с.
13. *Успенский Б.А.* Семиотика искусства. М. : Языки русской культуры, 1995. 360 с.
14. *Покусаев Е.И.* Об идейно-художественной концепции рассказа А.П. Чехова «Враги» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого дона» : сб. науч. ст. Л. : Наука, 1969. С. 183–190.
15. *Чехов А.П.* Собр. соч. : в 30 т. Т. 6: Рассказы, повести, статьи 1887–1888 годов. М. : Наука, 1985. 739 с.; Т. 7: Рассказы, повести, статьи 1888–1891 годов. М. : Наука, 1985. 739 с.; Т. 22: Письма 1890–1892. М. : Наука, 1976. 656 с.
16. А.П. Чехов. Энциклопедия / под науч. ред. В.Б. Катаева. М. : Просвещение, 2011. 696 с.
17. *Катаев В.Б.* «Враги»: интерпретация эпохи перестройки // Театр. 1991. № 1. С. 114–119.
18. *Печерская Т.И.* Сюжетная ситуация «военные на постое» в пьесе А.П. Чехова «Три сестры» // Чеховиана. «Три сестры – 100 лет». М. : Наука, 2001. С. 108–111.
19. *Тюпа В.И.* Художественность чеховского рассказа : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1989. 135 с.
20. *Канашина А.А.* История одного превращения (рассказ А.П. Чехова «Поцелуй») // А.П. Чехов: байкальские встречи : сб. науч. тр. Иркутск : РИО ИГУ, 2003. С. 89–97.
21. *Тарасова И.А.* «Интерпретатор не бесконтролен»: имплицитный читатель в структуре художественного произведения (на материале рассказа А.П. Чехова «Поцелуй») // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: Статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2010. С. 194–200.
22. *Шмид В.* Проза как поэзия Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. 354 с.
23. *Биццли П.М.* Чехов // Русское зарубежье о Чехове: Критика, литературоведение, воспоминания: Антология. М. : Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына, 2010. URL: http://az.lib.ru/-c/chehow_a_p/text_1930_bitzilli_chehov.shtml
24. *Платон.* Собрание сочинений : В 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 860 с.

25. Собенников А.С. Чехов и христианство : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016. URL http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/chehov/_sobennikov/
26. Камянов В.И. Время против безвременья: Чехов и современность. М. : Советский писатель, 1989. 384 с.
27. Собенников А.С. Судьба и случай в русской литературе: от «Метели» А.С. Пушкина к рассказу А.П. Чехова «На пути» // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М. : Наука, 1998. С. 13–144.
28. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3 т. Т. 1. 258 с.; Т. 3. 300 с. М. : Современный писатель, 1995.
29. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. Новосибирск : Изд. СО РАН, 2006. Вып. 2. С. 140–183.
30. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. 256 с.
31. Полякевич Л.А. «Тамань» Лермонтова, «Воры» Чехова и интертекстуальность // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. М. : Наука, 2007. С. 374–386.
32. Чудаков А.П. Мир Чехова: возникновение и утверждение. М. : Сов. писатель, 1986. 384 с.
33. Чумаков Ю.Н. Акула и Гусев (о финале чеховского рассказа) // Поэтика финала : сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 191–194.
34. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во МГУ, 1979. 327 с.
35. Антонец А.Ю. Деформации художественного пространства в рассказе А.П. Чехова «Гусев» (к вопросу о психологизме чеховской прозы) // Филологические штудии. Вып. 3. Иваново, 1999. С. 31–39.
36. Доманский Ю.В. Статьи о Чехове. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. 95 с.
37. Хаас Д. «Гусев» светлый рассказ о мрачной истории // Чеховский сборник. М., 1999. С. 78–100.
38. Башиляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 376 с.

References

1. Goryacheva, M.O. (1992) *Problema prostranstva v khudozhestvennom mire A.P. Chekhova* [The problem of space in the artistic world of A.P. Chekhov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Sukhikh, I.N. (1987) *Problemy poetiki A.P. Chekhova* [Problems of A.P. Chekhov's Poetics]. Leningrad: Leningrad State University.
3. Razumova, N.E. (2001) *Tvorchestvo A.P. Chekhova v aspekte prostranstva* [Anton Chekhov's Works in the Aspect of Space]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Pykhtina, Yu.G. (2013) К проблеме использования пространственной терминологии в современном литературоведении [On the problem of using spatial terminology in modern literary studies]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta*. 11. pp. 29–36.
5. Pecherskaya, T.I. (2009) Siuzhetika dachnogo lokusa v rasskazakh A.P. Chekhova [Plot structure of the dacha locus in Anton Chekhov's stories]. In: *Universalii russkoy literatury* [Universals of Russian Literature]. Voronezh: Izdatel'skiy dom Aleynikovykh. pp. 440–448.
6. Kubasov, A.V. (1990) *Rasskazy A.P. Chekhova: poetika zhanra* [Anton Chekhov's Stories: Poetics of Genre]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical University.
7. Zherebtsova, E.E. (2003) *Khronotop prozy A.P. Chekhova kak yavlenie poetiki i ontologii* [Chronotope of Anton Chekhov's prose as a phenomenon of poetics and ontology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
8. Chudakov, A.P. (1971) *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow: Nauka.
9. Polotskaya, E.A. (1979) *A.P. Chekhov. Dvizhenie khudozhestvennoy mysli* [Anton Chekhov. Movement of Artistic Thought]. Moscow: Sovetskiiy pisatel'.

10. Tsilevich, L.M. (1976) *Syuzhet chekhovskogo rasskaza* [Plot of the Chekhov Story]. Riga: Zvaigzne.
11. Suzrukova, E.L. (2010) *Vizual'nye obrazy v tvorchestve A.P. Chekhova* [Visual images in the works of Anton Chekhov]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
12. Kozlov, A.E. (2014) *Provintsial'nye siuzhety russkoy literatury XIX veka* [Provincial Plots of 19th-Century Russian Literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
13. Uspenskiy, B.A. (1995) *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
14. Pokusaev, E.I. (1969) Ob ideyno-khudozhestvennoy kontseptsii rasskaza A.P. Chekhova "Vragi" [On the ideological and artistic concept of Anton Chekhov's story Enemies]. In: *Ot "Slova o polku Igoreve" do "Tikhogo Dona"* [From The Tale of Igor's Campaign to Quiet Flows the Don]. Leningrad: Nauka. pp. 183–190.
15. Chekhov, A.P. (1976–1985) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 6, 7, 22. Moscow: Nauka.
16. Kataev, V.B. (ed.) (2011) *A.P. Chekhov. Entsiklopediya* [Anton Chekhov. Encyclopedia]. Moscow: Prosveshchenie.
17. Kataev, V.B. (1991) "Vragi": interpretatsiya epokhi perestroyki [Enemies: interpretation of the Perestroika era]. *Teatr*. 1. pp. 114–119.
18. Pecherskaya, T.I. (2001) Syuzhetskaya situatsiya "voennye na postoe" v p'ese A.P. Chekhova "Tri sestry" [Plot situation "military men on quarters" in Anton Chekhov's play Three Sisters]. In: *Chekhoviana. "Tri sestry – 100 let"* [Chekhoviana. "Three Sisters – 100 Years"]. Moscow: Nauka. pp. 108–111.
19. Tyupa, V.I. (1989) *Khudozhestvennost' chekhovskogo rasskaza* [Artistry of the Chekhov's Story]. Moscow: Vysshaya shkola.
20. Kanashina, A.A. (2003) Istoriya odnogo prevrashcheniya (rasskaz A.P. Chekhova "Potseluy") [The story of one transformation (Anton Chekhov's story The Kiss)]. In: *A.P. Chekhov: baikal'skie vstrechi* [Anton Chekhov: Baikal Meetings]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 89–97.
21. Tarasova, I.A. (2010) "Interpretator ne beskontrolen": implitsitnyy chitatel' v strukture khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale rasskaza A.P. Chekhova "Potseluy") ["The interpreter is not uncontrolled": the implicit reader in the structure of a literary work (based on Anton Chekhov's story The Kiss)]. In: *Aleksandr Pavlovich Skaftymov v russkoy literaturnoy nauke i kul'ture* [Alexander Pavlovich Skaftymov in Russian Literary Science and Culture]. Saratov: Saratov State University. pp. 194–200.
22. Schmid, V. (1998) *Proza kak poeziya Pushkin, Dostoevskiy, Chekhov, avangard* [Prose as Poetry Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, Avant-Garde]. Saint Petersburg: INAPRESS.
23. Bitsilli, P.M. (2010) Chekhov. In: *Russkoe zarubezh'e o Chekhove: Kritika, literaturovedenie, vospominaniya* [Russian Emigration on Chekhov: Criticism, Literary Studies, Memoirs]. Moscow: Dom Russkogo Zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna. [Online] Available from: http://az.lib.ru/-c/chehov_a_p/text_1930_bitzilli_chehov.shtml.
24. Plato. (1990) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from Ancient Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
25. Sobennikov, A.S. (2016) *Chekhov i khristianstvo* [Chekhov and Christianity]. Irkutsk: Irkutsk State University. [Online] Available from: http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/chehov_/sobennikov/.
26. Kamyanov, V.I. (1989) *Vremya protiv bezzvetch'ya: Chekhov i sovremennost'* [Time Against Timelessness: Chekhov and Modernity]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
27. Sobennikov, A.S. (1998) Sud'ba i sluchay v russkoy literature: ot "Meteli" A.S. Pushkina k rasskazu A.P. Chekhova "Na puti" [Fate and chance in Russian literature: from Alexander Pushkin's The Blizzard to Anton Chekhov's story On the Way]. In: *Chekhoviana: Chekhov i Pushkin* [Chekhoviana: Chekhov and Pushkin]. Moscow: Nauka. pp. 13–144.

28. Afanas'ev, A.N. (1995) *Poeticheskie vozrozheniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazanyami drugih rodstvennykh narodov* [Poetic Views of the Slavs on Nature: An Attempt at Comparative Study of Slavic Legends and Beliefs in Connection with Mythical Tales of Other Related Peoples]. Vols 1, 3. Moscow: Sovremennyy pisatel'.

29. Romodanovskaya, E.K. (ed.) (2006) *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury: Eksperimental'noe izdanie* [Dictionary-Index of Plots and Motifs of Russian Literature: Experimental Edition]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS. pp. 140–183.

30. Dushchikina, E.V. (1995) *Russkiy svyatochnyy rasskaz: Stanovlenie zhanra* [Russian Christmas Story: Formation of the Genre]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

31. Polyakov, L.A. (2007) "Taman" Lermontova, "Vory" Chekhova i intertekstual'nost' [Lermontov's Taman, Chekhov's Thieves and intertextuality]. In: *Chekhoviana. Iz veka XX v XXI: itogi i ozhidaniya* [Chekhoviana. From the 20th to the 21st Century: Results and Expectations]. Moscow: Nauka. pp. 374–386.

32. Chudakov, A.P. (1986) *Mir Chekhova: vznik i utverzhdenie* [Chekhov's World: Emergence and Establishment]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

33. Chumakov, Yu.N. (2009) Akula i Gusev (o finale chekhovskogo rasskaza) [The shark and Gusev (on the ending of a Chekhov's story)]. In: Pecherskaya, T.I. (ed.) *Poetika finala* [Poetics of the Ending]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 191–194.

34. Kataev, V.B. (1979) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow: Moscow State University.

35. Antonovich, A.Yu. (1999) Deformatsii khudozhestvennogo prostranstva v rasskaze A.P. Chekhova "Gusev" (k voprosu o psikhologizme chekhovskoy prozy) [Deformations of Artistic Space in A.P. Chekhov's Story "Gusev" (On the Question of Psychological Realism in Chekhov's Prose)]. *Filologicheskie shtudii*. 3. pp. 31–39.

36. Domanskiy, Yu.V. (2001) *Stat'i o Chekhove* [Articles on Chekhov]. Tver: Tver State University.

37. Haas, D. (1999) "Gusev" svetlyy rasskaz o mrachnoy istorii [Gusev – a bright story of a dark occurrence]. In: *Chekhovskii sbornik* [Chekhov Collection]. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute. pp. 78–100.

38. Bachelard, G. (2004) *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected Works: Poetics of Space]. Translated from French. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

Информация об авторах:

Маматов Г.М. – канд. филол. наук, преподаватель кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: g.m.mamatov@yandex.ru

Матвеев И.В. – старший преподаватель кафедры правоведения Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: udicis@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.M. Mamatov, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: g.m.mamatov@yandex.ru

I.V. Matveev, senior lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: udicis@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.08.2024;
одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 18.08.2024;
approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья
УДК 81.161.1
doi: 10.17223/19986645/98/10

Ермак как герой поэзии и историософии Велимира Хлебникова

Валерий Владимирович Мароши^{1,2}

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия

² Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
^{1,2} maroshi@mail.ru

Аннотация. Выявляется динамика образа Ермака в хронологическом порядке на материале поэм, статей и заметок В. Хлебникова. Отмечается постоянное экфрастическое воздействие картины В. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Ермак не только один из эпических и легендарных русских героев, но и образец для самоидентификации поэта-авангардиста. Процесс завоевания Сибири и роль Ермака в нем в историософии Хлебникова противопоставлены, соответственно, процессу и акторам Русско-японской войны.

Ключевые слова: Хлебников, Ермак, воин, авангард, время, историософия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00071, <https://rscf.ru/project/25-18-00071/>

Для цитирования: Мароши В.В. Ермак как герой поэзии и историософии Велимира Хлебникова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 180–196. doi: 10.17223/19986645/98/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/10

Yermak as a hero in Velimir Khlebnikov's poetry and philosophy of history

Valeriy V. Maroshi^{1,2}

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
^{1,2} maroshi@mail.ru

Abstract. The article explores the dynamics of Yermak's image in chronological order based on Velimir Khlebnikov's poems, articles, and notes. In Khlebnikov's view, Yermak is the ideal Russian epic hero who represents the Russian nation at the stage of its self-assertion in history. Despite his exceptional status as a hero, the poet often places Yermak among other legendary heroes of the Russian world and pioneers of Siberia. Furthermore, he is often depicted with the same characteristics as his companions and the imagined community of Russian heroes. As a true epic hero, Yermak kills his

antagonist Kuchum, despite the historical fact. Yermak's verbal portrait includes an ekphrasis of Vasily Surikov's painting *Yermak's Conquest of Siberia* and clichés from Russian historical prose and poetry, particularly those by Pyotr Svinin and Konstantin Ryleev. Yermak's image in Khlebnikov's work is incorporated with the dynamic Siberian landscape of wind and river movement. The metaphor of the water mirror is particularly significant, as it brings Yermak closer to the role of a poet. As an addition to his epic heroism, Yermak becomes a model of victory for the militant avant-garde poet. In Khlebnikov's texts, Yermak variously appears as a symbol of a warrior besieging the castle of truth, the pinnacle of personal self-actualization, the ultimate embodiment of life, and finally a "god of death." Khlebnikov's Yermak is mythocentric, and he is not interested in the authentic historical image of the ataman or his tragic fate. The poet identifies himself with Yermak in the poem "My Campaigns" and the novel *Zangezi*, but he maintains a distance between himself and the hero. In turn, the poet's identification with Kuchum during a quarrel with his friends suggests that the conflict between Yermak and Kuchum is constantly present in his imagination. Yermak is one of the historical figures that Khlebnikov constantly returns to in his calculations of the laws of time. His role in history is also symbolic, as his campaign marks the beginning of a new historical cycle. The poet repeatedly contrasts Yermak with the anti-heroes of the Russo-Japanese War, such as Stessel and Kuropatkin. In Khlebnikov's historical calculations, the capture of the Siberian Khanate's capital, Isker, and the centuries-long exploration of Siberia by Russian pioneers are juxtaposed with the Russian army's retreat from Mukden and the surrender of Port Arthur. In these events, the author sees a meta-historical conflict between the continent and the sea, in which Yermak is portrayed as an actor of the land who subjugates the water.

Keywords: Khlebnikov, Yermak, warrior, avant-garde, time, philosophy of history

Acknowledgments: The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00071, <https://rscf.ru/project/25-18-00071/>

For citation: Maroshi, V.V. (2025) Yermak as a hero in Velimir Khlebnikov's poetry and philosophy of history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 180–196. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/10

Ермак на протяжении нескольких веков был и остается одним из любимых героев русского фольклора и литературы. Типология связанных с ним легенд, жанров, сюжетов и мотивов в последние три десятилетия разрабатывалась в основном уральскими и сибирскими историками и филологами. В конце XX – начале XXI в. отметим, в первую очередь, обобщающий труд фольклориста В.В. Блажеса [1] и статьи А.С. Янушкевича [2] и К.В. Анисимова [3], в которых была поставлена проблема «сюжета Ермака» в истории русской литературы. В последнее десятилетие в фокус внимания литературоведов попали уже жанровые аспекты [4] и эстетические модусы его образа [5], а также нарративная специфика самой истории покорения Сибири [6]. В статьях [7–9] была исследована роль его образа в художественных мирах Л.Н. Толстого и В.М. Шукшина соответственно, а в работе [10] – трансформация его изображения в советском историческом романе. Цель нашей статьи – выявление значимости и динамики поэтического образа Ермака и его сподвижников в творчестве и историософии Велимира Хлебникова.

В «Автобиографической заметке», написанной в 1914 г., Велимир Хлебников мифологизирует свою локальную связь с монгольскими номадами и генетическую – с запорожским казачеством, которое дало наиболее смелых русских первооткрывателей и путешественников: «Родился... в стане монгольских исповедующих Будду кочевников. <...> В моих жилах есть армянская кровь (Алабовы) и кровь запорожцев (Вербицкие), особая порода которых сказала в том, что Пржевальский, Миклухо-Маклай и другие искатели земель были потомками птенцов Сечи» [11. Т. 6, кн. 2. С. 243]. Его герои, путешественники по пространству и времени, – это, как известно, и первооткрыватели пространства нового слова, которые осваивают своего рода поэтический фронтир контакта «прирученного», обыденного и автономного «дикого» слова: «Мы, дикие звуки, Мы, дикие кони. Приручите нас: Мы понесем вас В другие миры, Верные дикому Всаднику Звука» [11. Т. 5. С. 346]. Напомним, что поход Ермака в русской историографии и художественной литературе традиционно изображался как контакт русских людей с диким, неосвоенным природным пространством («На диком берегу Иртыша...» [12. С. 146]; Ср. у Хлебникова «О, дикое небо, быть Ермаком...» [11. Т. 4. С. 60]) и «дикарями».

С самого начала его творчества воображение поэта занимали скифы, русские и малороссийские казаки XVI–XVIII вв. в роли пассионарных кочующих авантюристов. Эпический герой-воин – это роль и метафора поэта-будетлянина, оружием которого становится познание законов времени и творчество языка, характерна для поэзии Хлебникова от самых ранних его стихов до «Зангеzi»: «Гонимый морем, я бежал по камням, сняв обувь и потупя глаза безумного воина будущего» [11. Т. 5. С. 144]; «Я пел песни сурового будетлянского воина» [11. Т. 5. С. 146]; «Я воин; время – винтарь» [11. Т. 5. С. 345]. Союзников в так понимаемой войне он видел в среде художников-авангардистов и поэтов «Гилеи»: «Я встретил одного художника и спросил, пойдет ли он на войну? Он ответил: “Я тоже веду войну, только не за пространство, а за время”» [11. Т. 5. С. 127]; «Современники делятся на воинов и цуциков. Воины – это мы, а цуцики – это те, кто питаются от остатков после нас. Из наиболее замечательных цуциков следует отметить... цуцик Куприн, цуцик Сологуб» [11. Т. 6, кн. 2. С. 83].

Такой тип литературного героя кажется малоподходящим для автобиографического Велимира, зато он идеально соответствует общей этимологии и типологии мирового и русского авангарда как небольшого, но отборного отряда, движущегося впереди войска во время военных действий. Малочисленное войско Ермака, проложившее дорогу более регулярным отрядам и победившее гораздо более многочисленных врагов, идеально соответствовало такой картине мира. Хлебников, как мы увидим далее, сражается с языком, консервативным большинством человечества, временем, смертью, которые чаще всего в его творчестве символически обозначены многозначным мотивом «моря»: «Пространство завоевано, и трава пространств завянет. Право имения перейдет на творческий бой за время» [11. Т. 6, кн. 2. С. 159]; «Я участвовал в большой битве мертвецов пространства и войск; время

люда, время юношей и три осады занимали мой мозг. Башня толп, башня времени, башня слова» [11. Т. 6, кн. 2. С. 160]. Плававшие по рекам и морям русские и запорожские казаки из давнопрошедших легендарных времен идеально подошли для поэта будущего.

Демонстративная самоидентификация с мифологическими и эпическими героями, акторами истории и победителями Рока для будущего Председателя Земного Шара и Короля Времени закономерна. Напомним, что подобные лирические роли до него в нескольких лирических циклах разыграл В. Брюсов («Любимцы веков», «Правда вечная кумиров»). От реальной же рядовой солдатчины в 93-м пехотном полку, как известно, Хлебников всеми силами стремился избавиться. После потрясения от Цусимской катастрофы семантическое поле войны он перевел в метапоэтическое измерение, используя метафорический потенциал батальной лексики («меч», «кисть», «битва», «осада» и т.д.).

Среди героев русского фронта XVI–XVIII вв., его, как и многих других русских литераторов, привлекала фигура наиболее мифогенного и мифоцентричного его представителя – атамана Ермака. Он станет для Хлебникова одной из аватар русского Воина-номада и первопроходца-победителя, роли которых поэт понимал чрезвычайно широко. Сразу отметим, что трагическая гибель атамана, жертвы Рока и коварных татар, ставшая темой баллады К. Рылеева («Но роковой его удел / Уже сидел с героем рядом / И с сожалением глядел / На жертву любопытным взглядом» [12. С. 144]; «Но сила року уступила, / И, закипев страшней, река / Героя с шумом поглотила» [12. С. 145]), его никогда не интересовала: «Вести борьбу с роком, а не с людьми. Достичь уравниения людей через уравниения чисел» [11. Т. 6, кн. 2. С. 90].

«...мы, Запорожская Сечь, подплыли к голубому городу...» наброске «Памятники должны воздвигать...» (1913) Хлебников предложил пластическое воплощение образа Ермака. Им, по замыслу поэта, должна стать установка огромной статуи атамана на Волге, откуда начинался его поход в Сибирь. Она изобразит его в виде русского варианта американской Статуи свободы, но в ладье и с пищалью в руке: «Поэтому должной цепью памятников можно сказать сердцу русского народа нечто, речь. Чугунное ударение русской речи – по обеим сторонам Днепра, дабы пароходы плыли под памятниками. <...> На Волге в Самаре (ворота в Сибирь) – памятник Ермаку, самый высокий в мире, подобный статуе свободы в Америке, а в нем ладья <нрзб.> и колосс с дымящейся пищалью, а она светит огнем» [11. Т. 6, кн. 1. С. 209]. Памятники нужно поставить и другим знаменитым русским первопроходцам: «Кроме того, Дежневу, Хабарову и Афанасию Никитину там же (в Москве. – В.М.) или в Астрахани.

Так украсится и освятится красотой и лепотой русская земля и великорусский материк, вспоминая и объединяя людей из русского народа» [11. Т. 6, кн. 1. С. 209]. Очевидно, что Ермак и первые русские землепроходцы – это герои национального эпоса, а памятники им – высказывания в объединяющем русских коммуникативном дискурсе.

Стихотворение «Мы, воины, во иной край уверов...» (1908), которое не печаталось при жизни поэта и явно связано с картиной В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» (1895), может рассматриваться как самое раннее воплощение сюжета поход Ермака в его творчестве, хотя сам атаман не выделен на групповом портрете героев русского эпоса:

Мы, воины, во иной край уверовав,
Суровой ратью по лону вод текли.
Шеломы наши не сверкали серые,
Кольчуги тускло отражались в них.
Пищали вспыхнули огнем.
Мы знали, – верой и огнем
Рати серые согнем.
Моряной тихо веяло,
И, краше хитрых крас,
Над нами реял
Наш незлобивый тихий Спас

[11. Т. 1. С. 163].

Шеломы, пищали, большая хоругвь с изображением Спаса над русскими казаками, суровое выражение их лиц – все это легко опознаваемые детали картины Сурикова. Сложнее с «моряной» и движением «по лону вод», которые не могли быть переданы в статике исторического полотна. Мотив «веры в иной край», романтический по своему происхождению («Ты знаешь край...» из «Песни Миньоны» Гёте), который позже перерастет у Хлебникова в видение Сибири как Вырея, земного Рая, сплетен с эпическим мотивом веры как убежденности русского воинства в своей победе («верой и огнем»). Со времен Есиповской летописи (1636) и «Сибирской истории» С.У. Ремезова (1689) и по сей день поход Ермака интерпретируется в отечественной православной историографии как подвиг веры, сопровождаемый чудесами, знамениями и видениями, который привел к торжеству православия над «погаными» мусульманами и язычниками и в конечном счете к крещению многих сибирских народов. Однако для Хлебникова это скорее все же вера в свою победу над явно растерянными (на картине Сурикова) врагами.

Из-за позиции в начале строки не так уж просто интерпретировать смысл «Моряны / моряны», буквален он (моряна как «ветер с моря») или мифологичен (Моряна как славянское божество моря), которую Хлебников, активно изучавший труды по славянской мифологии, мог ввести в повествование наподобие женского «духа моря», осеняющего русских героев своим присутствием или, напротив, противодействием. Уже в ранних стихах и статьях («Курган Святогора») море получает у поэта амбивалентную национально-географическую и философскую символику.

Позже в творчестве поэта море предстанет символом мира вообще в его волнующейся событийной динамике (Ср. события революции «Это дикой воли ветер, Это морем подуло. Братва, напролом! [11. Т. 3. С. 336], его многозначная стихия станет одним из главных мотивов и метафор художественной философии и историософии Хлебникова. «Лоно вод», с одной стороны,

очевидный пушкинизм и фон суриковской картины, с другой – отражение исторической динамики русского первопроходчества по сибирским рекам. В стихотворении лишь Спас на казацком знамени предстает, в контрасте с суровой ратью не грозным, а «незловивым».

В другом раннем стихотворении «Мы желаем звездам тыкать...» (1910) Ермак тоже не индивидуализирован: он предстает лишь одним из персонажей эпических героев русской истории, от крестителя Владимира и былинного Добрыни до казачьих атаманов Дона и Запорожья:

Мы желаем звездам тыкать,
Мы устали звездам выкать,
Мы узнали сладость рыкать.
Будьте грозны, как Острица,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
Пусть кричат вожаки.
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки.
О, уподобьтесь Святославу –
Врагам сказал: «Иду на вы»
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.
С толпою прадедов за нами
Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди через сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где неверия пустыня,
Идите грозно, как Владимир
Или с дружиною Добрыня

[11. Т. 1. С. 414].

Определить реальную идентичность этого «мы» довольно затруднительно: оно в воображении Хлебникова обозначает и русских как нацию, и малочисленную группу воинственно и патриотически настроенных соратников по «будетлянству». Образная логика поэта понятна: художники-авангардисты и поэты-футуристы, как уже говорилось выше, тоже были первопроходцами, искателями неизведанного.

В данном случае любопытно, что Ермак пока лишь следует за этой группой, а не возглавляет ее. Путь «русского знамени», с одной стороны, напоминает движение иудеев во главе с Моисеем в Ветхом Завете в Землю Обетованную (не по «хлябям», а именно через них, как через Черное море). С другой стороны, «хляби» как некие избыточные воды и водяные бездны в контексте похода Ермака – вполне реальная гидрография, это реки, по которым плыли казаки. Заменяя «дым Отечества» (*fumus patriae* античной поэзии) на «дух Отечества», используя легендарные образы героев прошлого,

Хлебников замещает пространственный фронтир на ценностный императив: героям будущего предстоит восстановление веры, новое крещение как союз Владимира-крестителя и Добрыни. В этом смысле поход Ермака экстерриториален и предстает духовным подвигом возрождения родины и веры.

В поэме «Разговор душ» (1911–1912) авангардистские установки Хлебникова еще более органично соединяются с патриотическими. Так, в монологе «воина песни» последний вообразает себя и сибирским мамонтом, и Ермаком:

Твой лоб молнии били, твою шкуру секли ливни,
Ты знал свисты грозы, ведал ревы мышей,
Но, как раньше, блистают согнутые бивни
Ниже упавших на землю ушей.
И ты застыл в плащах косматорыжих,
Как сей страны нетленный разум,
И лишь тунгуз бежит на лыжах,
Скользя оленьим легким лазом.
О, дикое небо, быть Ермаком,
Врага Кучума убивать,
Какой-то молнии куском
Бросать на темную кровать!
<...>
Пояс казацкий с узорною резьбой
Мне говорил о серебре далеких рек,
Иль вспыхнувший грозно в час ночи разбой –
То наполнило душу мою, человек

[11. Т. 4. С. 60].

По законам героического эпоса Ермак у Хлебникова, вопреки исторической достоверности, должен собственноручно убить Кучума в поединке. Однако эту роль выполняет некий лирический сверхсубъект, выраженный на этот раз не «мы», а инфинитивом («врага убивать»). Схватка двух антагонистов могла стать обратимой в духе представлений самого поэта. Тогда он сам мог оказаться в роли убиваемого Кучума, например, в послании «Всем» (1922), в котором Хлебников обвиняет друзей в уничтожении своих рукописей:

Есть письма – мечь.
Мой плач готов,
<...>
Я продырявлен копьями
Духовной голодухи,
Истыкан копьями голодных ртов.
Ваш голод просит есть,
И в котелке изящных чум
Ваш голод просит пищи – вот грудь надармака!
И после упадаю, как Кучум
От копий Ермака.
То голод копий проколоть
Приходит рукопись полоть

[11. Т. 2. С. 393].

В 1921 г. в стихотворении «Мои походы» (1921) поэт снова провидит в Ермаке героя будущего, на это указывает само грамматическое время, в то время как людским множествам и даже самому лирическому герою путь в зазеркалье моря-зеркала закрыт:

Коней табун, людьми одетый,
Бежит назад, увидев море.
И моря страх, ему нет сметы,
Неодолимей детской кори.
Но имя веры, полное Сибирей,
Узнает снова Ермака –
Страна, где замер нежный вырей,
И сдастся древний замок А.
Плеск небытия за гранью Веры
Отбросил зеркалом меня.
О, моря грустные промеры
Разбойным взмахом кистеня!

[11. Т. 2. С. 321].

Название стихотворения наиболее ясно обозначает значимость самоидентификации поэта-авангардиста с Ермаком. Страх людей перед морем (временем, непознаваемостью и т.д.) выдвигает на первый план Воина, осаждающего вечный замок истины, в полном соответствии с авторским кредо «трех осад», которые цитировались выше. Сибирь приобретает собирательно-множественный смысл как пространство будущих незавершенных завоеваний героя, соответственно, используются глаголы в будущем времени. Прежние «хляби» здесь превращаются в «промеры моря», «плеск небытия», зеркало вод, которые должен преодолеть новый Ермак. Его буквенным символом становится «замок А», алеф, первая буква алфавитов важнейших письменных систем, восходящая к пиктограмме головы быка, для Хлебникова – к Минотавру, одному из воплощений Рока. Возможно, что «плеск небытия» намекает и на смерть Ермака в воде, но утверждать о прямом использовании этого мотива здесь нельзя. Имя веры / Веры в стихотворении следует, по-видимому, можно соотносить с «тремя Верами» одноименного лирического рассказа (1915–1916) и Верой Хлебниковой, сестрой поэта.

Вере и морю как иррациональным началам противопоставляется рацию «сметы», «промера», которое вооружено кистенем времен Разина и Ермака, отсылающим к числовым штурдиям самого поэта. Эти имена, в которых ударение падает на А, символичны для поэта не только своей ролью в истории, но и как звуко-символы. Можно предположить, что само имя Ермака для поэта было паронимически созвучно и словам «время», «мера», «море», «смерть». Возможно, что «плеск небытия» намекает и на смерть Ермака в воде.

Через год, в XVIII плоскости сверхповести «Зангези» (1922) картина завоевания Сибири предстанет в знакомой нам динамике движения по воде, но в гораздо более широкой исторической и пейзажной перспективе. Она

будет связана с историософскими опытами поэта. Во-первых, это ответный поход России и на восток после веков натиска азиатских кочевников на Запад, обусловленный хронологией исторических событий («через дважды в одиннадцатой три») с противоположным знаком и направлением. Лишь намеченный в раннем стихотворении образ завоеваний как натиска моря проявлен более отчетливо: земля высыхает после татарского моря, оставляя им лишь залив (то ли Золотой орды, то ли Казанского и Сибирского ханств, из контекста этой историко-географической метафоры это не становится ясным).

В фокусе внимания поэта будет уже не дружина Ермака, а он сам как вершитель исторической миссии – великого похода Москвы на Восток, завоевание «полмира», власть над которым А. де Токвиль предрек России:

Волны народов одна за другой
Катились на запад:
Готы и гунны, с ними татары.
Через дважды в одиннадцатой три
Выросла в шлеме сугробов Москва,
Сказала Востоку: «Ни шагу!»
Там, где земля от татар высыхала,
Долго блистал их залив,
Ермак с головою нахала,
Суровую бровь углом заломив,
Ветру поверив широкую бороду,
Плыл по прекрасным рекам Сибири
К Кучума далекому городу.
Самое нежное в мире
Не остановит его,
Победителя жребий
В зеркале вод отражался,
Звезды блистали Искера –
И полумир переходит к Москве

[11. Т. 5. С. 337].

Еще более символичной становится и позиция победителя по отношению к зеркалу воды: она уже соотносится не только с исканием утраченного Рая-Вырея и истины, но и с метапоэтической ситуацией властителя водного зеркала, завоевавшего время и пространство («Пен пан»). Ситуация пребывания эпического или лирического героя над / перед водной поверхностью предстает как «автометаописание творческого процесса, в ходе которого описывается собственное текстопорождение с математическими выкладками» [13. С. 57–58].

Портрет Ермака детализирован, к тому же Хлебников переносит на него узнаваемую деталь профиля одного из казаков с картины Сурикова: «Где вспоминая, что русские величали своих искусных полководцев именем сокола, и вспоминая, что глаз казака, глубоко запавший под заломленной бровью, и этой птицы – родича царственных птиц – один и тот же, мы начинаем знать, кто были учителя русских в военном деле» [11. Т. 5. С. 46]. Словесный

портрет атамана у Хлебникова, таким образом, синтетичен и открыто аллюзивен по отношению к картине Сурикова. Однако при этом он лишен индивидуальности: его черты повторяют литературные клише, сложившиеся вокруг Ермака еще в экфрасисах русской литературы романтической эпохи («суровый», «широкая борода»). На странице рукописной тетради поэта 1921 г. среди историко-хронологических сопоставлений текстологами было обнаружено и графическое изображение лица Ермака. Однако портрет Ермака набросан в анфас, а не в профиль, как у Сурикова [11. Т. 2. С. 322].

Черты лица и манера поведения персонажа «Зангези» вторят суровости и мрачности романтического сибирского пейзажа еще в «Смерти Ермака» у К. Рылеева: «Ко славе страстию дыша, В стране суровой и угрюмой...» [12. С. 143]. В историческом романе П. Свиньина «Ермак, или Покорение Сибири» (1834) суровость и угрюмость, широкая борода – это постоянные черты портрета и поведения самого Ермака: «Ни одна также улыбка не сорвалась с полумертвых уст его, закутанных в черную окладистую бороду.... Короткая черкесская епанча смурого цвета, ничем не отсвеченная, придавала еще более суровости его бледному лицу, на котором, словно в зеркале, отражалась буря мрачных, глубоких дум и душевных страданий» [14. С. 16–17]; «Давно ли атаман Кольцо стал бояться воды небесной? – спросил сурово незнакомец. – Кажись, он не размокал прежде и от морской?» [14. С. 24]; «И действительно, к тому месту, где были наши влюбленные, приближались два человека сурового вида» [14. С. 57–58]. Конечно, суровость, свойственная воину-будетлянину (см. выше), только усиливала идеальный романтический типаж.

В свержповести развернута и многослойно эпическая, т.е. природная, географическая и историческая панорамы похода Ермака как движения Руси на Сибирь и Восток, которое после Русско-японской войны сменилось уже обратным натиском Востока, поэтому взятию татарского Искера соответствует поражение русских под Мукденом:

Глядели на русских медвежие хари,
Играли в камнях медвежата,
Толпилися лось и лосята.
Манят и дразнят меха соболей
Толстых бояр из столицы,
Шли воеводы на поиск землицы,
Плыли по морю, по северным льдам.
Вслед за отходом татарских тревог –
Это Русь пошла на восток.
Через два раза в десятой степени три
После взятия Искера,
После суровых очей Ермака,
Отраженных в сибирской реке,
Наступает день битвы Мукдена,
Где много земле отдали удали.
Это всегда так: после трех в степени энной
Наступил отрицательный сдвиг.

[11. Т. 5. С. 338].

Русско-японская война, прежде всего ее ключевые катастрофы, Цусима и Мукден, – это геополитическая, общенародная и личная травмы России и Хлебникова, которые будут отзываться в его творчестве и историософии спустя многие годы: «Первое решение искать законы времени явилось на другой день после Цусимы, когда известие о Цусимском бое дошло в Ярославский край, где я жил тогда в селе Бурмакине» [11. Т. 6, кн. 2. С. 10]. Тем не менее, как мы увидим далее, на первый план в историософских построениях поэта выйдет именно поражение России под Мукденом и сдача Порт-Арутра, а не Цусима: «Где в малайском медведе я отказываюсь узнать сосеверянина и вывожу на воду спрятавшегося монгола, и мне хочется отомстить ему за Порт-Артуру» [11. Т. 5. С. 45]. Именно их отражения в обратной перспективе зеркала истории Хлебников в 1915 г. сопоставлял с событиями освоения сибирского фронта, что мы и рассмотрим далее.

Противопоставление взятия Искера Ермаком Порт-Артуру и Мукдену будет дополнено антитезой двух, по мнению Хлебникова, антиподов в истории – Ермака и А.М. Стесселя, коменданта сданного японцам Порт-Артура, чьи миссии в истории противоположны, по расчетам Хлебникова, в силу числового закона обратимости наиболее значимых событий истории (3 в десятой степени, 59 049 + 59 049 дней):

Стесселем стал Ермак
Через три в десятой степени дней
И столько же.
<...>
Ежели Стессель любил поросят –
Был он Ермак через три в десятой

[11. Т. 5. С. 338].

Понять последнюю аллюзию сложно: она может быть и литературного происхождения, и мистификацией поэта, и ассонансным созвучием русифицированного варианта Стессель с «Ferkel» (поросенок).

Еще раз к визуальности героев с картины Сурикова Хлебников вспомнит в набросках к «Доскам судьбы» (1922), уточняя их физиогномику и почти апокалиптическую миссию ее персонажей, противопоставив ее антигероям Русско-японской войны: «Сухое, безличное, казенное лицо Куропаткина, надушенные кверху усы Стесселя около лысой головы пожившего человека пришли на смену дружине Ермака с вдохновенно грозными лицами боя, с суровым взлетом бровей, углом занесенных к небу над грозными глазами, – через степени 3, которые как бог смерти, бог конца, <бог> северных рек вторгнулись в Сибирь и странным образом в творчестве художника Сурикова вновь ожили на полотне» [11. Т. 6, кн. 2. С. 93]. Здесь казаки Ермака подобны богам в своей исторической роли. Напомним, что генерал А.Н. Куропаткин – это главнокомандующий русскими войсками во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Однако поход Ермака – символ успешной самореализации человека: «Если его (Гоголя. – В.М.) рождение, начало жизни было “походом в Сибирь” того Ермака, который бывает в жизни каждого человека, его мысли о

Боге, поворот к Богу были Мукденом в жизни Гоголя, сдачей областей жизни жезлу смерти, отступлением Куропаткина» [11. Т. 6, кн. 2. С. 67]. Ермак как символ, таким образом, амбивалентен: он несет смерть, но он же – высшее проявление жизни.

Сопоставляя события в истории, Хлебников видит повторение с отрицательным знаком похода Ермака в отступлении Куропаткина: «В самом деле, если в уравнении $x = 3^n + 3^n$, как промежутка времени для отрицательных сдвигов, сделать $n = 11$, x будет равняться времени между разрушением Рима в 410 году, сделанным народами Востока, и Куликовской битвой, положившей конец движению этих народов. Эта битва дала отпор Востоку.

Сделав $n = 10$, получим x равным времени между походом Ермака и отступлением Куропаткина. Эти точки – начало и конец движения русских на восток» [11. Т. 6, кн. 2. С. 14].

В заметке о Гоголе Хлебников снова сопоставляет действия Куропаткина под Мукденом и Ермака под Искером, используя нечет, число 3 как символическую меру истории и художественный символ: «Между походом нашего далекого прадеда – Ермака и уходом обратно современника – Куропаткина прошло 310+ 310 дней.

Слово особенно звучит, когда через него просвечивает иной, “второй смысл”, когда оно стекло для смутной, закрываемой им тайны, спрятанной за ним; тогда через слюду обыденного смысла светится второй и темной избой смотрится в окно слов.

Знаменитая тройка Гоголя, где Россия скачет в виде масленичной тройки к неведомому будущему, звучала своим художественным шорохом слов так сильно лишь потому, что в нем сквозь конскую тройку сквозила и светилась быстрая «тройка дней», катившая Россию к Мукдену.

Но то, что по дороге от Искера было открыто сердцу, не было еще ясно разуму. Той пропасти, которую видели зоркие глаза сердца, не замечали очи разума, глаза ума» [11. Т. 6, кн. 2. С. 40].

Итак, сражение под Мукденом и взятие Искера – это два противоположных события по историософской логике Хлебникова: «Такая скрепа времени соединяет событие и противособытие во времени. Событие хода + А и событие обратного хода – А. Здесь твердое основание три и бесконечно растущий показатель степени... Если в первую точку умирает жертва, через 3^3 умирает убийца.

Если первая точка отмечена крупным военным успехом некоторой волны человечества, была шагом завоевания, то вторая точка, через 3^n суток, будет остановкой этого движения, днем отпора ему, днем междометий: стой! тпру!.. в то время как все эти 3^n дней хлестал кнут рока, и слышались мощные – гей! вперед! но-но!

Так, день битвы при Мукдене, 26.11.1905 г., когда было остановлено движение русских на восток, начатое взятием Искера дружиной Ермака, был через $3^{10} + 3^{10} = 2 \cdot 3^{10}$ после взятия Искера 25.X.1581 г.» [11. Т. 6, кн. 2. С. 14].

Поход Ермака и отступление Куропаткина – это начальная и конечная точки циклов исторического антагонизма Запада и Востока: «В самом деле, если в уравнении $x = 3^n + 3^n$, как промежутка времени для отрицательных

сдвигов, сделать $n = 11$, x будет равняться времени между разрушением Рима в 410 году, сделанным народами Востока, и Куликовской битвой, положившей конец движению этих народов. Эта битва дала отпор Востоку.

Сделав $n = 10$, получим x равным времени между походом Ермака и отступлением Куропаткина. Эти точки – начало и конец движения русских на восток.

Теперь докажем нашу истину, что событие, достигшее возраста 3^n дней, меняет свой знак на обратный» [11. Т. 6, кн. 2. С. 14]; «Мы видели вековой поединок Востока и Запада, мы видели, что шашка вылетает из рук одного из двух противников через 3^n дней после удачного выпада, когда та или другая столица обращается в мусор и золу. Искер, Киев, Рим, Лондон были одним рядом. Битвы при Мукдене, Ангоре, Куликовом поле, Борнгольме звучали через 3^n дней после первого ряда» [11. Т. 6, кн. 2. С. 16]; «...И как Куропаткин через $310 + 310$ после Ермака удалялся вспять...» [11. Т. 6, кн. 2. С. 67].

Дата завоевание Сибири – это и точка геополитического сюжета стремления государства к мировому господству: «Где каждое государство через 218 дней начинает мечтать о мировом владычестве. Мировая война была через 218 дней после основания Тевтонского ордена; русские завоевали Сибирь через 218 (дней. – В.М.) от начала своего государства. Через этот срок римляне стали господами Средиземного моря. Воля к мировому господству наступает через 218 дней» [11. Т. 6, кн. 2. С. 28].

Наконец, дата похода Ермака связана с исторической динамикой мифа о Москве как третьем Риме, продолжению его миссии: «Сдвиги русского народа 1) Уравнение происхождения “Третьего Рима”: (2) $X = K - 2^n \cdot 39 + (365 + 48 \cdot 4)(n - 1)$, $K = 26.11.1905$ – битва при Мукдене, день отпора Западу. Если $n = 1$, $X = 26.XI.1581$ – походу Ермака, началу движения русских на восток; $n = 2$, $X = 3.IX.36$ – битве при Навлохе, или началу движения римлян на восток» [11. Т. 6, кн. 2. С. 30].

В брошюре «Битвы 1915–1917 гг.: новое учение о войне» (1915) Хлебников соотносит погодичное историческое освоение пространства сибирского фронта русскими первопроходцами на протяжении нескольких веков с суточной и локальной динамикой продвижения японцев во время осады Порт-Артура: «Отдельная война есть уменьшенный в 365 раз вековой ряд соответствующих войн. Далее сравниваются походы в Сибирь и морские бои осады Порт-Артура. Как кажется, достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что морские бои у высот Ляотешаня следуют в том же порядке, что и русские походы в Сибирь. Но решетка чисел волн Тигрового залива и рек Сибири в одном случае имеет множителем – год, в другом – сутки» [11. Т. 5. С. 94]; «Война 1904 г. была уменьшенным и обратным повторением завоевания Сибири.

Начертав в виде ряда точек место в протяжении времени походов в Сибирь, сделав то же для битв на море и в осаде Артура и увеличив 2-й ряд в 365, мы увидим, что оба ряда, кроме некоторых пробелов, совпадают» [11. Т. 5. С. 98].

Например, взятию Искера и построению Березовского острога (1581. Город Сибирь. Иртыш. 1593 Березов. Обь.) в сопоставительной хронологической таблице Хлебникова соответствуют локальные микрособытия войны

«6–7 марта. Выстрелы по Владивостоку. 10 марта. Гибель “Стережущего”. 22 марта. Пятая битва. 26 марта. Потопление “Ханией-Мару”. 27 марта. Вход заперт судами “Чийо”, “Яхико” и “Фукумару”» [11. Т. 5. С. 95].

Таким образом, поэт хотел наглядно продемонстрировать обратимость не только исторического времени, но и пространства в их различном масштабировании, их взаимопроникновение: «Этой заменой да-единицы нет-единицей время нередко становится пространством, и обратно» [11. Т. 5. С. 44].

Эта модель пространственно-временных взаимосвязей интересна во многих отношениях. В ней Хлебников обращается к многолетней истории освоения Сибири русскими первопроходцами. В ней начальным звеном оказывается взятие Казани Иваном Грозным (1552 г.) и первая военная экспедиция за Урал войска А. Курбского, а не поход Ермака в Сибирь. В подобном видении истории он впервые вышел за пределы «ермакоцентричной» легенды в динамике русского фронта. Он перечисляет целый десяток имен с кратким упоминанием их географических открытий и завоеваний (речных и морских «походов», по Хлебникову, как у Ермака). То, что освоение Сибири первопроходцами шло по речным системам и вдоль морского побережья, привело, по Хлебникову, к зеркальному обратному эффекту в локальных боевых действиях у Порт-Артура: «Реки враждебны людям материка, а полуострова – людям моря. Все полотно покорения Сибири, где Курбский, Овцын, Прончищев, Дежнев, Лаптев, Байков, Поярков, Челюскин, Ермак, казалось, снова прошло <гибелью> у Ляотешаня, природной морской крепости, но в обратной волне, в ускоренном времени, точно брошенные в 1904 великим отражающим зеркалом» [11. Т. 5. С. 90].

Хлебников в этой брошюре намечает и актуальную для того времени геополитическую концепцию войны двух враждебных станов – моря с впадающими в него реками Сибири (которые дружественны странам-островам) – против земли (континента, полуостровов Сибири как частей суши), а также противостояние стран, относящихся к этим станам, в данном случае Японии и России: «Таким образом здесь выступает, если приподымать ткань явлений, обнажая остов, морской закон и каменный (земной) закон. Русские и полуострова в сухопутном стане, японцы и реки в стане моря, которое ответило за полон сибирских рек гневными, как выстрелы волн у берега, боями ускоренной “расплаты” – за Сибирь, за начатый падением Казани поток русских на восток до моря и плененные реки. И вот холодные очертания Сибири просвечивают сквозь осаду; по ходу морской войны можно сосчитать число полуостровов Сибири (два неудачных пятна в японской войне) и рек ее, точнее водоразделов.

Таков суровый закон полуостровов и рек в войне 1904 г., которая вся была уменьшенным повторением столетних войн, повторением на своем лепестке жил и их порядка походов за время 1552–1904» [11. Т. 5. С. 99].

В 1904 г. пионером подобного подхода («sea-powers», «the World-Island», «Heartland»), обосновав его геополитически, выступил британский географ Х.Д. Маккиндер, который в самом начале своей статьи сравнивает казаков Ермака с европейскими первооткрывателями, переплывшими через океан

[15. Р. 221], а также назначает русских казаков вообще по сути главными действующими лицами русского фронта [15. Р. 233–234]. У нас нет сведений, был ли знаком Хлебников с этой фундаментальной статьей, но теоретически он мог прочесть ее реферативное изложение в одном из русских журналов.

Итак, Ермак у Хлебникова – это идеальный русский эпический герой, образец человека действия для воинственного поэта-авангардиста. Победив Кучума и Рок, он сам стал воплощением рока для своих противников («бог смерти»). Ермак как человек-символ, человек-легенда – это наивысшая полнота самореализации. Несмотря на исключительный статус подобного героя, поэт не раз включает его в ряд других легендарных героев русского мира и первопроходцев Сибири, он, как правило, наделен теми же чертами, что и его дружина и воображаемая общность русских героев прошлого. Даты его похода в Сибирь в статьях и заметках Хлебникова соотнесены с началом новых циклов в российской и мировой истории. Поэт много раз возвращается к противопоставлению Ермака антигероям Русско-японской войны Стесселю и Куропаткину, а его свершений – прежде всего события взятия столицы Сибирского ханства, Искера, – сдаче Порт-Артура и отступлению от Мукдена. Визуальное изображение деталей его похода и портрета атамана обусловлено знаменитой картиной В. Сурикова и сложившимися клише исторической беллетристики. Ермак у Хлебникова из прошлого вечно плывет вперед, в грамматическом настоящем и в будущее время. Он связан с пространствами рек, моря и метафорой водного зеркала. Финальные события сюжета Ермака, смерть в воде или посмертные чудеса поэту не интересны, поход Ермака не завершен, он – вечный искатель истины.

Список источников

1. *Блажес В.В.* Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2002. 185 с.
2. *Янушкевич А.С.* «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820–1830-х годов // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова. Томск : Знамя мира, 1997. С. 40–48.
3. *Анисимов К.В.* Типологические и функциональные аспекты сюжета о Ермаке // Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 58–96.
4. *Анисимова Е.Е.* Конструирование исторической памяти о Сибири в русской литературе 1820-х годов: баллада А.Н. Муравьева «Ермак» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 87–101.
5. *Анисимов К.В.* Радищев, Карамзин, Рылеев: поэтика «консервативной» и «радикальной» версий образа Ермака (эпика vs. трагика) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 5–15.
6. *Анисимова Е.Е.* Ермак в русской словесности до Карамзина: первые опыты нарративизации истории покорения Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 128–147.
7. *Анисимова Е.Е.* Покорение Сибири в художественной оптике Л.Н. Толстого. Рассказ «Ермак» в составе «Второй русской книги для чтения»: редакции, поэтика «сцеплений» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 18–26.

8. Богумил Т.А. Ермаков сюжет в творчестве В. М. Шукшина // Культура и текст. 2017. № 3 (30). 2017. С. 117–124. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (дата обращения: 24.07.2025).
9. Кулятин А.И. Три атамана: Ермак, Разин и Чапаев в художественном мире В.М. Шукшина // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 109–116. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (дата обращения: 24.07.2025).
10. Баженова Я.В. Смена идеологии и трансформация поэтики советского исторического романа (Ермак в романах А. Весёлого и Е. Фёдорова) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 497. С. 16–25.
11. Хлебников В. Собрание сочинений : В 6 т. М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2000–2006.
12. Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1971. 487 с.
13. Капустина Е.А. Стихотворение Велимира Хлебникова «Пен пан»: текст и смысл // Культура и текст. 2020. № 4 (43). С. 49–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stihotvorenie-velimira-hlebnikova-pen-pan-tekst-i-smysl?ysclid=md9n1c5paf261735291> (дата обращения: 24.07.2025).
14. Свиньин П.П. Ермак, или Покорение Сибири : исторический роман XVI столетия. СПб. : Тип. Х. Гинце, 1834. Ч. 1. 231 с.
15. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII. P. 421–437.

References

1. Blazhes, V.V. (2002) *Fol'klor Urala: Narodnaya istoriya o Ermake* [Ural Folklore: Folk History of Yermak]. Yekaterinburg: Ural State University.
2. Yanushkevich, A.S. (1997) "Ermakov syuzhet" v russkoy literature 1820–1830-kh godov ["Yermak Plot" in Russian literature of the 1820s–1830s]. In: *Motivy i syuzhety russkoy literatury. Ot Zhukovskogo do Chekhova* [Motifs and Plots of Russian Literature. From Zhukovsky to Chekhov]. Tomsk: Znayma mira. pp. 40–48.
3. Anisimov, K.V. (2005) Tipologicheskie i funktsional'nye aspekty syuzheta o Ermake [Typological and functional aspects of the plot about Yermak]. In: *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of Poetics of Siberian Literature of the 19th – Early 20th Centuries: Features of Formation and Development of Regional Literary Tradition]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 58–96.
4. Anisimova, E.E. (2023) Konstruirovaniye istoricheskoy pamyati o Sibiri v russkoy literature 1820-kh godov: ballada A.N. Murav'eva "Ermak" [Constructing Historical Memory of Siberia in Russian Literature of the 1820s: A.N. Muravyov's Ballad "Yermak"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 87–101.
5. Anisimov, K.V. (2023) Radishchev, Karamzin, Ryleyev: The poetics of "conservative" and "radical" versions of Yermak's image (epic vs. tragic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/1
6. Anisimova, E.E. (2024) Yermak in Russian literature before Karamzin: First efforts to narrate the story of the Siberian campaign. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 128–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/7
7. Anisimova, E.E. (2024) The conquest of Siberia in Leo Tolstoy's literary optics. The short story "Yermak" as a part of the Second Russian Book for Reading: Redactions, poetics of "linkages". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 18–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/2
8. Bogumil, T.A. (2017) Ermakov syuzhet v tvorchestve V.M. Shukshina [Yermak Plot in the Works of V.M. Shukshin]. *Kul'tura i tekst*. 3 (30). pp. 117–124. [Online] Available from: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (Accessed: 24.07.2025).

9. Kulyapin, A.I. (2017) Tri atamana: Ermak, Razin i Chapayev v khudozhestvennom mire V.M. Shukshina [Three Atamans: Ermak, Razin, and Chapayev in the artistic World of V.M. Shukshin]. *Kul'tura i tekst*. 3 (30). pp. 109–116. [Online] Available from: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (Accessed: 24.07.2025).

10. Bazhenova, Ya.V. (2023) Change of ideology and transformation of the poetics of the Soviet historical novel (Yermak in the novels of Artyom Vesely and Evgeny Fedorov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 16–25. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/2

11. Khlebnikov, V. (2000–2006) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 1–6. Moscow: Institute of World Literature RAS, Nasledie.

12. Ryleev, K.F. (1971) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

13. Kapustina, E.A. (2020) Stikhotvorenie Velimira Khlebnikova "Pen pan": tekst i smysl [Velimir Khlebnikov's Poem "Pen pan": Text and Meaning]. *Kul'tura i tekst*. 4 (43). pp. 49–67. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/stikhotvorenie-velimira-hlebnikova-pen-pan-tekst-i-smysl> (Accessed: 24.07.2025).

14. Svin'in, P.P. (1834) *Ermak ili Pokorenie Sibiri: istoricheskiy roman XVI stoletiya* [Yermak or the Conquest of Siberia: Historical Novel of the 16th Century]. Part 1. Saint Petersburg: Tip. Kh. Gintse.

15. Mackinder, H.J. (1904) The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*. 33. pp. 421–437.

Информация об авторе:

Мароши В.В. – член исследовательской группы Красноярского государственного педагогического университета им. Астафьева (Красноярск, Россия); д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: maroshi@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Maroshi, Dr. Sci. (Philology), research team member, Viktor Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation); professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: maroshi@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 18.08.2025;
approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья

УДК 82

doi: 10.17223/19986645/98/11

Исследование баланса между правдой и вымыслом в исторической прозе: анализ трилогии Хилари Мантел

Райхон Шавкатовна Назарова¹

¹ *Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан,
ray11_91@mail.ru*

Аннотация. Проанализирована проблема соотношения факта и вымысла в исторической прозе на примере трилогии Хилари Мантел. Методы включали анализ точек зрения исследователей по данной теме и критический обзор актуальных трудов в области исторической прозы. Установлено, что исторический роман представляет собой сложное сочетание факта и вымысла, где автор стремится к отражению исторической правды, одновременно вводя элементы художественной интерпретации.

Ключевые слова: правда, вымысел, историческая проза, эпоха Тюдоров, интерпретация, биографические факты, трилогия

Для цитирования: Назарова Р.Ш. Исследование баланса между правдой и вымыслом в исторической прозе: анализ трилогии Хилари Мантел // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 197–209. doi: 10.17223/19986645/98/11

Original article

doi: 10.17223/19986645/98/11

Exploring the balance of truth and fiction in historical prose: A study of Hilary Mantel's trilogy

Raykhon Sh. Nazarova¹

¹ *Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan,
ray11_91@mail.ru*

Abstract. The following article delves into the intricate exploration of the delicate balance between fact and fiction within Hilary Mantel's acclaimed historical trilogy centered around the enigmatic figure of Thomas Cromwell. The research aims to elucidate the profound impact of artistic creativity in conveying the essence of historical truths through the medium of literature. Employing a multifaceted approach, the study involves a meticulous analysis of diverse scholarly perspectives on this thematic paradigm, juxtaposed with a critical appraisal of contemporary works within the realm of historical fiction. The investigation reveals the historical novel as a nuanced amalgamation of historical actuality and imaginative storytelling, where the author's endeavor to encapsulate historical truths is complemented by the infusion of artistic interpretation and subjective elements. Emphasizing the significance of maintaining a

harmonious equilibrium between historical accuracy and creative vision in the realm of historical fiction, the study underscores this balance as a pivotal aspect in the evolution of this literary genre. The scholarly inquiry has provided invaluable insights into the intricate interplay between historical realities and narrative fiction across the broader landscape of literary artistry. Moreover, the article posits that while Mantel's narratives strongly adhere to historical authenticity, they avoid claims to absolute objectivity, ushering readers into a realm where pivotal historical events – from Henry VIII's tumultuous rift with the Catholic Church to the political intrigues culminating in Cromwell's tragic demise – are reimagined through the lens of the protagonist's consciousness. Mantel's distinctive narrative approach steers clear of the romanticized portrayals akin to the traditions set by literary luminaries like Walter Scott, opting instead for a nuanced reconstruction of characters grounded in meticulous biographical research, offering a subjective interpretation of historical events interwoven with Thomas Cromwell's psychological landscape. Ultimately, the enduring legacy of Mantel's historical fiction transcends mere historical revivalism; it serves as a conduit for exploring the profound cultural transformations catalyzed by historical figures, thus breathing fresh vitality into the narratives of existence and illuminating the nuanced intersections of history, imagination, and human experience within the tapestry of literature.

Keywords: truth, fiction, historical prose, Tudor era, interpretation, biographical facts, trilogy

For citation: Nazarova, R.Sh. (2025) Exploring the balance of truth and fiction in historical prose: A study of Hilary Mantel's trilogy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 197–209. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/11

Анализ соотношения факта и художественного вымысла в исторической прозе является одним из ключевых аспектов в академических дискуссиях. Стремление к достоверности исторических событий в значительной степени может представлять собой бесплодные усилия – можно вымышлять сюжет в процессе творчества, игнорируя обязательность достижения истинности. Тем не менее разумно предполагать, что историческая художественная литература должна отражать тщательное исследование и верное представление фактов. В обход абстрактных постмодернистских дискуссий о релятивности исторических фактов, их субъективности и зависимости от индивидуального восприятия, можно утверждать, что существуют базовые исторические истины, признанные подавляющим большинством историков и исследователей. Следовательно, когда писатель допускает серию неточностей, критика, направленная в его сторону, может быть строгой и беспощадной.

Исследование взаимодействия факта и вымысла в исторических романах берет своё начало из ранних критических оценок данного жанра, особенно в анализе немецкого историка Леопольда фон Ранке. Ранке критически отнёсся к историческому роману с момента его зарождения («Уэверли» В. Скотта, 1814 г.), утверждая, что история должна быть строгой наукой, лишённой художественных украшений, которые, по его мнению, являются областью вымысла [1. С. 179]. Многие критики XIX в. поддержали точку зрения Ранке. Например, Х.М. Эредиа утверждал, что история превосходит

вымысел, рассматривая последний как деградацию исторической правды. Точно так же А. Мандзони выражал опасения относительно смешения истории и вымысла, предполагая, что это может привести к обману [2]. Со временем взгляды эволюционировали. В отличие от этих ранних критиков, современные историки, такие как Р. Слоткин, утверждают, что исторические романы могут точно воссоздавать прошлое через тщательное исследование и интерпретацию, предполагая, что они могут предложить более правдоподобное представление истории, чем традиционные исторические тексты [3. С. 225].

Р. Барт и М. Фуко впервые обратили внимание на активную роль читателя, который независим от автора в процессе интерпретации и поиска смысла. Они подчеркнули подвижность текста и бесконечность его толкований. Исследуя вопрос «смерти автора» в контексте возможной «смерти субъекта», Р. Барт и М. Фуко расширили рамки анализа текста и литературного письма. Переосмыслив классическое представление об авторе и субъекте, Фуко и Барт лишили их определённости, самодостаточности и стабильности, превращая субъект в зависимого от языковой и знаковой реальности, где ничто не существует вне текста. Они свели автора и субъект к функциональной роли, где субъект становится функцией движения дискурсов, растворяется в них и исчезает. «Смерть автора» (1967 г.) Барта ставит под сомнение традиционные представления об авторстве и предполагает, что смысл текста создаётся не автором, а читателем [4. С. 9]. Следовательно, это может быть применимо к историческим романам, где смешение фактов и вымысла может рассматриваться как способ вовлечения читателей в интерпретацию истории. Кроме того, в «Мифологии» – ещё одном фундаментальном научном труде, Барт анализирует, как культурные мифы и нарративы формируют наше восприятие реальности. Он показывает, что то, что мы воспринимаем как правду, часто является результатом сложной системы знаков и символов, которые могут исказить действительность [5. С. 193–194]. Из этого следует, что различие между правдой и вымыслом не всегда однозначно, и оба эти понятия могут быть пересмотрены в контексте того, как мы воспринимаем и интерпретируем информацию.

В контексте активных дебатов историков, философов и литературных критиков о возможности всестороннего познания прошлого и существования объективной исторической картины мира возникла новая форма исторического романа – историографический метароман, который базируется на упомянутых принципах и признании отсутствия непрерываемой исторической версии событий (М. Брэдли «Историческая личность» (The History Man, 1975); Дж. Барнс «История мира в 10½ главах» (A History of the World in 10½ Chapters, 1989); П. Акرويد «Хоксмур», «Дом доктора Ди» (Hawksmoor, 1985; The House of Doctor Dee, 1993); А.С. Байетт «Обладать» (Possession: A Romance, 1990); Г. Свифт «Водоземье» (Waterland, 1983) и др.). Впервые данный термин вводит канадская исследовательница Линда Хатчеон в 1988 г., поясняя, что «историографический – дословно “пишет историю”», метароман – текст комментирует свой вымышленный статус, подчёркивает сделанность произведения, обнажает “текстуальность текста» [6. С. 9].

Историографический метароман предполагает активное участие читателя в процессе, где он становится свидетелем исследования и сбора автором исторических материалов по определенному прошлому событию. Такой подход к роману иллюстрирует современные методы интерпретации исторического процесса, особо акцентируя внимание на проблематике относительности истины, взаимодействии факта и вымысла в художественной репрезентации минувших событий. Тем самым он провоцирует дискуссию об отсутствии абсолютной истины, подчёркивая, что историческая достоверность может быть представлена и переосмыслена по-разному.

Как отмечает Дж. де Грут, продолжая мысль Л. Хатчеон, в историческом романе происходит интеграция концепции неопределённости, вопросы точности исторического знания становятся предметом критического осмысления. Исследователь подчёркивает, что неопределённость и нарративное самосознание в постмодернистских историографических романах намеренно акцентируют внимание на относительности миметической точности традиционного реалистического повествования и вызывает сомнения по отношению к любым попыткам представить утверждаемый образ мира как достоверный образ мира и его прошлого [7. Р. 120].

Во второй части своего труда «Исторический роман» (Jerome de Groot, *The Historical Novel*, 2010 г.) исследователь обращается к вопросам генезиса исторического жанра, ссылаясь на рассуждения итальянского писателя А. Мандзони (речь идёт об очерке «Об историческом романе», 1884 г.), где подчёркивается нестабильность жанровой формы исторического романа, так как жанр подвластен переменам времени, тем самым прогнозируя вероятные направления эволюции жанра. Мандзони был категоричен в своих высказываниях о том, что современные исторические романы фальшивы с точки зрения подачи исторических фактов [7. Р. 31]. После прочтения «Исторического романа» де Грута можно прийти к выводу, что независимо от различных интерпретаций лингвистических и образных концепций мира, зашифрованных в уникальном историографическом изображении, ключевая особенность романа – его эпическая основа – воплощается в его готовности эволюционировать и адаптироваться в соответствии с изменениями в жизни и возрастающей сложностью рассуждений о ней.

На Хэйском литературном фестивале (Хэйский фестиваль литературы и искусства представляет собой ежегодное культурное событие, проводимое в маленьком городке Хэй-он-Уай в течение десяти дней с мая по июнь. Все национальные радиоканалы BBC, за исключением Radio One, участвовали в трансляции фестиваля, а с 2010-х по 2013 г. основные моменты фестиваля транслировались на Sky Arts, перед тем как основное вещание было возобновлено на BBC в 2014 г.), историк Джон Гай выразил свою обеспокоенность по поводу неточностей в исторических романах. Многие произведения самых известных и талантливых писателей исторической прозы, таких как Хилари Мантел, в настоящее время рассматриваются студентами как учебные пособия по истории. Идея Мантел о Томасе Море, представленная в первой части трилогии «Вулфхолл» (2009 г.), как о мизогинисте и злодее,

по мнению Гайя, ошибочна, ибо писательница, вероятно, опиралась на предвзятые, но широко принятые исторические записи о Т. Море с целью создания захватывающего романа об интригах английского государства в XVI в. Согласно Дж. Гайю, в исторических романах Мантел присутствуют и другие фактические неточности, но, по его мнению, это не должно вызывать беспокойство [8]. Однако его опасения заключаются во влиянии качества художественной литературы на восприятие читателями и студентами этого текста как точного и достоверного описания исторических событий. Следовательно, можно прийти к выводу, что писатели исторической прозы играют ключевую роль в формировании коллективной памяти о личностях и событиях прошлого.

В рамках Рэйтских лекций, транслируемых на радиостанции BBC Radio 4 в июле 2017 г., Хилари Мантел высказала свою точку зрения на критику, высказанную Джоном Гаем. Она отметила, что факты не освещают истину, а лишь представляют то, что сохранилось в архивах [9]. Интерпретация этих записей или их возможное неверное понимание лежат на плечах читателей. Писатель исторической прозы не противопоставляется историку-академику; оба должны применять творческий подход, особенно сталкиваясь с пробелами в архивах – выбор, упущение, искусное расположение – все это необходимо для цельного повествования. Мантел утверждала, что истину истории нельзя полностью обнаружить в «коронациях, конклавах кардиналов, пышных процессиях» [9], но писатели должны обращать внимание на «вздохи женщин» или «руку, поднимающую занавеску кровати» [9], на существенные аспекты человеческой жизни, которых не найти в официальных архивах. Писательница Аманда Форман поддерживала взгляды Мантел, отмечая, что «только дураки и педанты могут возражать против художественной свободы» [9]. Если точность действительно является единственным критерием, который имеет значение, нам пришлось бы отказаться от множества любимых классических произведений, от «Илиады» Гомера до «Войны и мира» Льва Толстого [10].

Несмотря на эти обоснованные аргументы, важно, чтобы писатели не вводили в заблуждение своих читателей ошибочными фактами. Большинство рецензентов подчёркивают, что анахронизмы и ошибки в исторической прозе являются раздражающими и могут нарушить связь между автором и читателем. По мнению большинства критиков, мелкие исторические факты могут быть изменены по мере необходимости, чтобы соответствовать сюжету, при условии, что такие изменения были признаны автором в примечаниях или другой форме послесловия в конце текста и что они не являются ключевыми элементами исторического повествования.

В сфере исторической художественной литературы возникает значительная проблема: интерпретация довольно надёжных источников часто остаётся субъективной и предположительной для различных экспертов-писателей. То, что один автор считает установленным историческим фактом, благодаря его знанию материала может быть рассмотрено другим историком

как произвольное утверждение. Некоторые писатели добавляют библиографию к своим произведениям для того, чтобы продемонстрировать использование исторических источников, особенно если их труды вызывают споры.

Автор исторической художественной литературы Элизабет Чедвик подняла волну споров, подчеркнув важность сохранения исторической целостности в сюжете произведений. Она отметила, что сюжет должен тесно связываться с историческими фактами несмотря на то, что под «точностью» могут пониматься различные значения. Ни один автор не способен идеально воспроизвести историческую действительность, однако важно стремиться к тщательной подготовке и использованию доступной информации. Одним из ключевых аспектов писательского искусства в исторической художественной литературе является способность сформировать увлекательное повествование, сохраняя при этом достоверность исторических фактов и деталей. Элизабет Чедвик подчёркивает важность работы с фактами, их уважения и сохранения в тексте, даже при необходимости адаптации для сюжетных целей [11].

В наши дни, как отмечает российская исследовательница Ю.С. Райнеке, наблюдаются две основные тенденции развития исторического романа: если одни писатели изображают факты и явления прошлого, подчёркивая то, что интерпретация событий истории должна быть основана на исторических свидетельствах, то другие авторы придерживаются того, что имеет место быть нескольким интерпретациям исторических событий, следовательно, такие художественные произведения не могут претендовать на историческую достоверность [6. С. 9].

Российские исследовательницы Ф.Б. Бешукова и Б.М. Жачемукова поднимают вопрос об отсутствии общепринятого представления о жанровой структуре исторического романа, аргументируя это тем, что словосочетание «исторический роман» всё ещё не получило чёткого описания в теоретическом аспекте. Следовательно, по мнению вышеупомянутых исследовательниц, нельзя считать данное словосочетание термином. Ф.Б. Бешукова и Б.М. Жачемукова дали следующее определение исторического романа: «это художественное произведение, темой которого является историческое прошлое (одни исследователи предлагают временной интервал, начинающийся не ранее чем за 75 лет до момента создания текста (эквивалентно трём поколениям), другие же обращаются к роману В. Скотта «Уэверли, или Шестьдесят лет назад», который, по их мнению, закрепил каноническую рамку в 60 лет) [12. С. 4].

Художественной целью и задачей писателя, по мнению вышеупомянутых исследовательниц, является воспроизведение и анализ важнейших характеристик известной личности, показ взаимосвязи личности и эпохи. То есть в историческом романе должны сочетаться исторический, социальный и гуманистический подходы: «Доля вымысла в данном инварианте романа не должна быть преобладающей, особенно в интерпретации исторических событий, предметного мира, характерных, установленных документально

черт личности и портрета исторических персонажей: писатель, в пределах художественной необходимости и идеи произведения, несомненно, имеет право на вымысел, фантазию, использование художественных приёмов, при этом не допуская искажения исторической действительности» [12. С. 2].

В ходе развития исторического жанра становится очевидным, что дискуссия о балансе между фактом и вымыслом, документальным и художественным, прошлым и настоящим, о воздействии выдумки на историческую основу, о целесообразности креативной трактовки истории через литературные персонажи остаётся актуальной и в настоящее время. Проведя анализ различных точек зрения исследователей, можно заключить, что исторический роман, несомненно, стремится к отражению исторической правды, хотя он включает элементы художественного вымысла и возможность субъективной интерпретации. Современные исследования подчёркивают важность достижения баланса между достоверностью и художественным вымыслом в историческом романе, который, как жанр, обладает своими уникальными правилами и функциями в литературе. Понимание того, что исторический роман представляет собой результат творческого воображения автора, приводит к пониманию невозможности полного отражения исторической правды в художественной форме.

Соотношение исторической достоверности и художественного вымысла в трилогии Хилари Мантел о Томасе Кромвелле

Творчество Хилари Мантел, отмеченное оригинальным стилем и глубиной исследуемых тем, привлекло внимание многих видных учёных, литературоведов и критиков всего мира. Среди них следует отметить британского писателя К.Дж. Сэнсома, автора цикла книг о «Мэтью Шардлейке» (2003–2018 гг.), высоко оценившего способность Мантел воссоздать атмосферу эпохи Тюдоров и проникнуть в психологию исторических персонажей. Известный литературный критик Джеймс Вуд в своей рецензии [13] на роман «Вулфхолл» отметил мастерство Мантел в области создания убедительных и многогранных персонажей, а также её способность сочетать историческую достоверность с художественным вымыслом. Однако почти все знатоки сходятся в том, что творчество Мантел и новаторский характер её романов расширяют границы жанра исторического романа и открывают новые возможности для осмысления прошлого.

В исторической прозе Хилари Мантел наблюдается тенденция «сюжетивания» [14. С. 82] истории, когда обширный объём английской истории с её ключевыми и судьбоносными моментами становится частью индивидуальной истории, воссоздаваемой в сознании главного героя, оцениваемой и пронизанной его мыслями. Б.М. Проскурнин утверждает, что прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино как субстанция единой внутренней жизни героя. В первых двух частях трилогии присутствует так называемый плюсквамперфект истории, когда прошлое активно влияет на формирование настоящего: именно на этом основана вся концепция образа Томаса

Кромвеля. По мнению Проскурнина, это приводит нас к ещё одному важному аспекту работы с историей как неотъемлемой части современного художественного историзма – субъективизации истории. В этих романах субъектом (и объектом одновременно) является Томас Кромвель, который представляет не только и не столько политическую историю, сколько культурные трансформации, пережитые Англией XVI в.

Отличительной чертой исторической прозы Хилари Мантел является её своеобразное переплетение истории с памятью; её попытки воспроизвести не историческую хронологию, но то, как работает память – скачками, петлями и вспышками. Таким образом, автор формирует мета нарратив, текст, который словно разговаривает сам с собой о том, как конструируются исторические нарративы и о политической власти тех, кто их формирует. Те, кто контролируют национальную память, способны «сказать, что есть Англия, её масштабы и границы» [15. Р. 338]. Именно поэтому воспоминания перерабатываются в удобные национальные сказания, которые рационализируют существующие структуры.

Хилари Мантел возродила исторический роман – жанр, который, как заявляет Джеймс Вуд в своей хвалебной рецензии на творчество Мантел, не отличается особой изобретательностью и не изобилует великими произведениями [13]. Можно считать, что дурная слава исторического романа как преувеличена, так и не заслужена. Но даже если успех исторической прозы Мантел совпал с повышением общего критического интереса к жанру, можно утверждать, что его наиболее долговечное достижение будет ощущаться не столько на уровне жанра – форму и возможности которого он не слишком расширяет или искажает, сколько на уровне характера.

Несмотря на глубокую саморефлексию трилогия одновременно и ностальгирует, но и разоблачает гегемонистские нарративы, которые традиционно монополизировали историческую «правду». Кроме того, что особенно важно, эта правда не ставит под сомнение саму возможность познания прошлого. Мантел, похоже, вполне удовлетворена изучением имеющихся исторических свидетельств и использует своё мастерство, чтобы заполнить пробелы и разрешить противоречия своих источников. Этот последний аспект, по мнению некоторых критиков, приближает трилогию к неисторической фикции, хотя, возможно, лучше дать слово самому автору, процитировав небольшой метафорический отрывок из «Зеркало и свет» (2020 г.), в котором рассказчик, упоминая о первой встрече Генриха VIII со своей дочерью Марией после того, как та наконец-то подписала своё подчинение власти отца, размышляет о прелести исторической фикции: «*When the chronicles of the reign are composed, by our grandchildren or by those in another country, [...] they will reimagine the meeting between the king and his daughter – the orations they made each other, the mutual courtesies, the promises, the blessings. They will not have witnessed, they could not record, the Lady Mary's wobbling curtsy, or how the king's face flushes and sweeps her up; her sniffing and his sob, his broken endearments and the hot tears that spring from his eyes*» [16. Р. 154].

(Здесь и далее перевод с англ. Е.М. Доброхотовой-Майковой, М.В. Клевентенко: «Когда хроники нынешнего правления будут написаны нашими внуками или чужеземцами <...> они придумают заново встречу короля и его дочери – речи, которыми они друг друга приветствовали, взаимные поклоны, обещания, благословения. Они не увидят, не запишут, как леди Мария, чуть не падая с ног, склонилась в поклоне и как король вспыхнул, пересёк комнату и прижал её к груди. Её сопение и хныканье, когда она обнимала белую с золотом ткань его джеркина, его всхлипывания, несмелые ласки и слезы, брызнувшие из глаз» [17. С. 183].) Таким образом, Мантел признает субъективность исторического нарратива и роль воображения в воссоздании прошлого, не отказываясь при этом от стремления к исторической достоверности.

Исторические документы свидетельствуют о том, что Кромвель был невысокого мнения о духовенстве [18], поэтому Мантел использует беседу между Кромвелем и королём, чтобы подчеркнуть это отношение. Когда Генрих позволяет Кромвелю высказаться о его отвращении к тем, кто ведёт религиозную жизнь [15. Р. 218–219], тирада Кромвеля против продажности религиозных включает в себя его защиту бедняков и их детей: «*I have seen monks who live like great lords, on the offerings of poor people who would rather buy a blessing than buy bread, and that is not Christian conduct... The monks take in children and use them as servants, they don't even teach them dog Latin*» [15. Р. 219]. («Я видел монахов, живущих как знатные лорды, на жалкие гроши бедняков, покупающих благословение вместо хлеба; это недостойно христианина... Монахи берут детей и приставляют к черной работе, не удосуживаясь обучить простейшей латыни» [19. С. 252].)

Мантел изображает священников в «Вулфхолле» манипуляторами, угнетателями и оппортунистами в эпизоде с Элизабет Бартон, пророчицей, известной как Дева из Кента. Бартон, предсказавшая кончину Генриха, заточена в Тауэре, а священники, которые донесли о ней аристократии, подвергаются допросам. Кромвель говорит епископу Фишеру, что если бы Бартон предсказала восшествие Анны на престол, Фишер назвал бы её ведьмой [15. Р. 543]. Кромвель фактически критикует полемику католической церкви и то, как её стремление к господству преобладает над интересами её паствы.

Х. Мантел мастерски сплетает исторические детали с художественным вымыслом, чтобы создать захватывающий портрет Англии времён Тюдоров, где интриги и предательства – обычное дело. Призрак кардинала Уолси, преследующий Кромвеля, служит постоянным напоминанием о несправедливости прошлого и подпитывает жажду мести Кромвеля. Использование Мантел таких художественных приёмов, как экфрасис – детальное описание произведения искусства, например гобелена с изображением Соломона и царицы Савской, обогащает повествование дополнительными смысловыми слоями и подчёркивает нестабильность восприятия и хрупкость репутации в мире власти. Отношение Кромвеля к духовенству, пропитанное презрением, раскрывается как через его собственные размышления, так и через диалоги с другими персонажами, такими как король Генрих VIII. Критика

лицемерия и коррупции церкви поднимает вопросы о вневременной природе злоупотребления властью и о том, насколько далеко люди готовы зайти в погоне за своими амбициями.

Следует отметить, что инновационный нарративный подход трилогии Мантел «Вулфхолл» / «Волчий зал» (2009 г.), «Введите обвиняемых» / «Внесите тела» (2012 г.) и «Зеркало и свет» (2020 г.) в значительной степени основан на передаче мыслей через несобственно-прямую речь. Важно подчеркнуть, что каждый из трёх романов Хилари Мантел предваряется детальной таблицей действующих лиц. Данный структурный элемент указывает на доминирование исторических персонажей, выстраивая сложную сеть родственных и политических связей. Более того, помимо несобственно-прямой речи, биографические сведения органично вплетаются в повествовательную ткань посредством диалогов, что свидетельствует о стремлении автора к фактологической точности.

Приёмы речевой категории сочетаются с настоящим временем и носят преимущественно наблюдательный характер: Кромвель наблюдает за другими, наблюдает за разворачивающимися событиями, и повествовательный метод эффектно драматизирует его внутренний комментарий. Данный приём создаёт у читателя ощущение одновременного пребывания в двух временных плоскостях – прошлом и настоящем. Это Кромвель в режиме *«intelligentia»* [20. Р. 35–36], благоразумно оценивающий текущие ситуации. Для того чтобы передать эмпатическое ощущение присутствия при сотворении истории, иногда происходят переходы к местоимению первого лица множественного числа, а также используется сослагательное наклонение. Это наклонение, обозначаемое союзом «если» в начале предложения, сигнализирует об условности или предположении: наряду с будущим временем оно подчёркивает его незнание. Примером этого служит момент, когда Кромвель и Кавендиш пытаются устроить обречённого Уолси в Ишере: *«If we can get partridges we can slice the breasts, and braise them at the table. Whatever we can do that way, we will: and so, if we can help it, my lord won't be poisoned»* [15. Р. 64]. («О, погодите! Не сможем ли мы достать куропаток? Если будут куропатки, их можно разделать, и грудки обжарить прямо за столом. Нужно, чтобы все готовили под нашим присмотром; и тогда, если мы постараемся, милорда кардинала не отравят» [19. С. 91].)

Важно подчеркнуть, что собственные чувства Кромвеля в основном неоднозначны, потому что, несмотря на его цель направлять последующие повествования, он не может знать будущего. Настоящее время создаёт ощущение проживаемой жизни и событий, сплетающихся по мере их возникновения, что наводит на две мысли: неизбежную субъективность мемуаров и невозможность перевода индивидуального опыта в аутентичную литературную форму. В жизни, как она есть, отсутствует ироничная перспектива читателя, который заранее знает судьбы персонажей. Следовательно, эти повествовательные приёмы создают театральное ощущение истории, поставленной так, чтобы представить определенные точки зрения в выгодном свете. В этом суть претензии Кромвеля к Мору: *«...and what I hate most of all*

is that Master More sits in the audience and sniggers when I trip over my lines, for he has written all the parts. And written them these many years» [15. P. 563]. («А больше всего меня бесит, что сэр Томас Мор сидит в зрительном зале и злорадно посмеивается, когда я сбиваюсь и путаю слова, потому что он сам написал роли.» [19. С. 620].) В первой части трилогии, которая пересматривает представление об этой фигуре, театральная метафора Кромвеля сигнализирует о нарративном признании исторической предвзятости.

Таким образом, несмотря на приверженность историческим реалиям, романы Хилари Мантел не претендуют на абсолютную объективность. Ключевые события, такие как разрыв Генриха VIII с католической церковью, его разводы и браки, казни Анны Болейн и Томаса Мора, а также падение самого Кромвеля, преломляются сквозь призму восприятия главного героя. Другими словами, читатель в основном находится в сознании Кромвеля, но, хотя он и является одним из действующих лиц, роман не сосредоточен исключительно на нем или его психологическом состоянии. Следовательно, происходит не романтизация личности по образцу Вальтера Скотта, а её реконструкция на основе анализа биографических фактов. Иными словами, перед нами не просто ожившая история, но субъективный взгляд на неё, обусловленный внутренним миром Томаса Кромвеля. Можно утверждать, что его образ уникален и интересен именно потому, что Хилари Мантел исследует не только историю, но и культурные изменения, внесённые исторической личностью, оживляющей новые формы и содержание жизни. Характер Т. Кромвеля и способ создания образа дают подтверждение тому, что романы Хилари Мантел демонстрируют сочетание основных доминант современного английского романа: рефлексивной и психоаналитической (самопознание и анализ) и исторической, что помещает Хилари Мантел как исторического романиста в широкий контекст английской национальной литературы.

Список источников

1. Юсим М.А. Идея истории и формула Л. Фон Ранке // Лит. Исторический альманах. 2015. № 7. С. 172–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-istorii-i-formula-l-fon-ranke> (дата обращения: 16.12.2024).
2. Carroll R. The Trouble with History and Fiction // M/C Journal. 2011. № 14 (3). doi: 10.5204/mcj.372
3. Slotkin R. Fiction for the Purposes of History // Rethinking History. 2005. № 9. P. 221–236.
4. Береснева Н.И., Кокарева Е.А. Эволюция идеи «Смерть автора» // Филологические заметки. 2012. С. 3–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-idei-smert-avtora> (дата обращения: 18.12.2024).
5. Понизовкина И.Ф. Семиолог Р. Барт и социальный миф: современное прочтение // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2017. № 5 (95). С. 190–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiolog-r-bart-i-sotsialnyu-mif-sovremennoe-prochtenie> (дата обращения: 18.12.2024).
6. Райнке Ю.С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 211 с.

7. De Groot J. *The Historical Novel. The new critical Idiom*. London : Routledge, 2010. 208 p.
8. Brown M. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/may/31/students-take-hilary-mantels-tudor-novels-as-fact-hay-festival> (дата обращения: 15.11.2024).
9. The Reith Lectures. URL: <https://www.bbc.co.uk/sounds/brand/b08vkm52> (дата обращения: 17.10.2024).
10. Foreman A. URL: <https://www.afr.com/life-and-luxury/arts-and-culture/historical-fiction-dont-sneer-for-some-people-its-keeping-the-past-alive-20170605-gwkkwk> (дата обращения: 16.11.2024).
11. Chadwick E. Living the History blog. URL: <http://elizabethchadwick.com/blog/beyond-the-dressing-up-box-how-i-write-historical-fiction/> (дата обращения: 16.11.2024).
12. Жачемукова Б.М., Бешукова Ф.Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana> (дата обращения: 15.06.2024).
13. Wood J. Invitation to a Beheading: The Thomas Cromwell Novels of Hilary Mantel // New Yorker. 2012. URL: <https://secondat.blogspot.com/2012/05/> (дата обращения: 15.11.2024).
14. Проскурнин Б.М. Историческая диалогия Хилари Мантел и «Память жанра» // Филологический класс. 2016. № 2 (44). С. 77–83.
15. Mantel H. *Wolf Hall*. London : Fourth Estate, 2019. 653 p.
16. Mantel H. *The Mirror and the Light*. The 4th Estate. London, 2020. 904 p.
17. Мантел Х. *Зеркало и свет*. М. : Иностранка, 2021. 928 с.
18. Смирнова Н.А. Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4595326 (дата обращения: 20.11.2024).
19. Мантел Х. *Вулфхолл*. СПб. : Иностранка, 2021. 733 с.
20. Yates F. *The Art of Memory*. London : Random House, 1992. 437 p.

References

1. Yusim, M.A. (2015) Idea istorii i formula L. Fon Ranke [The idea of history and L. von Ranke's Formula]. *LiT. Istoricheskij al'manakh*. 7. pp. 172–185. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-istorii-i-formula-l-fon-ranke> (Accessed: 16.12.2024).
2. Carroll, R. (2011) The trouble with history and fiction. *M/C Journal*. 14 (3). doi: 10.5204/mcj.372
3. Slotkin, R. (2005) Fiction for the purposes of history. *Rethinking History*. 9. pp. 221–236.
4. Beresneva, N.I. & Kokareva, E.A. (2012) Evolutsia idei "Smert' avtora" [Evolution of the idea of "Death of the Author"]. *Filologicheskie zametki*. pp. 3–10. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-idei-smert-avtora> (Accessed: 18.12.2024).
5. Ponzovkina, I.F. (2017) Semiolog R. Bart i sotsial'nyy mif: sovremennoe prochtenie [Semiologist R. Bart and social myth: modern reading]. *Vestnik RĖA im. G.V. Plekhanova*. 5 (95). pp. 190–197. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiolog-r-bart-i-sotsialnyy-mif-sovremennoe-prochtenie> (Accessed: 18.12.2024).
6. Raineke, Iu.S. (2002) *Istoricheskij roman postmodernizma i traditsii zhanra (Velikobritaniya, Germaniya, Avstriya)* [Postmodern historical novel and genre traditions (Great Britain, Germany, Austria)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
7. De Groot, J. (2010) *The Historical Novel. The new critical Idiom*. London: Routledge.
8. Brown, M. (2017) Students take Hilary Mantel's Tudor novels as fact. *The Guardian*. 31 May. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/books/2017/may/31/students-take-hilary-mantels-tudor-novels-as-fact-hay-festival> (Accessed: 15.11.2024).

9. BBC. (2024) The Reith Lectures. BBC. [Online] Available from: <https://www.bbc.co.uk/sounds/brand/b08vkm52> (Accessed: 17.10.2024).

10. Foreman, A. (2017) Historical fiction: Don't sneer, for some people it's keeping the past alive. *Financial Review*. 8 June. [Online] Available from: <https://www.afr.com/life-and-luxury/arts-and-culture/historical-fiction-dont-sneer-for-some-people-its-keeping-the-past-alive-20170605-gwkkwk> (Accessed: 16.11.2024).

11. Chadwick, E. (n.d.) Beyond the Dressing Up Box. *Living the History Blog*. [Online] Available from: <http://elizabethchadwick.com/blog/beyond-the-dressing-up-box-how-i-write-historical-fiction/> (Accessed: 16.11.2024).

12. Zhachemukova, B.M. & Beshukova, F.B. (2011) Khudozhestvennaya spetsifika zhanra istoricheskogo romana [Artistic specificity of the historical novel genre]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana> (Accessed: 15.06.2024).

13. Wood, J. (2012) Invitation to a Beheading: The Thomas Cromwell Novels of Hilary Mantel. *New Yorker*. [Online] Available from: <https://secondat.blogspot.com/2012/05/> (Accessed: 15.11.2024).

14. Proskurnin, B.M. (2016) Istoricheskaya diligiya Khilari Mantel i "Pamiat' zhanra" [Hilary Mantel's historical dilogy and "genre memory"]. *Filologicheskij klass*. 2 (44). pp. 77–83.

15. Mantel, H. (2019) *Wolf Hall*. London: Fourth Estate.

16. Mantel, H. (2020) *The Mirror and the Light*. London: 4th Estate.

17. Mantel, H. (2021) *Zerkalo i svet* [The Mirror and the Light]. Translated from English. Moscow: Inostranka.

18. Smirnova, N.A. (2024) Tomas Kromvel' [Thomas Cromwell]. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4595326 (Accessed: 20.11.2024).

19. Mantel, H. (2021) *Vul'fkhol* [Wolf Hall]. Translated from English. Saint Petersburg: Inostranka.

20. Yates, F. (1992) *The Art of Memory*. London: Random House.

Информация об авторе:

Назарова Р.Ш. – базовый докторант (PhD), кафедра лингвистики и английской литературы, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Узбекистан). E-mail: ray11_91@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.Sh. Nazarova, basic PhD student, Uzbekistan State World Languages University (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: ray11_91@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.11.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 22.11.2024;
approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья
УДК 72.033(4)
doi: 10.17223/19986645/98/12

**А.Н. Майков «Программа картин и рассказов
по русской истории»
(Подготовка текста, вступительная статья и комментарии)**

**Ольга Викторовна Седельникова¹,
Ирина Святославовна Андрианова²,
Екатерина Александровна Головачева³**

^{1, 3} *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

² *Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия*

¹ *sedelnikovaov@tpu.ru*

² *yarysheva@yandex.ru*

³ *eagolovacheva@tpu.ru*

Аннотация. В научный оборот вводится рукопись А.Н. Майкова «Программа картин и рассказов по русской истории», которая существенно дополняет историю формирования не реализованного до конца замысла цикла «Рассказы из русской истории», свидетельствуя о предпосылках, подтолкнувших поэта начать работу над исторической прозой, о причинах незавершенности замысла, о планах продолжить работу в 1881 г. На одиннадцати листах детально охарактеризованы сюжеты и особенности содержания десяти рассказов, представлено собственное понимание поставленной задачи, обусловившее принципы отбора исторического материала и характерные особенности поэтики отдельных рассказов и цикла в целом, раскрыт непосредственный жизненный контекст начала и окончания работы над опубликованными текстами.

Ключевые слова: А.Н. Майков, архив, рукописи, цикл «Рассказы из русской истории», история развития замысла, план

Благодарности: исследование выполнено в Томском политехническом университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01497, <https://rscf.ru/project/23-28-01497/>)

Для цитирования: Седельникова О.В., Андрианова И.С., Головачева Е.А. А.Н. Майков «Программа картин и рассказов по русской истории» (Подготовка текста, вступительная статья и комментарии) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 210–234. doi: 10.17223/19986645/98/12

Original article

doi: 10.17223/19986645/98/12

Apollon Maykov. *Program of Pictures and Stories from Russian History* (Preparation of the text, introductory article and commentary)

Olga V. Sedelnikova¹, Irina S. Andrianova², Ekaterina A. Golovacheva³

^{1,3} *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

² *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation*

¹ *sedelnikovaov@tpu.ru*

² *eagolovacheva@tpu.ru*

³ *yarysheva@yandex.ru*

Abstract. Maykov's manuscript, *Program of Pictures and Stories from Russian History*, preserved in the poet's archive at the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature, is introduced into scientific circulation for the first time. This document significantly enhances our understanding of the formation of the idea and concept behind the cycle of *Stories from Russian History*, which was never fully realized. It also highlights the preconditions that prompted the poet to begin working on historical prose, as well as the reasons he did not complete the cycle. In addition, the document indicates that Maykov considered continuing his work in 1881, envisioning a cycle of historical prose as a topic or his submission for the first Pushkin Prize and, consequently, as one of the pinnacles of his creative activity. On eleven small-format sheets sewn into a notebook, he details the plots and features of ten stories, along with his understanding of the task that determined the principles for selecting historical material and defining the characteristic features of the poetics of individual narratives (stories) and the cycle as a whole. These notes also reveal the context surrounding the beginning and end of his work on published texts. The study of the facts presented in the document – considering its specific purpose as preparation for a report discussing the draft for the first Pushkin Prize – allows us to establish previously unknown aspects of Maykov's life, particularly his involvement from 1860 to 1880 in the activities of the St. Petersburg Committee of the Moscow Literacy Society and the Permanent Commission for arranging Folk Readings. The approval of publications to mass reading required endorsement by a special department of the Academic Committee of the Ministry of Public Education, where Maykov served as a full member and book reviewer. The details uncovered during the examination of documents from the poet's archive indicate his deep interest in and attention to public education issues during the 1870s and 80s, as well as his active participation in relevant institutions. This research is significant for constructing a modern scientific biography of the poet and for studying the nuances of Russian culture during the period of democratic reforms of Alexander II. Finally, the manuscript is noteworthy as it reflects Maykov's understanding of what he considered to be the true pinnacle of his creative journey. Alongside works such as "Two Worlds" and other poems previously mentioned by Maykov, which were included in his lifetime collection, the unfinished cycle *Stories from Russian History* should also be regarded as a significant part of his oeuvre.

Keywords: A.N. Maykov, archive, manuscripts, "Stories from Russian History", history of idea, outline

Acknowledgments: The study was carried out at Tomsk Polytechnic University and supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 23-28-01497, <https://rscf.ru/project/23-28-01497/>)

For citation: Sedelnikova, O.V., Andrianova, I.S. & Golovacheva, E.A. (2025) Apollon Maykov. *Program of Pictures and Stories from Russian History* (Preparation of the text, introductory article and commentary). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 210–234. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/12

В архиве А.Н. Майкова, хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН, сохранилось немало документов, представляющих ценные сведения и для подготовки актуальной научной биографии их автора, и для изучения деталей русской культуры середины – второй половины XIX в., многие из которых еще не введены в научный оборот. На необходимость их внимательного изучения и публикации еще в середине 1970-х гг. указывал И.Г. Ямпольский [1. С. 24–26]. Среди наиболее ценных и актуальных из них следует указать рукописи, позволяющие реконструировать историю работы поэта над незавершенным замыслом цикла «Рассказы из русской истории».

Настоящая публикация продолжает представленные ранее материалы, проливающие свет на историю развития идеи цикла в творческом сознании поэта [2–4] и существенно дополняет их. Единица хранения № 16541, в которой обнаружен публикуемый документ, в каталоге Рукописного отдела ИРЛИ представлена под названием «Программа картин и рассказов по русской истории» [5], что предполагает цельность содержания папки. Однако в действительности первые пять из шестнадцати включенных в данную единицу листов являются фрагментами разрозненных записей, тематически связанных как с работой над переводом «Слова о полку Игореве», так и над исторической прозой. В отличие от них листы с шестого по шестнадцатый представляют собой цельный содержательно законченный документ, написанный на плотной писчей бумаге примерно в $\frac{1}{2}$ листа in folio. Листы объединены в тетрадь двумя крестообразными с лицевой стороны металлическими креплениями с выходящими на обратную сторону длинными узкими полосками гибкого металла, похожими на современный скоросшиватель [3. С. 17]. Несмотря на законченность текста рукопись не содержит авторского названия. Очевидно, архивисты при разборе и описании документа дали название всей папке на основании ее содержания.

Листы рукописи имеют с обеих сторон широкие поля, отчеркнутые карандашом, вероятно, самим автором. Каждый лист содержит авторскую нумерацию чернилами в цвет записей. Записанный в центральной части страниц основной текст окружен с обеих сторон авторскими дополнениями, сделанными как чернилами, так и, в ряде случаев, карандашом. Разница в цвете чернил и толщине пера позволяет предположить, что записи сделаны в несколько приемов и несут следы вдумчивой работы над текстом для точного выражения собственной мысли. По сравнению с известными черновыми рукописями Майкова записи характеризуются достаточно разборчивым почерком и незначительным объемом вычеркнутых фрагментов. Данный факт позволяет предположить, что документ представляет собой финальный этап реализации поставленной задачи.

Хотя рукопись не содержит авторской датировки, ее можно реконструировать по сообщаемым в тексте фактам, которые существенно дополняют научные представления о деятельности и общественных взглядах Майкова в 1860–1870-е гг. Во вступлении поэт непосредственно пишет о том, что послужило импульсом для его перехода от вдохновенного изучения древнерусской истории¹ к написанию собственных произведений на эту тему: «Несколько лет тому назад в Петерб<ургском> отделе Московского Общества Грамотности была речь об издании картин из русской истории, и требовался для того объяснительный текст. Участвуя в обсуждении этого предприятия, я предложил выбрать такие сюжеты для картин и для текста, которые бы обнимали собою все главнейшие события русской истории...» [5. Л. 6].

Таким образом, переход Майкова от увлеченного изучения русской истории и культуры к созданию рассказов объясняется его деятельным участием в работе Петербургского комитета Московского общества грамотности. Это, безусловно, значительный факт для понимания особенностей творческой деятельности поэта и адекватной характеристики его общественной позиции 1860–1870-х гг., который никогда ранее не упоминался в его научных биографиях [7, 8].

В 1872 г. при Министерстве народного просвещения была создана Постоянная комиссия по устройству народных чтений [9. С. 79], которая готовила издания книг для народа. Допуск изданий к массовым чтениям осуществлялся после одобрения их особым отделом Ученого комитета Министерства народного просвещения [9. С. 79], в котором Майков выступал в качестве рецензента книг. Этот факт биографии поэта, упомянутый вскользь в связи с изучением Комиссии по устройству народных чтений как просветительского института [10. С. 33, 41, 117], оставался также неизвестным. Подтверждением этой деятельности выступают сохранившиеся в архиве поэта документы. Среди них положительные рецензии Майкова на книжки, допускаемые Комиссией для использования в народных школах, например, «три книжки <...>, печатаемых книгопродавцами Колесовым и Михиным под общей рубрикой “Народное издание”»: исторический очерк Т. Тольгчевой «Троице-Сергиева лавра», переложение романа Д. Дэфо «Приключения Робинзона Крузо» и произведения В.А. Жуковского «Кот в сапогах», «Овсяный кисель» и «Светлана» [11. Л. 2 и др.].

Таким образом, публикуемая рукопись выступает и авторским свидетельством о неизвестной ранее странице биографии Майкова, а окружающие это свидетельство детали, восстанавливаемые в процессе изучения документов архива поэта, указывают на его глубокое заинтересованное внимание к проблемам народного просвещения в 1870–1880-е гг. и деятельное участие в ра-

¹ Майков подробно писал об этом Достоевскому в связи с работой над предисловием к переводу «Слова о полку Игореве», например, в апреле 1868 г.: «Гут есть все, даже варяги. Смелых до дерзости идей много. <...> Много, много идей изложил тут-ка жалею, что без связи это пишется, а работается всласть» [6. С. 117].

боте соответствующих учреждений. Последнее интересно для изучения характерных деталей русской культуры периода демократических реформ правительства Александра II и актуально в связи с вопросом о степени участия Майкова в редакционном кружке журнала-газеты «Гражданин», редактируемого Ф.М. Достоевским с января 1873 по апрель 1874 г.

Не менее существенны и другие детали вступления. Майков бегло сообщает о том, что его работа переросла рамки коротких текстов, сопровождающих картины на сюжеты из русской истории, однако не говорит непосредственно о том, почему не продолжил проект после издания рассказа «Начало восточного вопроса» [12]: «Мысль этого издания не осуществилась. Занявшись составлением рассказов, я увлекся и вышел из предположенных границ в двух написанных мною рассказах» [5. Л. 6 об.]. Наконец, автор дает косвенное указание на время создания данной рукописи и объясняет причины нового обращения к неоконченному замыслу: «Но составленный тогда мною план, мне кажется не лишен смысла, и, в настоящее время, при рассуждениях о программе для сочинения на премию, может послужить поводом для дальнейших наших суждений» [5. Л. 6 об.].

Таким образом, работа над публикуемой рукописью непосредственно связана с публичным выступлением ее автора по поводу создания сочинения на премию. В XIX в. в России было не так много премий, присуждавшихся за выдающиеся произведения словесного искусства. Демидовская (1832–1865), Уваровская (учреждена в 1856 г.) и Ломоносовская (учреждена в 1866 г.) премии периодически вручались за произведения словесного искусства, выделяя их среди других выдающихся достижений науки и культуры. Первой собственно литературной стала Пушкинская премия [13]. Она появилась 17 августа 1881 г. по высочайшему повелению, в результате которого Императорской академии наук передали сумму в размере 20 тыс. руб., оставшихся от средств, собранных на первый памятник Пушкину, торжественно открытый в Москве 6 июня 1880 г. Можно предположить, что Майкову как одному из значительных представителей русской поэзии своего времени было предложено участвовать в конкурсе на первую Пушкинскую премию, а публикуемая рукопись является представлением проекта произведения на нее. В 1882 г. поэт действительно стал лауреатом половины первой Пушкинской премии, однако не за рассказы из русской истории, а за поэму «Два мира», идею которой он обдумывал не один десяток лет. Таким образом, представленный ниже проект цикла исторических рассказов был написан осенью 1881 г.

Очевидно, что при мысли о создании произведения на Пушкинскую премию Майков делал выбор между теми проектами, которые считал самыми значительными в своей творческой деятельности. Результат авторского выбора в пользу поэмы «Два мира» свидетельствует о том, что столь дорогая сердцу идея цикла исторической прозы не оставляла поэта в покое в 1870–1880-е гг., но так и не была реализована в силу того, что требовала много времени и сил, а произведение на премию надо было представить к определенному сроку. В связи с этим и было принято решение выбрать работу над

окончательной реализацией того из дорогих замыслов, который было ближе к завершению, т.е. поэму «Два мира», вариант которой был уже опубликован в 1872 г. в «Сборнике «Гражданина» без второй части. Полный текст поэмы с авторским предисловием появился во втором номере журнала «Русский вестник» за 1882 г.¹ Сохранившиеся в архиве многочисленные наброски отдельных рассказов², созвучные тем, что представлены в настоящем документе, дают основание утверждать, что Майков неоднократно возвращался к их обдумыванию в зрелые годы. Этот факт весьма существен и для характеристики его умственных интересов указанного периода, и в контексте дружбы с Достоевским как указание на возможное содержание их бесед.

Особая ценность публикуемого документа связана с тем, что он существенно расширяет научные представления о том, какие события русской истории и почему Майков считал *«капитальными эпохами»* [6. С. 143], дополняет и уточняет описания сюжетов, представленных им ранее более коротко в первом плане картин и рассказов [4] и в письме Достоевскому от 12 апреля 1869 г. [6. С. 142–143]. Кроме того, во введении и заключении к документу в связи с его назначением стать основой доклада на обсуждении своего произведения на Пушкинскую премию Майков дает пояснение концептуальных особенностей собственных эстетических принципов художественного осмысления исторических событий и того, какими качествами должно обладать сочинение по истории России для народного образования.

Текст публикуется по сохранившейся в ОР ИРЛИ авторской рукописи [5. Л. 6–11 об.] с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, при этом характерные особенности авторского написания максимально сохранены. Слова, подчеркнутые А.Н. Майковым, воспроизводятся шрифтом с разрядкой, в квадратных скобках восстанавливаются зачеркнутые слова, в угловых – конъектуры, курсивом обозначены фрагменты текста, вписанные над строкой или на полях. Реальный и историко-литературный комментарий отмечен римскими цифрами и представлен в форме концевых сносок после текста публикуемой рукописи.

<Программа картин и рассказов по русской истории>

Узнать о книге: Сборник избранных мест из современных русских писателей¹. 1859 г. В.Н. Майкова³.

Несколько лет тому назад в Петербургском отделе Московского Общества Грамотности была речь об издании картин [для] из русской истории, и требовался для того [текст] объяснительный текст¹¹. Участвуя в обсуждении этого

¹ Об истории работы Майкова над поэмой «Два мира» см. [14. С. 851–852].

² Их примером могут служить и разрозненные листы, попавшие в одну единицу хранения с публикуемым планом, о которых шла речь в начале статьи [5. Л. 1–5 об.]. Среди прочих как на наиболее значимые укажем на [15–17].

³ Вписано на полях справа карандашом.

предприятия, я предложил выбрать такие сюжеты для картин и для текста, которые бы обнимали собою все главнейшие события русской истории, или, [сказать яснее] говоря ученым языком, обнимали бы собою все вопросы [которые] русской жизни, коренящиеся в прошедшем, но живые и поныне, так чтобы эти отдельные статьи [настолько же бы об] уясняли бы настоящее [как] из прошедшего^{III}. [Таким образом русская история для чтения про] Изложение же, полагая, должно было быть таким, чтобы, не погрешая ни мало против исторической правды, представило бы события и лица в том поэтическом свете, как их осветило народное понимание, т.е. [*<?> вся была изложена в следующих отдельных рассказах*] чтобы это было то что французы называют *histoire poétique de la Russie*. Некоторые факты освещены легендой: напр<имер> сон Тамерлана; другие отразились в сказаниях, напр[имер], Куликовская битва. *Некоторые же оставили только одно слово, но в этом слове открывается высокое настроение целой эпохи, напр<имер,> после флорентийского собора и падения Константинополя выражение: Москва – Третий Рим. «Два Рима пали, третий стоит, четвертому не быть»^{IV}. Или слово в заветии Симеона Гордого: «слушайся старых бояр... чтоб и свеча не погасла»^V. Все это надо было прочувствовать и воспроизвести в рассказе, который только при соблюдении этого [или] истинного поэтического характера и может иметь желаемое действие на сердца^{VI}, гораздо более сильное, чем *l'histoire raisonnée*². Мысль этого издания не осуществилась. [Из] Занявшись составлением рассказов, я увлекся и вышел из предположенных границ в двух написанных мною рассказах^{VII}. Но составленный тогда мною план, мне кажется <,> не лишен смысла, и, в настоящее время, при рассуждениях о программе для сочинения на премию^{VIII}, может послужить поводом для [обсуждения] дальнейших наших суждений. По крайней мере, он, кажется, может помочь окончательно решить вопрос, что русская история в биографиях замечательных людей решительно непригодна; она будет суха и общей картины не представит^{IX}.*

По моему плану требовалось написать следующие десять рассказов:

Первый рассказ – [Принятие] должен был быть развитием ответа на вопрос: всегда ли так жили на Руси люди как теперь живут? [и всегда] т.е. с деревнями, городами, шоссе, жел<езными> дорогами; с Государем, властями, законами, церковью, духовенством, школами, и пр<очим>? Расказалось бы [заселение] *что за 1000 слишком лет земля была покрыта лесами; жили тут финны на севере, по Днепру славяне – их³ нравы, обычаи, живяху образом звериным – религия Солнца – Дажьбога и Перуна^X. Но по этой земле уже в VII веке шли*

¹ Текст: *Или слово в заветии ∞ свеча не погасла – вписан на полях ниже основной вставки (см. следующую ссылку d) под знаком F*. Как можно предположить по цвету чернил и почерку, которым делаются вставки в основной текст, данные добавления производятся в процессе работы над документом, по крайней мере не отделены более-менее значительным временным промежутком.

² *Хорошо продуманная история – фр.* Текст: *Некоторые же оставили ∞ чем l'histoire raisonnée.* – вписан на полях слева под знаком L.

³ Текст, выделенный курсивом, вписан на полях слева под знаком G.

*торговые пути*¹: Сначала по берегам морей появлялись чужие промышленники – потом они проникали внутрь по рекам, изучали на течение и близость их, расстояния между их истоками стали проходить волоком. С юга от Черного моря Греки ходили по Днепру; с севера – народы балтийского поморья проникали даже на Волгу, где встречались с Арабами. *Следы этой торговли [теперь находят куфические монеты] обозначены кладами с куфическими монетами*². Край был богат зверем. Купцы меняли его на свои товары и вывозили. В следствие этой торговли образовались *стоянки, ярмонки*³, *городища*⁴ *на этих реках*⁵: Новгород, Псков, *Полоцк*, Смоленск, Ростов, Белозерск; на Днепре северные купцы встречались с Греками – явился Киев. Вследствие сношений с западными народами явилось первое государство в Новгороде, который был центральным местом, где сходились пути и к Грекам и к Арабам. Он был открыт также и [разбойникам и] дружинам завоевательным, и говорит предание, заморские⁶ [князь] люди завоевали его, но были прогнаны, а через несколько лет из них же был призван князем Рюрик. Олег оставил Новгород и ушел на юг, и утвердился в Киеве, был славный воин. Ходил на Царьград. Сын и внук Рюрика правили из Киева, тоже воевали, и вот вследствие торговли и войн с греками, Хр<истианская> вера стала заводиться в Киеве и на Руси. Уж бабка Владимира Ольга б<ыла> христианка. [За симь Вла<димирь>] И стали язычники на них косо смотреть. Владимир, *во время междоусобий с братом*, бегал за море, где пробыл 2 года, возвратился и стал заводитъ жрецов, ставить идолы, очевидно чувствуя, что прежняя вера была недостаточна, и желая подорвать ее, как видел в тех языческих землях за Балтийским морем, куда бегал. Но убедился что и это не настоящее дело, и стал испытывать веры – жидов, [Магометан] католиков – философ – принятие Крещения от Греков. Введение ее по городам, сопротивление язычества (по Иоакимовской Летописи). Первые епископы святые мужи. Распространение веры после Владимира на севере – монастыри – вплоть до белого (*sic!*) моря. Какую службу сослужили монастыри? Характер северных монастырей сравнительно с южными – *напр<имер> Св<ятой> Феодосий и Стефан Пермский и др<угие> – из житий*⁷.

И вот хотя давно крещена Русь, но истинные ли мы христиане? Живем ли по заповедям – и пр<очее> – Нравоучение^{XI}.

Второй рассказ: Александр Невский.

Нет такой церкви на Руси, где бы не было образа Александра Невского – а много ли кто знает, кто он такой, и чем угодил Господу и памятен русск<ому>

¹ Текст: *Но по этой земле уже в VII веке шли торговые пути*: вписан. Судя по цвету и толщине линии начертания, может представлять собой разновременную правку.

² Текст, выделенный курсивом, вписан на полях слева под знаком ¶.

³ Два слова вписаны на полях. Судя по цвету и толщине линии начертания, может представлять собой разновременную правку.

⁴ Было: *города*.

⁵ Судя по цвету и толщине линии начертания, может представлять собой правку, сделанную сразу в процессе написания текста.

⁶ Было: *заморский*.

⁷ На полях слева, рядом со словами: Распространение веры после ∞ Какую службу сослужили – записано наискосок: *Двоеверие*.

народу? *Засим*¹ рассказывалось, что Владимир разделил землю на уделы, сын его Ярослав, продолжавший дело отца по устройению жизни и церкви, тоже разделил государство, его дети тоже, и т. д., так что государство раздробилось, и князья не могли уже справляться с кочевниками, ссорясь друг с другом². *Правда, были умные и славные князья и в эту эпоху напр<имер> Влад<имир> Мономах*³. Но вот пришли татары – *разбили каждого порознь*. – Картина [порабощения] Руси, когда Ярослав, отец Невского, – [кое как устраивает земли, ездит в Орду и умирает] *является на княжение во Владимир, его поездка в орду, на Амур и смерть* на пути. – [Александр] *Русь между тем не переносит ига; в городах бунты; князья <, > Даниил Галицкий – пробует восстать – его неудача. Смерть Мих<аила> Черниговского. [Политик] Александр видит, что надо покориться воле Божией, что⁴ претерпевый до конца спасен будет. Он является ходатаем за народ, и своими поездками⁵, устанавливает [наши] такие отношения с ордою, вследствие которых русский народ сохранил свою особенность. С одной стороны, его грозила уничтожить Азия, а с другой – Латинский мир – папа и немцы. Папы продавали помощь ценою отступничества, а на отказ проповедовали крестовые на нас походы. Александр видел, что с ордою надо улаживать⁶ политикою наши дела [с ордой, оружием отбил немцев], а немцев можно отбивать оружием – и вот и на месте [где] его победы⁷ над шведами на Неве, Петр построил потом Петербург, и поставил его мощи^{XII}.*

Третий рассказ. – Напечатан: О святых Моск<овских> Митрополитах Петре и Алексее. Внук Александра Иван Данилович, Симеон, Ив<ан> Ив<анович> Московские бояре. Димитрий – Куликовская битва^{XIII}.

Четвертый тоже напечатан:

[Отпор, идущий из России против Азии]

Взятие турецким султаном Магометом II Константинополя. Москва – Третий Рим. – [Вас<илий> Васильевич Темный. Покорение и] *Вас<илий> Вас<ильевич> Темный, Иванъ III, брак⁸ с Софьей* – покорение Новгорода, конец ига. Васильев Иванович – взятие Смоленска. Наконец – покорение при Ив. Грозном мусульманских царств Казанского, Астрах<анского> <, > Сибирского.

Собственно корень и смысл восточного вопроса^{XIV}.

[Четвертый] *Пятый* рассказ. Междоусобица

Смерть Ивана Грозного. Федор Иванович – Годунов – самозванцы и поляки. Спасение Руси – [переп] Ермоген – его грамоты по городам. Восстание в Нижнем. Минин и Пожарский – избрание Михаила Феодоровича.

¹ Выделенное курсивом начало рассказа вписано сверху страницы и на полях справа.

² На полях справа от строки о ссорах князей вписано крупным почерком карандашом «Влад<имир> Мономах».

³ Текст: *Правда, были умные и славные князья и в эту эпоху напр. Влад<имир> Мономах*. – вписан над строкой и на полях справа под карандашной пометой.

⁴ *что* вписано над строкой.

⁵ Текст вписан на полях справа.

⁶ Было: *уладил*.

⁷ Было: *победил*.

⁸ Вписано над зачеркнутым.

Не начать ли рассказ так:

Нижегородскую ярмонку всякий знает. Купцы со всей России [*туда ездят*] и из Европы туда ездят, и из Азии бухарцы, персияне. И все дивятся чудному положению города на горе, под которой с одной стороны течет Ока, а с другой широкая Волга. На этой горе стоит и старинный собор¹ *Архангельский*, куда заходят все приезжие помолиться, а в соборе² спешат к могиле³ Минина [*и Пожарского*]⁴. И русские цари и В<еликие> Кн<язья>, когда бывают в Нижнем, тоже ходят поклониться его⁵ праху. Кто ж они такие? Об этом рассказ^{XV}.

Шестой рассказ. Богдан Хмельницкий.

Рассказ начинается *опять* издалека: [*Киев его значеніе*] *опять* вспоминается Владимир, рассказывает о [*его*] *первенстве* Киева в древней Руси; *засим* опустение *его* после татар. *Когда главным городом делается Владимир, и куда не так легко нападать, как на Киев. Между тем оставшиеся*⁶ удельные князья южной Руси разпложаются – образование Литовского В<еликого> К<няжества>, в состав которого входят эти князья, образуя аристократию. *Литва народ небольшой языческий. Посреди русской цивилиз<ації> они русеют; но несмотря на разделение, церковь остается одна, и моск<овскому> митрополиту еще больше хлопот в Литве, чем дома. Выбирают особого митрополита, чтобы порвать связь с Москвой, но это не удается, заводятся типографии, русские в Вильне, [2 нрзб.]. После брака Ягелло аристократ<ия> ополячивается*⁷. Брак Ягелло с Ядвигой. Уния. Езуиты. Страдания церкви и народа от ополячивающейся⁸ понемногу аристократии и ксендзов. Восстание Богдана и подданство Алексею Михайловичу^{XVI}.

(Словом: *начало* польского вопроса⁹)

Седьмой рассказ. Петр Великий – один из самых трудных. Я хотел начать рассказ с города Петербурга подобно тому как третий начинается с Москвы, *пятый* с Нижнего, шестой с Киева. Киев, мол, старинный город, Москва – тоже, а Петербург стоит всего 160 лет – и даже чуть не первые построенные им дома целы – домик Петра В<еликого>, церковь на петерб<ургской> стороне – Унив<ерситет> Адмир<алтейство> и пр<очие>. И построен на той земле, где бился Алекс<андр> Невский, на старой Новгородской земле, которая после самозванцев отошла к Швеции и была столько то лет под нею. И тогда мы были

¹ Было: *старинные соборы*. Все правки в наброске начала пятого рассказа сделаны чернилами более черного оттенка, что указывает на разновременную корректировку плана.

² Было: *соборах*.

³ Было: *к могилам*.

⁴ *На полях справа строчки, в которой вычеркнута фамилия Пожарского, записано: Пожарский в Суздале.*

⁵ Вместо: *его* – было: *ихъ*.

⁶ Начало предложения вписано на полях справа под знаком L.

⁷ Текст: *Литва народ небольшой языческий.* ∞ *После брака Ягелло аристократ<ия> ополячивается.* – вписан на полях справа.

⁸ Было: *ополячивающихся*.

⁹ Было: *польский вопрос*.

отрезаны от моря. Было только Белое. [Петр В<еликий> хотел добавить нам моря, сперва пытался добыть Азовское и Черное, потом началась северная война. В этом рассказе д<олжно> б<ыть> быть высказано [все] главное о Петре. Его личность, воспитание.] Следствие этой отрезанности было то, что мы уединились от умственной жизни Европы, не было у нас ремесла, худож<еств>, науки. [Только] [при И<ване> Грозномъ отсюда [въ Бѣломъ море] [шел] начался торг с Англией, но] Грозный хотел добыть Ливонию, он думал войти в сношения с Европой, завести у нас мастеров, выписал¹ иностр<анцев>. Но орден мешал, его происками Шлитте и 200 немцев арестованы в Любеке. Война б<ыла> несчастна, хотя орден пал (О поселении немцев было в раск<азе> «Алек<андр> Нев<ский>»), но земли его отошли к Польше и Швеции. Дело не удалось, да и характер Грозного, а потом неурядицы заставили оставить эту мысль. Открылся путь через Архангельск, но был недостаточен, да и своего флота не завели². Петръ³ воспользовался северной войной, чтобы привести ее в исполнение. [Для [1 нрзб.] надобно было] [Война тянулась до Ништадтского мира] [Какой былъ Петръ? его воспит] Каков был Петр? Его воспитание вне этикета двора – путешествия за границу, поездки по России – везде оставляет следы – показать их в каждой местности он придумывал, что тут м<ожет> б<ыть> заведено – где лошади, где овцы, [и пр<очее>] где сады, где вишня, где слива, где канал⁴. – Он так любил «заводить» [это] быть сеятелем, что всегда носил в кармане жолуди – и когда где был или даже обедал, сажал на память желудь⁵. Особенно оставил он следы в северном крае, где об нем сохранилось сказание – (у Барсова)^{XVII}. Заведение войска, флота – Нарва – Полтава <.> – Вообще Петра изображать его словами, письмами, изречениями – Ништадтский мир.

И вот делом Петра была новая Россия. Показать, как она пошла в этом направлении, т<о> е<сть> по пути просвещения, заведение Академии, школ, Университетов – законы о невеждах и преимуществах образования перед богатством и родом – чин. Явилось искусство <.> Акад<емия> худ<ожеств>, литература, и пр<очее> И что теперь надо продолжать делать, имея образ Петра перед собою <.> его любовь к России, трудолюбие, веру в свой народ: это именно «пастырь <.> полагавший душу свою за овцы». Петр [основывал] сеял и реформировал в политич<еской> [и], гражд<анской> и домашней жизни: Ломоносов в умственной^{XVIII}⁶.

^{8^й} рассказ – Оконч<ательное> Объедин<ение> территорий при Екатерине II⁷.

¹ Было: выписывал.

² Предложение вписано ниже текста вставки.

³ Текст: [при И. Грозном отсюда ...] ∞ Петр – вписан на полях слева под знаком 7. На полях справа под знаком 7 зачеркнуто: [Действ].

⁴ где канал вписано.

⁵ Текст: в каждой местности ∞ на память желудь – записан на полях слева под знаком 7.

⁶ Текст: Петр [основывал] ∞ в умственной – записан на полях слева, рядом со словами: Явилось искусство <.> Акад<емия> худ<ожеств>, литература, и пр<очее>.

⁷ Запись о содержании восьмого рассказа сделана позднее карандашом внизу страницы.

[Осьмой рассказ. Екатерина II.]^{XIX}.

Восьмой рассказ. 12^й год.^{XX}

Наполеон. Кто на Руси не слышал про Наполеона? Еще и теперь, пожалуй, живы старики, которые в 12 году сами воевали против него. – Еще и прежде него чужие завоеватели ходили на Русь: татары – нашли ее раздробленною и владычествовали. В 1612¹ году поляки были в Москве, и была сумятица, но это потому что настоящего царя не было, но с Божиею помощью нашлись люди, которые повели дело честно и по-божески, прогнали поляков и выбрали царя. [NB] Потом при Петре Карль 12^й. NB. Я нарочно делаю повторения и обозрения прежде сказанного, дабы запечатлелась в умах целость всей истории, и те нравствен<ные> и политические истины, которы<е> необходимо д<олжны> б<ыть> в умах и сердцах. Напр<имер,> тут д<олженъ> б<ыть> наглядно показано положение России между Азией и Европой, готовых ее поглотить^{XXI}, и как она спасалась только верой в себя и Бога². Наконец <,> при дяде нынешнего государя, да уж не один какой-нибудь народ, не одни Шведы [и] или Поляки как б<ыло> прежде, а вся Европа <,> предводимая Наполеоном, франц<узским> Императором который победил их всех и привел на Русь. Но уж Россия б<ыла> не то что при татарах и в междуцарствии. Выдержала такое испытание, какого еще не было – уже Петровы дела принесли свой плод – была армия, запасы благоустройство, так что [все святые <1 нрзб.> русского народа, который] Русь единая [,] и единоверная от царя до последнего простолюдина проникнутая одной³ [чувство] душою, восторжествовала под небывалым неприятелем, пожертвовав Москвою. [Засим о] Ополчение, изгнание французов, вступление Алекса<андра> Пав<ловича> во главе всех европ<ейских> государей в Париж. Восстановление монархов [и вообще вооруженное состояние правительств]. Возможность появления завоевателей⁴ в роде Наполеона заставляет европ<ейских> государства обращать внимание на усиление войска, и [рожда] усиливается между ними недоверие и ревнивое отношение друг к другу – и особенно к России – что скоро и обнаружилось в восточной войне, о чем будет [сле] дальнейший рассказ.

Девятый рассказ. Севастополь. [и]^{XXII}.

Рассказ о Черном море. Кто не помнит из живущих о славной обороне. Отчего так его [стор] защищали? Прежде Черное море было Турецкое, и все земли <,> где Одесса, Азов; тут было крымское ханство, подручное султану. Уж Петр хотел добыть его. Но Турки еще были сильны, а мы слабы. Екатерина добыла его – ее турецкие войны – Суворов – Румянцев – Потемкин. Заселение края, построение городов, торговля, пшеница, черноморский флот – Им<ператор> Николай – его турецкая война – следствие⁵ полуассальские отношения к нам Турции. Освобождение Греции Валахии, Молдавии, Сербии. Покровительство

¹ Вместо: 1612 было: 17.

² Текст после знака «NB» вписан на полях справа под знаком NB.

³ Было: проникнутые одним.

⁴ Было: завоевательные.

⁵ Им. Николай – его турецкая война – следствие – вписано.

Вост<очных> христиан. В следствие всего этого –¹ зависть и опасения западных держав^{XXIII}. [Кр] Восточная война. Высадка в Крым. Защита. [Смерт] Кончина Николая <.> Воцарение Александра. Мир. Мы еще не в силах бороться со всею Европой, которая готова каждую минуту составить коалицию, [а потому — новая воинская повинность] и ежегодно увеличивает свои силы обязательной военной службой для всех, усовершенствованием оружия и пр<очее> <.> а потому и нам оказалось необходимым завести² новую воинскую повинность^{XXIV};

<Справа на полях нарисовано перо. – Ред.>

Десятый рассказ³. Освобождение крестьян^{XXV}. Как заселялась Россия? [раздав] Военная система Московской Руси. Раздача поместий. [Невоз] Бродячее население. Разбои. Приведение этого в порядок через прикрепление крестьян к земле. Когда устроилась администрация, и заселились пространства России – пришла возможность снять прикрепление. Характер отношений помещиков в восточной и в западной России: там единство веры, языка, народности – в западной разъединение. Составляя с народом одно – русские помещики значения не потеряли, обратясь в земских людей, которых мужики выбирают; не то в польском дворянстве, которое все теряет через разъединение с народом и государством, которое не может на них положиться как на чисто русских. Отсюда – [польские восстания] Рассказ о падении Польши и о польских восстаниях.

Беляев

Крестьяне на Руси

(отд<ельной> книгой)^{XXVI}

Победоносцева

1860, 61^{2<0>} года

в Р<усском> Вестн<ике> «К истории }
креп<остного> права в России»^{XXVII} } 2 статьи^{XXVII}

1) Утвержд<ение> кр<епостного> пр<ава> в XIII в.^{XXIX}

2) К ист<ории> кр<епостного> пр<ава> в России^A.

[Вот по]

[Может быть еще был бы нужен рассказ о Ломоносове.]

Общий обзор что в рассказах. Приведение всего к настоящему, при этом речь о других деяниях нынеш<него> [последнего] царствования: наше положение в отношении к Западу: уничтож<ение?> Парижского мира, [события] Амур, Хива^{XXX}.

¹ Начало предложения вписано на полях.

² Текст: и ежегодно увеличивает ∞ необходимым завести – вписан на полях справа.

³ Номер рассказа подчеркнут двойной прямой линией.

⁴ Ссылка на книгу Беляева и статьи Н.К. Победоносцева в «Русском вестнике» приписана на полях справа. Цвет чернил и толщина пера отличаются от цвета чернил и пера рукописи, т.е. приписка об источниках информации для рассказа сделана несколько позднее составления основного текста.

Вот какой план был составлен мною для моих рассказов. Он прочтен мною здесь, чтобы служить материалом или поводом суждений при назначении [пре] темы на премию. По моему мнению <,> он слишком личен. Другие могут и для отдельных рассказов гораздо лучше расположить [события] исторический материал. Притом – самый план входит в состав общего творчества, и есть, может быть <,> самая главная часть его – почему, м<ожеть> б<ыть> <,> и не следует его навязывать. Историки и отличаются один от другого именно своим планом, т<о> е<сть> распределением исторического материала по требованию идеи <,> которую хотят провести. Моя главная идея заключалась – в осмыслении прошедшего, так чтобы все <?> что случается на наших глазах и что может случиться, легко было бы объяснено [*самими чит*] *себе теми*, которые прочли мои рассказы, да чтобы и самая местность России, главные города и области получили бы смысл в их глазах. При этом, как Вы могли заметить, я, имея в виду читателя знакомого только с общей географией России, что в простолюдинах [и] *даже* неграмотных у нас встречается довольно часто, все рассказы построил на [известном] педагогическом правиле, начинать с известного, [дабы] и около этого известного пункта расширять постепенно область знаний и кругозор понятий. [[В в] Выбор[e] этих пунктов дал бы мне возможность познакомить читателей не только с ходом истории как нити царей и царствований, но и очеркнуть историю местностей: *как Вы могли заметить из программы <,> прочитанной здесь, и из двух напечатанных рассказов*¹. *Киев, Москва, Петербургский период (в нем же Архангельск)*², *Новороссия, Сибирь, Новгород, Псков, Смоленск, Казань, Астрахань, Сибирь*.

(Засим заметить: что правдивость д<олжна> б<ыть> неизменным условием рассказов – [и поэзия она] Древняя история излагалась мною как отразились события в понятиях современников – т<о> е<сть> они изложены в их поэтической правде³ – она же и философская)

Комментарии

¹ Книга «Сборник избранных мест из современных русских писателей» вышла в 1859 г. как бесплатное приложение к журналу «Подснежник», который издавал в 1859–1862 гг. Вл.Н. Майков. В приложение входили отрывки из «Антон-горемыки» Д.В. Григоровича, очерки из «Фрегата «Паллада» И.А. Гончарова, главы из «Истории моего детства» Л.Н. Толстого и «Бежин луг» И.С. Тургенева, стихи А.Н. Майкова, Фета, Полонского.

² Точную дату данного события установить не удалось.

³ Результатом участия Майкова в этом обсуждении стало начало работы над отбором важнейших событий русской истории, изображающих их картин и сопроводительных текстов к ним. Концепция поэта нашла отражение в самом раннем рукописном свидетельстве о начале работы поэта над циклом рассказов из русской истории, которое гипотетически датируется нами 1868 г. [4].

^{IV} «*Два Рима пали, третий стоит, четвертому не быть*» – выражение впервые появилось в «Послании Великому Князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блуде» монаха Фелофея [18. С. 304]. Его сочинения впервые были опубликованы в 1861–1863 гг. в журнале «Православный собеседник». С этого времени

¹ Текст, выделенный курсивом, был дописан на полях слева.

² Примечание об Архангельске дописано на полях справа.

³ Далее была закрывающаяся скобка.

они стали важнейшей формулой в русской общественной мысли последующего периода [19. С. 539].

^V «*слушайся старых бояр... чтоб и свеча не погасла*» – вольное переложение строк из заключительной части завещания Симеона Гордого: «А по отца нашего благословению, что нам приказал жити заодин, тако же и аз вам приказываю, своеи братьи, жити заодин. А лихих бы есте люди не слушали и хто иметь вас сваживати, слушали бы есте отца нашего владыки Олексея, тако же старых бояр, хото хотел отцу нашему добра и нам. А пишу вам се слово того дела, чтобы не перестала память родителии наших и наша, и свеча бы не угасла» [20. С. 124–125].

^{VI} *Изложение же, полагал я, ∞ может иметь желаемое действие на сердца* – фрагмент интересен тем, что представляет автокомментарий принципов отбора и представления известных исторических событий в цикле Майкова. Его содержание созвучно словам Достоевского, высказанным по поводу формы замысла друга в ответ на сообщение поэта о работе над циклом исторических рассказов и готовности четырех из них: «...воспроизвести, с любовью и с *нашею мыслию*, с самого начала с русским взглядом, – всю русскую историю, отмечая в ней те точки и пункты, в которых она, временами и местами, как бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдруг, во всем своем целом. <...> но не как простую летопись, нет, а как сердечную поэму, даже без строгой передачи факта (но только с чрезвычайною ясностию), схватить главный пункт и так передать его, чтоб видно, с какой мыслию он вылился, с какой любовью и мукою эта мысль досталась. Но без эгоизма, без слов от себя, а наивно, как можно *наивнее*, только чтоб одна любовь к России была горячим ключом – и более ничего» [21. С. 39].

^{VII} Результатом этой работы стали два самостоятельных рассказа, вышедших далеко за рамки сопроводительных текстов к картинам, изображающим ключевые события русской истории. Это опубликованные в 5-м и 8-м номерах журнала «Заря» за 1869 г. рассказы «О святых московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище» [22] и «Начало восточного вопроса» [12].

^{VIII} Очевидно, что речь идет об обсуждении проекта произведения, которое Майков как один из крупнейших представителей современной русской поэзии представит на первую Пушкинскую премию (подробнее об этом см. вступительную статью к настоящей публикации).

^{IX} *русская история в биографиях замечательных людей решительно непригодна; она будет суха и общей картины не представит* – это признание важно для понимания особенностей обработки сюжетов рассказов, в которых судьба исторической личности при безусловном интересе к ней вписана в общий ход событий, а результат деятельности связан с отсутствием в поступках исторического лица индивидуализма и пониманием потребностей родной страны. Ярким примером в этом отношении становится не опубликованная, но завершенная и сохранившаяся в архиве поэта наборная рукопись рассказ «О С В Я Т О М Б Л А Г О В Е Р Н О М К Н Я З Е А Л Е К С А Н Д Р Е Н Е В С К О М » [23].

^X В первом и самом раннем из обнаруженных в архиве Майкова планов рассказов, когда тексты еще мыслились как сопровождение картин, изображающих важнейшие события русской истории, этот сюжет не обозначен. Первым был рассказ об Александре Невском. В письме Достоевскому от 12 апреля 1869 г., где впервые сообщается о работе над циклом и о написании четырех первых рассказов, Майков так же не говорит о таком сюжете. Первым рассказом там оказывается «Владимир и принятие христианства» [6]. Таким образом, развитие творческой мысли поэта ведет его к вопросу о начале русской земли, который интересовал его еще в период работы над предисловием к переводу «Слова о полку Игореве» [6]. В рукописях Майкова сохранились наброски, объединенные поэтом под одной обложкой с названием «Четыре плана начала первого рассказа из русской истории», обнаруживающие последовательную работу поэта по изучению и обобщению самых

ранних свидетельств о Руссах [24], и более поздние редакции, в которых материал уже подвергнут обработке, с названием на первом листе «О начале государства в России» [25].

^{XI} В описанном сюжете первого рассказа принятие христианства при князе Владимире рассматривается в чреде других важных событий, и сам выбор православия выглядит не только как выбор Владимира, но как результат органического и постепенного принятия православия как истинной веры в течение продолжительных культурных связей с Грецией. О том, что фигура Владимира перестает быть центральной, свидетельствует и финал рассказа, который событийно заканчивается на распространении православия на севере Руси и особой роли монастырей в этом процессе. Личность Владимира, безусловно, интересовала Майкова. В архиве поэта сохранилась объемная рукопись с авторским обобщением содержания на обложке «О Владимире. Обработка того, что было написано для Аполлона», у начала рукописи на л. 5 карандашом рукой Майкова вписано название «О Владимире святом. Из моих уроков детям» [26].

^{XII} Сюжет рассказа об Александре Невском был тщательно проработан уже в первом варианте плана 1868 г., где он занял более страницы рукописного текста из четырех [4]. В письме Достоевскому представлен коротко: «Александр Невский: нашествие татарго страдальчество за русскую землю, им завещанное терпение русскому народу» [6]. Вероятно, детали трактовки образа Александра были хорошо знакомы адресату и приняты им. В новом описании сюжета Майков воспроизводит характерные детали деятельности Александра Невского как спасителя русской земли и мудрого политика, которые организуют сюжет рассказа в сохранившейся наборной рукописи, почти дословно повторяя ключевые тезисы рукописного текста [23].

^{XIII} Третий рассказ цикла «О Святых Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище» написан в 1868 и опубликован в 1869 г. в «Заре» как первый [22]. Он открывает широкий панорамным изображением истории того, как Русь собирала земли вокруг Москвы, как московские князья трепетно заветы отцов, чтобы «свеча не погасла». Автор подчеркивает особую роль митрополитов Петра и Алексия, которые мудрым наставлением помогали князьям. Примечательно, что история Мамаева побоища дана здесь коротко и фрагментарно. Оно показано как результат общего сплоченного служения одной идее спасения Руси, которой были подчинены все участники событий, от князя Дмитрия Донского до простого воина. Художественным способом реализации такого обобщенного изображения битвы, выражающего ее духовное значение для русской истории, становится внимание автора к ряду преданий о видениях участников битвы. Заканчивается рассказ панорамным изображением того, как долго еще боролась Русь за полное освобождение от татар и как помогала в деле этом православная вера.

^{XIV} Четвертый рассказ «Начало восточного вопроса» представляет собой цикл в цикле, в котором последовательно представлены основные элементы вызревания важнейшего для России духовного и политического принципа «Москва – третий Рим». Он также был опубликован в 1869 г. в «Заре» [12]. Автор осветил в нем четыре микросюжета, которые в своем единстве характеризуют становление основ русской исторической силы и самобытности.

^{XV} Сюжет пятого рассказа есть в обоих планах и в письме Достоевскому, везде в его основе лежит история Смутного времени. В плане 1868 г. сюжет описан более подробно: как и в предыдущих произведениях, Майков планирует начать повествование с панорамы событий этих лет: «Вид Троицко-Сергиевской Лавры. Лавра эта сослужила великую службу России. Основана Св<ятым> Сергием – его житие вкратце, картины из него. Как к нему приезжал Дмитрий Донской, Пересвет, Ослябя (это ничего, что выйдет, как повторение). Цари из Москвы всегда езжали на богомолье. Но главная служба была в смутное время: Картина России, разоряемой шайками. Троица начинает рассылать грамоты, поднимаются города – но ополчения все были неудачны – пока в Нижнем дело не попало в хорошие руки – Минина и Пожарского. – Их поход, освобождение Москвы, и

избрание Михаила. Он с помощью отца Митр<ополита>, а потом Патриарха Филарета, устроил Русь, заключил миры с Швецией и Польшей» [4]. В публикуемом плане 1881 г. сюжет представлен сжато, с сохранением доминанты на событиях 1612 г. и редукцией экскурса об особой роли Троице-Сергиевой лавры в упрочении политического самостояния России. При сжатости абриса событий Майков дает в позднем плане вариант начала рассказа, в котором повествование начинается с положения Новгорода и Архангельского собора, где «все спешат к могиле Минина». Гораздо подробнее тезисы содержания пятого рассказа развернуты в еще одном сохранившемся в архиве Майкова документе под названием «План рассказов по Русск<ой> Истории», сделанном на обложке рукописи плана синим карандашом крупным почерком, возможно, при разборе рукописей [16. Л. 1, 4].

^{XVI} Сюжет шестого рассказа тоже присутствовал в первом плане, гипотетически датированном 1868 г.: «Киев вид его. Прежде был столицей русского государства; тут были первые князья, первые святые Феодосий, Антоний, отсюда крестилась Р<усская> Земля. После нашествия татар он подпал Литве, а потом Польше; преследования за веру. Тут можно рассказать и о Тарасе Бульбе, и о Наливайке, и пр<очее>. Хмельницкий, присоединение Малороссии при отце Петра В<еликого> и сыне Михаиле» [4]. В публикуемом плане сюжет развернут уже более детально, с указанием на панорамное начало, как в других рассказах. Очевидно, что особый смысл этого сюжета Майков видит в восстановлении исторической справедливости по воле народа, который поднимает Хмельницкий. Детали этого сюжета также развернуты более подробно в другой, думается, еще более поздней рукописи [16. Л. 4 об.–5].

^{XVII} ...сохранилось сказание – (у Барсова) – Майков имеет в виду публикацию фольклориста и историка литературы Е.В. Барсова «Петр Великий в народных преданиях Северного края», появившуюся в 1872 г. в майском номере журнала «Беседа» [27]. Опубликованные материалы были собраны Барсовым в 1861–1870 гг. во время службы в Петрозаводской духовной семинарии. С 1870 г. Барсов служил в Румянцевском музее, где Майков мог лично познакомиться с ним [28].

^{XVIII} Сюжет седьмого рассказа во всех планах связан с образом Петра I и его деятельностью. Если в раннем наброске он обрисован очень лаконично: «Петр I. Преобразование и войны с Турками и Швецией; как в Сардаме работал, и пр. Побольше анекдотов» [4], то уже в письме Достоевскому к обрисовке этого сюжета добавлены характерные детали о значении деятельности Петра для славянских народов: «о Петре мысль такая: апогея Москвы – Иван IV. Потом потрясение иезуитами и Польшей, Романовы – реставрация. К Петру уже возвращается Россия на ту точку, как была за несколько лет до смерти Грозного, (т.е. до Батория) и Петр продолжает Ивана IV, который продолжает Ивана III. Завоевание Балтийского моря, и в Турецких войнах его – пробуждение православия на Балканах, где его царствование есть эра» [6]. В публикуемом плане сюжет седьмого рассказа обрастает значительным количеством подробностей, организуемых в единое целое образом Петра-«сеятеля». Существенной деталью для понимания используемых Майковым художественных принципов изображения исторических личностей и событий является установка на изображение Петра «его словами, письмами, изречениями». Сохранившаяся в архиве поэта еще одна, вероятно, более поздняя, рукопись плана рассказов дает пример такого включения «человеческих документов»: «Напр<имер>, в письме из-под Прута: с 8 июля сошлись мы с Турками и с того дня день и ночь были в великом огне, в зельной десперации (в отчаянном положении), какой, никогда еще, как начал я служить, не испытывал» [16. Л. 6].

^{XIX} Сюжет рассказа о Екатерине II присутствовал уже в плане 1868 г., где намечена его содержательная доминанта: полное освобождение исконных русских земель на западе и восстановление исторической справедливости: «Я думаю, главное, надо наполнить подвигами военными. <...> О внутреннем устройстве, о Наказе, о разделении на губернии

и пр. толковать, я думаю, нечего» [4]. В письме Достоевскому автор сообщал: «об Екатерине – не сформировался в идее, но думаю, что это продолжение Петра» [6]. В архивной папке, где хранится публикуемый план, имеются разрозненные листы набросков сюжета о Екатерине II, демонстрирующих обращение поэта к раздумьям о сюжете этого рассказа [5. Л. 2, 3, 4–4 об.]. В другом обнаруженном плане он возвращен на свое место и представлен на полутора страницах в достаточно проработанном виде с немногочисленными правками [16. Л. 6–7 об.].

^{XX} Сюжет рассказа о войне 1812 г. присутствовал в концепции цикла изначально, с первого плана, однако в нем он был обозначен только номинально [4]. В письме Достоевскому он получает лаконичное афористическое уточнение: «Европа проговорилась: нашествие двадцети языков» [6. С. 143]. В настоящем плане он впервые предстал в проработанном виде, который получит лишь самую незначительную коррективку и стилистическое уточнение в другом сохранившемся плане, где он однако представлен девятым, после восстановленного сюжета о Екатерине II [16. Л. 8–8 об.].

^{XXI} ...*положение России между Азией и Европой, готовых ее поглотить* – во второй половине 1860-х гг. тема постоянного противоборства России и западными и восточными соседями и сделка католиков с иноверцами становится для Майкова существенным моментом в определении духовно-исторического пути родной страны и ее особой исторической миссии. Об этом он размышлял в письме Достоевскому от 8 марта 1868 г.: «Господи! Когда-то у нас напишется и введется учебник истории, где бы средняя история так была изложена: распространение христианства. Образование новых государств. Центр всей истории – церковь. Засимь *Фотий* и разделъ Европы на восточную и западную. Борьба их. Азия с Татарами и Турками помогает Западу. Коварное поведение Запада: помогу, лишь покорись нам. Слабость и падение востока. Возрождение его с громов полтавских: общеславянское значение Петра и рост России. Колебание весов: мы теперь в периоде самой роковой схватки. Вот программа моя в нескольких чертах – поймите и дополните» [29]. Впервые в русской истории такое положение России обозначилось во времена Александра Невского. В наборной рукописи рассказа «О С В Я Т О М Б Л А Г О В Е Р Н О М К Н Я З Е А Л Е К С А Н Д Р Е Н Е В С К О М» Майков особенно подчеркивает его мудрость, которая помогла верно оценить силы и выбрать стратегию, позволяющую сохранить родную страну: «Оружием отражал он врагов западных, немцев, Шведов, Датчан и Литовцев, которые тоже с этого времени начали усиливаться, пользуясь бедствием России, а с другой стороны, против Татар, подавал пример мудрого смирения и покорности воли Божией дабы терпеливо переждать грозу его гнева, в чаянии будущего избавления» [23. Л. 6].

^{XXII} Содержание девятого рассказа в плане 1968 г. также представлено номинативно: «Крымская война» [4], а в письме Достоевскому получает опять, как и в случае с рассказом об Отечественной войне 1812 г., несколько более определенную, но опять лаконичную обрисовку: «Сбросила маску: Крымская война» [6. С. 143]. В публикуемом плане, вероятно, в силу растворения военных побед Екатерины II в содержании рассказов о Петре I и войне 1812 г., в рассказе о Крымской войне появляется преамбула, воспроизводящая абрис истории завоевания Черного моря.

^{XXIII} ...*покровительство Вост<очных> христиан. В следствие всего этого – зависть и опасения западных держав* – центральным тезисом становится в сюжете рассказа предшествующая Крымской кампании Русско-турецкая война 1828–29 гг. и освобождение Николаем II Греции, Сербии, Валахии, Молдавии. Итоги Русско-турецкой войны 1828–29 гг. не исчерпывались завоеваниями на западном побережье Черного моря и на Балканах. В результате войны Российская империя прислала значительными территориями на восточном побережье Черного моря и в Закавказье. Однако имперские амбиции европейских держав на эти земли не распространялись, видимо, потому они не становились очагами новых конфликтов и не обозначены Майковым. Крымская же война, в которой Ан-

глия и Франция открыто выступили на стороне Османской империи, решая свои политические задачи и желая уменьшить российское влияние в Европе, стала для Майкова ярким выражением подлинного характера вековых отношений между Россией и Европой, поэтому, описывая в письме Достоевскому сюжеты рассказов, поэт и обозначил это событие словами «сбросила маску». Такое понимание сущности Крымской войны сформировалось в его сознании еще в разгар событий, результатом чего стало создание им поэмы «Клермонтский собор» (1854). Подробнее об отношении Майкова к событиям Крымской войны и поэме «Клермонтский собор» в контексте переписки с Достоевским см. [30. С. 246–254].

^{XXIV} ...*новую воинскую повинность* – вероятно, Майков имеет в виду манифест Александра II 1874 г. и Устав о всеобщей воинской повинности, которой подлежали все мужчины 21–40 лет с зачислением по жребию. Подробнее об этом см. [31].

^{XXV} Последний, десятый рассказ так же присутствовал во всех описаниях цикла. В плане 1868 г. выделяется интерес к историческим деталям сюжета: «Освобождение крестьян, при чем рассказать, когда вышло прикрепление, и как нынешним государем оно устроено» [4]. В письме Достоевскому появляется указание на разницу процесса в восточной и западной частях Российской Империи: «Освобождение крестьян, т. е. история сословий и освобождения» крестьян, характер его в восточной России и в западной – там доверие сословию, здесь вражда и следствие того польский бунт» [8. С. 143–144]. Публикуемый план дополняет сказанное ранее существенными деталями, но остается тезисным. В более позднем плане тезисы будут развернуты и обростут характерными деталями, набросок рассказа распространится на две страницы листа in folio [16. Л. 9 об.–10].

^{XXVI} *Беляев* – Иван Дмитриевич Беляев (1610–1873), историк, археолог, ученик М.П. Погодина, профессор Московского университета, славянофил. Книга «Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе», изданная впервые в 1860 г. [32], явилась первым научным обращением к изучению истории русского крестьянства и постепенного изменения его общественного значения, за которое автор был удостоен Демидовской и Уваровской премий, и не утратила ценности до настоящего времени. Беляев представил детальное исследование жизни русского народа, видя в общине проявление органических особенностей русской православной духовности. Одной из характерных деталей его концепции стало представление о том, что до XVIII в. крестьяне имели формальное закрепление, не ограничивающее личной свободы [33]. Возможно, помета на полях об источниках для рассказа сделана позднее, в процессе обдумывания и детализации идеи, и чтение книги Беляева сформировало важные особенности наброска этого рассказа Майковым в более позднем плане, о котором говорилось в предыдущей сноске.

^{XXVII} ...*Победоносцева* – Константин Петрович Победоносцев, юрист, государственный деятель, обер-прокурор Священного Синода в 1870-е гг. близко общался с А.Н. Майковым и Ф.М. Достоевским, встречаясь на «средах» у Мещерского и «пятницах» Я.П. Полонского и в других местах. Среди трудов Победоносцева выделяется ряд произведения, касающихся различных аспектов истории крепостного права и конкретных фактов. В 1876 г. они были собраны в книгу «Исторические исследования и статьи. Публицистика». О значении содержания статей Победоносцева по данному предмету см. [34].

^{XXVIII} «*К истории крепостного права в России* – Майков немного ошибается в названии и неверно называет год публикации: объемная статья К.П. Победоносцева «Заметки для истории крепостного права в России» была напечатана в 15–16-м томах журнала «Русский вестник» за 1858 г. [35].

Приобретение собственности и поземельные книги
«Исторические очерки крепостного права в России XVII и XVIII столетия».

^{XXIX} *Утверждение крепостного права в России в XVIII столетии* – статья К.П. Победоносцева «Утверждение крепостного права в России в XVIII столетии» напечатана в 35-м томе

журнала «Русский вестник» за 1861 г. [36]. В 1860 г. в «Русском вестнике» была напечатана статья Победоносцева «Приобретение собственности и поземельные книги» [37]. Статьи по истории крепостного права были перепечатаны Победоносцевым в 1876 г. в книге «Исторические исследования и статьи» [38].

^{xxx} ...наше положение в отношении к Западу: уничтож~~ение?~~ Парижского мира, Амур, Хива – Майков перечисляет события, которые демонстрируют упрочение политических позиций России. Парижский мир – международный договор, закрепивший результаты Крымской войны 1853–1856 гг., подписан 17 марта 1856 г. По его результатам Россия несла значительные территориальные и политические потери, которые вошли в сознание русской общественной мысли. Поэтому события, обозначившие постепенное возвращение Россией своих территорий и возможностей, приветствовались русской общественной мыслью. В 13 ноября 1870 г. декларация государственного канцлера А.К. Горчакова объявляла о расторжении Россией статьи Парижского мирного договора, ограничивающие ее права на Черном море. На это событие один из ближайших собеседников Майкова по обсуждению темы уникальности исторического пути России и ее положения между Европой и Азией Ф.И. Тютчев откликнулся стихотворением «Да, вы сдержали свое слово». Другие статьи Парижского мирного договора были компенсированы результатами Берлинского конгресса 1878 г., завершившего Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Процесс присоединения *Приамурья* к Российской империи начался в 1854 г. после попытки нападения на Петропавловск-Камчатский англо-французской эскадры. Переговорные процессы с представителями Цинской империи о закреплении границы по китайскому берегу Амура завершились в 1860 г. *Хивинское* ханство попало под протекторат России 12/24 августа 1873 г. в результате военного похода, завершившегося подписанием Гендемианского мирного договора.

Список источников

1. Ямпольский И.Г. Из архива А.Н. Майкова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976. С. 24–52.
2. Седельникова О.В., Головачева Е.А., Олейник О.П. «Рассказы из русской истории» А.Н. Майкова: от идеи к реализации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 198–221. doi: 10.22455/2619–0311–2024–1–198–221
3. Седельникова О.В., Андрианова И.С. Аполлон Майков и Федор Достоевский: неосуществленный замысел рассказов из русской истории // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11, № 1. С. 127–153. doi: 10.15393/j10.art.2024.7101. EDN: ECZFOC (21.09.2024)
4. Майков А.Н. Программа рассказов по русской истории (Подготовка текста, вступительная статья и комментарии О.В. Седельниковой, И.С. Андриановой, А.В. Балдовой) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. №. 96. С. 201–218.
5. Майков А.Н. Программа картин и рассказов по русской истории // РО ИРЛИ. № 16541. 16 л.
6. А.Н. Майков. Письма к Достоевскому 1867–78 / публ. Н.Т. Ашимбаевой // Ашимбаева Н.Т. Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб. : Серебряный век, 2005. С. 103–168.
7. Майорова О.Е. Майков Аполлон Николаевич // Русские писатели. Библиографический словарь. М. : Просвещение, 1990. Т. 2. С. 3–4.
8. Баевский В.С. Майков Аполлон Николаевич // Русские писатели 1800–1917: библиографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 453–458.
9. Агафонова Я. Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 156 (2/2019). С. 78–92.

10. Агафонова Я.Я. Классика для народа как просветительский проект Комиссии по устройству народных чтений в поздний период Российской империи : дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

11. Майков А.Н. Отзывы о книге Толычевой Т. «Троице-Сергиева Лавра». Отзыв о книге «Приключения Робинзона Крузо». Отзывы о книгах Жуковского В.А. «Кот в сапогах»; «Овсяный кисель»; «Светлана» // РО ИРЛИ. № 16565. 6 л.

12. Майков А.Н. Начало восточного вопроса // Заря. 1869. № 8. С. 1–50.

13. Литературные премии России: путеводитель / сост. Р.М. Рубен ; сост. вспом. указ. Ю.К. Андреева. М., 2008. 39 с.

14. Майков А.Н. Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия. Л. : Сов. писатель, 1977. 910 с.

15. Майков А.Н. Отрывки рассказов по русской истории // РО ИРЛИ. 16555. 10 л.

16. Майков А.Н. План рассказов из русской истории // РО ИРЛИ. № 16543. 10 л.

17. Майков А.Н. Четыре плана к рассказам по русской истории // РО ИРЛИ. № 16544. 9 л.

18. Послания старца Филофея. Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. СПб. : Наука, 2006. С. 291–305.

19. Колесов В.В. Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. С. 539–542.

20. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3(33). С. 123–125.

21. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Т. 29 (1). Л. : Наука, 1972–1990.

22. Майков А.Н. О Святах Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище // Заря. 1869. № 5. С. 1–19.

23. Майков А.Н. О Святом благоверном князе Александре Невском // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16553. 12 л.

24. Майков А.Н. Четыре плана к рассказам по русской истории // РО ИРЛИ. № 16544. 9 л.

25. Майков А.Н. О начале государства в России // РО ИРЛИ. № 16551. 6 л.

26. Майков А.Н. О Владимире Святом // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16554. 36 л.

27. Барсов Е. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. № 5. С. 295–309.

28. Алексеева О.Б. Барсов Елпидифор Васильевич // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1863184 (дата обращения: 04.02.2024).

29. Майков А.Н. Письмо к Ф.М. Достоевскому 8 марта 1868 г. // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/letters.htm> (дата обращения: 15.04.2022).

30. Седельникова О.В. Ф.М. Достоевский и кружок Майковых. Томск : Изд-во ТПУ, 2006. 275 с.

31. Волков А.П. Военные реформы 1860–70-х гг. // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/1923692#:~:text (дата обращения: 22.03.2024).

32. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М. : Типография Московского университета, 1860. 326 с. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/09/main/368-e.pdf>

33. Иванов Б.Ю. Беляев Иван Дмитриевич // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1874340 (дата обращения: 10.05.2024).

34. Розенберг Л.И. Правовое оформление крепостной зависимости в XVII–XIX вв. в освещении русских исследователей (Реферативный обзор) // Реформа 1861 года в

истории России (К 150-летию отмены крепостного права). М. : ИНИОН РАН, 2011. С. 45–51.

35. *Победоносцев К.П.* Заметки для истории крепостного права в России // *Русский вестник*. 1858. Т. 15, № 6. С. 209–248, 459–498; Т. 16, № 8. С. 537–582.

36. *Победоносцев К.П.* Утверждение крепостного права в России в XVIII столетии // *Русский вестник*. 1861. Т. 35. С. 223–253.

37. *Победоносцев К.П.* Приобретение собственности и поземельные книги // *Русский вестник*. 1860. № 28. С. 5–39 (I–V), 193–230 (VI–XI).

38. *Победоносцев К.П.* Исторические очерки крепостного права в России XVII и XVIII столетия // *Победоносцев К.П. Исторические исследования и статьи*. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения, 1876. С. 1–229.

References

1. Yampol'skiy, I.G. (1976) Iz arkhiva A.N. Maykova [From Apollon Maykov's archive]. In: *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1974 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1974]. Leningrad: Nauka. pp. 24–52.

2. Sedel'nikova, O.V., Golovacheva, E.A. & Oleynik, O.P. (2024) "Rasskazy iz russkoy istorii" A.N. Maykova: ot idei k realizatsii [Stories from Russian history by A.N. Maykov: from idea to realization]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal*. 1 (25). pp. 198–221. doi: 10.22455/2619-0311-2024-1-198-221

3. Sedel'nikova, O.V. & Andrianova, I.S. (2024) Apollon Maykov i Fedor Dostoyevskiy: neosushchestvlennyy zamysel rasskazov iz russkoy istorii [Apollon Maykov and Fyodor Dostoevsky: an unrealized plan for stories from Russian history]. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 1 (11). pp. 127–153. doi: 10.15393/j10.art.2024.7101

4. Maykov, A.N. (2025) Programma rasskazov po russkoy istorii (Podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii O.V. Sedel'nikovoy, I.S. Andrianovoy, A.V. Baldovoy) [Program of stories on Russian history (text preparation, introductory article and commentary by O.V. Sedel'nikova, I.S. Andrianova, A.V. Baldova)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. (In print).

5. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS (RO IRLI). No. 16541. Pages 1–16. Maykov, A.N. *Programma kartin i rasskazov po russkoy istorii* [Program of Pictures and Stories on Russian History].

6. Ashimbaeva, N.T. (2005) *Dostoevskiy. Kontekst tvorchestva i vremeni* [Dostoevsky. Context of Creativity and Time]. Saint Petersburg: Serebryanyy vek. pp. 103–168.

7. Mayorova, O.E. (1990) Maykov Apollon Nikolaevich [Maykov Apollon Nikolaevich]. In: *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers. Biobibliographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Prosveshchenie. pp. 3–4.

8. Bayevskiy, V.S. (1994) Maykov Apollon Nikolaevich [Apollon Nikolayevich Maykov]. In: *Russkie pisateli 1800–1917: biograficheskiy slovar'* [Russian Writers 1800–1917: Biographical Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 453–458.

9. Agafonova, Ya. (2019) Klassika dlya naroda v adaptatsiyakh Postoyannoy komissii po ustroystvu narodnykh chteniy [Classics for the people in adaptations of the permanent commission for organizing people's readings]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 156 (2/2019). pp. 78–92.

10. Agafonova, Ya.Ya. (2022) *Klassika dlya naroda kak prosvetitel'skiy proyekt Komissii po ustroystvu narodnykh chteniy v pozdnyy period Rossiyskoy Imperii* [Classics for the people as an educational project of the commission for organizing people's readings in the late period of the Russian Empire]. Philology Cand. Diss. Moscow.

11. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS (RO IRLI). No. 16565. Pages 1–6. Maykov, A.N. *Otzyvy o knige Tolychevoy T. "Troitse-Sergiyeva Lavra". Otzyvy o knige "Priklyucheniya Robinzona Kruzo". Otzyvy o knigakh Zhukovskogo V.A. "Kot v sapogakh"; "Ovsyanyy kisel"; "Svetlana"* [Reviews of T. Tolychova's Book The Trinity Lavra

of St. Sergius. Review of the Book Adventures of Robinson Crusoe. Reviews of Vasily Zhukovsky's Books Puss in Boots; Oat Kissel; Svetlana].

12. Maykov, A.N. (1869) Nachalo vostochnogo voprosa [The beginning of the eastern question]. *Zarya*. 8. pp. 1–50.

13. Ruben, R.M. (ed.) (2008) *Literaturnye premii Rossii* [Literary Awards of Russia]. Moscow: [s.n.].

14. Maykov, A.N. (1977) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

15. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS (RO IRLI). 16555. Pages 1–10. Maykov, A.N. *Otryvki rasskazov po russkoy istorii* [Fragments of Stories on Russian History].

16. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS (RO IRLI). No. 16543. Pages 1–10. Maykov, A.N. *Plan rasskazov iz russkoy istorii* [Plan of Stories from Russian History].

17. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS (RO IRLI). No. 16544. Pages 1–9. Maykov, A.N. *Chetyre plana k rasskazam po russkoy istorii* [Four Plans for Stories on Russian History].

18. Kolesov, V.V. (ed.) (2006) Poslaniya startsa Filofeya [Messages of Elder Philotheus]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus' Literature]. Vol. 9. Saint Petersburg: Nauka. pp. 291–305.

19. Kolesov, V.V. (2006) Poslaniya startsa Filofeya [Messages of Elder Philotheus]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus' Literature]. Vol. 9. Saint Petersburg: Nauka. pp. 539–542.

20. Kuchkin, V.A. (2008) Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazey XIV v. [Edition of the testaments of Moscow princes of the 14th century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 3 (33). pp. 123–125.

21. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Collected Works and Letters]. Leningrad: Nauka.

22. Maykov, A.N. (1869) O Svyatykh Moskovskikh mitropolitakh Petre i Aleksii i o slavnom Mamayevom poboishche [On the Holy Moscow Metropolitans Peter and Alexis and on the Glorious Battle of Kulikovo]. *Zaria*. 5. pp. 1–19.

23. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS (RO IRLI). Fund 168. No. 16553. Pages 1–12. Maykov, A.N. *O Svyatom blagovernom knyaze Aleksandre Nevskom* [On the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky].

24. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS (RO IRLI). No. 16544. Pages 1–9. Maykov, A.N. *Chetyre plana k rasskazam po russkoy istorii* [Four Plans for Stories on Russian History].

25. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS (RO IRLI). No. 16551. Pages 1–6. Maykov, A.N. *O nachale gosudarstva v Rossii* [On the Beginning of the State in Russia].

26. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature RAS (RO IRLI). Fund 168. No. 16554. Pages 1–36. Maykov, A.N. *O Vladimire Svyatom* [On Saint Vladimir].

27. Barsov, E. (1872) Petr Velikiy v narodnykh predaniyakh Severnogo kraya [Peter the Great in folk legends of the North]. *Beseda*. 5. pp. 295–309.

28. Alekseeva, O.B (2024) Barsov Elpidifor Vasil'evich [Elpidifor Vasilyevich Barsov]. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1863184 (Accessed: 04.02.2024).

29. Maykov, A.N. Pis'mo k F.M. Dostoevskomu 8 marta 1868 g. [Letter to Fyodor Dostoevsky, March 8, 1868]. *Epistol'yarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [Epistolary Heritage of Fyodor Dostoevsky and His Correspondents]. [Online] Available from: <https://philolog.petrus.ru/fmdost/letters.htm> (Accessed: 15.04.2022).

30. Sedel'nikova, O.V. (2006) *F.M. Dostoevskiy i kruzhok Maykovykh* [Fyodor Dostoevsky and the Maykov Circle]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.

31. Volkov, A.P. (2024) Voennye reformy 1860–70-kh gg. [Military Reforms of the 1860s–1870s]. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: https://old.bigenc.ru/military_science/text/1923692 (Accessed: 22.03.2024).

32. Belyaev, I.D. (1860) *Krest'yane na Rusi. Issledovanie o postepennykh izmeneniyakh znacheniya krest'yan v russkom obshchestve* [Peasants in Rus'. A Study on the Gradual Changes in the Meaning of Peasants in Russian Society]. Moscow: Moscow State University. [Online] Available from: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/09/main/368-e.pdf>.

33. Ivanov, B.Yu. (2024) Belyaev Ivan Dmitrievich [Ivan Dmitrievich Belyaev]. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1874340 (Accessed: 10.05.2024).

34. Rozenberg, L.I. (2011) Pravovoye oformlenie krepostnoy zavisimosti v XVII–XIX vv. v osveshchenii russkikh issledovateley (Referativnyy obzor) [Legal formalization of serfdom in the 17th–19th centuries in the coverage of Russian researchers (review)]. In: Konovalov, V.S. (ed.) *Reforma 1861 goda v istorii Rossii (K 150-letiyu otmeny krepostnogo prava)* [The Reform of 1861 in the History of Russia (To the 150th Anniversary of the Abolition of Serfdom)]. Moscow: INION RAN. pp. 45–51.

35. Pobedonostsev, K.P. (1858) Zametki dlya istorii krepostnogo prava v Rossii [Notes for the history of serfdom in Russia]. *Russkiy vestnik*. 6 (15). pp. 209–248, 459–498; 8 (16). pp. 537–582.

36. Pobedonostsev, K.P. (1861) Utverzhdenie krepostnogo prava v Rossii v XVIII stoletii [Establishment of serfdom in Russia in the 18th century]. *Russkiy vestnik*. 35. pp. 223–253.

37. Pobedonostsev, K.P. (1860) Priobretenie sobstvennosti i pozemel'nye knigi [Acquisition of property and land registers]. *Russkiy vestnik*. 28. pp. 5–39 (I–V), 193–230 (VI–XI).

38. Pobedonostsev, K.P. (1876) *Istoricheskie issledovaniya i stat'i* [Historical Research and Articles]. Saint Petersburg: Tip. Ministerstva putey soobshcheniya. pp. 1–229.

Информация об авторах:

Седельникова О.В. – д-р филол. наук, профессор Отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Андрианова И.С. – канд. филол. наук, директор Международного центра изучения Достоевского, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: yarysheva@yandex.ru

Головачева Е.А. – канд. филол. наук, начальник Отдела развития онлайн-образования Управления сопровождения обучения и развития карьеры Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Sedelnikova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

I.S. Andrianova, Cand. Sci. (Philology), director of the International Center for Dostoevsky Studies, associate professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: yarysheva@yandex.ru

E.A. Golovacheva, Cand. Sci. (Philology), head of the Online Education Development Department, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.12.2024;
одобрена после рецензирования 06.12.2024; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 02.12.2024;
approved after reviewing 06.12.2024; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/98/13

Рецепция оды Горация (Carm. I 1) в цикле С.А. Завьялова «Эпиграфы»

Софья Юрьевна Суханова¹, Маргарита Викторовна Негрей²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *suhanova_sofya@mail.ru*

² *margarita.negrey@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются художественные функции цитат Горация в цикле С.А. Завьялова «Эпиграфы». Выявляются причины обращения к оде Горация «К Мекенату» (Ног. Carm. I 1), своеобразие авторской интерпретации и характер использования интертекста, устанавливается их связь с эстетикой С.А. Завьялова, его представлениями о природе и предназначении поэзии в человеческой культуре, судьбе классического наследия в современном мире и роли поэта.

Ключевые слова: Гораций, Сергей Завьялов, рецепция, интертекст, цитата, римская поэзия, русская поэзия

Для цитирования: Суханова С.Ю., Негрей М.В. Рецепция оды Горация (Carm. I 1) в цикле С. А. Завьялова «Эпиграфы» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 235–245. doi: 10.17223/19986645/98/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/13

Reception of Horace's ode (Carm. I 1) in Sergei Zavyalov's cycle *Epigraphs*

Sofya Yu. Sukhanova¹, Margarita V. Negrey²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *suhanova_sofya@mail.ru*

² *margarita.negrey@yandex.ru*

Abstract. The article investigates the artistic functions of Horace's quotations in Sergei Zavyalov's cycle *Epigraphs*. Zavyalov, in his poetry, essays and scientific works, comprehends the work of a wide range of predecessors – representatives of Russian and foreign literature. Already in the first book, fixing the metapoetic position of the lyrical subject, in addition to many other "voices", the subject of the lyrical subject's relationship to ancient poetry and – more broadly – culture becomes central. A special place in Zavyalov's work belongs to the reception of Horace's heritage. The comprehension of Horace's poetry becomes the subject of depiction and reflection not only in individual poems, but also in several cycles. Zavyalov pays close attention to Horace's translations; in 2022 a collection of his authorial translations *Horace's Odes*

and *Epodes*, on which he worked for forty years, was published. In 2023 a translation was published with commentaries on the Roman odes of Horace. The reasons for the reference to Horace's ode "To Maecenas" (Hor. Carm. I 1), the peculiarity of the author's interpretation and the nature of the use of intertext are revealed; their connection is established with Zavyalov's aesthetics, his ideas about the purpose of poetry in human culture, the fate of the classical heritage in the modern world, and the role of the poet. The aim of this article is to analyse the Horatian text in Zavyalov's *Epigraphs* cycle (1993–1995), which was included in two books with the same title *Melika*, published in 2003 and 2017. Quotations from the ode "To Maecenas" (Hor. Carm. I 1) are in two poems of the cycle, "Statue in the Park" and "Ἐπίλογος". In the poem "Statue in the Park" the appeal to tradition becomes an independent subject of Zavyalov. The lyrical subject of the poet in the situation of social and humanitarian catastrophe turns to the classical examples of world poetry, subjecting them to poetic reflection. Zavyalov's ode is both praise of the muse and a plea to her for the possibility of a song, it is the song itself, but frozen in a new world hostile to poetry. The quotation from Horace is necessary as the beginning of the lyrical plot of the poem "Ἐπίλογος" because the plot itself is connected with the comprehension of the process of creating a poem, which appears as a unity of imagination and poetic language, conscious and unconscious, ontological and existential. The heroes (actants) of this process are Polyhymnia (metaphysical source of inspiration), pauses, clauses, harmony (rhythmic pattern and poetic language), Jupiter (ontological law), consciousness of the lyrical subject, and culture. Thus, in the cycle *Epigraphs* the quotations from Horace's odes, the meanings of which are woven into the semantic pattern of Zavyalov's odes, fulfil various functions. In the poem "Statue in the Park", the lyrical situation is organised as a meeting between a contemporary poet and his muse in a situation of crisis of classical culture. The epigraph from Horace embodies the author's idea of the possibility of high art in a world hostile to poetry, when returning to the meanings of the original sources. In the poem "Ἐπίλογος", the quotation from Horace becomes the beginning of the lyrical plot and is necessary as an appeal to an authoritative interlocutor in the process of reflection on the act of creation. The heroes of this plot are ontological and metaphysical forces (Jupiter, Polyhymnia, poetic language, the text of culture). Citation becomes for the consciousness of the lyrical self a way of incorporating tradition into the context of modernity and appears as an act of recognising the immortality of poetry as a form of proper human existence.

Keywords: Horace, Sergei Zavyalov, reception, intertext, quotation, Roman poetry, Russian poetry

For citation: Sukhanova, S.Yu. & Negrey, M.V. (2025) Reception of Horace's ode (Carm. I 1) in Sergei Zavyalov's cycle *Epigraphs*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 235–245. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/13

С.А. Завьялов в поэзии, эссеистике и научных работах осмысляет творчество широкого круга предшественников – представителей русской и зарубежной литературы. Уже в первой книге, фиксирующей метапоэтическую позицию лирического субъекта, помимо множества других «голосов», центральным становится сюжет отношения лирического субъекта к античной поэзии и – шире – культуре. Особое место в его творчестве принадлежит рецепции наследия Горация. Осмысление поэзии Горация становится предметом изображения и рефлексии не только в отдельных стихотворениях, но

и в нескольких циклах. Переводам Горация С.А. Завьялов уделяет пристальное внимание. В 2022 г. вышел сборник его авторских переводов «Оды и эподы Горация», над которым он работал в течение сорока лет. В 2023 г. был опубликован перевод с комментариями к римским одам Горация [1].

Рецепция наследия Горация занимает объемную часть в творчестве С.А. Завьялова, из всего корпуса текстов римского поэта С.А. Завьялов цитирует только оды, причем их выбор предельно важен, поскольку эксплицитно цитируются только 16 од из 113¹. Хотя Гораций чаще всего цитируется точно в оригинале с указанием книги од, номера оды и стихотворных строк, а также с собственным переводом, однако этот список можно дополнить многочисленными неточными цитатами, аллюзиями и реминисценциями и на другие оды.

Цель данной работы – проанализировать гораццианский текст в цикле С.А. Завьялова «Эпиграфы» (1993–1995), который входит в книги с одинаковым названием – «Мелика», изданные в 2003 и 2017 гг. «Мелика» 2003 г. состоит из двух книг. Первая книга, куда вошли стихотворения 1984–1990-х гг., представляет собой шесть циклов. С.А. Завьялов отмечал, что первая книга является «сокращенным переизданием вышедшей в 1994 году... книги “Оды и эподы”» [2]. Вторая состоит из двенадцати циклов и делится на две части: «...первая часть (Pars prior), – писал С.А. Завьялов, – является точным воспроизведением первого издания, вышедшего в 1998 году... Вторая часть (Altera pars) включает стихотворные циклы, написанные в 1998–2003 годах...» [2].

Цикл «Эпиграфы» открывает вторую книгу «Мелики». Традиционный эпиграф присутствует не во всех стихотворениях (только в «Corvus Corvus», «Tristia», «Статуя в парке»). В стихотворениях «На тему Рицоса», «Эномай молится Гелиосу», «Геракл у Омфалы», «Младший сын Лаокоона», «Сцена из Менандра», «Ultimi Geloni», «Северная Фиваида» эпиграф находится в конце. Цитаты в цикле помещаются как в паратекст (причем в позициях и перед текстом, и после текста), так и в текст. «Мы привыкли к переносному, позднему значению слова “эпиграф” – нечто такое, что выведено в начале... Каждая цитата как раз завершает стихотворение, то есть постепенно мой текст как бы переходит в цитату»². Эпиграфы для него, помимо традиционного понимания, это надписи, посвященные поэтам, драматургам, историкам, и Гораций находится в ряду других античных авторов, творчество которых представлялось С.А. Завьялову наиболее значимым (С.А. Завьялов в этом цикле обращается к Пиндару, Овидию, Менандру, Еврипиду, Геродоту).

¹ В сборнике «Оды и эподы» (2022) цитируется из первой книги од 17-я, из второй – 14-я, из третьей – 30-я, из четвертой – 1-я и 12-я. В сборнике «Мелика» (1998) из первой книги цитируются 1 (2), 13, 22, 24-я; из второй – 3–4-я (1 стихотворение, 2 оды Горация), 14, 16, 18, 20-я (3), из третьей – 30-я (2).

² Из стенограммы устного выступления, опубликованной в материалах дискуссии: Поэзия и poesis. СПб. : Borey-Art-Center, 1996. Цит. по [3].

Цитаты из од Горация есть в трех стихотворениях цикла – в названии («Ultimi Geloni»), эпитафие («Статуя в парке», «Эпилог») и в тексте («Эпилог»).

Рефлексия о поэтическом бессмертии разворачивается в стихотворении «Ultimi Geloni» (дальние гелоны): обращение к Горацию в стихотворении С.А. Завьялова принципиально¹. В оде, цитата из которой становится заглавием стихотворения С.А. Завьялова, Гораций рассуждает о возможности поэтического бессмертия, он уверен в своей посмертной славе – даже дальние гелоны узнают его поэзию: «me... et ultimi / noscent Geloni» (Hor. Carm. II 20) [5. P. 64] «меня дальние узнают гелоны». Упоминание гелонов у римского поэта становится для лирического сознания стихотворения современного поэта подтверждением их важной роли в истории.

Следующее стихотворение цикла, в котором цитируется Гораций – «Статуя в парке», эпитафием к которому является фрагмент из оды «К Меценату» (Hor. Carm. I 1), данный в оригинале: «nec Polyhymnia / Lesboum refugit tendere barbiton» [5. P. 2], и С.А. Завьялов предлагает свой перевод: «и Полигимния / не откажется настроить лесбийский барбитон» [2]. Необходимость эпитафии на языке оригинала и его авторский перевод продиктованы потребностью подчеркнуть как значимость для С.А. Завьялова утверждаемых оригиналом ценностей, так и важность своей индивидуальной интерпретации смысла первоисточника.

Лирический сюжет оды Горация – размышления о типах существования и формах самореализации в мире, которое рождает у человека ощущение счастья как высшую форму наслаждения жизнью. От самых ранних эподов и сатир до последних книг од и посланий римский поэт постоянно над этим размышляет, поскольку для него это связано с мыслями о предназначении и смысле жизни. В этой оде поэт использует прием перечисления ряда вариантов, которые сопоставляются и противопоставляются в теме стихотворения, окончательно формулируемой лишь в кульминации².

Гораций изображает амбиции своих современников: олимпийская победа, «тройные почести» в политической карьере и участь процветающего землевладельца, а также не менее привлекательные занятия купца-судовладельца, бездельника, солдата и охотника. Все эти варианты самоутверждения изображены в превосходной степени (если победа в спорте – то олимпийская, если земледелие, то на самых плодородных полях – Ливийских и т.д.). Воссоздается образ современного Горацию социального мира как пространства, в котором разворачивается все многообразие изображенных ценностных стратегий. И только в этом контексте утверждается истинная цель

¹ Подробнее анализ этого стихотворения см. в статье Автор. Своеобразие рецепции оды Горация (II, 20) в стихотворении С. Завьялова *Ultimi Geloni* [4].

² Этот прием использовался Горацием достаточно часто, а также известен еще в древнегреческой мелике (например, у Сапфо и Пиндара), хотя термин относится к XX в.

сюжета стихотворения: призвание самого лирического я – лирическая поэзия, мелика, превращающая лирического субъекта в органическую часть бытия.

Об этом в знаменитом сборнике од говорится неоднократно, в частности в первом и последнем стихотворениях сборника. В этой оде Гораций называет себя пророком (*vates*), который непосредственно общается с музами. Лирического героя объединяет с богами и отделяет от других людей именно его поэтическое призвание: «Меня же соединяет (досл.: смешивает) с верховными богами плющ, награда ученых людей (досл.: лбов), прохладные же рощи и легкие хороводы с нимфами и сатирами отделяют меня от толпы (досл.: народа), если только Евтерпа не спрячет моей флейты и Полигимния не откажется настроить для меня Лесбосскую лиру (досл.: протянуть мне лесбосскую лиру)» [6].

Этот пассаж очерчивает круг поэтических амбиций Горация: он продолжает традицию лесбосских поэтов, Алкея и Сапфо, считавшихся Горацием высшим образцом поэзии, его оды разнообразны по темам, поэтому упоминаются два главных лирических музыкальных инструмента, а также разные музы: Евтерпа и Полигимния. В других стихотворениях сборника лирический субъект обращается и к другим музам. Например, в последнем – к Мельпомене и т.д.

Отбор С.А. Завьяловым фрагмента оды в качестве эпитафии задает модус отношения как к оде Горация, так и к современному миру: из всей полноты мира и возможных самореализаций человека остается только поэзия, причем представления о поэзии максимально сужаются, становятся по сравнению со стихотворением Горация сдержаннее, скромнее: в эпитафию попадают только Полигимния и лесбосский барбит. При этом если у Горация эта фраза – часть протасиса условного периода: «если Полигимния не откажется...», то в эпитафии С.А. Завьялова, хотя и предполагается знание оды Горация реципиентом и, значит, памяти об этом условном периоде, но предложение становится независимым и приобретает модус констатации факта: «Полигимния не откажется...».

Стихотворение «Статуя в парке» – это монолог лирического героя, который только постепенно проявляет для читателя адресата оды: в первой строфе это статуя, во второй – уточняется, что статуя изображает Музу, и в заключительной, третьей строфе называется имя музы, причем сначала – негативное определение: кем эта муза не была – «ни Эрато, ни Мельпомена», и, наконец, называется имя Полигимнии, музы торжественных гимнов, только в финале стихотворения становится понятным отбор фрагмента из оды Горация. Именно статуя Полигимнии является адресатом лирического «я». Образ Полигимнии предельно визуализируется, конкретизируется. Это осязаемая статуя, а не абстрактный образ.

Детали описания статуи (поза, материал), а также соседство статуй Эрато и Мельпомены позволяют определить локализацию художественного пространства – это Павловский парк, а лирический субъект обращается к конкретной статуе Полигимнии.

Лирический сюжет стихотворения – встреча с музой, но встреча эта особая: поэту у С.А. Завьялова не дано, как герою Горация, право непосредственного общения с музами, место встречи с музой – не пространство, отделенное от человеческого мира, не «прохладные рощи», населенные богами, а парк, в котором человек создал себе подобия богов: он общается с Полигимнией опосредованно – через статую.

Визуальный образ становится точкой отсчета размышлений лирического героя – решительный, царственный взмах плаща Полигимнии рождает размышления над состоянием современной русской поэзии и природой вдохновения самого лирического «я» и завершает монолог.

Именно Полигимния, по мысли лирического героя стихотворения, соответствует топосу России: «гайге», «разливу северных рек», «гиперборейскому низкому серому небу». Образ Полигимнии своей монументальностью, серьезностью, царственностью оказывается близок гиперборейскому миру. Эрато и Мельпомена не соответствуют самоощущению лирического «я», они принадлежат миру, где прохлада – избавление от зноя, а не пронизывающий холод.

Полигимния лишена голоса – муза не издает ни звука, но ее медь «певчая», прикосновение к ней приобщает лирическое «я» к поэзии, дает надежду на возможность вдохновения: лирический герой молит музу: «...тяжким размером размером медленных северных рек пусть изольется суровая ода» [2]. И сама эта мольба изливается суровой одой, или гимном. Оба жанровых определения включены в монолог героя, что свидетельствует о понимании им необходимости учитывать сложную историю трансформации жанра оды от греческой архаической мелики через классицистическую эстетику и поэтику до современной поэзии.

Такой подход объясняет внимание С.А. Завьялова к визуальному в поэзии (песня застывает, как и муза, ее вдохновляющая), о чем свидетельствуют особенности графической организации стихотворений С.А. Завьялова в сборнике «Мелика», наличие просодии на полях и т.д.

Обращение к Горацию – это попытка найти основание поэзии в современной реальности, а также осмыслить традицию, «голос» римского поэта, который в определенном смысле был в похожей позиции по отношению к поэтическим предшественникам, что и С.А. Завьялов: для Горация это были, прежде всего, эолийские мелические поэты.

Но традиция ко времени С.А. Завьялова «утолщилась», «уплотнилась», что ставит поэта в особое положение: он должен овладеть всей этой «толщей» (быть образованным, как он настаивает в нехудожественных текстах), и при этом важна незамутненная, непосредственная, живая связь с изначальной песней, с источником вдохновения, который был полнокровным и неиссякающим во времена греческой мелики и даже во времена Горация.

Таким образом, в стихотворении «Статуя в парке» обращение к традиции становится самостоятельным сюжетом С.А. Завьялова. Лирический субъект поэта в ситуации социальной и гуманитарной катастрофы обращается к

классическим образцам мировой поэзии, подвергая их поэтической рефлексии. Ода у С.А. Завьялова – это и восхваление музыки, и мольба к ней о возможности песни, это и сама песня, но застывшая, как бы заледеневшая в новом мире, враждебном поэзии.

Размышления о поэзии, ее природе в современном мире, а также о связи с традицией продолжается в стихотворении «Ἐπίλογος» («Эпилог»). В паратексте С.А. Завьялов обращается к древнегреческому языку, подчеркивая ориентацию на древнегреческую поэзию, возвращаясь к истокам мелической поэзии. Ἐπίλογος означает «заключение, вывод», а также как риторический термин «заключительная часть речи, эпилог» и «пояснительное добавление, пояснение» [7. С. 621].

Стихотворение, которое завершает цикл «Эпиграфы» и выступает, таким образом, эпилогом ко всему циклу, является своеобразным продолжением «Статуи в парке», завязка лирической ситуации организована цитатой из оды Горация «К Мecenату» (Ног. Carm. I 1), которую С.А. Завьялов цитировал в предыдущем стихотворении: но теперь отсылки к ней находятся и в эпиграфе, и в тексте стихотворения. Эпиграфом является слово *idem* («то же самое»), которое дублирует эпиграф «Статуи в парке».

Еще один важный элемент паратекста в этом стихотворении – подзаголовок «*versus liberi*». Выбор латинского термина создает множественность или вариативность семантики паратекста, который включается «в формирование смыслопорождения и смыслооценки» [8. С. 119]: при всей очевидности ассоциации с верлибром, здесь может подразумеваться и понятие «свободный стих», которое в русской традиции к концу XX в. перестает быть абсолютным синонимом к термину «верлибр» и вызывает много споров [9]. Кроме того, множественное число и латинская, а не русская лексика заставляют предположить, что под «свободными стихами» имеется в виду не только, а может быть, и не столько ритм и просодия.

Цитата из Горация как завязка лирического сюжета необходима содержательно, поскольку сам сюжет связан с рефлексией над процессом создания стихотворения, который предстает как единство воображения и поэтического языка, сознательного и бессознательного, онтологического и экзистенциального. Своеобразными героями (актантами) этого процесса становятся Полигимния (метафизический источник вдохновения), стопы, клаузулы, лад (ритмический рисунок и поэтический язык), Юпитер (онтологический закон), сознание лирического субъекта, большой текст культуры.

Источником вдохновения являются надличные, метафизические силы: «...Полигимния меня настраивает как лесбосский барбитон». В первом стихе трансформируется цитата из оды Горация, начатая в стихотворении «Статуя в парке». Действия Полигимнии изображаются как происходящий в настоящий момент процесс, а не будущий, как в эпиграфе к этому и предыдущему стихотворению, и, кроме того, она настраивает не барбит, а самого лирического героя, как барбит. Поэт рассматривается как инструмент, который воспроизводит смыслы, существующие объективно, вне его сознания, но не способные иначе быть высказанными, чем через сознание поэта.

Вторым актантом процесса создания стиха становятся законы поэтического языка и ритмического рисунка: «стопы выстраиваются в нечто напоминающее эммелейю», «в который раз выстраиваются одни и те же клаузулы / тривиальные и завораживающие своей повторяемостью», «видимо барбитон настроился на дорийский лад / видимо дохмий прослушивается в шатких славянских логоэдах» [2].

Понятия «эммелейя» и «дохмий» выделены курсивом. Термин эммелейя (от греч. ἐμμέλεια ‘слаженность, стройность, гармония’) обозначает плавный, степенный, медленный танец в древнегреческой трагедии [10. С. 98], а дохмий – название пятистопной составной стопы в греческой метрике. Дохмические строфы использовались в драматической поэзии и были знаком взволнованности, наивысшего напряжения. Стихотворение, по мысли лирического субъекта, становится величественным, гармоничным «танцем» стоп, который подчиняется своим законам внутренней гармонии.

Субъектом творческого акта становится и сам лирический герой, точнее, его желания, воображение, речь, дыхание. Поэзия, процесс творчества становятся равносильны акту жизни, жить для него – значит творить, о чем дополнительно сигнализирует тип инструмента (барбит), требующий большого объема воздуха (лирический герой не музыкант, а сам инструмент), поскольку издает низкий глубокий звук и удвоенная репрезентация задаваемого темпа (медленно). Лирический субъект изображен как бы на вдохе, «что мешает сказать». Но выдох (пауза, отсутствие знаков препинания) свидетельствует, что «не прекращается дыхание / вот и пульсирует еще одна ода...» [2].

Лирический субъект, используя реминисценции оды Горация «К Венере» (Hor. Carm. I 4), не включает в свой поэтический кругозор («воображение») анакреонтические гедонистические мотивы радости жизни, пира, наслаждения любовью, о чем свидетельствует отрицание: «И все-таки сегодня не желанны багряные дары Диониса / и ноги юных петрополитанок не тревожат воображения» [2]. Это не единственная у С.А. Завьялова отсылка к последней книге од Горация, в которой он неоднократно рассуждает о близости старости.

Источником настроения и состояния героя выступает онтологический закон бытия, который, таким образом, также оказывается причастным к созданию стихотворения: «Снова Юпитер напомнил о законе своем / и такое редкое на севере лето прорывается его потоками». В этом стихе узнаваемы реминисценции разных од Горация, в которых Юпитер отождествляется с неумолимым и непознаваемым законом мироздания, например, «*seu pluris hiemes seu tribuit Iuppiter ultimam*» (Hor. Carm. I 11) [5. P. 13] «или много зим дал Юпитер, или последнюю», «*informis hiemes reducit / Iuppiter, idem / submovet...*» (Hor. Carm. II 10) [5. P. 51] «ужасную зиму вновь приводит Юпитер, он же заставляет отступить» и др.

Наконец, своеобразным «субъектом» творческого акта является большой текст культуры, который «предсказывает» создание произведения и управ-

ляет его содержанием и в котором неизбежны повторения, имманентно присущие культуре, но не отменяющие истинность чувств индивида (любви, боли, отчаяния), проживающего свою единственную жизнь: «Все будет так как и было предсказано тибуртинским дачником / любовники расстанутся казалось так прилепившиеся друг к другу / колесо Фортуны все будет отсчитывать свои обороты / и герой в конце концов будет убит похоже на войне».

Именно Гораций и его оды оказываются важной частью этого текста культуры. Сам поэт назван тибуртинским дачником¹, темы, перечисленные в последних четырех строках стихотворения С.А. Завьялова, и их интерпретация также отсылают к разным одам Горация. Так, неизбежное расставание любовников – к оде I, 5 и др., неумолимость оборотов колеса Фортуны – к одам I, 35 (обращенной к Фортуне), III, 10: «*ne currente retro funis eat rota*» (Hor. Carm. III 10) [5. P. 82] и др.

Таким образом, в цикле «Эпиграфы» цитаты из од Горация, смыслы которых вплетены в семантический рисунок од С.А. Завьялова, выполняют разнообразные функции. В стихотворении «Статуя в парке» лирическая ситуация организована как встреча современного поэта с музой в ситуации кризиса классической культуры. Эпиграф из Горация воплощает авторскую мысль о потенциальной возможности высокого искусства в мире, враждебном поэзии, при возвращении к смыслам первоисточников. В стихотворении «*Ἐπίλογος*» («Эпилог») цитата из Горация становится завязкой лирического сюжета и необходима как обращение к авторитетному собеседнику в процессе рефлексии акта творчества. Герои этого сюжета – онтологические и метафизические силы (Юпитер, Полигимния, поэтический язык, большой текст культуры). Цитирование становится для сознания лирического я способом включения традиции в контекст современности и предстает как акт признания бессмертия поэзии как формы собственно человеческого существования.

Список источников

1. *Квинт Гораций Флакк*. Римские оды 1–6. Вступление, перевод и комментарии Сергея Завьялова // Новый мир. 2023. № 6. URL: <https://nm1925.ru/articles/2023/06-2023/rimskie-ody-iii-1-6/> (дата обращения: 15.05.2024).

2. *Завьялов С.А.* Мелика. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Серия «Премия Андрея Белого» // Вавилон: Современная русская литература. URL: <https://www.vavilon.ru/texts/prim/zavyalov2-1.html#8> (дата обращения: 15.05.2024).

¹ Одно из загородных поместий Горация, упоминаемых также Светонием, находилось в популярном при Августе месте для вилл в Италии – в окрестностях Тибура. В одах и посланиях Гораций неоднократно называет любимые места отдыха – «окрестности Тарента, окрестности своего поместья в Сабинах, районы Тибура и Бай» [11]. Например, в оде III 4, 21–24: «*vester, Camenae, vester in arduos / tollor Sabinos, seu mihi frigidum / Praeneste seu Tibur supinum / seu liquidae placuere Baiae*». «Я ваш, Камены, ваш, поднимусь ли я / к сабинам в горы, или пленит меня / прелести холод, влажный Тибур / или потоки в прозрачных Байях» [11].

3. Орлицкий Ю.Б. Три кита Сергея Завьялова. Опыт беспристрастного описания в сопровождении реплик изучаемого автора // Новое литературное обозрение. 2008. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/6/tri-kita-sergeya-zavyalova.html> (дата обращения: 5.05.2024).
4. Автор. Своеобразие рецепции оды Горация (II, 20) в стихотворении С. Завьялова «Ultimi Geloni», 2023 // Язык и культура : сб. ст. XXXIII Междунар. науч. конф. (16–17 ноября 2023 г.) / отв. ред. С.К. Гураль. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. С. 100–102.
5. Q. Horatius Flaccus: Opera, ed. Fridericus Klingner. Leipzig, 1970. 378 p.
6. Квинт-Флакк Гораций. Избранные стихотворения Горация. Оды и эподы. По изданию Манштейна. Перевод прозой с полным словарём, комментариями и подробным синтаксическим разбором. Сост. М. Гринфельд. Одесса: М.С. Козман, 1910. 208 с. // Квинт Гораций Флакк: Переводы и материалы. URL: <https://www.horatius.net/ru/index.xps?5.101> (дата обращения: 25.01.2025).
7. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: Около 70 000 слов (в 2-х томах) / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР проф. С.И. Соболевского; с прил. грамматики, сост. С.И. Соболевским. М. : ГИС, 1958. Т. 1. 1043 с.
8. Суханов В.А. Текст и культура: функции «вторичных» текстов в русской прозе 1970 – начала 2000-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 118–129.
9. Орлицкий Ю.Б. Русский верлибр: мифы и мнения // Арион. 1995. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/1995/3/russkij-verlibr-mify-i-mneniya.html> (дата обращения: 30.01.2025).
10. Вашкевич Н. История хореографии всех веков и народов История хореографии всех веков и народов. СПб. : Лань; ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2009. 192 с.
11. Север Г.М. Жизнь Горация по его текстам // Квинт Гораций Флакк: Переводы и материалы. URL: <https://www.horatius.net/ru/index.xps?10.1.39> (дата обращения: 25.01.2025).

References

1. Zav'yalov, S.A. (2023) Kvint Goratsiy Flakk. Rimskie ody 1–6. Vstuplenie, perevod i kommentarii Sergeya Zav'yalova [Quintus Horatius Flaccus. Roman Odes 1–6. Introduction, Translation and Commentary by Sergey Zavyalov]. *Novyi mir*. 6. [Online] Available from: <https://nm1925.ru/articles/2023/06-2023/rimskie-ody-iii-1-6/> (Accessed: 15.05.2024).
2. Zav'yalov, S.A. (2003) *Melika* [Melic Poetry]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [Online] Available from: <https://www.vavilon.ru/texts/prim/zavyalov2-1.html#8> (Accessed: 15.05.2024).
3. Orlitskiy, Yu.B. (2008) Tri kita Sergeya Zav'yalova. Opyt bespristrastnogo opisaniya v soprovozhdenii replik izuchaemogo avtora [Three whales of Sergey Zavyalov. An attempt at impartial description accompanied by remarks from the studied author]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/6/tri-kita-sergeya-zavyalova.html> (Accessed: 5.05.2024).
4. Sukhanova, S.Yu. (2024) [Peculiarities of reception of Horace's Ode (II, 20) in Sergey Zavyalov's poem "Ultimi Geloni"]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the 33rd International Conference. Tomsk. 16–17 November 2023. Tomsk: Tomsk State University. pp. 100–102. (In Russian).
5. Klingner, F. (ed.) (1970) *Q. Horatius Flaccus: Opera*. Leipzig: [s.n.].
6. Grinfel'd. M. (ed.). (1910) *Izbrannye stikhotvoreniya Goratsiya. Ody i epody. Po izdaniyu Manshteyna. Perevod prozoy s polnym slovarem, kommentariyami i podrobnym sintaksicheskim razborom* [Selected Poems of Horace. Odes and Epodes. Based on Manshtein's Edition. Prose Translation with Complete Dictionary, Commentary and Detailed Syntactic Analysis]. Odessa: M.S. Kozman, 1910. 208 p.]. [Online] Available from:

<https://www.horatius.net/ru/index.xps?5.101> (Accessed: 25.01.2025).

7. Dvoretzky, I.Kh. (ed.) (1958) *Drevnegrechesko-russkiy slovar': Okolo 70000 slov* [Ancient Greek-Russian Dictionary: About 70,000 Words]. Vol. 1. Moscow: GIS.

8. Sukhanov, V.A. (2019) Text and culture: functions of "secondary" texts in Russian prose of 1970s-beginning of 2000s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 36. pp. 118–129. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/36/11

9. Orbitskiy, Yu.B. (1995) Russkiy verlibr: mify i mneniya [Russian vers libre: myths and opinions]. *Arion*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/arion/1995/3/russkiy-verlibr-mify-i-mneniya.html> (Accessed: 30.01.2025).

10. Vashkevich, N. (2009) *Istoriya khoreografii vseh vekov i narodov* [History of Choreography of All Ages and Peoples]. Saint Petersburg: Lan'; PLANETA MUZYKI.

11. Sever, G.M. (2025) Zhizn' Goratsiya po ego tekstam [Life of Horace according to his texts]. *Kvint Goratsii Flakk: Perevody i materialy* [Quintus Horatius Flaccus: Translations and Materials]. [Online] Available from: <https://www.horatius.net/ru/index.xps?10.1.39> (Accessed: 25.01.2025).

Информация об авторах:

Суханова С.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: suhanova_sofya@mail.ru

Негрей М.В. – аспирант кафедры истории русской литературы XX–XXI вв. и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: margarita.negrey@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.Yu. Sukhanova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: suhanova_sofya@mail.ru

M.V. Negrey, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: margarita.negrey@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.03.2025;
одобрена после рецензирования 29.03.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 07.03.2025;
approved after reviewing 29.03.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья
УДК 130.121+821.133.1.0
doi: 10.17223/19986645/98/14

От постколониального романа к деколониальному: обретенное время или уроки «школы заложников»

Светлана Александровна Шейпак¹

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
svetlana.sheipak@gmail.com, sheypak_sa@pfur.ru*

Аннотация. Опираясь на концепцию М.М. Бахтина, статья противопоставляет бинарности постколониального хронотопа фрагментацию деколониального хронотопа и сопоставляет режимы темпоральности в двух романах франкоязычных авторов из Сахеля – Амаду Ампате Ба и Мохамеда Мбугара Сарра. Выявляются отличия постмодернистской от деколониальной фрагментации. Последняя рассматривается как способ бывших колоний «ответить» метрополитным культурам, разрушая культурные коды европейского романа техниками устной африканской традиции.

Ключевые слова: философия освобождения, переосмысление мышления, эстетическое видение, этическое поступание, места памяти

Для цитирования: Шейпак С.А. От постколониального романа к деколониальному: обретенное время или уроки «школы заложников» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 246–264. doi: 10.17223/19986645/98/14

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/14

From postcolonial to decolonial novel: Time regained or lessons learned from the "Hostage School"

Svetlana A. Sheypak¹

¹ *RUDN University, Moscow, Russian Federation, sheypak_sa@pfur.ru*

Abstract. The article contrasts the chronotopes of postcolonial and decolonial novels. Postcolonial positioning based on the Western methodology preserves the former colonies as heterotopia and their traditional time perception is broken. Decolonial positioning suggests that the monologue of colonial institutional history imposed by the Western culture is replaced by the polyphony of local voices whose numerous experiences become "Realms of Memory" and preserve the polyphony of memories from oblivion. The African postcolonial novel is oriented towards the Western reader and explains the local culture to them. Therefore, it supports the system of binary oppositions strung on the linear axis of time. The decolonial novel postulates epistemological plurality and significance of various values. This implies a temporal nonlinearity that fragments the decolonial chronotope. In order to understand the

differences between the fragmentation of the decolonial chronotope and the postmodernist fragmentation, the article turns to M.M. Bakhtin's concept of the novelistic discourse. Referring to Bakhtin, the article points out that if the author plays with time and intentionally destroys the integrity of the narrative by superimposing multiple time axes, the reader faces an increasing burden of responsibility to recreate the semantic completeness; however, the author must have consciously retained such opportunity within the novel. Increased structural density of the fragmented whole that thus arises in the nonlinear decolonial chronotope is opposed both to the linearity of the binary postcolonial chronotope (colony vs. metropolis), and to the sparse nonlinearity of the seemingly meaningless and chaotic postmodernist narrative. The difference between the chronotopes is illustrated by *The Strange Destiny of Wangren* by A.H. Bâ and *The Most Secret Memory of Men* by M.M. Sarr. Bâ established the structure of the binary postcolonial chronotope, attracting the Western reader with diglossia and local imagery. By addressing the general philosophical questions, Sarr removes the "colony-metropolis" opposition, and thus any references to African exoticism. He writes first for an African reader and destroys the binary, confronting both the literary Western traditions and the African oral ones. Raised in the tradition of oral perception, Africans do not care about the chronology of the narrative. They perceive a chaotic narrative as a living and at the same time timeless experience, since they store many stories in their memory, and assemble the holistic perception from separate fragments. Therefore, the deliberate fragmentation of the chronotope in the decolonial novel creates a sense of narrative chaos only for the Western reader accustomed to the linear narration. The reader's responsibility to recreate the novelistic integrity deliberately destroyed by the author, is an answer to genre limitations of the traditional European novel by incorporating the narrative techniques of African storytellers.

Keywords: philosophy of liberation, rethinking thinking, aesthetic seeing, ethical acting, realms of memory

For citation: Sheypak, S.A. (2025) From postcolonial to decolonial novel: Time regained or lessons learned from the "Hostage School". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 246–264. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/14

В 2022 г. самая престижная литературная премия Франции была присуждена сенегальскому писателю Мохамеду Мбугару Сарру за роман, который в русском переводе получил название «В тайниках памяти» [1]. Во Франции вручение Гонкура всегда является медийно значимым событием, однако представляя этот роман, литературная критика была особенно оживленной, поскольку впервые более чем за век своего существования премия была присуждена писателю из Тропической Африки¹. Для искушенного французского читателя такая презентация романа встраивается в сложную историю взаимоотношений метрополии и ее бывших колоний, но российскому читателю, далекому одновременно от мира постколониальной и франкоязычной африканской литературы, вряд ли будут понятны мотивы, заставившие жюри Гонкуровской премии нарушить вековую традицию. Поиски мотивов

¹ Тропическая Африка – сохранившейся с колониальной эпохи эквивалент для обозначения территорий, расположенных к югу от Сахары, которые во Франции традиционно назывались Черной Африкой (Afrique noire). Сегодня жители этого региона предпочитают говорить о нем, используя арабский топоним Сахель.

можно начать, открыв роман на последней странице: в недоумение приводит ветвящаяся структура его оглавления с сегментированной нумерацией книг, частей и биографем. Среди них нашлось место не только элементарным арифметическим действиям, но и неразрешимому экзистенциальному уравнению [1. С. 475]. Конфигурация временных отношений, выстроенных Сарром, рассматривается в статье как намеренный отказ от линейности повествования, означающий смену идеологического позиционирования с постколониального на деколониальное, поскольку, следуя концепции романного слова М.М. Бахтина, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [2. С. 503]. Смена идеологической позиции неизбежно отражается в структуре деколониального хронотопа, предполагая иные закономерности организации пространственно-временных отношений по сравнению с постколониальным романом. Чтобы показать, как роман Сарра представляет деколониальный поворот в современном диалоге между африканским континентом и Францией, его хронотоп будет противопоставлен постколониальному, заложенному в первый роман Амаду Ампате Ба¹. Среди многих номинантов наиболее почетной литературной премии, присуждаемой франкоязычным авторам, пишущим о Тропической Африке, было выбрано именно это произведение, так как Амаду Ампате Ба, активно выступавший позже за сохранение устной африканской традиции², в первом своем романе, по мнению М. Адеджунмоби, учреждал постколониальную литературную традицию на французском языке [5. Р. 35].

Несмотря на идеологическую оппозицию постколониального и деколониального мировоззрения, в литературном поле нет четкого различия между постколониальным и деколониальным романом [6. С. 10]. Из европейской перспективы два типа позиционирования обводившихся колоний по отношению к бывшей метрополии могут быть противопоставлены, опираясь на предложенное Мишелем Фуко различие практик освобождения и практик свободы. Первые лишь уничтожают репрессивные механизмы, а вторые необходимы для того, «чтобы человек примирился с самим собой, обрел собственную природу или возобновил контакт со своими истоками и восстановил полноту позитивных отношений с самим собой» [7. С. 243].

¹ Первый роман Амаду Ампате Ба «Странная судьба Вангрена» [3] и более поздний автобиографический роман «Амбуллятор, дитя фульбе» [4], о которых пойдет речь далее, не переведены на русский язык. Перевод названий и цитат выполнен автором статьи. Более подробно об А.А. Ба см. примеч. 8.

² Сам термин «традиция», к которому обращается Ба, стал предметом дискуссий в постколониальных исследованиях. Критику вызывало его использование в идеологических целях, в частности самим Ба, в диалоге с западной культурой, что позволяло воспринимать устную африканскую традицию идеологически и эстетически монолитной, в то время как ее гетерогенность определялась множеством локальных культур и языков. Ба упрекали за такое упрощенное представление традиции, в то время как он боролся против навязываемой колониальным дискурсом идеи превосходства западной цивилизации перед варварскими культурами [5. Р. 33].

В начале XXI в., через несколько десятилетий после того, как Фуко опубликовал свои размышления, идеи доколониального поворота были развиты интеллектуалами Латинской Америки и Африки. К этому моменту пришло осознание того, говорит Энрике Дуссель, один из идеологов нового мировоззрения, что с обретением независимости западные способы мышления не исчезли, и поэтому постколониальная критика не выходила за рамки постструктурализма и постмодернизма, унаследованных от колониальной идеологии [8. Р. 123; 9. Р. 453]. Этот парадокс отмечал Эдвард Саид более чем через пятнадцать лет после публикации своей программной работы «Ориентализм», когда, обращаясь к собственному опыту, признавал, что в постколониальных исследованиях западную методологию использовали не только те, кто принадлежал метрополийной культуре по своему рождению, но и интеллектуалы из колоний¹ [10. С. 553]. Отказываясь от навязанного метрополией диктата картезианской универсальной рациональности, освободившиеся страны противопоставляли ей диалог различных философских традиций, веками развивавшихся и сосуществовавших в мире [8. Р. 121]. Таким образом, из философии освобождения, принципы которой развивал Энрике Дуссель, рождается эпистемологическая множественность. В равноправный диалог должны вступить те многочисленные системы производства знания, которые были отправлены на периферию в колониальный и постколониальный период, поскольку не могли быть поняты и ассимилированы претендующей на универсальность западной культурой.

Анализируя отказ от универсализма в работах Дусселя, Рамон Гросфогель указывает, что равноправный диалог различных эпистемологических систем предполагает также отказ от любых бинарных оппозиций, унаследованных от противостояния колонии и метрополии [11. Р. 101]. Бинарность сохранялась в постколониальных исследованиях как наследие абстрактного универсализма и не освобождала от восприятия новых независимых государств как особого пространства, которое М. Фуко называет гетеротопией [7. С. 203–204]. В постколониальной методологии освободившиеся страны оставались пространством, в котором, что характерно для гетеротопии, совмещаются различные восприятия пространства и времени. Эти страны были противопоставлены метрополии, но при этом сохраняли с ней прочную связь и воспроизводили модели времени, которые были, подчеркивает Фуко, «в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным временем» [7. С. 200]. Поэтому Мбембе, развивая идеи Франца Фанона, связал деколонизацию с обретением времени, которого бывшие колонии лишила метрополия [12. Р. 13]. У этих стран не было прошлого, поскольку оно не интересовало колонизаторов, а их будущее зависело от способности освободившихся стран копировать достижения цивилизованного мира. Обретение

¹ Стремление Ахилла Мбембе, стоящего у истоков деколониального поворота в Африке, использовать академический опыт, накопленный им во время работы в американских университетах, стоило ему обвинений в расколе Совета по развитию социальных исследований в Африке (CODESRIA) и отставки с поста его председателя [9. Р. 464].

времени требовало, чтобы история бывших колоний и их отношений с метрополией теперь была рассказана народами, вытесненными на периферию неколебимой верой западной цивилизации в превосходство своей культуры. Чтобы преодолеть историческую перспективу, выстроенную для бывших колоний метрополией, на смену монологу институциональной истории должна прийти полифония голосов местных жителей, звучащих как живые свидетельства или услышанных благодаря архивным документам, музейным экспонатам или деятельности ассоциаций¹ [13. Р. 123]. Фактически Мбембе, наделяя правом голоса многочисленные свидетельства пережитого, расширяет на все постколониальное пространство проект «мест памяти», предложенный в 1980-е гг. историком Пьером Нора² лишь для метрополии.

Роман как жанр, построенный на полифонии голосов, является одним из значимых «мест памяти». В «Культуре и империализме» Саид выделяет этот жанр одновременно как предмет и метод постколониальных исследований [10. С. 8]. Интеллектуалы из бывших колоний вынуждены были заимствовать эту европейскую форму нарратива, чтобы облечь в нее свой опыт. Однако, гибридизация, рождающаяся из столкновения в повествовании различных культур, не может объяснить особенностей постколониального романа и оснований для его разграничения с деколониальным. М.М. Бахтин, выстраивая теорию романа, подчеркивал, что гибридизация является характерной чертой любого романного слова, и культурный диалог не может породить полного синтеза в силу самой природы такого слова, в котором всегда наличествует многоголосье «разных, разделенных эпохой или социальной дифференциацией (или и тем и другим), языковых сознаний» [15. С. 113]. При этом полифония африканского романа не может не отличаться от той полифонии, о которой говорил Бахтин, поскольку этот жанр унаследован бывшими колониями от метрополии и остается для них эстетически чуждым до тех пор, пока не подвергнется ассимиляции. Но поскольку африканские авторы в надежде быть услышанными сначала обращались к западному читателю, в постколониальном хронотопе бывшие колонии всегда сохраняли взгляд, обращенный на метрополию. Такой хронотоп способен был говорить об одном из двух локусов из перспективы другого или перемещаться между ними, поддерживая систему бинарных оппозиций, нани-

¹ Это идея из доклада, подготовленного Мбембе по просьбе президента Франции Э. Макрона, о новых отношениях между Францией и Африкой. Доклад был создан после многочисленных консультаций Мбембе с интеллектуалами, представляющими африканский континент, и содержит тринадцать инициатив для развития двусторонних отношений в интересах африканцев.

² Исторический проект «мест памяти» (*lieux de mémoire*) предполагал, что альтернативой поступательному рассказу национальной истории Франции станет многоголосье воспоминаний, множественное и неделимое, коллективное и индивидуальное. Нора говорил, что должны зазвучать голоса, раньше заглушаемые институциональной историей, но хранящие от забвения воспоминания в семейной и коллективной памяти [14. Р. xviii].

занных на линейную ось времени. Иную природу деколониальной полифонии определяет текучее перераспределение различных культур со своими системами рациональностей и ценностными ориентирами. Саид связывает такую природу полифонии с отказом от линейной и иерархически организованной структуры повествования [10. С. 32]. Для того чтобы роман позволил эпистемологическую децентрализацию, исходящую из множественности и значимости различных ценностных и культурных позиций, повествование должно следовать деколониальной логике, названной Сабело Ндлову-Гатшени «переосмысление мышления» (rethinking thinking) [9. Р. 469]. Речь идет не просто об освобождении от способов мышления, навязанных абстрактным универсализмом, а о возвращении через переосмысление к тем множественным системам производства высказывания и традиционному времени, которые были вытеснены колониальной идеологией. То есть в деколониальном романе смена эпистемологической перспективы должна отразиться в структуре повествования не через бездумное движение вперед по пути, проложенному европейской цивилизацией, а через возвращение к утраченному.

Обретая, с отказом от западной рациональности, множественность позиций и временную нелинейность, деколониальный хронотоп становится фрагментированным. О раздробленном тексте, порождающем фрагментацию романного хронотопа, писал Ролан Барт в эссе «S/Z». Дробление текста является результатом проявления непочтительности искусственного расчленения, освобождающей «от власти идеологии целостности» [16. С. 59]. Вдохновленная философией абсурда, такая непочтительность возникла в дискурсе постмодерна из отрицания порядка [17. Р. 115]. Фрэнк Кермоуд показывает, как разрушается одновременно форма повествования и создается ощущение лишнего смысла повествовательного хаоса [17. Р. 64]. Лишенное упорядоченности повествование воспринимается разорванным и отчужденным, поскольку фрагментация проистекает из игры слепого случая. Фрагментация деколониального хронотопа, возникающая из множественности позиций и временной нелинейности, не меняет ставку в игре – это протест против навязанного порядка. Однако этот протест направлен не только против колониального модерна, но и против постколониальной идеологии, а значит, постмодернистской критики. Фрагментация разобщенных и отчужденных “я” уступает место множественности, которую Саид видит построенной на контрапунктах, поскольку в ней противоположности не встраиваются в оппозиции, а произвольным образом сталкиваются [10. С. 32]. Если бинарность постколониального хронотопа поддерживала линейную ось времени, то каков должен быть режим нелинейной темпоральности, который станет основанием отличного от постмодернистского, текучего фрагментирования деколониального хронотопа?

Обращение к ранним работам М.М. Бахтина для понимания природы фрагментации хронотопа можно рассматривать в деколониальной логике «переосмысления мышления». Переосмысление ранних текстов Бахтина из перспективы его более поздних работ позволяет описать опосредованные

текстом разнонаправленные действия автора и читателя в пространстве временных игр. Такое прочтение тем более вписывается в логику «переосмысления», что в черновиках при переработке «Форм времени и хронотопа в романе» Бахтин не осуществил, а лишь высказал намерение осмыслить игры с романским временем как игру трех хронотопов внутри повествуемого мира – автора, повествуемого мира и читателя [2. С. 506]. Исходя из симметрии позиций автора¹ и читателя в акте эстетического видения и этического поступания, Бахтин называет их созерцателями [18. С. 40]. Принятие обязательства перед другим одинаково вменяет им вживание в предмет своего видения и активное его переживание. Для эстетического видения нужно пространственное измерение. Оно задает перспективу, делающую другого видимым для вживающегося Я автора / читателя не только снаружи, но и изнутри. Пространственное положение относительно другого Бахтин называет вневходимостью предмету видения. Вневходимость порождает избыток временного видения другой души, уплотняющий время повествования. Это «избыток, заключающий в себе все моменты трансгredientного завершения внутреннего целого душевной жизни, в которых сходятся «восполняемые воспоминания и предвосхищенные возможности» [19. С. 124]. Положение вневходимости занимает эстетически активный автор по отношению к миру жизни и эстетически активный читатель, вживающийся в повествуемый мир. Осознание «другости» другого рождается только исходя из понимания Я единственности и незаменимости своего места в бытии [19. С. 133]. Возвратное движение обогащает активно вживающееся в пассивный предмет видения Я, которое в результате «не остается равным себе», и тогда автор создает повествуемый мир, а читатель возвращается в мир жизни, обогащенный приобретенным опытом [18. С. 33].

Опираясь на понятие верности, Бахтин утверждает этическую позицию Я в должностовании по отношению к другому: «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним, то, что я единожды признал, подписал данное признание» [18. С. 25]. Идея верности соединяет этическое поступание и временное измерение, поскольку предполагает связь между моментом принятия на себя обязательства и последующими поступками Я, которые должны с принятым обязательством соотноситься. Верность себе, этически поступающему, взявшему на себя обязательство за ответственную участность по отношению к другому, становится условием смысловой завершенности произведения.

¹ Бахтин в своих работах говорит лишь об авторе, но его понимание авторской инстанции включает функции нарратора: «Внутри произведения для читателя автор – совокупность творческих принципов, должностовующих быть осуществленными, единство трансгredientных моментов видения, активно относимых к герою и его миру» [19. С. 182]. Автора Бахтин характеризует не через его индивидуализацию, как человека, а как «творческую индивидуальность особого не эстетического порядка, это активная индивидуальность видения и оформления, а не видимая и не оформленная индивидуальность» [19. С. 182]. Именно в таком значении в статье речь будет идти об авторской инстанции в повествовании.

Философия поступка Бахтина позволяет рассматривать текучую фрагментированность деколониального хронотопа как результат намеренных игр автора со временем. Нелинейная структура романной темпоральности нарочито уплотняет временное измерение повествования и бремя ответственности автора и читателя, поскольку заставляет каждого дважды замкнуть герменевтический круг эстетического видения и этического поступания. Сначала ответственность берет на себя автор, когда разрушает созданную им же линейную конфигурацию интриги и заново ее эстетически выстраивает во временной лабиринт текста. Этический выбор автора проблематизирует для читателя возможность эстетического видения и вживания в многочисленные элементы романного повествования. Для вживания читателю нужна позиция вневходимости, из которой возможна эстетическая завершенность. Но лабиринт раздробленной структуры повествования не позволяет понять конфигурацию интриги, пока не собраны вместе рассеянные в пространственной мозаике фрагменты. Поэтому уплотняется бремя ответственности читателя, чередующего вневходимость эстетического видения и этическую ответную позицию для того, чтобы воссоздать целостность повествования. В каждой точке разлома хронотопа этическое поступание обрамляет со-бытие эстетического видения автора и читателя, предшествуя ему и замыкая его. Бахтинское понимание поступка и ответственности за него поступающего превращает намеренные игры со временем романного повествования в практики свободы, вдохновленные деколониальной философией освобождения, лишь если оба, и автор и читатель, несут бремя ответственности за сохранение смысловой завершенности в архитектонике произведения. Если романное слово полифонично по своей природе, фрагментируя деколониальный хронотоп, автор делает звучащие в повествовании голоса равноправными и равноценными для читателя, а тот в свою очередь множит свой опыт ответного этического поступания, восстановив предварительно первоначальную целостность повествования. Благодаря наложению множественных временных осей повествования текучая нелинейность деколониального хронотопа возникает как уплотнение структуры раздробленного целого. Это противопоставляет ее как разреженной нелинейности разобщенных элементарных частиц постмодерна, пребывающих в состоянии взаимного отторжения и порождающих ощущение повествовательного хаоса, так и нанизанной на линейную ось времени бинарности постколониального хронотопа. Различие авторского позиционирования – постколониального, следующего логике бинарности и линейной оси времени, и деколониального, фрагментирующего хронотоп, в который заложена возможность восстановить его первоначальную целостность, можно увидеть в романах Амаду Ампате Ба [3] и Мохамеда Мбугара Сарра [1].

Амаду Ампате Ба создал свой первый роман «Странная судьба Вангрена» из перспективы бинарных оппозиций. Писатель принадлежал к народности фульбе и представлял африканскую интеллектуальную элиту, чья карьера состоялась в колониальную и постколониальную эпоху благо-

даря дружеской поддержке французских чиновников¹. Он с блеском окончил «школу заложников», бывшую основой французской колониальной системы образования [20. Р. 16]. Ее учениками были сыновья вождей африканских племен, и в период активной колонизации мальчиков похищали из дома, чтобы одновременно формировать локальную элиту в традициях европейской культуры и обеспечивать лояльность вождей. Как бы сложно ни давался ему текст, подчеркивает М. Адеджунмоби, Ба всегда писал только на французском, считая, что возможность быть услышанным зависит от его способности копировать колонизатора, т.е. рассказать о своей культуре на языке колонизатора, следуя литературной традиции, утвержденной колонизатором [5. Р. 28]. Поэтому история Вангрена оформлена как биографический роман с рамочной композицией. Знание языка колонизаторов определило судьбу Вангрена так же, как и самого Ба. Но Вангрэн, окончив «школу заложников», не отправился, в отличие от Ба, в метрополию. Вся его карьера выстроена внутри колониальной администрации, где он легко устраняет своих конкурентов, чей пиджин (*forofifon paspa*) режет ухо колонизаторам. Жизнеописание Вангрена позволяет автору в мельчайших подробностях и с любовью описать нравы фульбе. Повествование изобилует рассуждениями о добрых нравах африканцев, что является одним из приемов внутреннего комментирования, необходимого, согласно Н.С. Найденовой, для объяснения локального колорита западному читателю [24. С. 146]. Устная традиция представлена в романе композиционно – в авторском комментировании в предисловии и послесловии к роману, синтаксически – в ритмическом рисунке повествования и риторически – в организации взаимодействия с читателем. Помимо внутритекстовых комментариев, роман снабжен глоссарием, где Ба объясняет идиомы фульбе, которыми изобилует французский текст [3. Р. 207–216]. Таким образом обыгрывается традиционное для пост-

¹ Амаду Ампате Ба / Amadou Hampâté Bâ (1901–1991) начал карьеру исследователя во Французском институте в Дакаре (*Institut français d'Afrique noire*) в 1942 г. С 1962 г. десять лет Ба был представителем Мали при Юнеско, в 1975 г. получил премию Французской академии [20. Р. 17]. Помимо истории Вангена писатель опубликовал два автобиографических романа и многочисленные издания, посвященные культуре фульбе, в том числе сборники сказок и легенд, тексты которых он черпал из устной традиции фульбе. Из опубликованных на французском языке и переиздающихся во Франции текстов Ба на русский язык была переведена одна его сказка «Кайдара». Книга включает обширные комментарии, в одном из которых научный редактор издания Г.В. Зубко подчеркивает, что тексты Ба представляют исключительный интерес для исследователей культуры современных Сенегала и Мали [21. С. 140]. Так, с опорой на тексты Ба Г.В. Зубко описывала систему социальных отношений и мифологических концепций фульбе [21], а В.Т. Клоков анализировал систему обращений и родственных отношений [22]. А.В. Давыдов включил имя Амаду Ампате Ба в список наиболее ярких представителей культуры Мали, рассказ о которых позволит адаптировать учебник русского языка, подготовленный Санкт-Петербургским университетом для республики [23]. Значимость фигуры Ба в современном Мали подчеркивает тот факт, что Дворец культуры в Бамако носит имя писателя.

колониального романа стремление привлечь европейского читателя экзотизмом языковой диглоссии, когда автор намеренно сталкивает язык повествования – язык колонизатора и родной для него фульбе [24. С. 98].

Тема творчества поддерживает оппозицию «колония – метрополия», регулярно возникая на страницах романа одновременно с фигурой гриота – африканского трубадура¹. Суть ремесла гриота – воспевать своего хозяина и его мудрые деяния. Устной импровизации гриота, подчиненной, однако, строгим правилам многовековой традиции, противопоставлен, подчеркивает Адеджунмоби, авторский текст, созданный свободным от формальных конвенций европейским художником [5. Р. 32]. Сам Ба в романе, рассказывая о Вангрене, можно сказать, выполняет роль гриота. Но в литературных дискуссиях, сопровождавших появление романа, Ба, как он сам говорит в послесловии, пришлось оправдываться за созданный им образ [3. Р. 204]. Вангрен насмеяется над властью, обманывает, ворует, и оправдания тому Ба, записавший историю, услышанную из уст самого протагониста, строит, противопоставляя европейские моральные нормы и африканскую традицию. Африканец, объясняет писатель, никогда не будет говорить о себе и своих поступках хорошо, а наоборот, постарается себя унизить, приписав себе всевозможные недостатки.

Сожалея об утраченном доколониальном прошлом, прорывающемся в тексте многочисленными экзотизмами, Ба смотрит вперед в будущее, проектируемое лишь под знаком метрополии. Для читателя линейно разворачивающееся повествование не создает препятствий в построении ответного понимания в диалоге с Вангренем. Линейная ось времени не позволяет читателю выйти за пределы оппозиции «колония – метрополия», наложенной на ось «прошлое – будущее». Уплотнение времени в романе возникает в настоящем лишь из сопротивления неизбежному будущему и стремлению удержать утраченное прошлое. Неотвратимость линейного времени олицетворяется предсказанием о судьбе Вангрена, данным в начале романа, которое, сбываясь в конце, ставит точку в его истории.

Отказ от линейности повествования у Сарра заложен в эпиграф романа «В тайниках памяти», цитирующий «Диких сыщиков» Роберто Боланьо. Эпиграф может служить одновременно эпитафией: обретенное после смерти Автора, Критики и Читателя время жизни Произведения делает его соразмерным времени Галактики, хранящей самую сокровенную память человечества, но неминуемо обреченной на смерть (*la plus secrète mémoire des hommes*) [1. С. 5]. Его протагонист ищет выход из тупика, в который сам себя загнал заключительной фразой витгенштейновского «Трактата»: «<...> но, если о чем-то нельзя ни говорить, ни забыть, ни молчать, что же с этим делать, герр Витгенштейн? Я не знаю; но знаю, что, если о чем-то нельзя ни

¹ Гриотами французы называли представителей отдельной социальной группы, к которой наравне с мужчинами принадлежали и женщины. Они были не только певцами и музыкантами, но в первую очередь хранителями воспоминаний предыдущих поколений [4. Р. 406–407].

забыть, ни рассказать, ни умолчать, человек от этого страдает и в конце концов умирает, а мне не хотелось ни того, ни другого» [1. С. 53]. Поиски ответа становятся ставкой в «играх со временем», которые обещаны уже в эпиграфе. Название романа позволяет предположить, что речь пойдет об играх памяти и забвения, но его временная структура – это лабиринт из множества событий, произошедших с 1888 по 2017 г. В нем молодой сенегальский писатель Сарр¹ выбирает нарратором молодого сенегальского писателя Диегана Латира Файе, уже замеченного в Париже после публикации первого романа, чтобы тот в 2017 г. начал расследовать таинственное исчезновение в 1939 г. молодого сенегальского писателя Т.Ш. Элимана. Формально следуя детективной интриге, повествование постоянно оставляет читателя в тупике, без каких бы то ни было подсказок, необходимых по законам жанра. Ризома из судеб персонажей намеренно вводит читателя в замешательство, когда в соседних частях, а иногда даже в соседних абзацах, меняются нарраторы, стоящие за повествующим в тексте Я. Отсутствие видимых подсказок читателю, это этическая позиция автора, который устами Диегана настойчиво повторяет принцип эстетического построения повествования: «Случай – это всякий раз не что иное, как судьба, вмешательства которой не замечают» [1. С. 20]. Текст постоянно призывает читателя вмешаться и ответить звучанию множеству голосов, внезапно возникающих в лабиринте текста.

Благодаря тому, что роман ставит общефилософские вопросы взаимоотношений Автора, его Произведения, Критики и Читателя, при их обсуждении отсутствуют оппозиция «колония – метрополия» и какие бы то ни было отсылки к африканскому экзотизму. Диалог между бывшей колонией и метрополией Сарр разворачивает в иронически-саркастической тональности, в которой Барт вслед за Бахтиным видел способ разрушения культурных стереотипов [16. С. 299]. Роман выстроен вокруг судьбы Т.Ш. Элимана, которого литературные критики сначала восторженно окрестили африканским Артюром Рембо, а затем уничтожили обвинениями в плагиате. Скандал, разразившейся в парижском бомонде, обрек Элимана на долгое молчание. И если как человек, он сумел вновь обрести дар слова, вернувшись домой и избрав удел марабу², как писатель он умолк навсегда. Роман не довольствуется саркастичным описанием тщеславия и мелочных амбиций парижских

¹ Мохамед Мбугар Сарр / Mohamed Mbougar Sarr родился в 1990 г. в столице Сенегала Дакаре. Он прервал академическую карьеру в престижной Высшей школе социальных наук, где его исследования были посвящены Леопольду Сенгору, президенту Сенегала (1960–1980), политику и поэту, одному из инициаторов создания международной организации Франкофонии. Посвятив себя литературе, Сарр создал четыре романа, удостоенных международных литературных премий, лишь один из которых переведен на русский язык. Несмотря на полемику, развернувшуюся вокруг третьего романа Сарра в Сенегале, в 2015 и 2021 гг. президент страны наградил писателя двумя почетными орденами за его вклад в развитие национальной литературы.

² Африканская традиционная культура отводит роль хранителей сакральной мудрости в равной степени гриотам и марабу или марабутам. Хотя наименование последних заимствовано из арабского языка и связано с исламской культурой, так же называют в

критиков. Ирония детективной линии романа заключается в том, что все критики уничтожены физически, и причиной тому стали таинственные, но оставшиеся необъясненными убийства и самоубийства. Бартовская смерть Автора обернулась у Сарра смертью Критика, но читатель так и не узнает, повинна ли в смертях критиков черная африканская магия. Это лишь один пример того, как в романе высмеиваются *idées reçues*, намеренно нарушаются обычно скрытые за спасительными эвфемизмами табу, относящиеся в равной степени и к миру литературы, и миру жизни.

Элимана, в чьей судьбе отзывается боль Ямбо Уологема¹, обвинили в плагиате за обилие заимствованных у классиков цитат, виртуозно скроенных в оригинальный текст. Как бы в ответ на эти обвинения, по тексту Сарра рассеяны многочисленные интертекстуальные аллюзии. В нем слышны голоса Рабле, Монтеня, Паскаля, Дидро, Талейрана, Бодлера, Верлена, Бютора, Т.С. Элиота. При этом под этикеткой французских классиков собраны имена, которые никогда не могли бы соседствовать в одном литературном контексте – «Бернанос, Ален, Сартр, Низан, Грак, Жионо, Эме, Труайя, Ева Кюри, Сент-Экзюпери, Кайуа, Валери» [1. С. 49]. В память мэтра французской литературы Виктора Гюго к многочисленным «измам», которыми грешит литературоведение, Диеган добавляет свой – *hugolianisme*. Полными даются цитаты вдохновителей деколониального поворота Франца Фанона и Тома Санкара, неизвестные тем, кто не сталкивался с постколониальной проблематикой [1. С. 353].

Автор безжалостен не только к парижскому литературному бомонду, но и к своим соотечественникам. Полная сарказма диатриба, не пощадившая ни писателей-африканцев – ровесников Сарра, ни их читателей и критиков, африканцев и французов, обращена, в первую очередь, к писателям-африканцам поколения Амаду Ампате Ба, ученикам «школы заложников»:

<...> африканцам, у которых перо подчиняется ритму, которые умеют вести повествование, словно сказители при лунном свете, африканцам, которые ничего не

Сахеле мудрецов, целителей, волхвов. Они обращаются к оккультным практикам предков, предсказывая судьбу и заговаривая ее амулетами, интерпретируя сновидения, крики птиц, поведение животных [25. Р. 17].

¹ Ямбо Уологем / Yambo Ouologuem (1940–2017) – писатель, родившийся в Мали, окончил лицей Генриха IV в Париже, сделал блестящую академическую карьеру, став первым африканцем, удостоенным в 1968 г. премии Ренодо за свой первый роман «Le Devoir de violence». Опубликовал еще несколько книг, тематически связанных с отдельными эпизодами жизни Элимана в романе Сарра, был обвинен в плагиате, обнаруженном в его первом романе, переведенном к тому времени на десять языков. Писатель вернулся в Мали и полностью разорвал отношения с французскими издателями [26]. В Мали имя Уологема носила с 2008 по 2015 г. литературная премия, присуждаемая африканским авторам, издаваемым на родине. Во Франции до сих пор тексты Уологема вызывают дискуссии в академической среде. В России были изданы два его рассказа, включенные в антологии африканской литературы: в 1979 г. «День народа» и в 1987 г. «Священное перемирие», переведенные И. Тогоевой и Ю. Денисовым.

усложняют, африканцам, которые еще не разучились трогать сердца волнующими историями, африканцам, которые не так часто зациклены на себе, как писатели-французы; ах, эти чудесные африканцы, которых так любят за их творчество, за их колоритные личности, за белозубую улыбку и звонкий смех, вселяющие надежду <...> [1. С. 59].

Ирония в романе звучит всегда, когда говорится о литературе из перспективы ее инструментализации в интересах геополитики и личных амбиций. Она уступает место серьезным размышлениям, когда речь идет о литературе как форме бытия в мире. Диеган постоянно повторяет вслед за Львом Толстым, что писатель, это не тот, кому есть, о чем поведать миру, а тот, кто не может не писать. Поэтому сквозной темой романа становится тема молчания. Это не молчание Витгенштейна о трансцендентальном, а молчание боли, пережитой героями романа. Молчаливым представлено старшее поколение. Поколение детей отказывается молчать, выбирая разные способы говорить о своей боли. Говорят они на языке метрополии, но место, откуда будут звучать их голоса, может быть любым. Можно навсегда покинуть Сенегал, чтобы не возвращаться к боли своего детства, можно вернуться в Сенегал и в этой боли черпать свою силу и мужество писать, а можно не задумываться о месте, где ты пишешь, и решать лишь, о том писать или не писать. На последних страницах романа Диеган отвечает умолкшему от боли более, чем на полжизни, Элиману. Диеган упрекает его в том, что тот хотел убить в себе прошлое:

<...> души, которые думают, что бегут от прошлого, на самом деле бегут за ним вдогонку, и в конце концов, рано или поздно, им удастся догнать его в собственном будущем. Прошлое не спешит; оно всегда терпеливо ждет на перекрестке будущего и там открывает человеку, думавшему, что он сбежал, свою настоящую тюрьму из пяти камер: бессмертие ушедших, нетленность забытого, удел быть виновным, союз с одиночеством, спасительное проклятие любви [1. С. 464].

Тема ответственной участности возникает в тексте романа, прямо отсылая к Бахтину. Диеган говорит, что не верит в идею верности себе, понимаемой как самотождественность: «Ребенок, которым мы были, неизбежно бросит разочарованный или уничижительный взгляд на то, во что он превратился, став взрослым, даже если этот взрослый осуществил его мечту» [1. С. 375]. Его понимание *верности* в готовности отвечать умершему Элиману, если тот его посетит и спросит, почему Диеган не выполнил наказ опубликовать его незавершенную книгу. Диеган, эстетически оценив несовершенство попыток Элимана, принимает этическое решение – он уничтожает доверенную ему рукопись. Но он остался верен себе и готов нести ответственность за свой жест – бездарный текст, независимо от того, кому он принадлежит, не имеет право на жизнь.

Символом надежды на то, что африканцы сумеют найти выход из тупика «иногда удобных, но часто уничижительных» отношений, которые связывают их с метрополией [1. С. 57], становится дата в дневнике Диегана, где он раз-

мышляет о судьбе франкоязычной африканской литературы. В романе, построенном на играх со временем, дата «15 июля» не может быть случайной. Для того чтобы обрести самих себя, африканцам надо перевернуть страницу, написанную учениками «школы заложников», которые с детства зубрили, что 14 июля – символ *Метрополи*. Новому поколению нужно *Завтра*, им надо смотреть в будущее, понимая, что там, на перекрестке, их будет ждать прошлое. Поэтому роман призывает авторов и читателей говорить о своей боли, выйдя из апории молчания Витгенштейна.

Ученик «школы заложников», Амаду Ампате Ба в «Странной судьбе Вангрена» вынужден был следовать логике гетеротопии, устойчивость которой во Франции А.К. Коллье объясняет принципом универсализма, являющимся фундаментом республиканской модели¹ [27. Р. 22]. Но Ба верил, что своим стремлением объяснить африканскую культуру в доступной для цивилизованного мира форме он сможет изменить ситуацию. Позиция писателя дала право Эдгару Санкара упрекнуть Ба в том, что он обращался к не африканцам, хотя им важно знать свое собственное прошлое [28. Р. 84]. Однако Ба понимал, что африканский опыт не передать в европейской форме, и позже, при создании автобиографического романа, попытался ввести в повествование множество разнообразных историй, которые были необходимы ему, чтобы рассказать о собственной жизни. Поскольку они непривычно фрагментировали хронотоп, французские издатели сочли эти истории излишними и подвергли их значительной цензуре [4. Р. 12].

Сарр, представляя поколение, родившееся после освобождения, обращается, в первую очередь, к африканцам и разрушает постколониальную бинарность, следуя логике контрапункта. Он сталкивает в повествовании западную литературную и устную африканскую традиции. Непочтительное обхождение с текстом, намеренно фрагментирующее хронотоп чередованием голосов и жанровых конвенций, может быть расценено как способ «ответить (*writing back*) метрополиейным культурам», о котором говорит Саид [10. С. 437]. Отвечая постмодернистской деконструкции целостности, деколониальная фрагментация лишь по форме нарушает связность повествования и затрудняет целостное восприятие текста, а по сути следует традиции устных африканских рассказчиков, которую описывает Ба в предисловии к

¹ Дебаты 2005 г. вокруг закона о положительном влиянии колонизации показывают, насколько сложно эта логика отступает перед философией деколониального поворота в бывшей метрополии. Коллье выделила три типа позиционирования французских исследователей в дискуссии по поводу формулировки закона, предписывающего подчеркивать в школьных программах позитивный характер французского присутствия на заморских (колонизированных) территориях [27. Р. 10]. Результатом постколониальной критики для одних должен стать отказ от картезианского универсализма эпохи Просвещения и открытость иным культурам; для других – солидаризация социально фрагментированного французского общества, в котором сохраняются практики дискриминации и расизма; для третьих – фрагментация и радикализация социальных отношений, угрожающие национальной и республиканской идентичности.

своей автобиографии, озаглавленном «Африканская память» [4. Р. 13]. Африканцев не заботит хронология событий в рассказе, поскольку прошлое каждый раз заново воспринимается как живой и одновременно вневременной опыт. С точки зрения западной рациональности, подчеркивает писатель, такое повествование воспринимается как хаос, который, однако, не только не беспокоит африканских слушателей, но является для них необходимым: «Мы движемся там легко, как рыбы в море, где молекулы воды смешиваются, образуя живое целое» [4. Р. 12]. Фрагментированное повествование не порождает ощущения хаотичной разобщенности у слушателей, воспитанных в традиции устного восприятия, умеющих хранить в памяти множество рассказов и способных восстановить целостное восприятие каждого, собирая его из отдельных фрагментов увиденного и услышанного¹.

Сарр, отказываясь от африканской экзотики и языковой диглоссии Ба, воплощает призыв Саида и Мбембе разрушать «европейские нарративы по поводу Востока и Африки», которые создавались и поддерживались постколониальными практиками, «новым более веселым или более мощным нарративным стилем», который позволит «субъекту расщепить свою идентичность и представлять в постоянно меняющемся облике; иными словами, постоянно находиться в процессе митоза» [10. С. 437; 30. С. 25]. Дробление текста становится в романе «ухищрением», которое позволяет, следуя логике Барта, не прибегая к насилию, разрушить культурные коды западного романа [16. С. 299–300], но сделать это по законам африканского рассказа.

Вопрос языка в романе не обсуждается, поскольку для деколониального романа характерна описанная Рей Чау ситуация ксенофонии, дополнительно дробящая его хронотоп на уровне языка. Ксенофония, согласно Чау, рождается из неоднородности языка колонизатора в речи того, кто говорит на нем как не на родном, даже если неукоснительно следует нормам метрополии [31. С. 63]. По сути ксенофония Чау отсылает к феномену гибридизации романного слова у Бахтина, но в ином геополитическом контексте. Цитируя интервью Сарра, С.В. Прожогина подчеркивает восприятие языка колонизатора новым поколением писателей: «Он <французский язык> был для колонизованных в их борьбе за независимость, как вражеский снаряд, оставшийся на поле боя. Было бы странным, если бы мы его не выбрали. Но он взорвался как наш ответ колонизаторам. Мы пишем на их языке, но про себя, про нашу историю, про нашу жизнь» [32. С. 167]. Поэтому следование языковым нормам не только не уничтожает, а наоборот подчеркнет неумолимость разломов, возникающих в деколониальном романе при

¹ Так же как африканцы, устный рассказ понимал Вальтер Беньямин, противопоставляя его роману. Он говорил о рассказе, который рождается из воспоминаний – сплетающихся, переплетающихся и образующих сеть, передающую живой опыт из поколения в поколение. Такое повествование всегда дает право на вопрос «А что было дальше?» и предполагает, что возможность его продолжить зависит от искусства рассказчика [29. С. 351–353].

столкновении различных культур: языка повествования, т.е. культуры метрополии, и полифонии неявно живущих в тексте отголосков культур повествуемого мира.

Таким образом, можно утверждать, что фрагментация хронотопа повествования укоренена в многовековой устной африканской традиции. Заимствуя жанр романа у колонизатора, постколониальный роман следовал его композиционным закономерностям и, оглядываясь на бывшую метрополию, сохранял бинарный хронотоп и линейную ось времени, в то время как деколониальный роман эти закономерности намеренно разрушает. Деколониальный роман в свою очередь колонизирует навязанный ему бывшей метрополией жанр благодаря тому, что встраивает в него режимы темпоральности, чуждые традиционному роману, но привычные для африканцев. Это означает, что западный и африканский читатель будут по-разному выстраивать свой ответ в диалоге с деколониальным хронотопом. Западнему читателю не обязательно делать ставку в игре с намеренно раздробленным текстом на множественное его прочтение, позволяющее собрать целостность ответного понимания. Линейное прочтение такого текста сохранит привычную для эпохи постмодерна эстетику повествовательного хаоса. Африканский читатель, привыкший к фрагментации повествования, привычным образом возьмет на себя бремя ответственности, возложенное на него автором, создавшим архитектуру множественных разломов. Для западного читателя, не привыкшего преодолевать такие разломы, множественное возвратное движение между эстетической позицией внаходимости и вживания и этической позицией ответного понимания увеличивает бремя его ответственности оставаться верным себе в диалоге с множественностью ценностных позиций. То, что западный читатель при линейном прочтении романа воспринимает как хаос, становится способом ответить жанровым ограничениям традиционного европейского романа благодаря включению в него повествовательных техник африканских рассказчиков.

Список источников

1. *Sapp M.M.* В тайниках памяти / пер. с фр. Н. Кулиш. М. : Синбад, 2023. 480 с.
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Собрание сочинений : В 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 340–516.
3. *Bâ A.H.* L'étrange destin de Wangrin. Paris : 10/18 (Domaine Étranger), 1973. 213 p.
4. *Bâ A.H.* Amkoullel, l'enfant peul. Paris : Actes Sud, 1992. 412 p.
5. *Adejunmobi M.* Disruptions of orality in the writings of Hampate Bâ // Research in African literatures. 2000. № 3. P. 27–36. doi: 10.1353/ral.2000.0069
6. *Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е.* (ред.) Африка: постколониальный дискурс. М. : Институт Африки РАН, 2020. 248 с.
7. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б.М. Скуратова. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. 320 с.
8. *Dussel E.* Pour un dialogue mondial entre traditions philosophiques // Cahiers des Amériques latines. 2009. № 62. P. 111–127.
9. *Ndlovu-Gatshehi S.J.* Le long tournant décolonial dans les études africaines. Défis de la réécriture de l'Afrique // Politique africaine. 2021. № 1. С. 449–472.

10. Сауд Э. Культура и империализм / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Владимир Даль, 2012. 735 с.

11. Grosfoguel R. Decolonizing Western Universalisms: Decolonial Pluriversalism from Aimé Césaire to the Zapatistas // Transmodernity. 2012. № 1. P. 88–103.

12. Mbembe A. Decolonizing knowledge and the question of the archive. URL: <http://wiser.wits.ac.za/system/files/Achille%20Mbembe%20-%20Decolonizing%20Knowledge%20and%20the%20Question%20of%20the%20Archive.pdf> (дата обращения 22.04.2024).

13. Mbembe A. Les nouvelles relations. Afrique–France : Relever ensemble les défis de demain. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/10/07/remise-de-la-contribution-du-professeur-achille-mbembe-au-president-de-la-republique> (дата обращения: 22.04.2024).

14. Nora P. Entre histoire et mémoire // Les lieux de mémoire, La République. Т. I. Paris : Gallimard, 1984. P. xv–xlii.

15. Бахтин М.М. Слово в романе // Собрание сочинений : В 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 9–179.

16. Барт П. S/Z / пер. с фр. Г.К. Косикова и В.П. Мурат. М. : Академический проект, 2009. 232 с.

17. Kermode F. The sense of an ending: Studies in the theory of fiction with a new epilogue. Oxford : Oxford University Press, 2000. 224 p.

18. Бахтин М.М. К философии поступка // Собрание сочинений : В 7 т. Т. 1. М. : Русские словари: Языки славянских культур, 2003. С. 7–68.

19. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Языки славянских культур, 2003. С. 69–264.

20. Kestelonot L. Amadou Hampâté Bâ: de l'initié peul à l'humaniste oecuménique // Études littéraires africaines. 2005. № 19. P. 15–20.

21. Зубко Г.В. Мистерия фульбе // Амаду Хампате Ба. Каидара. Инициатическая Мистерия / пер. с фр. К.Г. Мяло. М. : Беловодье, 2008. С. 138–173.

22. Klokov V. Noms propres et termes de parenté dans la tradition orale des Africains // Le français en Afrique. 1998. Т. 12. С. 163–176.

23. Давыдов А.В. Создание национально-ориентированных пособий по русскому языку как иностранному для африканских аудиторий: малийский опыт // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 3. С. 131–141. doi: 10.31132/2412-5717-2024-68-3-131-141

24. Найденова Н.С. Лингвостилистический анализ этноспецифического художественного текста. М. : Флинта: Наука, 2014. 344 с.

25. Ntsemou P. Préface // L'occultisme dans L'étrange destin de Wangrin d'Amadou Hampâté Bâ / ed. by M. Aly El-Hadj. Paris : L'Harmattan, 2017. P. 15–18.

26. Orban J.P. Livre culte, livre maudit: Histoire du Devoir de violence de Yambo Ouologuem. URL: <http://journals.openedition.org/coma/1189> (дата обращения: 22.04.2024); doi: 10.4000/coma.1189

27. Collier A.C. L'universalisme, un élément rhétorique dans la controverse postcoloniale // Lumières. 2019. № 2. P. 9–23. doi: 10.3917/lumi.034.0009

28. Sankara E. Rhétorique de l'exemple et réception chez Kesso Barry et Hampâté Bâ // Nouvelles Etudes francophones. 2010. № 2. С. 72–87.

29. Беньямин В. Рассказчик // Озарения. М. : Мартис, 2000. С. 345–365.

30. Мбембе А. Эстетика вульгарности / пер. с англ. А. Яковец // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 22–57.

31. Чау Р. Не как на родном языке. Использование языка как постколониальный опыт / пер. с англ. Д. Тимофеева // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 38–65.

32. Прожогина С.В. Дуальность Востока и Запада: взаимообусловленность и взаимодополнительность в зеркале литературы // Историческая психология и социология истории. 2022. № 1. С. 163–180. doi: 10.30884/ipsi/2022.01.09

References

1. Sarr, M.M. (2023) *V tainikakh pamyati* [The Most Secret Memory of Men]. Translated from French by N. Kulish. Moscow: Sinbad.
2. Bakhtin, M.M. (2012) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 340–516.
3. Bâ, A.H. (1973) *L'étrange destin de Wangrin*. Paris: 10/18 (Domaine Étranger).
4. Bâ, A.H. (1992) *Amkoullel, l'enfant peul*. Paris: Actes Sud.
5. Adejunmobi, M. (2000) Disruptions of orality in the writings of Hampate Bâ. *Research in African Literatures*. 3. pp. 27–36. doi: 10.1353/ral.2000.0069
6. Gavristova, T.M. & Khokholkova, N.E. (eds) (2020) *Afrika: postkolonial'nyy diskurs* [Africa: Postcolonial Discourse]. Moscow: Institute of African Studies RAS.
7. Foucault, M. (2006) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Translated from French by B.M. Skuratov. Part 3. Moscow: Praksis.
8. Dussel, E. (2009) Pour un dialogue mondial entre traditions philosophiques. *Cahiers des Amériques latines*. 62. pp. 111–127.
9. Ndlovu-Gatscheni, S.J. (2021) Le long tournant décolonial dans les études africaines. Défis de la réécriture de l'Afrique. *Politique africaine*. 1. pp. 449–472.
10. Said, E. (2012) *Kul'tura i imperializm* [Culture and Imperialism]. Translated from English by A.V. Govorunov. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
11. Grosfoguel, R. (2012) Decolonizing Western universalisms: decolonial pluriversalism from Aimé Césaire to the Zapatistas. *Transmodernity*. 1. pp. 88–103.
12. Mbembe, A. (2015) *Decolonizing knowledge and the question of the archive*. [Online] Available from: <http://wiser.wits.ac.za/system/files/Achille%20Mbembe%20-%20Decolonizing%20Knowledge%20and%20the%20Question%20of%20the%20Archive.pdf> (Accessed: 22.04.2024).
13. Mbembe, A. (2021) *Les nouvelles relations. Afrique–France: Relever ensemble les défis de demain*. [Online] Available from: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/10/07/remise-de-la-contribution-du-professeur-achille-mbembe-au-president-de-la-republique> (Accessed: 22.04.2024).
14. Nora, P. (1984) Entre histoire et mémoire. In: *Les lieux de mémoire, La République*. Vol. I. Paris: Gallimard. pp. xv–xlii.
15. Bakhtin, M.M. (2012) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 9–179.
16. Barthes, R. (2009) *S/Z*. Translated from French by G.K. Kosikova & V.P. Murat. Moscow: Akademičeskii proekt. (In Russian).
17. Kermode, F. (2000) *The Sense of an Ending: Studies in the Theory of Fiction with a New Epilogue*. Oxford: Oxford University Press.
18. Bakhtin, M.M. (2003) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari: yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 7–68.
19. Bakhtin, M.M. (2003) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari: yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 69–264.
20. Kesteloot, L. (2005) Amadou Hampâté Bâ: de l'initié peul à l'humaniste oecuménique. *Études littéraires africaines*. 19. pp. 15–20.
21. Zubko, G.V. (2008) Misteriya ful'be [Mystery of the Fulbe]. In: Bâ, A.H. *Kaydara. Initsiativnaya Misteriya* [Kaydara: The Mysterious Journey]. Translated from French by K.G. Mialo. Moscow: Belovodie. pp. 138–173.
22. Klovov, V. (1998) Noms propres et termes de parenté dans la tradition orale des Africains. *Le français en Afrique*. 12. pp. 163–176.
23. Davydov, A.V. (2024) Sozdanie natsional'no-orientirovannykh posobiy po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya afrikanskikh auditoriy: maliyskiy opyt [Creating nationally oriented Russian language textbooks for African audiences: Malian experience]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*. 3. pp. 131–141. doi: 10.31132/2412-5717-2024-68-3-131-141

24. Naydenova, N.S. (2014) *Lingvostilisticheskiy analiz etnospetsificheskogo khudozhestvennogo teksta* [Linguostylistic Analysis of Ethnically Specific Literary Text]. Moscow: Flinta: Nauka.

25. Ntsemou, P. (2017) Préface. In: Aly El-Hadj, M. (ed.) *L'occultisme dans L'étrange destin de Wangrin d'Amadou Hampâté Bâ*. Paris: L'Harmattan. pp. 15–18.

26. Orban, J.-P. (2018) Livre culte, livre maudit. *Histoire du Devoir de violence de Yambo Ouologuem*. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/coma/1189> (Accessed: 22.04.2024). doi: 10.4000/coma.1189

27. Collier, A.C. (2019) L'universalisme, un élément rhétorique dans la controverse postcoloniale. *Lumières*. 2. pp. 9–23. doi: 10.3917/lumi.034.0009

28. Sankara, E. (2010) Rhétorique de l'exemple et réception chez Kesso Barry et Hampâté Bâ. *Nouvelles Études francophones*. 2. pp. 72–87.

29. Benjamin, W. (2000) *Ozareniya* [Illuminations]. Translated from German. Moscow: Martis. pp. 345–365.

30. Mbembe, A. (2020) Estetika vul'garnosti [Aesthetics of Vulgarity]. Translated from English by A. Yakovets. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6. pp. 22–57.

31. Chow, R. (2020) Ne kak na rodnom yazyke. Ispol'zovanie yazyka kak postkolonial'nyy opyt [Not Like a native speaker: on languaging as a postcolonial experience]. Translated from English by D. Timofeev. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1. pp. 38–65.

32. Prozhzhina, S.V. (2022) Dual'nost' Vostoka i Zapada: vzaimobuslovlennost' i vzaimodopolnitel'nost' v zerkale literatury [Duality of East and West: interdependence and complementarity in the mirror of literature]. *Istoricheskaya psihologiya i sotsiologiya istorii*. 1. pp. 163–180. doi: 10.30884/ipsi/2022.01.09

Информация об авторе:

Шейпак С.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: sheypak_sa@pfur.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Sheypak, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sheypak_sa@pfur.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 11.01.2025;
approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

Научная статья
УДК 801.654
doi: 10.17223/19986645/98/15

Типология просодических структур белорусских переводов русской классической поэзии

Мария Якимова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, maria.yakimova219@gmail.com*

Аннотация. Рассмотрена проблема взаимодействия русской и белорусской систем метрической версификации XIX–XX вв. в контексте изучения стихотворных переводов. Представлены результаты проверки нескольких гипотез, касающихся причин формирования специфической традиции реализации ямбического тетраметра в белорусских переводах произведений А.С. Пушкина. Основной метод исследования – лингвостатистический анализ ритмообразующих компонентов текста.

Ключевые слова: «Евгений Онегин», Пушкин, четырехстопный ямб, белорусский язык, переводы, стиховедческий анализ

Благодарности: публикация подготовлена в рамках проекта «Сравнительное изучение метрического стихосложения на фоне языковой просодии: цифровая аналитическая платформа “Прозиметрон”», поддержанного Российским научным фондом (проект № 24-18-00913) в 2024 г.

Для цитирования: Якимова М. Типология просодических структур белорусских переводов русской классической поэзии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 265–290. doi: 10.17223/19986645/98/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/15

A typology of prosodic structures of Belarusian translations of Russian classical poetry

Mariya Yakimova¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
maria.yakimova219@gmail.com*

Abstract. The article examines the rhythmic features of translations of Russian classical poetry into Belarusian. The material of the study is translations of the following works: novel in verse "Eugene Onegin", poems "The Bronse Horseman", "The Gypsies", "Poltava", "The Prisoner of the Caucasus", "The Fountain of Bakhchisaray" by A.S. Pushkin. The rhythm of the translations is compared with that of the original, as well as with the rhythm of Russian and Belarusian traditions of iambic tetrameter from the corresponding periods, including the translators' own works. The

main aim of the study is to identify the reasons for the formation of rhythmic features in translations. For this purpose, several hypotheses were tested: 1) translators follow the rhythm of the original text; 2) translations are influenced by the Belarusian poetic tradition; 3) a specific rhythmic tradition emerges with peculiarities specific to translated literature from Russian into Belarusian. The primary research method employed is linguostatistical analysis of rhythm-forming elements of the text, conducted with the assistance of the contemporary computer system "Prosimetron". As a result, statistical data on the distribution of rhythmic structures and stress profiles were obtained. To assess the probability of the texts belonging to the same distribution, the statistical criterion of Pearson's chi-squared testis employed. The findings of this study have led to the following conclusions. The translation of "Eugene Onegin" by N. Arsenieva reflects two distinct traditions simultaneously. The first one is Belarusian, which is evident in the particular choice of vocabulary and the conscious effort to differentiate the text from the original Russian version. The second, that of Pushkin, exerts a considerable influence on the rhythm of the translation, with the stress profiles practically coinciding. In his translation of the poem "Poltava" Ya. Kolas is oriented toward the rhythm of Russian verse, whereas his original iambs are characterised by a different rhythmic structure. The translation of "The Prisoner of the Caucasus" by Khvedarovich do not exhibit sufficient rhythmic proximity to either Belarusian or Russian verse, unlike to his "The Fountain of Bakhchisaray". The rhythm of the translations of "Eugene Onegin" by A. Dudar and A. Kuleshov and "The Bronze Horseman" by Ya. Kupala has a unique character: apparently, Belarusian translators do not copy the rhythm of the Russian original, and their rhythm has no direct connection with the Belarusian tradition. The distinctive feature of these translations is manifested in the almost identical stress of the first two strong positions, that is exclusive to either the Russian or the Belarusian verse of research periods. It may be posited that the prosodic structure of Dudar's and Kuleshov's translations was influenced by Kupala, and that they either consciously or unconsciously followed the rhythm of his "The Bronze Horseman". Therewith, no such peculiarity was identified in Kupala's original work.

Keywords: A.S. Pushkin, iambic tetrameter, Belarusian language, poetic translation, linguostatistical analysis

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of a project supported by the Russian Science Foundation, No. 24-18-00913, in 2024.

For citation: Yakimova, M. (2025) A typology of prosodic structures of Belarusian translations of Russian classical poetry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 265–290. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/15

Переводы с русского на белорусский язык стали активно появляться в 30-е гг. XX в. Это связано с деятельностью Всебелорусской пушкинской комиссии, которая занималась подготовкой сборника переводов избранных произведений А.С. Пушкина на белорусский язык к 100-летию со дня его смерти. Комиссия начала работать с 1935 г.: предполагалось перевести более 10 произведений Пушкина [1. С. 15].

Несмотря на то, что все переложения создавались в рамках работы Всебелорусской пушкинской комиссии, не все вышли в составе сборника переводов избранных произведений поэта в 1937 г. «Евгений Онегин» был опубликован на русском языке, так как переводчик, Алесь Дударь, через несколько месяцев после сдачи текста в редакцию был расстрелян. Перевод в

срочном порядке поручили Янке Купале и Якубу Коласу, однако они отказались: работа Купалы над «своим» текстом была закончена лишь наполовину, а Колас был совсем далек от финала. Его перевод «Полтавы» полностью вышел лишь в 1938 г. Вообще, для обоих переводчиков работа с русским текстом была делом исключительным. Для Коласа в принципе перевод был занятием малоинтересным: в письме от февраля 1938 г. к российскому поэту и переводчику Сергею Городецкому он отмечал: «Я же переводами, как ты знаешь, занимаюсь мало. Опять будет летняя нагрузка» [2]. Купала, в свою очередь, до середины 1930-х гг. Пушкина никогда не переводил (и не будет переводить и после). В письме к российскому публицисту и издателю Льву Клейнбарту Купала писал: «То место, где он [Пушкин] где-то вспоминает о “черни”, мне очень не нравилось, оскорбляло. Разумеется, это выражение я поверхностно тогда понимал» [2]. Более родственной белорусскому переводчику была польская литература: «В польской литературе после упадка Польши больше выражалось стремления к политическому, а иногда и социальному освобождению, нежели, как мне казалось, в русской» [2]. Как заметно из этих отрывков из личной переписки Купалы, ему было не особенно близко творчество Пушкина в целом.

Новым переводчиком «Евгения Онегина» стал в итоге Аркадий Кулешов, переведивший в 1936 г. поэму «Цыганы». По словам самого Кулешова, он начал работать над переложением романа в стихах вскоре после ареста Дударя [3. С. 171]. Работу предполагалось закончить в скором времени, и в 1939 г. были даже напечатаны отрывки перевода шестой главы в газете «Полымя рэвалюцыі» [4]. Тем не менее начавшаяся война, отъезд Кулешова из Минска отложили появление «Онегина» по-белорусски. По возвращении в Минск переводчик обнаружил, что все его черновики сгорели. Работу пришлось начинать снова, и к 110-летию со дня смерти Пушкина переложение «Евгения Онегина» было опубликовано. Про первый перевод, выполненный Дударем, забыли на многие годы.

В 2017 г. была сделана удивительная находка: исследовательница творчества Дударя Анна Северинец нашла контакт его племянницы, у которой, как оказалось, была эта рукопись. Северинец опубликовала первый перевод «Онегина» вместе с остальными произведениями поэта. Кроме этих двух переложений романа в стихах существует еще один, создававшийся во второй половине XX в. Перевод был выполнен Натальей Арсеньевой, белорусской поэтессой и переводчицей, фрагменты из которого (всего 343 строки) были опубликованы в 2006 г. в журнале белорусской эмиграции в Нью-Йорке «Запісы БІНІМ» [5].

Переложения не только Пушкина, но и других русских классиков на белорусский язык привлекали внимание многих исследователей. Наряду с поэтикой, метафорикой, семантикой изучалась также и ритмика переводов. Так, Т.А. Земскова исследовала ритмику отдельных переложений в рамках русско-белорусского и, наоборот, белорусско-русского направления перевода. В ее работах были проанализированы отдельные фрагменты из «Евгения Онегина» (первые двенадцать строф из первой главы), привлекались

данные по «Медному всаднику» и «Полтаве» в качестве материала для изучения ритмики автопереводов Купалы и Коласа. Результаты были представлены в коллективной статье Т.А. Земсковой и Е.В. Казарцева «Становление и эволюция белорусского четырехстопного ямба». Комментируя ритмику переложений «Евгения Онегина», авторы отмечают, что «несмотря на высокую художественную точность обоих переводов, они обладают очень разной ритмикой: профиль ударности перевода А. Дударя – рамочный; профиль ударности перевода Кулешова – альтернирующий, он ближе к пушкинскому оригиналу, хотя и довольно заметно отличается от него за счет меньшей ударности первого сильного места и большей – третьего» [6. С. 55].

Анализ ритмических особенностей переложений романа в стихах на материале первых четырех глав был представлен в нашем исследовании «Ритмика и строфика белорусских переводов “Евгения Онегина”» [7], а затем расширен до анализа всех восьми глав в другой работе «Ритмика белорусских переводов русской классической поэзии на материале образцов четырехстопного ямба» [8]. Результаты анализа ритмики переводов «Евгения Онегина» оказались иными, чем у предыдущих исследователей. Ритмические рисунки белорусских переложений обладают одной особенностью, которая выражается в практически одинаковой ударности первых двух иктов, что не свойственно ни русской, ни белорусской традиции четырехстопного ямба. Исследование показало, что «ранние переводы романа в стихах не испытали влияние белорусской стихотворной традиции, они также далеки от данных языковой модели и собственных произведений переводчиков. Одна из возможных причин этого феномена заключается в том, что переводчики могли ориентироваться на ритмику перевода поэмы «Медный всадник», выполненного Купалой, поскольку переводы имеют схожие ритмические особенности» [8. С. 40].

Неизученным осталось оригинальное творчество Купалы, в связи с чем выдвигается предположение о влиянии ритмики оригинальных ямбов этого поэта на его переводы. Кроме этого, подробно не была проанализирована ритмика и других переложений, созданных в рамках работы Всебелорусской пушкинской комиссии. Учитывая результаты предыдущих исследований, предполагается, что переводчики следуют за различными ритмическими тенденциями: в первом случае выражена ориентация на ритмику оригинального стиха, во втором – белорусского ямба, в третьем – ритмика имеет уникальный характер.

Главной задачей работы является анализ ритмики переводов и определение источника их ритмических особенностей. Проверяются следующие предположения: 1) ритмика переводов сближается с оригинальной; 2) переложения испытывают влияние белорусского стиха, в особенности собственных произведений переводчиков; 3) в части переводов обнаруживаются уникальные ритмические особенности, не свойственные ни русской, ни белорусской традиции четырехстопного ямба исследуемых периодов.

Материалом исследования являются следующие произведения А.С. Пушкина: роман «Евгений Онегин» в переводе А. Дударя [9. С. 19–175] и А. Кулешова [9. С. 19–175], поэмы «Медный всадник» Я. Купалы [10.

С. 208–220], «Полтава» Я. Коласа [11], «Бахчисарайский фонтан» [12] и «Кавказский пленник» М. Хведаровича [13], «Цыганы» Кулешова [14].

Общий корпус переводных текстов составил 23 394 строки из переводов Пушкина¹. Количество строк в некоторых переводах оказалось больше или меньше по сравнению с оригинальным текстом, что объясняется или отсутствием некоторых частей строф или нескольких целых строф подряд (как в случае с переводом Дударя), или наличием строк иного размера, или присутствием «лишних» строк, добавленных переводчиком по собственному желанию.

Ритмика переводов анализируется в сравнении с оригинальной и на фоне белорусского стиха. В сопоставительный анализ включены оригинальные произведения переводчиков: были составлены корпуса оригинальных ямбов Дударя², Кулешова³, Коласа⁴, Купалы⁵, Хведаровича⁶ общим объемом в 14695 строк⁷. Кроме этого, ритмика переложений рассматривается на фоне развития белорусского четырехстопного ямба, насколько переводы далеки или, наоборот, близки белорусской стихотворной традиции. Усредненные профили ударности по разным текстам разных авторов, написанных в период с начала XX в. по начало 1940-х и период с 1940-х по конец XX в., были составлены Т.А. Земсковой [6. С. 51–60; 16. С. 27–30].

Основными методами исследования являются лингвостатистический анализ ритмообразующих компонентов текста и критерий согласия Пирсона, или χ^2 . Лингвостатистический анализ был осуществлен при помощи современной компьютерной системы «Прозиметрон» (ПМ), которая позволяет получить статистические данные, в частности, о частоте форм четырехстопного ямба в тексте и профилей ударности на основе специально сделанной разметки, правила которой были предложены Е.В. Казарцевым [17]. Платформа ПМ разрабатывается в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом (РНФ)⁸, и использует предыдущие разработки, так называемую систему СИППТ (система исследования просодических параметров текста), создание которой также финансировалось РНФ⁹. На базе ПМ был компьютеризирован аналитический аппарат, разработанный отечественными и иностранными стиховедами в XX в., который получил международное признание как «русский»

¹ Профили ударности и распределение ритмических форм см. в табл. 1 приложения. Данные по переводам поэм «Медный всадник» и «Полтава» взяты из работы Т.А. Земсковой [15].

² Данные были получены ранее [8. С. 44–48].

³ Данные были получены ранее [8. С. 44–48].

⁴ Профили ударности и распределение ритмических форм см. в табл. 2 приложения.

⁵ Профили ударности и распределение ритмических форм см. в табл. 3 приложения.

⁶ Профили ударности и распределение ритмических форм см. в табл. 4 приложения.

⁷ Данные по текстам Коласа «Новая зямля», «Рыбакова хата», «На шляхах волі» взяты из работы Т.А. Земсковой [16].

⁸ Проект «Сравнительное изучение метрического стихосложения на фоне языковой просодии: цифровая аналитическая платформа “Прозиметрон”», № 24-18-00913.

⁹ Проект «Современные модели поэтики: реконструктивный подход», № 16-18-10250.

лингвостатистический метод¹. Система предназначена для сравнительного анализа метрически организованной речи на разных языках на фоне языковой просодии. В настоящий момент она может обрабатывать поэтические и прозаические тексты на 11 языках: английском, белорусском, древнегреческом, немецком, нидерландском, польском, русском, украинском, французском, чешском, шведском. На базе ПМ были разработаны алгоритмы аннотирования, автоматической загрузки текстов и их статистической обработки, применены алгоритмы для автоматического построения языковых и речевых моделей метрического стиха. Кроме аналитической платформы, система представляет собой еще и корпус текстов, который в 2024 г. расширился до 2 255 000 ритмических слов. Платформу ПМ широко применяют в своих исследованиях стиховеды из разных стран², а ее основные принципы работы были детально описаны в статье «A New Electronic System for Comparative Analysis of Verse and Prose» [18].

Второй метод, критерий согласия Пирсона, используется для определения принадлежности текстов к одной генеральной совокупности (что указывает на неслучайный характер статистических совпадений). Этот метод был опробован во многих стиховедческих исследованиях, например, в работах Е.В. Казарцева [19] и М.А. Красноперовой [20]. В качестве сопоставляемых значений используются абсолютные величины ритмических форм в паре текстов. Пороговое значение *p-value* (показателя, указывающего на принадлежность текстов к одной генеральной совокупности) было выбрано в 30% на основе вышеупомянутых работ Е.В. Казарцева и М.А. Красноперовой.

Результаты ранее проведенного исследования ритмики переложений «Евгения Онегина», выполненных Дударем и Кулешовым, дают основания полагать, что просодическая структура данных переводов имеет типологическое сходство. Оно проявляется в практически равной частоте реализации первых двух иктов. Оригинальный ямб отличается выраженной альтернативой – частота ударности первого сильного места ниже второго, а третий икт наименее ударный. Если в переложениях Дударь и Кулешов далеки от пушкинской ритмики, то Арсеньевой, напротив, оказалась близка (графики 1, 2³).

¹ Система приемов обработки и анализа стихового и языкового материала, используемая в лингвостатистическом стиховедении, получила название «русский метод» (термин был впервые введен американским славистом Джеймсом Бейли), поскольку сформировалась в отечественной практике и до недавнего времени применялась преимущественно при изучении русского и славянского стиха. Использование «Прозиметрона» сделало возможным широкое применение метода к 11 языкам, включая основные европейские. У истоков русского метода стояли А. Белый, Г. Шенгели, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский.

² В настоящий момент система доступна только для авторизованных пользователей, сторонние заинтересованные лица могут обратиться по контактными данными на странице платформы «Prosimetron Corpus» для запроса доступа.

³ Графики 3, 4, 6–11 вынесены в приложение.

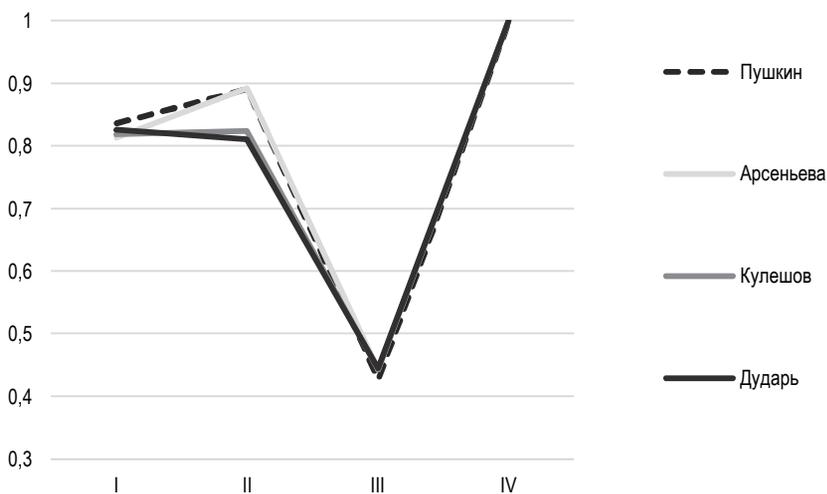

График 1. «Евгений Онегин» и переводы на белорусский язык (профили ударности)

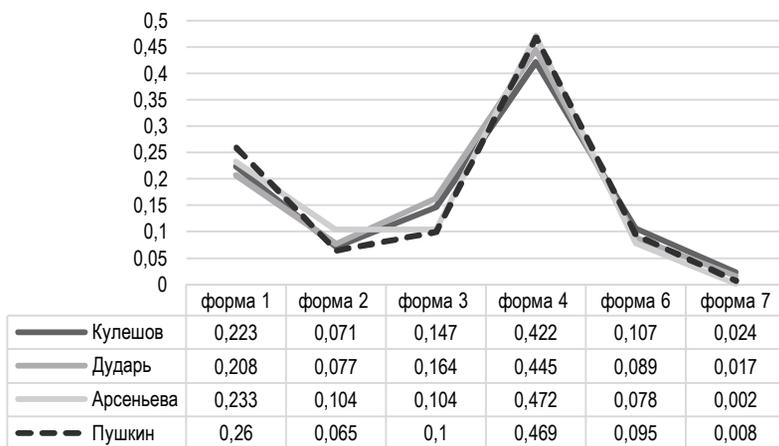

График 2. Распределение ритмических форм «Евгения Онегина» и переводов на белорусский язык

Переводы Дударя и Кулешова обладают нетипичной для оригинала ритмической структурой – важным отличием является практически одинаковая ударность первых двух иктов. Напротив, перевод Арсеньевой ритмически близок оригиналу и характеризуется высокой альтернативой, в то время как в более ранних переводах наблюдается существенное уменьшение ударности второго икта.

Применение критерия χ^2 показало, что статистические совпадения перевода Арсеньевой и оригинального текста имеют неслучайный характер, так как вероятность составила 36,326%. Для двух других переложений показатель оказался меньше единицы. Полученные результаты подтверждают наблюдение, основанное на сопоставлении ритмических рисунков и частот использования ритмических форм. Сходство ритмики с пушкинским текстом обнаруживается только у Арсеньевой, ритмика двух других переводов имеет уникальный характер.

Примечательно, что ориентация на Пушкина проявилась в переложении Арсеньевой только на уровне ритмики. Как отмечают исследователи, «от известных переводов А. Кулешова и – теперь – А. Дударя перевод Н. Арсеньевой отличается в первую очередь лексикой. Она старается избегать русизмов, зато не избегает разговорной лексики, отступлений от языковых норм, полонизмов» [21. С. 362]. Переводчица достаточно вольно обращается с оригиналом, часто отступает от текста. Например, характеристику Владимира Ленского (VI строфа второй главы) Арсеньева переводит так: «Прыгожы, быццам макаў цвёт...», в то время как в оригинале она звучит иначе: «Красавец, в полном цвете лет...». В рукописи Дударя этот фрагмент отсутствует, а Кулешов переводит строку достаточно близко к тексту: «У росквіце юнацкіх лет...». Несмотря на небольшой объем опубликованного фрагмента из перевода поэтессы, подобных примеров можно найти достаточно, где Арсеньева использует не пушкинские сравнения и метафоры, а изобретает собственные.

Наличие двух различных традиций – русской и белорусской – может быть связано с двойственной культурной средой, в которой выросла Арсеньева. Переводчица практически все детство и юность провела в Вильнюсе. Она окончила Виленскую белорусскую гимназию, организованную Иваном Луцкевичем – активным деятелем Белорусского национального движения, где преподавали известные белорусские писатели и также активные участники движения. Как отмечала сама Арсеньева, «по-правде, белорусской поэтессой я стала осенью 1920 года» (год поступления в гимназию) [22. С. 465]. Далее поэтесса училась на гуманитарном факультете Вильнюсского университета и публиковалась в западнобелорусских газетах. При этом сам Вильнюс был местом пушкинского наследия: в этих краях было имение его сына, там был открыт Литературный музей имени А.С. Пушкина, а именем поэта названа Виленская русская гимназия, сохранившаяся и после революции. Примечательно, что Арсеньева по женской линии происходила из рода Лермонтовых. Таким образом, для переводчицы были близки и русская, прежде всего пушкинская традиция, и белорусская.

После Великой Отечественной войны Арсеньева эмигрировала в США, где работала в эмигрантском издании «Беларус», а также на радио «Свобода». Кроме этого, она также сотрудничала с Белорусским институтом науки и искусства в Нью-Йорке, где были опубликованы отрывки из ее переложения «Евгения Онегина» в 2006 г. Арсеньева принимала активное участие в политической жизни белорусской эмиграции до 1970–1980-х гг.

Возможно, с этим периодом жизни связана еще одна отличительная черта арсеньевского перевода – использование варианта белорусской орфографии, который называется «тарашкевица». После окончательного установления «наркомовки» (неофициальное название варианта орфографии, установленного в ходе реформы белорусского правописания 1933 г.) и репрессий в отношении белорусских литераторов белорусская эмиграция заняла принципиальную политическую позицию по использованию «тарашкевицы» и сохраняет её до сих пор. Однако характерные для варианта Тарашкевича языковые нормы были привычными для западных территорий Беларуси, где выросла Арсеньева. На этом основании не представляется возможным сделать однозначный вывод, было ли решение Арсеньевой использовать «тарашкевицу» политически мотивировано и (или) объяснялось западнобелорусским происхождением.

В свою очередь, ни у Дударя, ни у Кулешова, создававших переводы во второй половине 30-х, не было иного варианта, кроме как использовать официально принятый вариант орфографии и переводить, насколько это возможно, близко к оригиналу. Так, известны критические замечания в печати, касающиеся первых трех глав из перевода Дударя. Его критиковали за недостаточно удачный перевод некоторых мест [23. С. 7], отклонения от пушкинского текста [24. С. 5], а также искажение оригинальной мысли, поэтическую и языковую небрежность [25. С. 15].

Тем не менее, как показали результаты исследования, переводчики далеки от русской традиции. Неожиданным результатом стала также их отдаленность от просодии белорусского четырехстопного ямба: переводчики не ориентируются ни на собственные тексты, ни на белорусскую традицию в целом (см. графики 3, 4).

Профили ударности оригинальных ямбов Дударя и белорусского стиха выражено альтернирующие, при этом в его произведениях ударность стиха снижена по сравнению с белорусским четырехстопным ямбом второго периода. Ритмика перевода значительно отличается: в сравнении с оригинальными ямбами Дударя снижена частота реализации второго икта, хотя ударность первого и третьего сильных мест практически одинакова. Тем не менее это позволяет заключить о разном подходе переводчика к созданию оригинальных текстов и переводу.

Профили ударности оригинальных ямбов Кулешова и белорусского стиха выражено рамочные. Полноударность в стихотворениях Кулешова снижена по сравнению с белорусским четырехстопным ямбом этого периода, что отражается и на графике: профиль ударности его оригинальных ямбов находится ниже по оси координат. Ритмика перевода Кулешова, как и Дударя, значительно отличается от белорусского стиха: ритмический рисунок характеризуется практически равноударностью первого и второго сильных мест. Сходства обнаруживаются только в частоте реализации первого икта. Из этого следует, что Кулешов различал ритмически перевод русского текста и собственные произведения. При этом отмечалось, что «ритмика

“Евгения Онегина” могла повліяти на некоторые стихотворения (“Даўно закончыліся спрэчкі”, “Перад падарожжам”, “Колас”), написанные во второй половине XX в., поскольку они характеризуются наличием общей тенденции – стремлением к уравниванию ударности первых двух иктов» [8. С. 23].

Следовательно, на ритмику переводов «Евгения Онегина» Дударя и Кулешова не оказала влияния белорусская традиция, в том числе их оригинальное творчество. Однако в случае с Кулешовым обнаружилось влияние ритмики пушкинского переложения на его последующие оригинальные произведения.

Ритмическая особенность переводов Дударя и Кулешова была обнаружена в другом переложении пушкинского текста. Ритмика «Медного всадника» Купалы также характеризуется равноударностью первых двух сильных мест. Переводчики были знакомы с работами друг друга, фрагменты их переводов публиковались в прессе и рецензировались. Кроме этого, Купала возглавлял Всебелорусскую пушкинскую комиссию, входил в Союз писателей БССР, был авторитетной фигурой для молодых переводчиков. Известен и случай, когда Купала присутствовал на публичном чтении главы перевода «Евгения Онегина» и выразил свое одобрение Дударю. По воспоминаниям поэта Алеся Звонака, «Янка Купала слушал не шевельнувшись, не сказал ни одного слова, когда Алесь Дударь закончил читать, а молча подошел к нему и крепко обнял» [26. С. 82]. В результате предыдущих исследований мы пришли к выводу, что «ритмические особенности, присутствующие в “Медном всаднике” Купалы, Дударь мог учитывать при создании собственного перевода» [8. С. 31].

В 1935 г. Кулешову было поручено переводить поэму «Цыганы», а над переложением романа в стихах он начал работать, когда Дударя арестовали. Ритмика его переложений отличается друг от друга: «Значения ударности иктов в переводе поэмы довольно близки значениям усредненного рамочного профиля ударности произведений Кулешова 1940-х–1960-х» [8. С. 33]. Поскольку перевод «Цыган» создавался в 1935–1936 гг., есть основания считать, что «работа над переложением поэмы повлияла на ритмику дальнейших собственных произведений переводчика («Паведамленне ТАСС» «На паўмільярдным кіламетры»)» [8. С. 33]. Ранее уже упоминалось о влиянии ритмики «Евгения Онегина» в переводе Кулешова на некоторые его оригинальные ямбы. Следовательно, есть основания считать, что просодическая структура обоих переложений пушкинских текстов оказала частичное влияние на его собственную поэзию.

Перевод Кулешова «Евгения Онегина» вышел на 10 лет позже после того, как Дударь завершил работу над этим текстом. Тем не менее два переложения ритмически оказались близки. Есть основания полагать, что Кулешов мог ориентироваться на ритмику перевода как Дударя, так и Купалы. Переводчик также имел доступ к опубликованным в прессе отрывкам из перевода «Евгения Онегина», возможно, располагал какими-то черновиками или наработками Дударя, хотя машинопись в редакции после его ареста была уничтожена.

Неисследованной осталась оригинальная поэзия Купалы. Гипотеза заключается в том, что обнаруженная ритмическая особенность – практически одинаковая ударность первых двух иктов – встречается в оригинальных ямбах Купалы и именно через этот источник переносится на переложения. Исследовательский интерес представляют и другие переводы Пушкина, выполненные в рамках этого проекта. Предполагается, что в остальных текстах также могла обнаружиться эта ритмическая особенность.

Для анализа были выбраны тексты Купалы, написанные главным образом четырехстопным ямбом, при этом вкрапления других размеров не учитывались. Ритмическая структура текстов примерно одинаковая, поэтому был составлен усредненный профиль ударности (график 5).

Ритмический рисунок перевода Купалы значительно отличается от оригинала: частота реализации второго икта значительно ниже, а первого и третьего, наоборот, выше. Это приводит к снижению альтернации стиха, что не свойственно ни пушкинскому тексту, ни оригинальным ямбами самого переводчика.

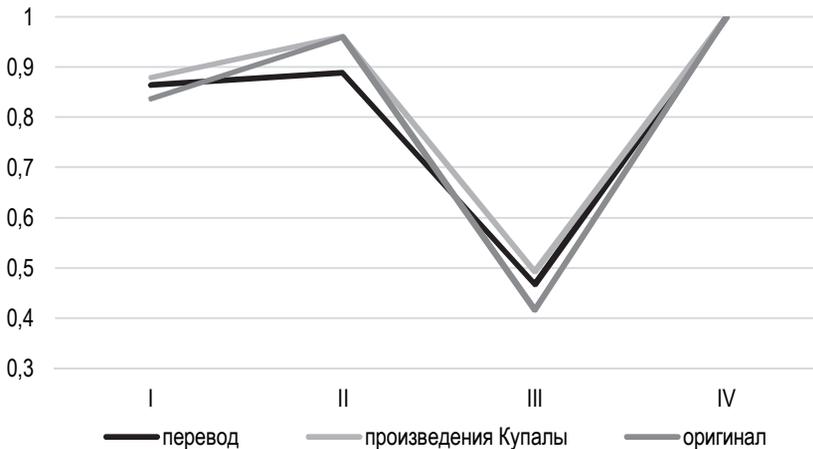

График 5. Усредненные профили ударности «Медного всадника» Купалы, его произведений и оригинального текста

Ритмика оригинальных произведений переводчика скорее соответствует тенденции развития белорусского четырехстопного ямба второго периода с высокой степенью реализации второго икта и относительно небольшой первого. Обнаруженная ритмическая особенность перевода в собственном творчестве не проявляется, что говорит о разных подходах Купалы к обоим типам текстов.

Результаты сравнительного анализа профилей ударности подтверждает и распределение ритмических форм (график 6). Примечательно, что наибольший процент полноударных строк оказался в переводе – 32,9%, что выше, чем в оригинале, на 0,009. Разница незначительная, и тем не менее,

как известно, белорусский четырехстопный ямба в процессе эволюции оказался менее полноударным, чем русский [6. С. 66]. В переложении «Медного всадника» эта тенденция не сохраняется. В оригинальных произведениях переводчика процент первой формы оказывается меньше 30%, что, напротив, служит подтверждением этой особенности белорусского ямба. При наибольшем проценте полноударных строк, соответственно, меньше всего четвертой формы обнаружилось также в переводе. По частоте использования остальных форм не обнаружилось сходств между переводом и оригинальными произведениями Купалы, что подтверждает разный подход переводчика к этим типам текстов.

Вероятность принадлежности к одной генеральной совокупности как для перевода и подлинника, так и для переложения и оригинальных текстов оказалась практически равна нулю. Соответственно, ритмика перевода «Медного всадника» имеет уникальный характер, и Купала не ориентировался ни на подлинник, ни на оригинальные ямбы. Его перевод описывается совершенно иным рисунком и находится в рамках другой стихотворной традиции. Возможно, эта же ритмическая особенность встречается в других переводных текстах, созданных во время работы Всебелорусской пушкинской комиссии.

Один из переводчиков – членов комиссии, Микола Хведарович, работал над переложением двух пушкинских поэм – «Кавказского пленника» (1937 г.) и «Бахчисарайского фонтана» (1938 г.). Вскоре после завершения работы был арестован, а затем осужден за участие в сфабрикованном деле о «Союзе освобождения Беларуси». По этому делу в 1930 г. проходил как участник Дударь, также был обвинен Купала, который под угрозой ареста был вынужден написать признание на адрес партии. До ареста был членом Союза писателей Беларуси, ответственным секретарем журналов «Полымя рэвалюцыі», «Минск». Был членом литературных организаций «Молодняк» и БелАПП.

Из оригинальной поэзии Хведаровича были выбраны произведения, написанные преимущественно четырехстопным ямбом, вкрапления других размеров не принимались в расчет. Ритмическая структура текстов характеризуется выраженной альтернативой, поэтому был составлен усредненный профиль ударности, который рассматривается на фоне перевода «Кавказского пленника» и оригинального текста, а также белорусского четырехстопного ямба второго периода (график 7).

Все четыре ритмических рисунка характеризуются альтернирующим профилем ударности, однако наблюдаются определенные отличия в ритмике. В оригинале ударность первого икта оказывается немного выше, чем в переводе и собственных произведениях Хведаровича: разница составляет 0,01. Частота реализации второго икта оказывается наивысшей в произведениях Хведаровича: в сопоставлении с переводом ударность второй стопы оказывается выше на 0,042. Разница в ударности этого икта между переводом и оригиналом равна 0,022. Наименее ударен предпоследний икт в произведениях Хведаровича, наиболее – в оригинальном тексте. Самая низкая частота ударности первой стопы характерна для общей тенденции белорусского ямба второго периода, что влияет на более выраженную альтернативу.

Результаты сравнительного анализа профилей ударности подтверждает и распределение ритмических форм (график 8). Наибольший процент полноударных строк оказался в оригинальных произведениях Хведаровича – 33,7%, наименьший в переводе – 29,8%. Практически в равной степени используется четвертая форма в переводе и собственных текстах – разница составляет 0,002, в тексте Пушкина она встречается реже. Примерно равны частоты использования второй и третьей формы в переводе и в оригинале.

Применение критерия χ^2 показало, что статистические совпадения перевода и оригинала имеют, скорее всего, случайный характер, так как вероятность оказалась равна примерно 15%, что ниже порогового значения. Вероятность принадлежности к одной генеральной совокупности у перевода и оригинальных произведений Хведаровича оказалась крайне мала: 1,227%.

В отличие от «Кавказского пленника», ритмический рисунок «Бахчисарайского фонтана» Пушкина не имеет выраженной альтернации, наоборот, ударность первого икта оказывается выше, чем второго (график 9). Перевод практически повторяет пушкинскую ритмику: частота реализации первого сильного места оказывается выше на 0,018; второго – ниже на 0,024; третьего – выше на 0,015. Напротив, ориентация на ритмику белорусского стиха и собственных произведений не проявляется, так как стих перевода тяготеет к рамочному профилю ударности, а не альтернирующему.

Результаты сравнительного анализа профилей ударности подтверждает и распределение ритмических форм (график 10). Наибольший процент полноударных строк снова оказался в оригинальных произведениях Хведаровича – 33,7%, наименьший в переводе – 26,8%. В равной степени использована первая, вторая и четвертая формы в переводе и оригинале. По использованию третьей и шестой формы ближе оказываются перевод и произведения Хведаровича, хотя по сравнению с оригинальным текстом разница незначительна.

Результаты применения статистического критерия Пирсона показали, что есть ритмические сходства между переводом и оригиналом, так как значение вероятности принадлежности к одной генеральной совокупности превышает пороговое и составляет 63,230%. Однако нет оснований полагать, что обнаруживается неслучайный характер статистических совпадений перевода и оригинальных ямбов Хведаровича, так как вероятность оказалась практически равна нулю.

Таким образом, Хведарович при переводе пушкинских произведений действительно ориентируется на ритмику оригинала, особенно сближается ритмика переложения поэмы «Бахчисарайский фонтан» с пушкинским текстом. Напротив, его оригинальным ямбам свойствен иной ритмический рисунок, характеризующейся высокой альтернативой стиха, что сближает творчество Хведаровича с другими поэтическими текстами на белорусском языке 1930-х гг. Разница в ритмике собственных произведений и переводов – отличительная черта не только Хведаровича, но и других белорусских поэтов-переводчиков.

Еще один переводчик, принимавший активное участие в работе Всебелорусской пушкинской комиссии, – Якуб Колас. Как и Янка Купала, он играл важную роль в литературной и общественно-культурной жизни БССР.

Колас являлся вице-президентом Академии наук, занимал высокие должности в Союзе писателей БССР, получил звание народного поэта Беларуси. Его авторитет и хорошее к нему отношение партии давали ему возможность заступаться за многих обвиненных и арестованных коллег и друзей по цеху. Несмотря на заслуги Коласа, он, как и многие другие, попал под волну политических репрессий 1920–1930-х гг. Как и Купалу, Дударя, и многих других, его обвиняли в участии в «Союзе освобождения Беларуси». Колас так и не был арестован, однако, как отмечают исследователи, это негативно сказалось на его статусе писателя и на его творчестве. Колас стал практически узником большевистской системы и поэтому должен был соответствовать идеологическим требованиям, неохотно пропагандируя социалистический реализм [27. С. 303].

В это непростое время Колас работает над переводами, хотя, как уже было отмечено в начале статьи, он предпочитал заниматься оригинальным творчеством. В рамках работы Всебелорусской пушкинской комиссии Колас перевел поэму «Полтава». Ритмика переложения сопоставляется с оригинальным текстом, с его эпической поэмой «Новая зямля», опубликованной в 1923 г., и с его поздними произведениями (график 11).

Как перевод, так и оригинальные произведения Коласа оказываются ритмически близки оригиналу: всем текстам свойственна выраженная альтернатива. Наиболее альтернирующим оказался текст поэмы «Новая зямля», так как частота ударности первого и третьего сильных мест наименьшая, а второго – наивысшая. Частоты ударности иктов перевода и оригинала практически равны друг другу.

Применение критерия χ^2 показало, что вероятность принадлежности к одной генеральной совокупности перевода и оригинала оказалась немного ниже порогового значения – 20,962%, что, однако, не позволяет сделать однозначных выводов о случайном или неслучайном характере статистических совпадений. Тем не менее сопоставление профилей ударности может указывать на определенные ритмические сходства. Ритмических совпадений между переводом и оригинальными произведениями Коласа обнаружено не было, вероятность практически равна нулю. Следовательно, для переводчика существовала значимая разница между переложением с русского и собственным творчеством: влияния одного на другое обнаружено не было. Ориентация на ритмику оригинального текста в переводе может объясняться отношением Коласа к переводу в целом, который он находил малоинтересным занятием. Есть основания полагать, что следование за ритмикой подлинника в таком случае оказывается наиболее простым вариантом.

Подводя итог, подход переводчиков к ритмике оригинала был разным. Колас и Хведарович в целом придерживались ритмики подлинника, хотя их собственные стихи имеют иную ритмическую структуру по сравнению с переводами. В переложениях романа в стихах Дударя и Кулешова, как и в «Медном всаднике» Купалы, заметна общая ритмическая черта – равноударность первых двух иктов. Ритмика переводов оказала влияние на оригинальные ямбы переводчика только в случае с Кулешовым: некоторые его

стихотворения имеют такую же ритмическую структуру, что и его переложения «Цыган» и «Евгения Онегина».

Проведенное исследование выдвинутых во введении гипотез привело нас к следующим выводам. Перевод Арсеньевой «Евгения Онегина» занимает особое место благодаря своей уникальности: с одной стороны, обнаруживается влияние русской традиции, которая выражается в следовании за ритмикой оригинала. С другой стороны, ориентация на белорусскую традицию также присутствует, что проявляется в отдалении от подлинника на лексическом, семантическом уровнях, изобретении авторских метафор, а также использовании «тарашкевицы». Это может объясняться особой культурной средой в Вильнюсе, где выросла и училась Арсеньева.

Ритмика переводов Дударя и Кулешова «Евгения Онегина», по всей видимости, испытывает влияние переложения «Медного всадника», выполненного Купалой. Для переводчиков Купала был авторитетной фигурой, и поэтому они могли, скорее бессознательно, следовать за ритмикой этого перевода. Важно отметить, что обнаруженной ритмической особенности – равноударности первых двух иктов – не было выявлено в оригинальных ямбах Дударя и Купалы. Это также не свойственно белорусскому четырехстопному ямбу середины XX в. Кроме этого, в переписке Купала отмечал отсутствие большого интереса к произведениям Пушкина, ему была близка польская литература, что проявляется и на ритмическом уровне.

Кулешов, в отличие от Дударя, до «Евгения Онегина» имел опыт перевода – вначале он переводил поэму «Цыганы». Ритмический рисунок этого переложения схож с его некоторыми произведениями 1940–1960-х гг. и отличается от русского подлинника. На оригинальные ямбы переводчика того же периода оказывает влияние и перевод романа в стихах.

Переводы «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника», выполненные Хведаровичем, ритмически схожи с оригиналом, это также подтверждают результаты применения критерия согласия Пирсона. В то время как ритмика его оригинальных произведений отличается от его переводов и близка белорусскому ямбу в целом.

Переложение Коласа поэмы «Полтава» ритмически сходно с оригиналом, высокую вероятность принадлежности к одной генеральной совокупности показывает и применение критерия согласия Пирсона. Коласу, как и Купале, не был близок перевод с русского на белорусский. Кроме этого, как отмечают исследователи, репрессии в отношении как близких Коласа, так и его самого, негативно повлияли на его стиль и творчество. Есть основания полагать, что эти факторы могли найти отражение и в его ритмике: с одной стороны, в переводе прослеживается явная ориентация на русский подлинник, с другой – ритмика его оригинальных произведений имеет уникальный характер и остается неизменной на протяжении всей жизни. Колас, как и другие переводчики, по всей видимости, стремился провести черту между «государственным заказом» и собственной лирикой, что нашло отражение и на ритмическом уровне.

Ритмика четырехстопного ямба произведений А.С. Пушкина в переводах на белорусский язык

Название	Автор / переводчик	Год	Стопа				Ритмические формы							Кол-во строк
			I	II	III	IV	1	2	3	4	6	7		
Евгений Онегин	Пушкин	1830	0,837	0,891	0,427	1,000	0,260	0,065	0,100	0,469	0,095	0,008	5	239
Яўтэній Анегін	Кулешов	1947	0,846	0,838	0,459	1,000	0,252	0,065	0,140	0,434	0,086	0,018	5	239
Еўтэній Анегін	Дударь	1937	0,826	0,810	0,445	1,000	0,208	0,077	0,164	0,445	0,089	0,017	5	034
Аўтэній Анегін	Арсеньева	вт. пол. XX в.	0,813	0,892	0,443	1,000	0,233	0,104	0,104	0,472	0,078	0,002	343	
Полтава	Пушкин	1829	0,866	0,940	0,434	1,000	0,315	0,061	0,056	0,492	0,002	0,000	1	465
Палтава	Колас	1938	0,854	0,956	0,435	1,000	0,319	0,074	0,040	0,492	0,070	0,000	1	485
Медный всадник	Пушкин	1833	0,837	0,960	0,419	1,000	0,320	0,062	0,037	0,478	0,099	0,002	481	
Меды коннік	Купала	1937	0,864	0,888	0,468	1,000	0,329	0,049	0,090	0,423	0,086	0,021	465	
Кавказскі пленнік	Пушкин	1820–1821	0,888	0,918	0,466	1,000	0,328	0,059	0,079	0,478	0,053	0,000	734	
Каўказкі нявольнік	Хведаровіч	1937	0,878	0,940	0,429	1,000	0,298	0,074	0,055	0,520	0,046	0,004	734	
Бахчисарайскі фантан	Пушкин	1824	0,891	0,887	0,423	1,000	0,273	0,041	0,108	0,505	0,067	0,003	578	
Бахчысарайскі фантан	Хведаровіч	1937	0,909	0,863	0,438	1,000	0,268	0,040	0,128	0,505	0,049	0,007	566	

Таблица 2

Ритмика четырехстопного ямба произведений Коласа

Название	Год(ы)	Стопа				Ритмические формы							Кол-во строк
		I	II	III	IV	1	2	3	4	6	7		
Ворагам	1916	0,875	1,000	0,666	1,000	0,583	0,083	0,000	0,291	0,041	0,000	0,000	24
Да працы	1917	0,916	1,000	0,666	1,000	0,583	0,083	0,000	0,333	0,000	0,000	0,000	12
Песньні зьмы	1916	0,937	1,000	0,187	1,000	0,187	0,000	0,000	0,750	0,062	0,000	0,000	16
На шляхах волі. Уступ	1926– 1956	0,944	1,000	0,611	1,000	0,611	0,000	0,000	0,333	0,055	0,000	0,000	18
Рыбакова хага. Раздзел I–III, XXIV	1940	0,876	0,981	0,414	1,000	0,340	0,059	0,011	0,519	0,061	0,000	0,000	1172
Средние значения		0,909	0,996	0,508	1,000	0,460	0,045	0,002	0,445	0,043	0,000	0,000	1 242
Всего													

Таблица 3

Ритмика четырехстопного ямба произведений Купалы

Название	Год(ы)	Стопа				Ритмические формы							Кол-во строк
		I	II	III	IV	1	2	3	4	6	7		
Магла льва. Паэма	1913	0,819	0,954	0,418	1,000	0,281	0,096	0,040	0,492	0,084	0,000	0,000	416
Мая вера	1918	0,850	0,900	0,350	1,000	0,150	0,100	0,100	0,600	0,050	0,000	0,000	20
Прарок	1912	0,930	1,000	0,500	1,000	0,472	0,027	0,000	0,458	0,041	0,000	0,000	72
I прыйдзе	1926	0,843	0,968	0,375	1,000	0,281	0,062	0,031	0,531	0,093	0,000	0,000	32
Мужык	1905	0,885	0,914	0,628	1,000	0,485	0,085	0,057	0,314	0,028	0,028	0,000	35
Каму вас, песні	1905– 1907	0,795	0,977	0,386	1,000	0,318	0,045	0,022	0,454	0,159	0,000	0,000	44
Там	1906	0,916	1,000	0,562	1,000	0,562	0,000	0,000	0,354	0,083	0,000	0,000	48
Ворагам Беларушчыны	1907	0,850	0,950	0,450	1,000	0,275	0,125	0,050	0,525	0,025	0,000	0,000	40
На куццо	1911	0,859	0,968	0,463	1,000	0,359	0,072	0,031	0,468	0,067	0,000	0,000	192

1908–1910	1,000	1,000	1,000	0,900	1,000	1,000	0,900	0,000	0,000	0,000	0,100	0,000	0,000	20
1908–1910	0,950	1,000	1,000	0,250	1,000	1,000	0,200	0,050	0,000	0,000	0,750	0,000	0,000	20
1909	0,850	0,975	1,000	0,400	1,000	1,000	0,275	0,100	0,025	0,000	0,550	0,050	0,000	40
1910	1,000	1,000	1,000	0,500	1,000	1,000	0,500	0,000	0,000	0,000	0,500	0,000	0,000	16
1911	0,950	0,900	1,000	0,500	1,000	1,000	0,400	0,000	0,100	0,100	0,450	0,050	0,000	20
1911	0,900	1,000	1,000	0,650	1,000	1,000	0,550	0,100	0,000	0,000	0,350	0,000	0,000	20
1914	0,666	1,000	1,000	0,416	1,000	1,000	0,166	0,250	0,000	0,000	0,500	0,083	0,000	12
1914	1,000	0,875	1,000	0,375	1,000	1,000	0,250	0,000	0,125	0,000	0,625	0,000	0,000	16
1915	0,863	0,954	1,000	0,545	1,000	1,000	0,431	0,068	0,045	0,000	0,386	0,068	0,000	44
1918	0,769	0,923	1,000	0,576	1,000	1,000	0,384	0,115	0,076	0,000	0,307	0,115	0,000	26
1919	0,950	1,000	1,000	0,600	1,000	1,000	0,550	0,050	0,000	0,000	0,400	0,000	0,000	20
1919	0,888	0,944	1,000	0,777	1,000	1,000	0,666	0,055	0,055	0,000	0,166	0,055	0,000	18
1923	0,958	1,000	1,000	0,458	1,000	1,000	0,416	0,041	0,000	0,000	0,541	0,000	0,000	24
1926	0,823	0,970	1,000	0,470	1,000	1,000	0,323	0,132	0,014	0,014	0,470	0,044	0,000	68
1926	0,937	0,937	1,000	0,562	1,000	1,000	0,479	0,020	0,062	0,062	0,395	0,041	0,000	48
1937	0,802	0,916	1,000	0,458	1,000	1,000	0,302	0,093	0,062	0,062	0,416	0,104	0,020	96
1942	0,854	0,937	1,000	0,375	1,000	1,000	0,250	0,062	0,062	0,062	0,541	0,083	0,000	48
1912	0,833	0,979	1,000	0,416	1,000	1,000	0,312	0,083	0,020	0,020	0,500	0,083	0,000	48
1908; 1913	0,871	0,967	1,000	0,433	1,000	1,000	0,343	0,062	0,027	0,027	0,495	0,065	0,005	367
1910	0,872	0,958	1,000	0,345	1,000	1,000	0,259	0,049	0,037	0,037	0,572	0,078	0,004	243
1934	0,793	0,931	1,000	0,310	1,000	1,000	0,206	0,034	0,068	0,068	0,517	0,172	0,000	29

Якимова М. Типологія просодических структур белорусских переводов

Міжнародны гімн («Інтэрнацыяналі» (З французскай – Эжэна Паісье)	1921	0,916	0,958	0,645	1,000	0,541	0,062	0,041	0,333	0,020	0,000	48
Родны дом (З польскай – М. Канапіцкай)	1909	0,958	1,000	0,708	1,000	0,708	0,000	0,000	0,250	0,041	0,000	24
Средние значения		0,880	0,961	0,494	1,000	0,394	0,064	0,036	0,447	0,056	0,002	2 214
Всего											2 214	

Таблица 4

Ритмика четырехстопного ямба произведений Хведаровича

Название	Год	Стопа				Ритмические формы							Кол-во строк
		I	II	III	IV	1	2	3	4	6	7		
Студзеньскі малюнак	1932	0,812	1,000	0,285	1,000	0,187	0,093	0,000	0,625	0,093	0,000	0,000	32
Бярозка	1932	0,875	1,000	0,375	1,000	0,312	0,062	0,000	0,562	0,062	0,000	0,000	16
Зіма	1937	1,000	1,000	0,416	1,000	0,416	0,000	0,000	0,583	0,000	0,000	0,000	24
У новым Мінску	1956	0,850	0,925	0,525	1,000	0,325	0,125	0,075	0,450	0,025	0,000	0,000	40
У час вятэрні	1956	0,838	0,951	0,451	1,000	0,354	0,048	0,048	0,435	0,112	0,000	0,000	62
Коўзанка	1961	0,850	1,000	0,400	1,000	0,350	0,050	0,000	0,500	0,100	0,000	0,000	20
Рэха	1961	0,916	1,000	0,416	1,000	0,416	0,000	0,000	0,500	0,000	0,000	0,000	12
Средние значения		0,877	0,982	0,409	1,000	0,337	0,054	0,017	0,522	0,056	0,000	0,000	206
Всего											206		

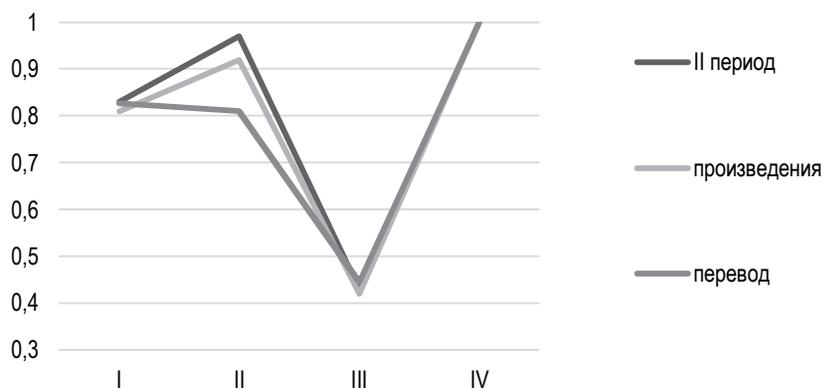

График 3. Переложение Дударя «Евгения Онегина» и его оригинальные произведения, а также второй период развития белорусского четырехстопного ямба (профили ударности)

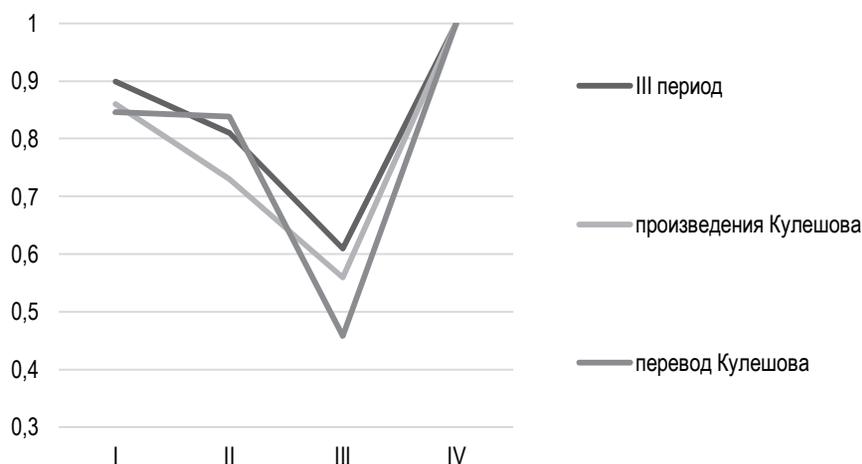

График 4. «Евгений Онегин» Кулешова и его оригинальные произведения, а также третий период развития белорусского четырехстопного ямба (профили ударности)

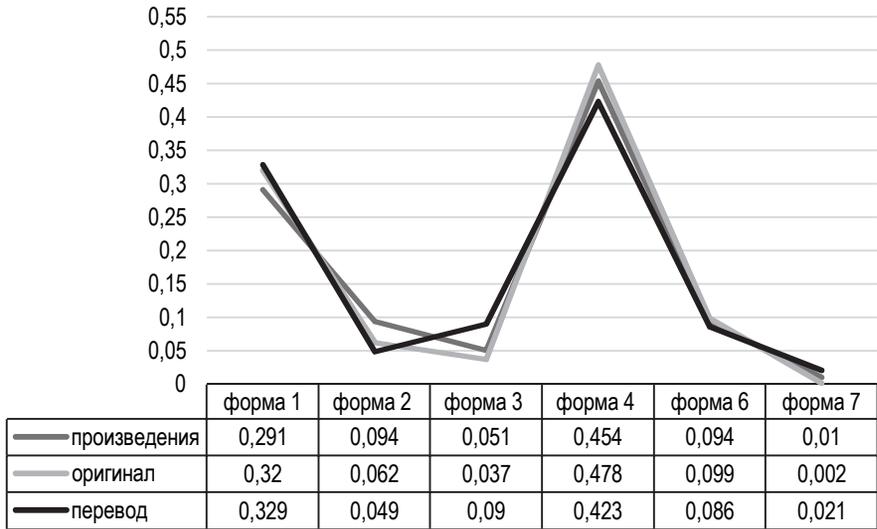

График 6. Распределение ритмических форм перевода, «Медного всадника» Пушкина и оригинальных произведений Купалы

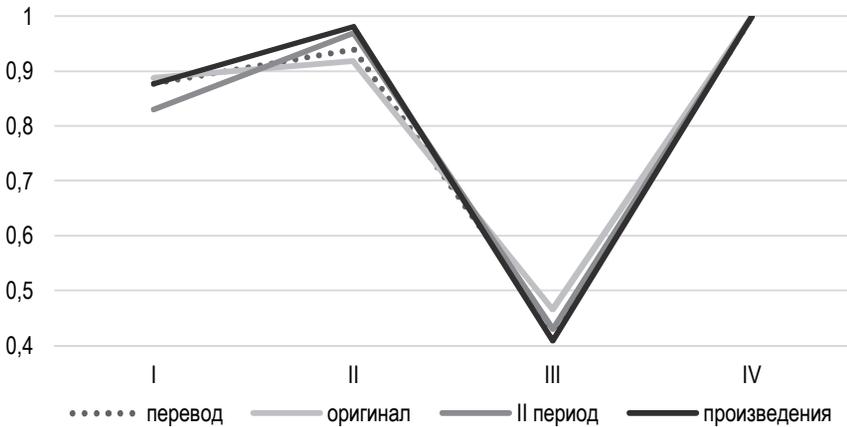

График 7. «Кавказский пленник» и перевод Хведаровича, его оригинальные произведения и белорусский четырехстопный ямб второго периода (профили ударности)

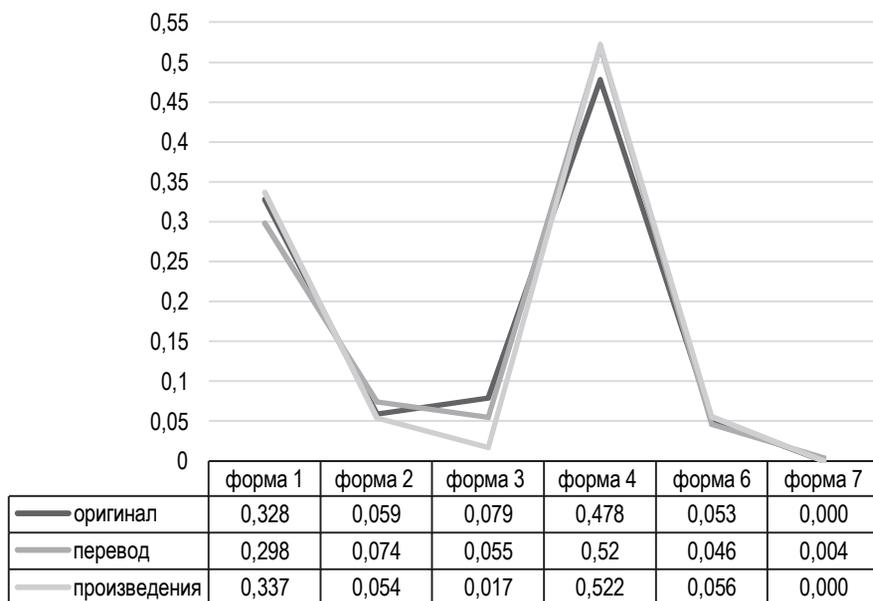

График 8. Распределение ритмических форм перевода, «Кавказского пленника» Пушкина и оригинальных произведений Хведаровича

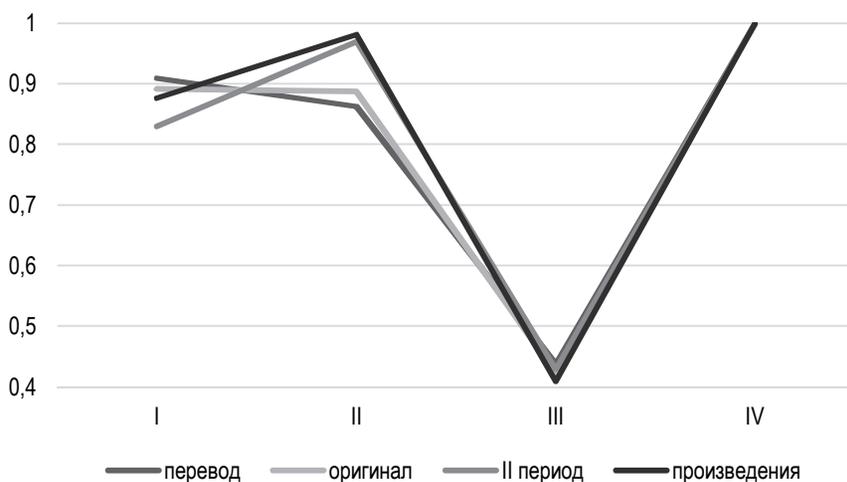

График 9. «Бахчисарайский фонтан» и перевод Хведаровича, его оригинальные произведения и второй период развития белорусского четырехстопного ямба (профили ударности)

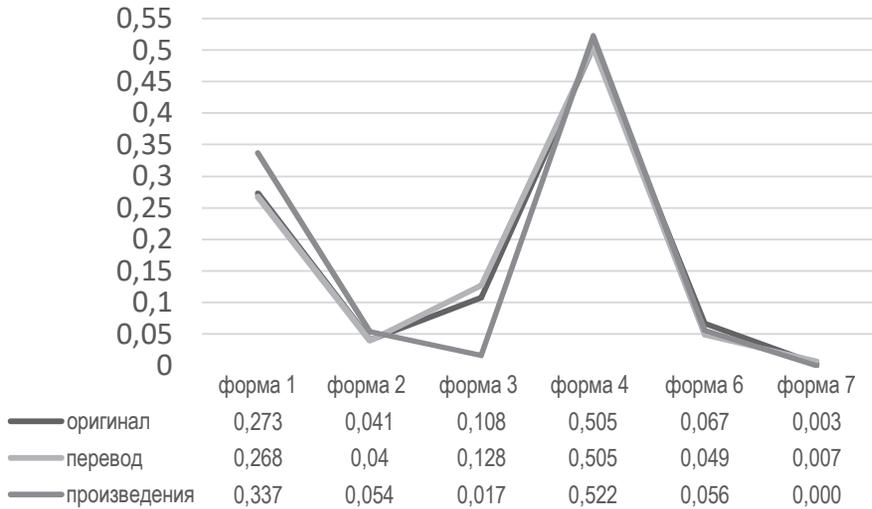

График 10. Распределение ритмических форм перевода, «Бахчисарайского фонтана» Пушкина и оригинальных произведений Хведаровича

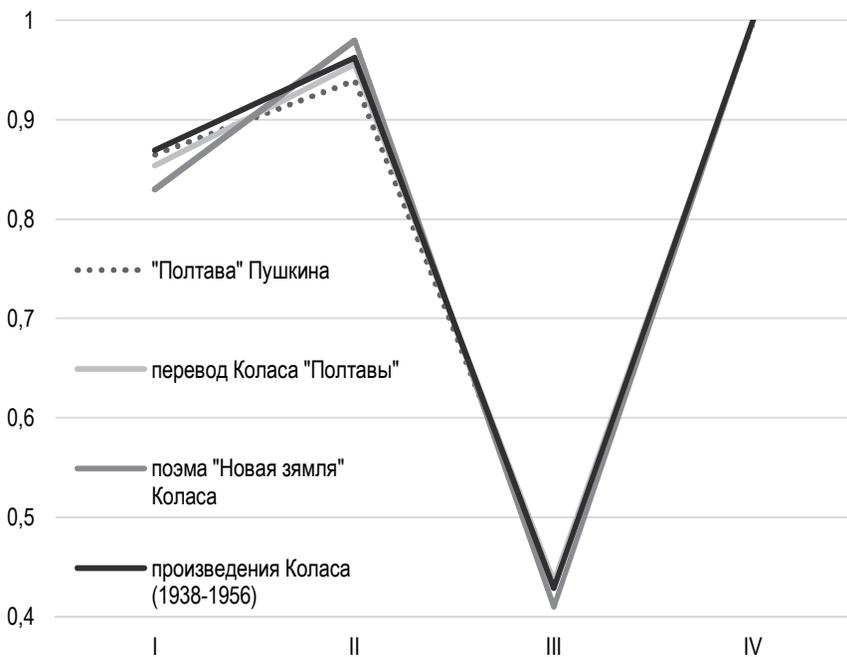

График 11. Усредненные профили ударности «Полтавы» Коласа, его поздних произведений, поэмы «Новая земля» и оригинального текста

В перспектыве прадполагаецца ісследваць рытмыку пераводаў другіх рускіх класічных паэтаў, напрыклад, М.Ю. Лермантова, Е.А. Баратынскага, Ф.І. Тютчева і др. Возможна, абнаружэнная рытмічная асабеннасць некаторых пушкінскіх переложэнняў – равноударнасць першых двух іктаў – сустракаецца і ў другіх пераходных тэкстах. Асабны інтарэс прадставяюць выпадкі, калі адзін пераходчык працаваў адразу з некалькімі рускімі аўтарамі, псколькі ўзможны сааершэнна разныя варыянты перадачы рытмічнага рысунка.

Спісок ісчннкаў

1. *Сеаарынец Г.К.* Прадмова // Тры «Анегіны» / укладанне, прадмова, каментары: Г.К. Сеаарынец. Мінск : Рэгістр, 2020. С. 4–18.

2. *Абрамовіч П.* Па слядах «Меднага коньніка». Янка Купала як вымушаны перакладчык Пушкіна. 2020. URL: <https://www.svaboda.org/a/30505853.html> (дата абрашчэння: 16.06.2024).

3. *Куляшоў А.А.* Рабаа над перакладам «Яўгенія Анегіна» // А.С. Пушкін і Беларусь. Мінск, 1999. С. 171.

4. *Куляшоў А.* Еўгені Анегін (урывак з шостаі главы) // Польша рэвалюцыі. 1939. № 5–6. С. 175–184.

5. *Пушкін А.* Аўген Анегін (Урыўкі) / пер. Н. Арсеньневай, падрыхт. для друку Л. Юрэвіча // Запісы БІНІМ (New York – Miensk). 2006. № 30. С. 274–287.

6. *Земскоа Т.А., Казарцев Е.В.* Становленне і эаолуцыя беларускага чатырхстопнага ямба // Russian Literature. 2022. V. 134. С. 51–71. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2022.08.004> (дата абрашчэння: 16.06.2024).

7. *Якімова М.* Рытмыка і строфіка беларускіх пераводаў «Еагенія Анегіна» // Квантатывная філалогія. 2022. № 1 (3). С. 105–121.

8. *Якімова М.* Рытмыка беларускіх пераводаў рускай класічнай паэзіі на маатеріале абразааў чатырхстопнага ямба : бакалаарская аапускная рабаа. М. : НІУ ВШЭ, 2023. 50 с.

9. Тры «Анегіны» / укладанне, прадмова, каментары: Г.К. Сеаарынец. Мінск : Рэгістр, 2020. 382 с.

10. *Купала Я.* Збор твораў. Т. 5: Паэмы. Мінск, 1954. С. 208–220.

11. *Пушкін А.С.* Палтааа / пер. Я. Коласа. Мн. : ДВБ. Маст. літ., 1938. 63 с.

12. *Пушкін А.С.* Бахчысарайскі фантаан / пер. М. Хведаравіч. Мінск : ДВБ. Мастацкая літаратура, 1937. 30 с.

13. *Пушкін А.С.* Каўказскі нявольнік / пер. М. Хведаравіч. Мн. : ДВБ. Мастацкая літаратура, 1937. 38 с.

14. *Пушкін А.С.* Цыганы / пер. А. Куляшоа. Мн. : ДВБ. Мастацкая літаратура, 1937. 36 с.

15. *Земскоа Т.А.* Русско-беларускі рытмічны трансфер: перааоды чатырхстопных ямбаа : магістерская дысертацыя. М. : НІУ ВШЭ, 2021. 47 с.

16. *Земскоа Т.А.* Генезіс і эаолуцыя беларускага ямба : бакалаарская аапускная рабаа. СПб. : НІУ ВШЭ, 2019. 71 с.

17. *Казарцев Е.В.* Рытмічнае прадставленне тэкста ў сраааніельных стыхааедческих ісследованиях // Russian Linguistics. 2018. № 42 (2). С. 271–287.

18. *Kazartsev E., Zemskova T.A.* New Electronic System for Comparative Analysis of Verse and Prose // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2021. № 20. Р. 378–384.

19. *Казарцев Е.В.* Реформа стыхаслааення М.В. Ломаносаа ў кантэкта эаолуцыі кантынентальнай сіллаба-тонікаі. СПб. : Акааемя ісследования культуры, 2020. 188 с.

20. *Красноўерова М.А.* Основы реконструктивного моделирования стихосложения: на материале ритмики рус. стиха. С.-Петербург. гос. ун-т. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 237 с.
21. *Жыбуль В.* Беларуская Анегініяна // Тры «Анегіны» / укладанне, прадмова, каментары: Г.К. Севярынец. Мінск : Регістр, 2020. С. 354–373.
22. *Арсеннева Н.* Аўтабіяграфічная нататка // Арсеннева Н. Выбраныя творы / уклад., камент. Л. Савік; Прадм. А. Сямёнавай. Мінск : Беларускі кнігазбор, 2002. С. 465.
23. *Рынейскі М.* И назовет меня всяк сущий в ней язык // Літаратура і Мастацтва, 1936. № 23. С. 7.
24. *Хатулёў П.* Супроць безадказных адносін да класікі // Літаратура і Мастацтва, 1936. № 25. С. 5.
25. *А.Б. Пра* пераклады твораў Пушкіна // Літаратура і Мастацтва. 1936. № 26.
26. *Званок А.* Жыве Купала ў маім сэрцы. Успаміны пра Янку Купалу. Мінск : Мастацкая літаратура, 1982.
27. *Мацюх М.Д., Мушыньскі М.І.* Колас Якуб // Беларускія пісьменнікі: Біябібліягр. слоўн : у 6 т. Т. 3 / пад рэд. А.В. Мальдзіса. Мінск, 1994. С. 299–304.

References

1. Sevyarynets, H.K. (2020) *Try "Anehiny"* [Three "Onegin"]. Minsk: Rehistr. pp. 4–18.
2. Abramovič, P. (2020) *Pa šliach "Mednaha kon'nika". Janka Kupala jak vymusany pierakładčyk Puškina* [On the Tracks of the Bronze Horseman. Yanka Kupala as a Forced Translator of Pushkin]. [Online] Available from: <https://www.svaboda.org/a/30505853.html> (Accessed: 16.06.2024).
3. Kuljašoŭ, A.A. (1999) *Rabota nad pierakładom "Jaŭhenija Anehina"* [Work on the translation of Eugene Onegin]. In: *A.S. Puškin i Bielaruś* [A.S. Pushkin and Belarus]. Minsk: [s.n.].
4. Kuljašoŭ, A. (1939) *Evhieni Anehin (uryŭak z šostaj hlavy)* [Eugene Onegin (Excerpt from the sixth chapter)]. *Polimja rjevalucyi*. 5-6. pp. 175–184.
5. Pushkin, A. (2006) *Avhien Anehin (Uryŭki)* [Eugene Onegin (Fragments)]. Translated from Russian by N. Arsiennieva. *Zapisy BINiM (New York – Miensk)*. 30. pp. 274–287.
6. Zemskova, T.A. & Kazartsev, E.V. (2022) *Stanovlenie i evolyutsiya belorusskogo chetyrehstopnogo yamba* [Formation and evolution of Belarusian iambic tetrameter]. *Russian Literature*. 134. pp. 51–71. doi: 10.1016/j.ruslit.2022.08.004
7. Yakimova, M. (2022) *Ritmika i strofika belorusskikh perevodov "Yevgeniya Onegina"* [Rhythmics and strophics of Belarusian translations of Eugene Onegin]. *Kvantitativnaya filologiya*. 1 (3). pp. 105–121.
8. Yakimova, M. (2023) *Ritmika belorusskikh perevodov russkoy klassicheskoj poezii na materiale obraztsov chetyrehstopnogo yamba* [Rhythmics of Belarusian translations of Russian classical poetry based on iambic tetrameter samples]. Bachelor's Thesis. Moscow.
9. Sevyarynets, H.K. (2020) *Try "Anehiny"* [Three "Onegin"]. Minsk: Rehistr.
10. Kupala, Ja. (1954) *Zbor tvorau* [Collected Works]. Vol. 5. Minsk: BSSR AS. pp. 208–220.
11. Pushkin, A.S. (1938) *Paltava* [Poltava]. Translated from Russian by Ja. Kolas. Minsk: DVB. Mastackaja litieratura.
12. Pushkin, A.S. (1937) *Bachčysarajski fantan* [The Fountain of Bakhchisarai]. Translated from Russian by M. Chvedaroŭvič. Minsk: DVB. Mastackaja litieratura.
13. Pushkin, A.S. (1937) *Kavkazski njaŭol'nik* [The Prisoner of the Caucasus]. Translated from Russian by M. Chvedaroŭvič. Minsk: DVB. Mastackaja litieratura.
14. Pushkin, A.S. (1937) *Cyhany* [The Gypsies]. Translated from Russian by A. Kuljašoŭ. Minsk: DVB. Mastackaja litieratura.
15. Zemskova, T.A. (2021) *Rusko-belorusskiy ritmicheskiy transfer: perevody chetyrehstopnykh yambov* [Russian-Belarusian rhythmic transfer: translations of iambic tetrameter]. Master's Thesis. Moscow.

16. Zemskova, T.A. (2019) *Genesis i evolyutsiya belorusskogo yamba* [Genesis and evolution of Belarusian iamb]. Bachelor's Thesis. Saint Petersburg.

17. Kazartsev, E.V. (2018) Ritmicheskoye predstavlenie teksta v sravnitel'nykh stikhovedcheskikh issledovaniyakh [Rhythmic representation of text in comparative versification studies]. *Russian Linguistics*. 42 (2). pp. 271–287.

18. Kazartsev, E. & Zemskova, T.A. (2021) New electronic system for comparative analysis of verse and prose. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 20. pp. 378–384.

19. Kazartsev, E.V. (2020) *Reforma stikhoslozheniia M.V. Lomonosova v kontekste evolyutsii kontinental'noy sillabo-toniki* [Lomonosov's Versification Reform in the Context of Continental Syllabo-Tonic Evolution]. Saint Petersburg: Akademiya issledovaniya kul'tury.

20. Krasnopyorova, M.A. (2000) *Osnovy rekonstruktivnogo modelirovaniya stikhoslozheniya: na materiale ritmiki russkogo stikha* [Fundamentals of Reconstructive Modeling of Versification: Based on Russian Verse Rhythmics]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

21. Žybul', V. (2020) Bielaruskaja Anehiniana [Belarusian Oneginiana]. In: Sevyarynets, H.K. (2020) *Try "Anehinu"* [Three "Onegin's"]. Minsk: Rehistr. pp. 354–373.

22. Arsen'nijeva, N. (2002) *Vybranyja tvory* [Selected Works]. Minsk: Bielaruski knihazbor. P. 465.

23. Ryneyskiy, M. (1936) I nazovet menya vsyak sushchiy v ney yazyk [And every language existing in it will call me]. *Litieratura i Mastactva*. 23. P. 7.

24. Hatuljoŭ, P. (1936) Suproč bezadkaznykh adnosin da klasiki [Against irresponsible attitude to classics]. *Litieratura i Mastactva*. 25. p. 5.

25. A.B. (1936) Pra pierakłady tvorau Puškina [On Translations of Pushkin's Works]. *Litieratura i Mastactva*. 26. p. 15.

26. Zvonak, A. (1982) *Zhyve Kupala u maim sertsy. Uspaminy pra Yanku Kupalu* [Kupala Lives in My Heart. Memories about Yanka Kupala]. Minsk: Mastatskaia literatura.

27. Macuch, M.D. & Mušynski, M.I. (1994) Kolas Jakub [Jakub Kolas]. In: Maldzis, A.V. (ed.) *Bielaruskii pis'mienniki: Bielaruski pis'mienniki: Biabiblijahrafičn. sloŭnik* [Belarusian Writers: Biobibliographical Dictionary]. Vol. 3. Minsk: Bielaruskaja encykłapiedyja imja Pietrusia Broŭki. pp. 299–304.

Информация об авторе:

Якимова М. – аспирант, стажер-исследователь школы филологических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: maria.yakimova219@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M. Yakimova, postgraduate student, intern researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria.yakimova219@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 18.10.2024;
approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 05.12.2025.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2025. № 98

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 05.12.2025 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 18,2; усл. печ. л. 23,7. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 6602.

Дата выхода в свет 28.01.2026 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru